

**КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА**

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Борис Солдатенко

АЛМЫН ДЛЯ МВДЫ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ВОЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Остросюжетный военный детектив
(печатается с сокращениями)

Борис СОЛДАТЕНКО

АЛИБИ для Иуды

Москва
2024

Солдатенко Б.Б.

«Алиби для Иуды». Остросюжетный военный детектив (печатается с сокращениями по роману «На переломе»). М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2024. – 182 с. (Современная военная проза: книжная серия ЦДРА).

Эта книга из серии военных приключений. В ней совсем немного войны. Она больше о жизни и службе. О том, почему в середине 90-х так произошло, что бандиты в стране оказались сильнее силовиков?

Сразу оговорюсь, это обычное художественное произведение. Так что не ищите знакомые фамилии. Любые совпадения лишь случайны. Все образы в книге специально сделаны собирательными, как и образ небольшого провинциального города Приозерска, где расположен военный гарнизон...

Автор книги полковник запаса Солдатенко Борис Борисович известный военный журналист и писатель. Человек, ветеран боевых действий, прошедший череду «горячих точек», кавалер ордена «За военные заслуги» и многих медалей.

Естественно, этот детектив никого не оставит равнодушным и еще раз возвратит читателя в трудные 90-е годы. Напомнив о тех непростых годах, когда некогда великая страна, пытаясь выжить, превратилась в одно мгновение в огромную барахолку. Где на продажу выставлялись не только еда и одежда, но и государственные награды, а порою даже ...честь и совесть.

Главный герой этого военного детектива – не сыщик и не прокурор. Это обычный офицер – майор пограничных войск ФСБ РФ Николай Большаков, возглавивший в это непростое время вновь созданный Межведомственный антитеррористический центр. Вместе с ним с преступностью бок о бок сражаются представители Министерства обороны и МВД.

14+

© Б.Б.Солдатенко

*Посвящается всем участникам
боевых действий –
настоящим патриотам России!*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БРАТЯ

Нелегкий выбор

... Часы пробили семь раз. Невольно показалось, что в комнате в одно мгновение стало темнее. Николай загасил окурок в пепельнице и подошел к окну.

Солнечный диск уже совсем скрылся за высокими домами Красной Пресни, и только его золотистый отблеск все еще по инерции висел в воздухе, как бы, из последних сил, цепляясь за уходящий закат. Свет потихоньку отступал, пусть очень нехотя, но все больше и больше сдавая свои позиции наступающей темноте. Там, вдалеке между домами, была видна пустая набережная Москвы-реки, и на другой стороне кусочек здания гостиницы «Украины».

Николай вернулся к столу и включил старую электрическую настольную «ленинскую» лампу с зеленым стеклянным абажуром. Наследство от отца, его гордость. И, к слову, единственное, что досталось ему в память после гибели родителей.

Он всегда гасил большой свет и зажигал в темноте эту лампу в своей комнате в особом случае - когда хотел серьезно подумать, проанализировать что-то. Ему очень нравился ее темно-зеленый бархатный свет, который мог давать только лишь этот необычный старый стеклянный абажур с железным серпом и молотом на ободке. Порой, даже казалось, что в такие минуты Николай был в комнате не один, и вот-вот могла открыться дверь и войти отец, с которым можно было бы посоветоваться...

Последние едва заметные угасающие лучики солнца слабо осветили висящую тут же на стене огромную карту его любимой и еще недавно величественной единой страны – СССР. И, спустя мгновение, комната совсем погрузилась в полумрак, освещаемый лишь этим одним электрическим темно-зеленым светом.

Хозяин кабинета - офицер пограничных войск Комитета Государственной Безопасности СССР Николай Большаков получил свои капитанские погоны буквально за месяц, до августовских событий 1991 года. Когда для большинства жителей страны вокруг ничто не предвещало трагедии, он уже знал, что в регионах нестабильно. Работая в закрытом Аналитическом центре пограничных войск, который руководство КГБ создало в начале весны, он был знаком с докладами от всех структур госбезопасности в регионах.

Не смотря на желание всех граждан СССР сохранить единое государство, в ряде союзных республик к власти приходили на антиконституционных лозунгах люди, заботящиеся о собственном кармане больше, чем о самой этой республике. Анализируя информацию, приходящую с границ страны, он отлично понимал, что так долго происходить не может, и вот-вот ситуация там «взорвется».

Демагог, назвавший себя Президентом, и страдающий «диареей речи», окружив себя лизоблюдами и предателями, как он потом сам сказал, намеренно повел огромный корабль под именем СССР на экономические и политические рифы с единственной надеждой - разрушить о них страну.

В это трудно поверить, но в начале 1992 года первыми решениями «маленьких президентиков» распавшейся страны было решение о «приватизации» исключительно лишь материальных благ бывших местных партийных боссов – захват их кабинетов, дач, автопарка руководства республик.

Так, к примеру, Борис Ельцин в своем стремлении занять кабинет в Кремле «забыл» о своем Черноморском флоте и сотнях тысяч брошенных им русских людей в Крыму. А новоявленный «украинский царь» Кравчук первым делом поехал переоформить на себя дачу в черноморском Форосе - «бывшую партийную вотчину» Горбачева. Или в Туркмении приступили к постройке в центре города огромного Мавзолея еще живому президенту. Пусть тогда об этом не писали в газетах, но уже говорила вся страна. Территория умершего СССР погружалась в хаос...

...Николай прошелся по комнате, и еще раз подошел к окну. Стало совсем темно. Приятный темно-зеленый свет лампы теперь заполнял всю без исключения комнату. А там за окном, вчерашняя страна уже скрывалась в темноте национализма, демагогии, криминала...

Заканчивался этот очередной весенний день - 22 марта 1992 года. Прошло всего три месяца после того, как в Беловежской пуще был «убит» СССР и страна впала в хаос. Большаков сидел за столом с ручкой в руках и думал. На белом листе бумаги успел крупно написать лишь одно слово - «Рапорт». Это было не спонтанное, а выстраданное месяцами решение. Его рапорт на увольнение...

Здесь, в этом рапорте, Николай хотел сам написать все, что думает...

К примеру, о том, что больше он не хочет служить в армии, где государство не заботится о своих защитниках, где даже руководитель службы государственной безопасности страны готов, в угоду иностранным спецслужбам, и, видимо, за определенное вознаграждение, «сдать» свою агентуру и «Совершенно секретную» государственную тайну.

Или же написать о том, что дети высокопоставленных руководителей государства и генералитета, в руках которых собрана государственная тайна и стратегическая информация, не только сейчас живут за границей, но и учатся там, получают иностранное гражданство. Все забыли о том, что это дети, которых в любой момент могут завербовать иностранные разведки, а потом шантажировать их высокопоставленных родителей, влияя тем самым на политические решения в России.

Офицер еще раз посмотрел на очередной, почти пустой лист бумаги и, скомкав его, бросил в урну. В большую пластмассовую корзину почти до отказа набитую такими же мятыми бумажными снежками...

Вместе с тем, Николай отчетливо понимал, что если сейчас он уйдет со службы, если попытается снять с плеч китель, который за долгие годы службы буквально стал второй кожей, он вряд ли сможет принести настоящую пользу своему государству.

Ведь даже с изменением названия страны, не изменилась суть службы - охрана границ государства. Просто сейчас, когда нет единого политического решения, на всех границах хозяйничают иностранные спецслужбы. А настоящие спецы погранвойск уходят. И даже он, всего лишь только капитан, тоже хочет подать в отставку...

Конечно, есть шанс остаться служить Родине. Уехать подальше из политизированной Москвы, где стали бороться даже с памятниками. Уехать, но тем самым, не предать себя, свое государство, свою присягу? Тем более, что сегодня ему предложили в ближайшее время длительную командировку - послужить в Таджикистане, взять там под охрану границу нового Содружества независимых государств...

Он где-то рядом

Это было красивое жаркое майское раннее утро 1993 года. Совсем быстро пролетели несколько месяцев службы капитана Николая Большакова в этой непростой командировке в Таджикистане, вдали от дома.

Бронетранспортер с военнослужащими 201-й дивизии и Объединенного спецподразделения погранвойск России и Таджикистана по борьбе с наркотиками, медленно полз вдоль горы, по разбитой дороге. Давя огромными широкими колесами быстро высохшие огромные комья грязи, внезапно появившейся после вчерашнего небольшого дождя.

Стараясь не потревожить спящих жителей близлежащих аулов, пограничники с мотострелками 201-й дивизии пытались издалека обходить все встречные населенные пункты. А теперь, спрятавшись в «зеленке», в бинокль рассматривали как на ладони этот небольшой аул.

По недавно полученной оперативной информации, именно сегодня утром, здесь должны были находиться боевики из подразделения известного полевого командира Мирали Намиева, по кличке - «Шах». Его банда заночевала в этом ауле после длительного пути с килограммами афганских наркотиков. И именно здесь, как планировалось, вдали от людских глаз, он должен был передать этот товар какому-то неизвестному оптовому покупателю. Который, опять же по оперативным данным, должен был все это дальше отправить через Россию в страны Европы.

Военнослужащие пограничного спецназа очень тихо и аккуратно по периметру блокировали на некотором расстоянии все выходы из аула, оставив в стороне замаскированную в «зеленке» технику.

Первыми, совсем неслышно, в аул, еще под покровом ночи, ушли спецы военной разведки. В их задачу входило оценить обстановку непосредственно в самом населенном пункте. А также, определить местонахождение постов, узнать численность боевиков, и, по возможности, выяснить, чем они вооружены. Ну, и, конечно же, сверить реальную местность с той картой, которую нарисовал один из «информаторов».

В ауле по-прежнему было тихо, и лишь где-то на окраине одиноко громко забрехала собака. Ее лай лениво подхватили несколько все еще не совсем проснувшихся собак. И так же быстро все стало стихло.

Капитан Большаков посмотрел на еще спящий аул и улыбнулся. Это был их условный сигнал. Видимо, разведчики с задачей успешно справились. Но этого лейтенанта из спецов за такой условный сигнал он все же накажет. Какое-то мальчишество! Еще бы закаркал...

Но, это он, скорее всего, сделает потом – уже после операции, подводя итоги. А пока офицер открыл полевую сумку и взглянул на карту. Нарисованные им еще вчера в штабе красные и зеленые «точки», разбросанные вокруг аула, здесь уже превращались в реальные посты, и красноречиво говорили о том, что им с руководством все продумано до самых мелочей - населенный пункт блокирован. Однако, торопиться нельзя. В ходе этой операции предполагалось взять под арест не только продавцов, но и прибывшего сюда таинственного покупателя.

Едва – едва забрезжил рассвет. Большаков посмотрел на часы - еще было время оценить ситуацию, собраться с мыслями. А заодно и проанализировать все прошедшие провалы.

Офицер сел на землю, облокотившись спиной о камень и закрыл глаза...

Капитан пограничного спецназа Николай Большаков отлично помнил, что еще полгода назад, когда впервые у него появилась информация о продавце наркотиков по кличке «Шах», он даже не думал, что этот бандит станет для него по истине неуловимым. Порой даже складывалось впечатление, что этот достаточно известный в Таджикистане наркобарон Мирали Намиев, словно издевался над его военнослужащими. Будто каждый раз чувствуя, где и когда пограничники могут появиться. И это было, судя по всему, не просто обычным его везением.

Да и как по-другому, можно было объяснить тот факт, что в ходе проведения нескольких запланированных спецоперациях, спецназовцы ни разу не обнаружили у боевиков «Шаха» ни оружия, ни наркотиков, ни даже обычного патрона? И поэтому лично Большакову, под смех боевиков, уже не раз приходилось их отпускать, с извинениями. Ведь в чем можно было обвинять мирных безоружных людей?

Или тот предпоследний случай, когда вновь задержали «Шаха» и его людей с несколькими огромными мешками с белым порошком. Конечно же, вновь не обнаружив у них оружия. Плюс экспертиза установила, что в мешках действительно есть порошок, но правда стиральный. И вновь извинения...

Ну, и наконец, было непонятно, почему уже та последняя тщательно подготовленная и, казалось, точно выверенная до мелочей в объединенном штабе тайная операция провалилась, даже не успев начаться, а все спецназовцы и солдаты нарвались на заранее подготовленную засаду.

Николай отлично помнил, как в тот день, мотострелки с пограничниками, согласно оперативной информации, появились в заранее указанном квадрате. Там, где за мостом через речку, в зеленке, неподалеку от аула, должны были проходить переговоры полевых командиров. Но на подходе к мосту, точнее у самой дороги их, как оказалось, уже ждала засада боевиков. Наших солдат в тот день спасла от больших потерь только случайность – у одного из боевиков не выдержали нервы, и он вдруг выстрелил. Спецназовцы в ловушку не попали, но боевики ушли.

Теперь уже Большаков отлично понимал, что боевики были заранее осведомлены о проводимой спецоперации, и более того – о численности и маршруте спецназовцев. Видимо, бандиты хотели дерзко напасть, навязать бой, и отбросить не ожидавших нападения военнослужащих к единственному для них спасительному оврагу, который заранее ими был специально превращен в ...непроходимое минное поле. Тем самым не оставляя спецназовцам ни единого шанса. Ведь выжить на оставшемся открытом простреливаемом пятачке было нельзя, не могла спасти российских солдат и речка - к опорам моста были прикреплены два авиационных фугаса...

Если по началу, капитан Большаков считал, что информация о проводимых операциях заведомо «утекает» от коллег по службе из Пограничного управления Таджикистана, то последние два срыва заставляли задуматься, что «крот» прячется не в штабе, а где-то рядом, непосредственно в его окружении. И хотя официально ни в дивизии, ни в оперативном центре спецназа было решено об этом не упоминать, Николай, в тайне от своего руководства, с коллегами из военной контрразведки отработывал одну версию за другой.

Прежде всего, Большаков выписал себе в маленький блокнот всех штабных офицеров и генералов из России и Таджикистана, кто мог заранее знать о тонкостях этой операции. Конечно же, он понимал - не исключается и элемент случайности, везения для бандитов, от которого, увы, никто не застрахован. Но Николай не хотел в это верить, отлично понимая, что поставлено на кон – сотни тысяч долларов от продажи в Европу наркотиков.

Прошло несколько недель, но расследование капитана Николая Большакова особо далеко не продвинулось. Более того, за это время его список значительно «усох». Порою

казалось, в этом списке не может быть «чужого», ведь на каждого из этих офицеров спецназа можно было положиться. Вместе здесь они воевали не первый месяц, не один десяток раз были в перестрелках, вытаскивали буквально на себе товарищей из боя. Делились куском хлеба, патронами. Да и боевые медали и ордена получали не за просиживание стульев в кабинетах.

Особую помощь в этом поиске Большакову, как и положено, оказывал его непосредственный начальник - полковник Игорь Шалаев. Профессиональный, умный аналитик, прошедший, как говорили, хорошую школу Генерального штаба, он был назначен сюда из Москвы, и прилетел в Таджикистан одним бортом вместе с Николаем. Вместе добирались и сюда в часть.

Было известно, что полковник Шалаев попросился в эту вновь созданную совместную Оперативную группу по борьбе с террористами сам, хотя легко мог отказаться, выбрав уютный кабинет в самом Душанбе. Более того, этот старший офицер не раз сам выезжал на боевые операции. Лично участвовал в операциях против «Шаха».

Во время одного боя у самой границы был даже ранен в плечо, но продолжал руководить спецназовцами, и от госпитализации до конца операции отказался. К выполнению своих обязанностей, как было видно, полковник Шалаев относился серьезно - порою до утра засиживаясь в своем кабинете, работая с оперативными сводками. Внимательно изучая все секретные бумаги, каждый раз пытаюсь организовать на его взгляд очередную успешную, но нестандартную для противника операцию. Правда потом, после провалов, он стал более осторожен. Значительно уменьшив число офицеров, присутствующих на подобных совещаниях.

Более того, именно полковник Шалаев практически первым заявил капитану Большакову, что эта череда провалов во время спецопераций может быть вызвана только ...предательством. И посоветовал еще раз расширить имеющийся список, а также взять под наблюдение всех без исключения офицеров, задействованных на совещаниях и в операциях последнего времени. Конечно же, Большаков, внося в список даже себя, поначалу хотел вычеркнуть полковника Шалаева из списка подозреваемых. Ведь тот сам разрабатывал эти операции!

Слабое подозрение пришло несколько позже. Причем с мелочи. Когда глаз Николая зацепился за фото в удостоверении личности полковника Шалаева, которое увидел случайно на столе местного кадровика. Его внимание привлекла, на первый взгляд, мелочь - на фотографии полковник Шалаев был сфотографирован в форме офицера Военно-воздушных сил России.

Конечно же, в этом не было ничего сверхъестественного, и на такую мелочь, наверное, в другое время, он сам бы даже не обратил внимание. И цвет военной формы был здесь не главным. К тому же, в Таджикистане и капитан Большаков тоже никому не представлялся, как офицер-пограничник, предпочитая носить обычное для всех зеленое хэбе с шевроном «Военной разведки».

Было непонятно другое - зачем перспективному полковнику, тем более, как сейчас выяснилось - военному летчику, нужна была служба в рядовом и, как выясняется совсем для него непрофильном подразделении спецназа объединенных пограничных и сухопутных миротворческих сил? Зачем ему, уже старшему офицеру, нужно было уезжать из спокойной и сытой Москвы сюда на границу, и, рискуя жизнью, принимать участие в разработке спецопераций против наркомафии в далеком Таджикистане? Неужели - ради льгот и наград? Или мечтал исполнить свой воинский и интернациональный долг? Но, в тоже время, ранее не просился, к примеру, в Афганистан? Вопросов сразу появилось много...

Небольшая, но весьма интересная информация относительно полковника Шалаева, пришла к Большакову в ответ на личный запрос из Москвы всего через неделю. Помог, в этом казавшемся безнадежном деле, старший товарищ с Лубянки полковник

Миловидов, получивший какое-то высокое назначение в Москве. Полученная от него информация не просто удивила, но и заставила копать еще дальше.

Прежде всего, из полученных бумаг выяснилось, что бывший профессиональный военный летчик полковник Шалаев не такой кристально чистый человек, как о нем можно было подумать. Еще в июне 1991 года у себя части на Дальнем Востоке, он оказался замешан в «какую-то неприятную историю», за что получил партийное взыскание, потом был понижен в звании и переведен из летного состава в аэродромную службу.

Позже, уже из других неофициальных документов стало известно, что в конце того августа, бросив в лицо командиру части свой партийный билет члена КПСС, подполковник Шалаев улетел в Москву. Самовольно оставил воинскую часть, и все оставшиеся два августовских беспокойных дня провел в Белом доме на Краснопресненской набережной. Вместе с охраной Президента России Бориса Ельцина, и примкнувшего к ним своего бывшего командира - генерала авиации.

Как результат тех ночных дежурств – «новоиспеченного демократа» не уволили, как дезертира, а благодаря нужным связям, даже восстановили в звании полковника, и даже пристроили на неплохую должность в аппарат нового Министерства обороны России. И сразу же, как пострадавшему «борцу с КПСС», нашли хорошую должность.

Но полковник Шалаев, несмотря на хорошие служебные перспективы, и на шанс получения генеральских лампасов в столице, вдруг внезапно стал просить руководство отправить его в Таджикистан. Причем - на борьбу с «моджахедами». Объясняя это в тесном кругу тем, что, мол, на Дальнем Востоке, у него был сослуживец, который незадолго до вывода войск, погиб в небе Афганистана. И якобы Игорь поклялся его вдове и сыну, что отомстит...

Кто-то из штабных удивился, кто-то покрутил пальцем у виска. Поэтому в эту длительную командировку он отправился уже не как летчик, а как начальник Объединенного подразделения спецназа. Причем полковник Шалаев прибыл в Таджикистан с огромными полномочиями. Включая разработку всех операции и визирование их лично.

Среди тех же неофициально переданных Большакову документов из Москвы, находилась даже ксерокопия объяснительной записки командира той самой дальневосточной авиационной части, где ранее служил Шалаев. Оказывается, под туманной многозначительной формулировкой **«замешан в неприятной истории»**, было скрыто нечто более серьезное - Шалаев был замешан ни в чем ином, как в попытке транзита в страну наркотиков.

По имевшимся оперативным данным, порошок доставлялся во Владивосток на корабле, потом «некто» встречал товар и отвозил его уже под Хабаровск лично к Шалаеву. А тот уже, используя высокое положение в своей авиационной части, он имел возможность военным бортом переправить «багаж» в Подмоскovie. Причем не на военный аэродром Чкаловский, где вдруг заработала таможня, а куда-то поблизости, на маленькие областные аэродромы.

Возможно, сотрудники военной контрразведки его тогда бы быстро определили в следственный изолятор, но наступала «золотая» пора безвременья, когда каждый был только сам за себя. И Шалаев отделался лишь небольшим взысканием. Ну, а потом, когда во второй половине 91-го года он начал свое новое восхождение по служебной лестнице и оказался в Москве, о преступлении перспективного полковника предпочли лучше умолчать...

Но, в оперативных закрытых документах, все же был назван и тот самый человек, доставлявший Шалаеву те самые пакеты с наркотиками – некто Мирзо Азимов.

...Большаков оторвался от воспоминаний, и открыл глаза. Несмотря на раннее утро, солнце уже достаточно осветило окрестности. Пока в ауле все было тихо. Большаков посмотрел на часы – без двух минут четыре утра.

К слову, эту операцию он организовал сам, не поставив на этот раз в известность своего начальника полковника Шалаева. Для того, чтобы проверить свои подозрения. Рисковал, но заручился поддержкой коллег из военной контрразведки, которые обещали поддержать.

Капитан успел пригнуться, когда совсем рядом, мимо хорошо замаскировавшихся спецназовцев, проехали долгожданные возможные три покупателя. Видимо - за наркотиками. А значит, с их приездом мышеловка должна была захлопнуться.

Когда все стихло, Николай приподнялся с земли, глубоко вздохнул и, оглядевшись, поднял сжатую в кулак вверх правую руку, давая понять своим спецназовцам, что операция начинается. А еще спустя мгновение, под гулкий топот десятков сапог он вместе с солдатами ворвался на узкие улочки глинобитного аула. Входили, как и было запланировано - с трех сторон, оставляя, вроде как случайно, на четвертой лишь двух автоматчиков. Если боевики откажутся сдаваться, то они, скорее всего, начнут отступать именно туда – и окажутся на минном поле.

Николай в сердцах надеялся, что может быть обойдется без выстрелов. Но уже через мгновение утреннюю тишину разорвали автоматные очереди, звуки взрывов, крик раненных... Но этот бой так же быстро окончился, как и начался. Четко организовав операцию, спецназовцы на этот раз сработали быстро и четко. Большинство убитых боевиков лежало прямо на небольшой площади, где велись переговоры и где их застали спецназовцы. И всего лишь небольшая часть моджахедов во главе с раненым, но еще живым наркобароном Мирали Намиевым, по кличке «Шах», пряталась где-то за дувалом.

- Русские, отпустите нас, - на ломаном русском языке произнес Намиев. – Иначе мы заберем к Аллаху и местных жителей. Но вы же гуманные - не позволяйте им умереть.

Конечно же, рисковать мирными людьми Большаков не мог. Но и выпускать банду, на счету которой сотни человеческих жизней, тоже не имел права. Да и не было это в его планах.

- Я вас выпущу только с одним условием, - Николай говорил громко, чтобы его слышали спрятавшиеся в сотне метров боевики. – Вы оставляете оружие, наркотики и мирных людей, а сами уходите налегке. Мы не будем Вас преследовать.

И громко добавил уже своим прикрывавшим четвертый выход из аула солдатам – «Освободите им дорогу!»

Солдаты, выполняя приказ, быстро поспешили за оцепление, освобождая тропу, ведущую к оврагу.

-Нет, так не получится. Хватит с вас только людей. Мы уходим, - захохотал «Шах». - А вас пусть не сегодня, то завтра, все равно вырежем.

Прикрываясь жителями, оставшимися в живых, около десятка боевиков уходили в сторону дороги. Несколько из них несли на носилках раненного Мирали Намиева.

А уже на окраине кишлака, поставили жителей живым щитом и поспешили спрятаться за оврагом. В тишине, оказались из-за складок местности вне зоны досягаемости, почти у самого оврага, один из боевиков дал напоследок несколько длинных очередей по стоявшим щитом заложникам. Николай видел, как женщины, дети и старики убитые и раненные рухнули на землю. К ним на помощь сразу же бросились наши санинструкторы.

- Ну, зря вы так! - Капитан Большаков показал жестом саперам активировать минное поле, по которому, не зная, что их ожидает, двигались довольные своим очередным и внезапным освобождением боевики...

Когда взрывы прекратились, и наступила тишина, стало ясно, что с этой бандой полевого командира и куратора наркотрафика «Шаха» покончено. Позже это подтвердили отправившиеся на разминирование неразорвавшихся там мин саперы.

Там же, во время операции, спецназовцам удалось арестовать двух из трех прибывших покупателей. Их нашли живыми, они прятались среди «местных жителей» в одном из домов. Удивило, что согласно найденного у одного из них паспорта, его звали ... Мирзо Азимов. Как понял Николай – возможно, тот самый...

В такую случайность, с учетом всего происходящего, верилось с трудом. Надо было срочно проконсультироваться со своим «старшим братом» из военной контрразведки.

В итоге, все, что осталось от банды, можно было легко уместить в один грузовик. Несколько мешков с наркотиками, десятки автоматов и пистолетов, несколько папок с какими-то документами на фарси. И, конечно же, обнаруженный у погибшего «Шаха» небольшой недорогой кинжал. Так называемый - «Бухарский пчак», с символикой Эмирата Афганистана на ножнах и с головой льва на ручке.

Кинжал был дешев и прост, совсем без дорогих украшений, и, казалось, мало чем отличался от тысяч себе подобных. Единственное, чем он выделялся – это тем, что бросалось в глаза – набор каких-то непонятных безсвязных букв, выгравированных на нем. На лезвии стояли буквы – «Dbeochdo», на ножнах – «kfcfdh», и на небольшой стальной вкладке, в середине рукояти – «edhab». Короче говоря – сплошная тарабарщина, на которую Большаков даже и не обратил внимание.

Этот трофей - шахский «Бухарский пчак» Большаков, решил оставить себе, с разрешения начальника особого отдела. Все остальное – сдал по приезду в штаб.

У дверей здания объединенного штаба спецназа, капитана Большакова и его группу, уже встречал запыхавшийся оперативный дежурный. Как Николай и предполагал, ему предстояло получить вовсе не поздравления и благодарности, а нагоняй за «самодеятельность» от самого полковника Шалаева. Лично! В вину офицеру-пограничнику ставилось самоуправство и нежелание утвердить операцию с вышестоящим командованием.

- Капитан, ты что, совсем обарзел? - Зарычал на него, вставая из-за стола, полковник. – Почему не согласовал операцию и выехал на ее проведение без моего согласия? Хочешь погон лишиться? Я тебе это вмиг организую! Сам можешь, но ты рисковал жизнями наших солдат и офицеров!

Но когда Шалаев увидел, что Большаков не испугался, а за спиной капитана стояли три сотрудника военной контрразведки, он в один миг замолчал, погрузился, и сел обратно в кресло. Полковник, не ожидавший такого поворота событий, был уверен до последнего, что полностью держит всю ситуацию под контролем. И вдруг такой результат.

Единственное, что успел сказать Шалаев во время его задержания, что не до конца оценил Большакова, просмотрел... А с этим нелепым задержанием, как-нибудь разберется.

И так, вплоть до того момента, когда за его спиной закрылась массивная дверь уже московского следственного изолятора госбезопасности «Лефортово», полковник Шалаев все еще не до конца верил в происходящее. Он надеялся, как и в прошлый раз, что власть имущие заступятся за него, а друзья, кто отправлял его в командировку и с этого имел «свой процент» встанут на защиту. Но, увы...

Как позже узнал Большаков, в ходе следствия выяснилось, что Шалаева включили в эту наркоцепочку давно, еще в 1988 году. Перспективного молодого подполковника авиации, любителя дорогих иномарок и легкой жизни, криминальный авторитет Мирзо Азимов заприметил еще в Хабаровске. Явно, что расходы этого старшего офицера не соответствовали его небольшим доходам. Этим и решил воспользоваться Азимов. Швейцар местного самого известного городского ресторана «Дальний Восток», расположенного на первом этаже одноименной гостиницы познакомил летчика с

«предпринимателем» с юга. Деньги текли рекою, все праздники и выходные новые друзья праздновали на широкую ногу. Но потом насупило прозрение, и Шалаеву выставили счет...

Сумма была просто астрономической. Но Мирзо предложил офицеру ее погасить, выполнив одну малюсенькую просьбу – отвезти военно-транспортной авиацией до Москвы несколько мешков товара. И все – о долге можно забыть! Для старшего офицера авиационной части, выполнить эту просьбу было не сложно – ни милиции, ни таможни...

За выполненную транспортировку еще дополнительных мешков, Шалаева по возвращении в Хабаровск на автостоянке ждала полностью «нафаршированная» электроникой новенькая автомашинка - Тойота Марк II. И несколько пачек долларов в ее бардачке. Этим Мирзо Азимов дал понять офицеру, что бизнес и службу не просто можно, но и нужно совмещать.

Скандал разразился через полгода этой совместной «работы». Причем по случайности. Шалаев уже был так уверен в своей непогрешимости, что забыл объемный пакет с порошком прямо у себя в кабинете в шкафу. А уборщица, протирая полки, случайно уронила его и рассыпала порошок. Ну и, естественно, опасаясь последствий, поставила в известность об этой неприятности дежурного по части офицера.

Поняв, что это, возможно, наркотик, тот сообщил в особый отдел. Хозяина кабинета подполковника Шалаева быстро найти не смогли, а прибывшие по сигналу спецы установили, что содержание пакета - героин.

Позже на упаковочной бумаге обнаружили отпечатки пальцев самого подполковника и нескольких неизвестных. Вскоре выяснилось, что одним из этих неизвестных ...был некто Мирзо Азимов, подручный знаменитого таджикского наркобарона Мирали Намиева, по кличке «Шах».

Тогда к середине 1991 года закрыть это уголовное дело оказалось вполне реально. Деньги плюс нужные связи, и вдруг - уголовное дело о перевозке наркотиков в одно мгновение превратилось в некую обычную в то время просто *«неприятную историю»*. И единственное, чем тогда официально поплатился подполковник – было лишение его одной золотой звездочки на погонах. А неофициально – определенной суммы в американской валюте всем нужным людям.

Но ведь это были не последние деньги! Потом, именно за еще доллары и благодаря связям Азимова, его позвали в столицу, где были найдены нужные люди в новом российском Министерстве обороны, которые и помогли с должностью, восстановили в звании.

А когда уже в Московском «Пентагоне» на Арбате полковник Шалаев у себя в кабинете вдруг увидит нескольких своих генералов в сопровождении «предпринимателя и друга России» Мирзо Азимова, он вообще поверит в свою непотопляемость и верховенства власти денег.

Именно тогда, в первые зимние дни наступившего нового 1992 года, он вместе с Азимовым продумает и решит, как продолжить свой наркобизнес на территории независимого Таджикистана. Полковник Шалаев должен был отправиться в эту «тму-таракань», взяв на себя ответственность за полный контроль над российскими и таджикскими армейскими спецподразделениями. А Азимов – станет ответственным за транзит порошка в Европу, который ему продолжал поставлять его бывший компаньон – Мирали Намиев, по кличке «Шах». Так что теперь у них была «своя» вся цепочка от самой границы непосредственно до места сбыта.

Кстати, коллеги из военной контрразведки сообщили Николаю Большакову, что у «Шаха» есть сын - полевой командир по кличке «Хирург» - Ширали Намиев. А эту свою «врачебную» кличку наследник получил за то, что продолжая дело отца, вербовал обедневших жителей кишлаков у границы на транспортировку наркотиков через речку Пяндж с территории Афганистана. Кому везло, и его не убивали, и не арестовывали пограничники, и товар оказался по эту сторону реки, тот получал до тысячи долларов.

Если же товар был потерян или утоплен, то «Хирург», тот самый Ширали Намиев, отправлял такого человека «за долг» в Пакистан, где местные хирурги умело разбирали его тело на органы....

Специально оперативно отправленные в дом к Намиевым пограничники, никаких документов и даже ни одной фотографии, по которой можно было бы опознать «Хирурга», найти не смогли. Как стало известно немного позже, полевой командир Ширали Намиев, узнав о смерти отца, якобы поклялся уничтожить Большакова. А потом, уходя из отцовского дома аккуратно подчистил за собою все документы...

-Запомни, Николай, - внимательно всматриваясь в лицо Большакова, неторопливо говорил седой майор из военной контрразведки, прослуживший на территории Таджикистана более десяти лет. – «Шах» был среди боевиков фигурой влиятельной, но очень независимой. Он буквально подмял под себя множество полевых командиров. Несколько месяцев назад, во время серьезного разговора отец Мирали Намиев, в порыве гнева, застрелил своих двух командиров – афганских моджахедов, которые попытались заявить ему о своей неподконтрольности.

-К слову, своего сына, - продолжал майор, – того самого полевого командира по кличке «Хирург» - Мирали Намиев, любил больше остальных своих детей. Старался всегда показать его исключительность. Чуть ли не младенцем увез его и еще какого-то ребенка, вроде по имени Али, из Таджикистана за границу. Поэтому, мы даже не имеем не то, что фотокарточки, а даже словесного портрета.

-Поэтому Ширали, и тот, второй ребенок, практически с самого рождения, - особист достал пачку сигарет, - считали родственником только самого Мирали Намиева. И боготворили его. Отец, чувствуя это и располагая большими деньгами, пытался дать Ширали и тому второму ребенку Али элитное образование. Они оба окончили медресе в Пакистане, светское образование уже получили во Франции. Говорят, даже пробовали себя на театральных подмостках, но что-то там не заладилось. Первое экономическое образование младший Намиев и его друг получили в Англии, где, к слову, вроде даже были завербованы спецслужбой Ми-6, потом, уже в Америке, получили еще военное образование. Знаем, что хобби – рукопашный бой и пилотирование вертолетов.

Оба воевали против правительственных войск в середине восьмидесятых в Сирии, оттуда отправились, уже как инструкторы, в Афганистан. Оба отлично стреляют и владеют любым холодным оружием, мастера восточных единоборств. При этом Ширали - полиглот – разговаривает свободно на английском, немецком, итальянском и турецком, не считая своих родных языков – таджикского, узбекского и, конечно же, русского. Короче, очень подготовленный соперник.

Сейчас он вроде находится здесь на территории Таджикистана. А вот его «брат» Али, по оперативным данным, погиб еще в 1988 году в Афганистане, попав в засаду наших десантников.

-Но самое главное, - подчеркнул особист, - запомни, теперь ты его «кровник». А этот бухарский пчак, что ты получил в бою, будет тебе об этом, всегда напоминать...

Двойной капкан для спецназа

За эти несколько месяцев, что успел прослужить Большаков в специальном подразделении «зеленых фуражек», охраняющих границу Таджикистана, а теперь уже Содружества независимых государств, с Афганистаном, он успел понять, что здесь идет настоящая война.

Особенно это почувствовалось летом 1992 года, когда ситуация в этом регионе существенно накалилась. Исламские «демократы» взывали жителей, в первую очередь, к религиозным и национальным чувствам, и нехитрыми лозунгами баламутили массы. Удивительно было то, что хотя реальная протестная социальная база была не совсем

большой, именно местные исламисты вдруг оказались самой организованной идеологической группой в местной политике.

Вдобавок ко всему, после развала СССР и последовавшего за этим хаоса в местных силовых структурах, а значит повышения влияния иностранных разведок, всем местным националистам достаточно быстро удалось наладить взаимодействие с местной мафией и афганскими талибами. Поэтому именно такие полевые командиры, как ныне покойный «Шах» и его здравствующий сын «Хирург» были востребованы и теми, и другими.

Если поначалу, официальные власти Таджикистана не решались попросить российскую сторону о полноценной помощи, то позже, прекрасно понимая, что без спасения извне Таджикистан попросту развалится в руках фанатиков и бандитов, обратились к Москве.

Когда в начале весны 1992 года капитан Николай Большаков еще в Москве думал о своей дальнейшей судьбе, российское правительство уже делало все чтобы оказать помощь дружественному независимому Таджикистану. Уже с начала лета мотострелки 201-й дивизии выдвинулись на защиту наиболее важных объектов — ГЭС, основных заводов, военных объектов и пограничных перевалов. Однако это никак не укладывалось в планы делящих страну местных экстремистов. Так называемые «Исламские демократы» требовали вывода всех пограничников и мотострелков из страны, более того - передачи им вооружения, снаряжения и техники. Но «зеленые фуражки» предпочитали без долгих разговоров отправлять их ...по-русски и далеко.....

Решительность наших пограничников бросалась в глаза не только местным националистам, но и иностранным эмиссарам, навлекая на российских военнослужащих гнев, как сейчас модно говорить – «всей прогрессивной общественности мира».

Более того, российским миротворцам приписывали даже все случайные жертвы на территории Таджикистана, и вообще все плохое, происходившее в республике. А за голову комдива 201-й дивизии даже объявили награду, которая, в итоге, увы, так и осталась неврученной.

Недаром оставшиеся здесь воинские части советской армии и пограничников, местные жители называли последним островком стабильности. Дивизия стояла в Средней Азии давно, долго воевала в Афганистане. Однако, как и у большинства советских воинских частей, комплектация 201-й к началу 90-х годов оставляла желать лучшего. Если офицеры в основном находились на месте, то солдат попросту не хватало. Так, 149-й полк (Куляб) насчитывал всего около 150 человек, в том числе пятьдесят офицеров. 191-й полк, стоявший в Курган-Тюбе, имел 180 бойцов.

В этой непростой ситуации и было принято решение не привлекать к спецоперациям военнослужащих, а создать совместно с пограничниками Объединенный отряд специального назначения. Первым командиром которого, и стал тот самый полковник Игорь Шалаев.

На долю спецназа тогда выпало немало боевых операций. Достаточно вспомнить, как поздней осенью 1992 года капитан Большаков впервые почувствовал, что такое война на нашей территории. Моджахеды совместно с наркоторговцами захватили перевал на автодороге восточнее Душанбе и таджики обратились за помощью к российскому спецназу. Николай с отрядом всего на паре УАЗиков и трех БТР, с единственным минометом АГС и СПГ выехали на место боя. Операция прошла эффектно: мотострелки вызвал на себя огонь боевиков, а спецназовцы Большакова расстреляли обнаружившие себя огневые точки, и, под прикрытием брони, ворвались на опорный пункт моджахедов. БТРы обстреливали каждый куст, из которого мог вылезти гранатометчик, прикрывая друг друга. Потеряв полтора десятка человек убитыми и ранеными, боевики попросту разбежались. В отряде Большакова потерь не было.

Конечно, кампания в минувшем 1992 году принесла исламистам самые значительные успехи. Однако уже к концу года правительственным силам удалось переломить ситуацию и создать себе условия для победы в войне. И бои переместились в восточные

районы Таджикистана, в самые глухие горные районы Азии. А пограничникам и спецназу были развязаны руки в борьбе с главной бедой «суверенного Таджикистана» - контрабандой наркотиков.

...Сегодняшний день – 13 июня 1993 года, кажется, ничем не отличался от других. Опять ночная тревога! Вновь нападение. На этот раз - на немногочисленную 12 российскую пограничную заставу. Им на помощь в ту ночь отправились многие. В том числе и спецназ Большакова. Впереди был многокилометровый бросок из Курган-тюбе к Кулябу, а оттуда к границе.

Судя по оперативной информации, нападение произошло рано утром, около 4 часов утра. Но пограничники вовремя сумели обнаружить неприятеля и вступили в бой. Вскоре стало ясно, что большая группа таджикских и афганских душманов перешла государственную границу с целью уничтожить 12-й погранотряд «Сари-гор», отомстить за ранее неудачные попытки перехода границы на этом участке. И дальше, возможно, двинуться даже на Душанбе, ставя перед собою главную цель – смену власти в столице Таджикистана.

Бандиты, конечно же, рассчитывали на внезапность. Заставе, на которой в тот момент находилось 47 военнослужащих, противостояло около 250 «духов» с минометами, безоткатными орудиями, 5-6 реактивными установками, 12 пулеметами. Это были не просто обычные боевики. Точнее, это было хорошо подготовленное воинское подразделение под командованием не менее опытного командира 55-й пехотной дивизии Афганистана этнического узбека Кази Кабира (Мохаммад Кабир Марзбона). Его подручными, которые блокировали погранзаставу и минировали вокруг дороги, были тоже опытные полевые командиры - афганский полевой командир Кари Хамидулло и печально известный Хаттаб. Здесь же, под прикрытием такого большого отряда шел со своим караваном и сам Ширали Намиев, по кличке «Хирург».

Первая помощь к нашим пограничникам пришла, когда они уже более пяти часов отражали атаки противника. Продолжая сражаться, зная, что к ним идет поддержка.

Большаков тоже очень надеялся, что они сумеют успеть и помочь. Из командирского люка башни боевой машины пехоты с бортовым номером 205 по пояс высунулся без шлемофона чумазый белобрысый молодой офицер. Он повернулся к сидящему слева на броне с автоматом капитану Большакову, к слову, единственному офицеру со звездами на погонах из всех «пассажиров» БТРа.

- Эй, разведка! Опять прешь в самое пекло? – пробасил лейтенант. - Безбашенные вы там все какие-то. Вчера только опять ваших двоих «духи» завалили, а вы опять туда же. По радиации сообщили, что к 12-й уже подошли наши соседи – пехота из Куляба. Трудности в том, что вся земля вокруг заставы плотно заминирована.

Капитан Большаков на минуту задумался, закусив губу. А если боевики двинутся дальше? Надо торопиться. Хорошо, что туда на 12 заставу на вертушках подошла поддержка.

Он посмотрел на свои «Командирские» - бой шел уже не менее шести часов. Смогут ли горстка пограничников 12-й заставы выстоять против подготовленных головорезов из моджахедов, вчерашних пакистанских и афганских военнослужащих?

БТРы натужно рыча ползли по пыльной дороге, гудя двигателями. На рукаве пыльного камуфляжа Большакова особо бросался в глаза шеврон военной разведки. Капитан и не думал его прятать - это был особый шик. Тем более, если ему не дают возможность похвастаться своею зеленой фуражкой, то пусть у него хотя бы будет этот знак отличия.

Николай Большаков воевал здесь уже почти год. За это время сменились большинство в их батальоне. А он пока оставался единственным без ранения, словно заговоренный.

Кто-то из молодежи даже назвал его за это «везучим дедом». Последнее - за густую бороду и усы, которые он стал в последнее время носить, словно талисман.

Офицеру спецназа капитану Большакову и двум его подчиненным, выезжавшими вместе с отрядом на спецоперацию, сегодня с утра была поставлена ответственная задача - выяснить, куда пойдут сегодня вечером основные силы бандитов перешедших границу? Задание, казалось бы, рядовое, обычное, если бы не одна деталь – было сказано, что командиром одного из отрядов моджахедов, опять же судя по оперативной информации - является тот самый полевой командир по кличке «Хирург».

Была информация и о том, что оказав помощь исламистам, Ширали Намиев попытается, после нападения на 12 погранзаставу, уйти левее, вдоль границы, подальше от участка прорыва. Именно там, на северо-западной окраине населенного пункта Караболо, отряд «Хирурга» планировал остановиться на ночь, пополнить запасы воды и еды.

Как мысленно заметил сам Большаков, эти бандиты ничего не боялись – и планировали остановиться на окраине города, который усиленно контролировался российскими и таджикскими военнослужащими, не боясь нарваться на патруль.

-Эй, командир, - пробасил лейтенант. – Там на дороге какие-то люди.

И действительно, впереди была видна стоящая автомашина, рядом с которой топтались люди.

-Нет, это точно не засада, - Николай поднес к глазам бинокль.

У «Нивы» с пробитым колесом суетились несколько офицеров. Большаков даже не поверил глазам – в одном из этих военнослужащих он узнал своего брата Андрея.

Большаков постучал кулаком по броне, и приказал вновь вынырнувшему из люка белобрысому лейтенанту остановиться. А сам, схватив автомат за цевье, прыгнул на землю и побежал к машине.

- Ты, чудик, откуда здесь? – Николай крепко обнял младшего брата. – Не ожидал тебя увидеть в Таджикистане, тем более здесь.

-Да вот, Коля, из госпиталя добираюсь к себе в часть в Караболо, - промычал от таких крепких объятий Андрей. – Некоторое время назад поймал на операции две пули в плечо, всего на третий день службы. Так, по глупости...

Младший очень стеснялся этого ранения, которое, как ему казалось, просто нелепо было получить в ходе всего трехминутного боя. Но на самом деле, именно благодаря отваге лейтенанта Андрея Большакова, пехотинцам удалось так быстро ликвидировать очередную банду моджахедов. Вызвав огонь на себя, офицер вскрыл все огневые точки боевиков, которых и уничтожили быстро его подчиненные.

-Слушай, нам по пути, - заулыбался Николай. - Давай добросим тебя до города, а завтра может посидим, вспомним детство...

В те минуты, капитан Большаков не знал, что когда основные силы боевиков вступили в бой с 12 погранзаставой, сам «Хирург», со своим караваном, сразу же покинул место сражения, двигаясь как можно ближе к границе. В надежде на то, что узнав о нападении на 12-ю погранзаставу, все силы отсюда будут отведены в глубь территории для прикрытия тылов. А значит, к Караболо он должен был прийти уже к обеду, а не к вечеру. И еще успеть организовать, как и планировал, засаду для спецназа своего кровника, спасти которого, в такой ситуации, не придет никто. Для этого и пустил слух, что он пойдет на Душанбе - чтобы Большаков еще глубже заглотил его наживку.

Между тем российский спецназ, сам того не ведая, шел навстречу «Хирургу» с каждой минутой все больше и больше сближаясь с ним.

По кличке «Хирург»

Ширали Намиев, как и всегда в своей черной маске, выключил рацию и, достав карту, разложил ее на земле. Если верить поступившей только что ему информации, Большаков со своим отрядом должен был появиться в этом районе всего через час-полтора. Так что для организации засады времени было впрытык.

Даже в отряде самого Ширали Намиева, его мало кто знал в лицо, называя за глаза «Крюгером», видимо из-за того, что он практически никогда не снимал эту маску. От имени «Хирурга» задачи всем ставил Алишер Бурхунов, которого в отряде все и считали тем самым младшим Намиевым.

На самом же деле, Алишер всего лишь был тем самым «Али», неразлучным другом Ширали с самого детства. Но таких тонкостей в отряде не знал никто, исповедуя главное правило - меньше спрашивать.

Как и планировалось, боевики Ширали Намиева огневой мешок для спецназа подготовили быстро и весьма успешно. Так что спешащие на 12 погранзаставу ничего не подозревавшие спецназовцы на полном ходу влетели в засаду.

Первым был уничтожен дозор, следом на минах подорвались бронетранспортеры. Грохот взрывов и крики раненных перекрывали автоматные очереди. Взрывной волной раскидало с брони братьев Большаковых. Андрея, отброшенного с дороги в овраг, спасли бронежилет и каска, а Николая выбросило прямо на дорогу, в дымящуюся воронку от взрыва.

Все это произошло в какие-то мгновения, так, что капитан даже сразу и не понял, где находится. Стер с лица кровь и осмотрелся. Левая рука куртки была полостью порвана и пропиталась кровью. Он попытался пошевелить этой рукой, но сразу же от резкой вспышки в глазах вновь потерял сознание. Скорее всего взрывная волна провезла его именно этой рукою по дороге от взорванного БТРа до того места где лежал сейчас. В ушах стоял гул...

Пошевелить сломанной рукой было невозможно – она видимо была сломана в нескольких местах. Почувствовал, как боль усиливалась, прошел первый шок. Откуда-то издалека, словно катком по ногам и руке вновь проехала нестерпимая боль, и офицер потерял сознание...

Когда он в очередной раз пришел в себя и открыл глаза, то увидел, как к нему бегут два боевика. Расстегнув кобуру, он вытащил пистолет и, почти не целясь, несколько раз выстрелил. Бандиты, как подкошенные, упали... Николай опять потерял сознание.

Очнулся, почувствовав, что его кто-то несет на себе. Капитан попытался открыть глаза, но не смог. Кровь из разбитой головы залила все лицо и запеклась на нем, не давая осмотреться.

Лучше умереть, чем сдаться боевикам, - мысленно решил Николай. Правой рукой он дотронулся до кобуры - она была пуста. Видимо, теряя сознание, он там на дороге выронил оружие. Попытался опять пошевелиться, но вновь все тело пронзила острая боль, и капитан Большаков в очередной раз провалился в темноту...

Сколько его младший брат лейтенант Андрей Большаков лежал без сознания он не помнил. Но, когда открыл глаза, где-то неподалеку все еще шел бой. Он посмотрел – руки и ноги целы. Быстро отполз за камни, схватил лежащий поблизости автомат, и первой же очередью резко сократил число еще живых боевиков. Затем быстро добежал до бронетранспортера в надежде найти брата.

Бой еще не окончился. Возле горящего остова бронемшины Андрей увидел белобрысого лейтенанта, который неестественно раскинув руки, лежал весь в крови лицом к земле. Рядом валялся автомат. Скорее всего, оставшись в живых после подрыва, он попытался выбраться наружу и вступить в бой. Но уже здесь, вне брони, его настигла вражеская пуля.

Несмотря на внезапность нападения, опыт помог спецназовцам все же перехватить ситуацию. Это было понятно уже по тому количеству мертвых моджахедов, которые лежали вокруг. Потери спецназа, однако, тоже были высоки. Потом звуки боя стали

уходить куда-то в сторону реки. Боевики, видимо, отступили. Но спецназовцы продолжали их преследовать...

Своего старшего брата Андрей нашел на дороге, всего в крови. Попробовал пульс и почувствовал совсем тихие его удары. Значит - живой. Достал из кармана бинт, и, как мог, быстро его перевязал. Затем, взвалив на спину, пошел дальше от звуков выстрелов, по дороге, в сторону города. В надежде на то, что на место боя появится милиция, военнослужащие гарнизона...

И, о чудо! К ним бежали несколько солдат. А рядом, за оврагом, на небольшом холмике стояли две большие армейские палатки, над которыми развивался белый флаг с красным крестом. Скорее всего мобильный полевой госпиталь.

- Мужики, помогите! - негромко попросил Андрей. – Там нападение на колонну. Много раненных. Помогите с врачами и запросите помощь.

Схватив раненного капитана, они занесли его в палатку. Следом туда вошел и сам лейтенант Андрей Большаков. Осмотрелся. В этом операционном «предбаннике» было многолюдно. На трех хирургических столах лежали солдаты.

Чуть в стороне – за огромной хирургической лампой у дальней стенки стояли штук двенадцать каких-то небольших белых ящика. Андрей опешил от увиденного - это были контейнеры для транспортировки человеческих органов. Рядом с ними стояли два человека в белых халатах со скальпелями в руках. А также несколько медсестер, которых охраняли три человека с ...зелеными повязками на голове.

...Эту специальную многоходовую операцию «Хирург» придумал заранее, как только узнал, кто виноват в смерти его отца. Месть пограничному капитану Большакову стала его навязчивой идеей. Нет, он не хотел сразу убивать кровника. Прежде, необходимо было забрать талисман отца – бухарский пчак. К тому же, этот русский офицер должен был тоже лишиться всего самого близкого в его жизни - родственников и друзей. И только после этого - погибнуть. Причем именно от его - «Хирурга» руки...

Понимая, что русские солдаты будут искать в первую очередь какие-либо его документы или фотографии, Ширали, в пустующем ныне родительском доме, не спеша проверил все комнаты, а все найденное отправил в костер во дворе. Отныне «Хирург» должен был стать окончательно для всех лишь тенью. Его больше никто никогда не мог увидеть, отныне для всех – Ширали Намиев становился лишь страшной легендой. Больше нет ни одной его личной фотографий, никаких документов, даже свидетелей...

Специально «слив» информацию о появлении «Хирурга» на территории Таджикистана, Ширали просчитал эту нынешнюю операцию по минутам. Навязав небольшому по численности отряду Большакова этот бой, боевики достаточно быстро расстреляли небольшую колонну.

По тем данным, что располагал «Хирург», никого из российских войск, кроме этого подразделения здесь быть не могло. Он правильно рассчитал время, ведь когда основной бой начался на участке 12 погранзаставы, именно туда русские бросили все свои силы, оставив на «хозяйстве» молодых солдатиков.

Вместе с тем, их торопили и из Пакистана - буквально требовали здоровые органы для трансплантации. Именно поэтому, Ширали Намиев вместе со своим лучшим другом, тоже полевым командиром Алишером Бурхуновым, и решили здесь, неподалеку от крупного населенного пункта, совместить приятное с...полезным.

В этот поход «Хирург» специально взял всех своих провинившихся боевиков, которые после завершения дела, и должны были стать вместе с пленными солдатами этими самыми донорами. Тем самым решив сразу две проблемы - выполнив задание, и ...не оставив в живых свидетелей.

Когда бой стал уходить в сторону, «Хирург» лично пошел осмотреть подорвавшийся БТР и все вокруг него. Русского капитана из военной разведки, как на зло, нигде не было.

Тяжело раненный командир БТРа – тот самый белобрысый лейтенант, которого моджахеды вытащили из горящей машины, отказался отвечать, где Большаков. И тогда один из боевиков ткнул ножом ему в горло.

-Ладно, если этот Большаков живой, то обязательно придет сюда сам, - хмыкнул «Хирург», и приказал всем уходить к медицинским палаткам. Туда, где на задворках временного лагеря, уже всю с донорскими органами раненных работали специально приехавшие сюда «мясники из Пакистана». И где вскоре должен был начаться долгожданный «спектакль», режиссером которого планировал выступить сам Ширали...

Едва увидев в медицинской палатке людей в зеленых повязках, лейтенант Большаков все понял сразу. Это боевики. А он был безоружен - автомат остался лежать там, у сгоревшей боевой машины. Стоял перед боевиками, отлично понимая, что они могут убить его в любой момент, под прицелом их автоматов. Но даже в эти секунды, он боялся не за себя – за жизнь старшего брата, которая в это мгновение висела на волоске.

Земляной пол внутри палатки был буквально залит человеческой, почему-то неестественно черной кровью, которой было так много, что она, даже не успевала впитаться, громко чавкала под подошвами сапог.

Он также отчетливо видел, как раненного Николая, вместо операционного стола, бросили на этот грязно-кровавый земляной пол палатки, и один из боевиков в черной маске, видимо старший у них, коротко приказал привести этого раненного капитана в сознание.

-Добрый день, неуловимый Большаков, - как в полудреме слышал Николай его голос. – Хотел «Хирурга» найти? Считаю, что нашел. Только жаль, что наше знакомство будет столь коротким. Сегодня ты, шакал, ответишь за смерть отца.

Но тебя должно согреть только то, - захохотал бандит, - что твои органы еще послужат... Правда не тебе, а нашим воинам...

Он еще не успел договорить до конца фразу, как Андрей, отлично понимая, что они не собираются спасать брата, бросился к одному из боевиков, надеясь отобрать оружие. Но резкий удар охранника прикладом в челюсть, бросил лейтенанта на землю, рядом с братом.

Николай тоже попытался подняться с земли, чтобы увидеть обидчика, но силы были на пределе. Он так и не сумел разглядеть лицо «Хирурга» - вместо него все время возникало какое-то размазанное темное пятно, и вновь в ушах зазвенело. Земля для него стала уходить куда-то влево вверх. И последнее, что он увидел перед собою – также лежащего тут же на полу еще одного русского офицера, но почему-то с шевроном таджикской милиции на рукаве. И опять потерял сознание.

Николай очнулся, когда санитар дал ему вдохнуть нашатырь. «Хирурга» он больше не видел. Но судя по его грубому голосу, тот был где-то здесь, возможно у входа в палатку.

Его младший брат Андрей – с разбитым лицом и выбитым прикладом правым глазом полусидел весь в крови у стены. Но был еще живой, возможно в болевом шоке, и в сознании.

- Так вот, капитан Большаков, - внезапно гремел в ушах голос полевого командира Ширали Намиева, - сегодня ты лишишься своего брата. Потом будут умирать твои друзья, знакомые. А потом, последним, слышишь, я убью тебя! Медленно, мучительно... За мой испорченный бизнес, но главное – за отца... Никогда не прощу... И куда ты дел его талисман, тот самый бухарский пчак?

Николай попытался встать, но вновь не смог, почувствовав в теле и руке острую боль. Смог увидеть только смертельно раненного брата. На какое-то мгновение их взгляды пересеклись. В глазах его младшенького Андрея вовсе не было паники. Он мысленно попрощался с Николаем навсегда...

Внезапно два гулких коротких выстрела, в буквальном смысле прибили тело брата к стене из каких-то ящиков. И Николай скорее почувствовал, чем увидел, как быстро вышла жизнь из тела Андрея...

- Нам уже не продать труп этого барана, – Большаков услышал, как «Хирург» сказал это совсем буднично, пнув носком сапога осевший труп Андрея. - Бросьте этого русского – собакам!..

А этого, - боевик, видимо, показал на Николая, - на операционный стол. Вытащим немного его внутренностей, почку заберем, глазик. Короче – разберем этот пока еще живой «конструктор», но совсем немного. Пусть потом походит инвалидом. И пусть хотя бы одним оставшимся глазом посмотрит на своих умирающих друзей...

Два здоровенных моджахеда взяли Николая за руки и поволокли по грязному кровавому полу к выходу. В другую свободную операционную во второй палатке.

- Хорошо, что ты, сволочь, по-русски понимаешь, - прохрипел Николай, и кровь от простреленного легкого запузырилась у него на губах. - Знай, я тебя хоть инвалидом, хоть мертвым, но тебя, сволочь, из-под земли достану. И за брата и за друзей, жестоко отомщу...

И вдруг внезапно раздался сильный грохот, уши заложило, земля ушла из-под ног, а палатку сорвало в сторону. Николай почувствовал, как противная теплая хлесткая взрывная волна ударила его в спину и, выбросив на улицу, даже присыпала песком. Он так и остался лежать без сознания в траве, на склоне оврага.

Сколько Николай лежал без сознания, Большаков не помнил. Все задернула черная пелена. Очнулся, попытался осмотреться. Не получилось... Единственное, что понял - лежит на кромке огромной воронки, не в силах пошевелить руками. Рядом лежали мертвые тела боевиков - его конвоиров.

Едва вновь закрыл глаза, как почувствовал, что кто-то взял его за ворот разорванной полевой куртки и поволок по песку подальше от этой воронки и свиста пуль, пытаюсь укрыть за уже остывшей броней их взорванной боевой машины...

Прежде чем опять отключиться от боли, Николай успел рассмотреть своего спасителя – офицера в полевой форме с шевроном МВД Таджикистана на рукаве...

После очередного взрыва, он увидел, как раненный упал и его спаситель...

Госпиталь

Большаков пришел в себя уже в скромной белой палате полевого госпиталя. Рядом стояла капельница. Он вновь попытался пошевелить пальцами рук и ног. Вроде все были на месте. Но боль сковывала все тело, значит без переломов не обошлось. Он осмотрелся. Рядом на четырех койках лежали другие раненные. Кто спал, кто тихо постанывал... Николай хотел подняться, но лишь почувствовал боль в груди и сильную слабость.

На мгновение замер. Будучи совсем маленьким, он так поступал часто – закрывал глаза и вроде как прятался от беды. И, часто, боль действительно всегда уходила. Вот и сейчас, как ему показалось и в этот раз стало легче. Противная боль постепенно уходила.

А потом в палату влетел ангел. Именно так он мысленно назвал белокурую медицинскую сестру, которая заглянула посмотреть - пришел ли он в сознание.

- Сестричка, - тихо улыбнулся Большаков. - Давно ли я здесь?

Вместо ответа девушка лишь восторженно вскрикнула, и быстро выбежала в коридор. А еще через минуту она возвратилась уже с невысоким молодым врачом, под белым халатом которого была надета военная форма.

- Ну вот, вы, капитан, и пришли в себя, - улыбнулся он. Затем представился. – Капитан медицинской службы Сергей Николаев. Ваш врач. Я тут и за хирурга и за терапевта.

Этот же врач и рассказал, что Николай был без сознания около двух недель. Тяжелейшая сочетанная травма головы, перелом левой руки, пробитое легкое, огнестрельный перелом ключицы, и большая, почти критическая потеря крови.

-Короче говоря, благодарите вашего солдата - дивизионного медика, - врач Николаев поправил халат, - который оказал вам с товарищем первую помощь прямо на месте боя, причем ценой собственной жизни. Но не допустил вашей смерти из-за потери крови. Но Вам надо сказать спасибо и тому милиционеру, кто сумел вас доволочь до этого медика.

-Нет, не помню, - тихо сказал Николай и спросил. - А он тоже погиб?

-Да нет, - улыбнувшись, ответил врач. - Этот ваш спаситель - капитан милиции Владимир Беликов жив. Подлатали мы его немного - у него всего лишь контузия и осколок в плече. Думаю, ему просто повезло. Так что сами ему скажете спасибо - он тоже в вашей палате лежит. Вон на той кровати, у окна.

-Но разве мой спаситель был не таджик? - Переспросил удивленный Большаков, - я помню, что у того на шевроне была эмблема местного МВД. Вот ведь, никогда не думал, что, оказывается, жизнью буду обязан нашей милиции. Ладно, теперь надо познакомиться со «спасителем».

- Излишнее любопытство это грех, - к кровати Большакова улыбаясь, медленно подошел мужчина и в госпитальном коричневом халате. - Я русский, просто уже несколько лет, как служил в их местной милиции.

Солнечный свет, бьющий из окна в глаза, не давал Николаю возможность хорошо рассмотреть своего спасителя, лишь только его темный силуэт. Но, когда через мгновение солнышко спряталось за тучку, и тот присел на стул у кровати, Большаков хорошо рассмотрел собеседника. Владимир Беликов оказался невысоким приветливым мужчиной лет тридцати пяти, с доброй улыбкой на лице. Его загипсованная правая рука висела на белой марлевой повязке. А темно-русые волосы торчали среди бинтов на голове. Здоровой рукой, он пожал руку Большакову. И, как-то по-детски засмуцавшись, сказал:

-Меня зовут Володя. Рад, что все позади. Хорошо, что сумели спастись от того кровавого «Хирурга»...

Как потом Беликов рассказал, их обоих спас солдатик-санструктор, вовремя перевязав и остановив кровь. Но вот сам спастись не смог - погиб от пули боевика. А уже в госпиталь с места боя привез прапорщик, прикомандированный с Черноморского флота в 201-ю дивизию снайпером.

Именно вот этому неизвестному морскому пехотинцу из Севастополя они, вообще-то и обязаны своей жизнью. Он доставил в госпиталь истекающих кровью офицеров, буквально случайно обнаружив их в окровавленных бинтах и в песке возле убитого санитаря. Нашел совсем случайно, когда после артобстрела приняли бой с мелкими группами боевиков.

Но если у милиционера Беликова были лишь ранение мягких тканей плеча и средняя контузия, то Большакова, как потом признались сами медики, спасли чудом.

Да-да, именно в это мгновение, Николай вновь мысленно оказался в той самой кровавой палатке боевиков. Убитые, контейнеры для трансплантации органов, тот самый «Хирург», лица которого он не запомнил ...

-А где мой Андрей, младший брат? - Большаков, словно очнувшись, переспросил милиционера и стал глазами искать по палате. - Он здесь или...?

Беликов не ответил, а лишь опустил глаза в пол.

-Андрюша! Извини!!!! - Тихо выдохнул Николай и по его щекам потекли слезы, падая на окровавленные бинты.

Еще через несколько дней Николай уже мог сидеть. Самостоятельно кушать.

-Разрешите? - На этот раз в дверях появился незнакомый офицер в наброшенном на плечи врачебном халате. И подойдя к кровати Большакова, представился: -

Подполковник Тришко, командир полка, где служил ваш брат Андрей. Мне сказали, что вы пришли в себя. Поэтому поспешил к вам...

Он взял стоящий у окна стул и придвинул его поближе кровати Николая.

- Спасибо, - начал подполковник, - вы воспитали отличного брата и офицера. Решением командования полка и дивизии ваш брат был представлен посмертно к Ордену «За личное мужество». Со всеми почестями он похоронен, как и просил, в подмосковном Орехово-Зуево.

- А вам, как старшему брату, - подполковник достал из дипломата небольшую коробочку и удостоверение, - передаю его награду на хранение.

Он положил на тумбочку небольшую белую бумажную коробочку с орденом и красную книжку с государственным гербом на обложке. Все, что теперь осталось у Николая от его самого близкого человека.

- Большое спасибо, - Николай сел на кровать и пожал протянутую руку. – Это я виноват. Так глупо потерял братишку... Не нужно было его брать с собою...

Человеческая память... Она способна хранить все увиденное многие годы, помнить, казалось бы, самые мелочи.

Трудное детство

Уже давно наступила ночь, и только синяя больничная дежурная лампа над входной дверью продолжала тускло гореть. Большаков все еще лежал с открытыми глазами, и никак не мог уснуть. Наверное, именно теперь, оказавшись вынужденно здесь на больничной койке – в так называемом «отпуске по лечению» у Николая появилась впервые возможность еще раз посмотреть на свою жизнь, как бы со стороны.

Еще пару лет – и он перешагнет тридцатилетний рубеж. Тот самый переходный период, когда офицер, уже добившись чего-то в этой жизни и в службе, превращается в настоящего командира и на его плечи ложатся погоны теперь уже с большими звездами.

Когда-то, еще в стенах родного Калининского суворовского военного училища, его первым командиром взвода был капитан Козлов. Дорогой Сан Саныч, который принял их «олимпийский» набор 1980 года, и за два года сумел - из разных по характеру и статусу вчерашних подростков – сделать настоящих защитников страны. В этом едином и дружном коллективе, вне зависимости от того, кто у тебя родители и из какого ты населенного пункта – труднодоступной деревни в Чувашии или из самой Москвы, капитан Козлов, словно искусный древний гончар, лепил из них в первую очередь не просто будущих офицеров, а именно патриотов своей Родины.

Николай Большаков, поступивший в это суворовское училище из Орехово-Зуевского детского дома, конечно же, был более подготовлен к такой суровой армейской жизни, чем многие другие его однокурсники, которых только «оторвали» от родителей.

Ранний подъем, жесткий распорядок дня, проверки, суточные наряды, изнуряющая физподготовка – со всем можно было смириться. Все это делалось для того, чтобы закалить характер, сделать тебя сильным и умным. Вселить в каждого суворовца уверенность – что он необходим своей стране, что надев на плечи офицерские погоны, он станет одним из тех, кого с гордостью называют – элита офицерского корпуса СССР.

Как позже показала жизнь, именно львиная доля бывших суворовцев стала тем оплотом, на котором, после развала страны, и возникли новые Вооруженные Силы России. Потому что их вырастили истинными патриотами, и поэтому их дружба всегда остается крепка даже спустя десятилетия. А нагрудный знак об окончании СВУ становится отличительным знаком настоящего человека чести.

Образовательный процесс был в стенах суворовского основой основ. Опытнейшие педагоги, пришедшие на кафедры училища порой даже из академий и университетов, требовали от воспитанников не только изучать школьный материал, но и получать

знания уже за первый курс высшего учебного заведения. Это было оправдано, ибо после окончания училища, каждый из вчерашних суворовцев продолжал учебу уже в военном вузе без экзаменов. А опытные командиры, увидев на кителе курсанта знак об окончании СВУ, назначали таких курсантов сразу же младшими командирами, отдавая им предпочтение. Не смотря на то, что в подразделении были более старшие, по возрасту и воинскому званию курсанты, поступившие в училище после службы в армии.

Конечно, Николаю Большакову с учебой было намного труднее после детского дома, чем другим ребятам. Но всегда на помощь приходили однокурсники, кто подтягивал его по некоторым предметам.

Заместителем командира взвода был настоящий лидер, отличник и профессиональный лыжник старший вице-сержант Борис Арефьев. Он на самом деле всегда был первым в коллективе, если так можно сказать – его опорой. Правой рукой командира: командиры отделений и вице-сержанты - рассудительный Роман Петелин, добряк и человек чести Андрей Плохушко и золотой медалист Олег .

В огромном спальном помещении на втором этаже нового корпуса училища размещалась вся рота суворовцев. Второму учебному взводу, в котором числился Николай Большаков, досталось спальное помещение между учебной аудиторией и умывальником, огромные трубы у потолка которого суворовцы часто использовали, как турник.

В просторной комнате расположилось двадцать пять кроватей. На соседней с Николаем койке обитал взводный балагур и поэт суворовец Андрей Гусев - настоящий друг, мастер слова и один из родоначальников училищной команды КВН. Прямо напротив – любитель книг и знаток русского языка Валентин Миц, а у самой двери наш взводный «Шварцнегер» с душой романтика Игорек Степовик.

Николай помнил, как часто, особенно холодными зимними ночами, после команды «Отбой!», и контрольного обхода дежурным офицером, когда еще никому не хотелось спать, в тишине комнаты начинали звучать волшебные переборы гитары. И общий любимец, владелец бархатного голоса и талантливый музыкант суворовец Рустам Валеев, по многочисленным просьбам всего взвода, исполнял любимую всеми песню «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант...». Никто из них тогда и не мог подумать, что, спустя годы, многих уже не будет в живых. А командир спецназа разведки ВДВ уже майор Рустам Валеев, прикрывая своих подчиненных, закроет их собственным телом, и погибнет во время спецоперации в Чечне.

А пока, в те минуты музыкального блаженства каждый из лежащих в кроватях суворовцев мысленно был далеко от училища – там дома, где его ждали родственники и друзья.

Николай Большаков тоже хотел в такие минуты оказаться у себя в подмосковном Орехово-Зуево, зайти в своей красивой черной суворовской форме в свой детский дом. Увидеть волчий, затравленный взгляд, ныне десятиклассника Ваньки Рыжего, на теле которого в свои 16 лет, больше не оставалось ни одного свободного от «блатных» татуировок места.

Чтобы этот «местный авторитет» - которого побаивался раньше даже директор, понял, что не все хотят жить по этим волчьим законам, что добро всегда побеждает зло. Пусть не сразу, но побеждает. И он – Коля Большаков – положил еще в стенах школы этому беспределу конец. А также, конечно, полюбоваться первой красавицей класса – той самой Аленкой Кравчук, белокурым ангелом среди серой массы детского дома.

...Николай попал в тот детский дом случайно, когда учился уже в шестом классе. Его отец – майор милиции Алексей Большаков – был начальником отдела уголовного розыска одного из районов Москвы, и был убит в конце апреля 1978 года. Точнее был не убит, а погиб в схватке с преступником.

Тогда через неделю после окончания весенних каникул, Николай с отцом, мамой и младшей сестренкой ехали в гости к другу отца – капитану милиции в отставке Владимиру Черняеву. Бывшему его заместителю, который уйдя на пенсию, перебрался в этот тихий угол, подальше от шумной столицы.

Здесь вдали от оживленных трасс он купил себе уютный домик. Причем, даже не в черте города, а на далекой окраине, в нескольких километрах от железнодорожного вокзала. Оказавшись на территории так называемого «сотого километра» и отдавая себе отчет о том, сколько у него появилось соседей с уголовным прошлым, отставной милиционер все же оставался предан букве закона. Всегда вставал на сторону обиженных.

Поэтому уже за первые полгода приобрел немало недоброжелателей не только среди бывших «сидельцев», но и даже местных сотрудников милиции. Местные стражи закона предпочитали не «портить статистику», и закрывали глаза на ситуацию, которая там складывалась.

Перебравшись в небольшой поселок, отставной капитан милиции Черняев в конце октября 1977 года стал свидетелем того, как два брата Демины – местные «сидельцы», успевшие к своим 30 годам иметь за спиною по две ходки – в поиске денег убили местную старушку, а найденные у нее деньги просто пропили. Владимир с ними случайно столкнулся, когда они брели от дома убитой.

Когда на следующий день он узнал, что убита старушка, профессионал четко знал, где найти преступников. Но в местной милиции в аресте братьев Деминых ему отказали. Никто не хотел портить отличную статистику этим серьезным преступлением в канун праздника 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. К тому же от этого зависела «тринадцатая» зарплата не только местного отделения милиции, но и района, и даже области. Да и «злить» местных «сидельцев» никто не хотел.

Так что, судя по официальным документам, бабушка была не убита, а ... умерла от сердечного приступа. Так что даже уголовное дело по факту убийства не открыли. А Черняева предупредили держать «язык за зубами», естественно, если он не хочет неприятностей.

Почувствовав свою безнаказанность, братья Демины затаили злобу на «отставного мента». Два раза ему били окна, а в конце зимы даже стреляли в него самого из охотничьего ружья. Возможно, именно тогда Черняев и обратился к своему бывшему коллеге Большакову за советом. До последнего верил, что бандиты не хотят его убить, а пробуют просто попугать.

Так получилось, что в тот день, когда Большаковы приехали в пригород Орехово-Зуева в гости к Черняеву, к братьям Деминым тоже наведалься их сокамерник по кличке «Джемал». Когда в углу оказалась очередная пустая бутылка из-под самогонки, один из братьев и вспомнил о сегодняшних гостях у мента. Тогда именно «Джемал» и предложил «убить легавых», и вытащил из большой спортивной сумки ворованный автомат и три рожка с патронами.

...Первым погиб хозяин дома Черняев, когда открыв дверь неожиданным гостям, получил смертельный удар ножом прямо в сердце. Следующим был безоружный майор милиции Алексей Большаков, который пытался собственным телом закрыть жену и маленькую дочку, которая сидела у нее на коленях. Три короткие автоматные очереди оставили черно-бордовых точки на белой рубашке отца, из-под которых растекались по рубашке огромные кровавые ручьи.

Очередными выстрелами маму отбросило с лавочки к стенке, и ее пробитое пулями праздничное платье сразу же намокло от крови. Здесь же лежала с широко открытыми глазами младшая сестренка, получившая мгновенно пулю прямо в сердце, при этом даже не успев понять, что произошло.

Рецидивист «Джемал» расстрелял жену хозяина дома прямо на кухне возле плиты. А когда она упала, обливаясь кровью, даже неуместно пошутил, мол «теперь можем и закуску забрать, им уже не понадобится»...

Маленький Николай в эти минуты лежал с простудой в гостевой. Высокая температура не позволила ему посидеть со всеми за столом. Но как только он услышал первые выстрелы, сразу спрятался под кровать. Он видел, как в комнату вошли несколько человек. Видел их ноги, и, через открытую дверь, в комнате остывающее тело отца.

И только когда бандиты обнаружили в документах убитых удостоверение сотрудника столичного угрозыска, они вмиг протрезвели. Решив, что убили всех, они решили скрыть следы преступления. Опытный «Джемал» приказал собрать гильзы, и потом сжечь дом... Николай уже во время пожара пробовал вытащить тела убитых родителей и сестры из охваченного огнем дома. Но не смог. С порезами на руках, с ожогом левой руки он еле-еле сумел выбраться из дома и скрыться на окраине поселка в каком-то сарае.

Он слышал сирену пожарных машин, милиции, скорой помощи. Но пойти к ним у него уже не хватило сил. Да и слишком серьезный шок пережил в тот день тринадцатилетний парень...

Только возвратившись на следующий день в Москву, Николай сразу же пошел в папино отделение милиции и все рассказал. К удивлению столичных оперативников, в подмосковном УВД им сообщили, что никакого подобного ЧП в области нет. Есть лишь пожар по «пьянке», где в доме сгорело несколько человек, видимо – кто-то из них пьяным уснул с сигаретой...

Но показания Николая, да и высокое положение погибшего отца, помогли немного сдвинуть это дело с «мертвой точки». Нет, дело так заведено и не было. Но все же в условиях полнейшей информационной тишины вся троица убийц была установлена и объявлена во всесоюзный розыск, а потом ликвидирована в ходе задержания всего через три недели.

Младший брат

После завершения расследования по факту гибели родителей, в московской квартире Большаковых, Николаю оставили лишь комнату, передав вторую нуждающимся в улучшении. А самого Николая отправили в детдом. По иронии судьбы туда же – в Орехово-Зуево.

Был ли сложно? Конечно же, было нелегко. Вырванный из обычной полной семьи, Большаков внезапно оказался в окружении трудных подростков, ребят, кто с рождения никогда не имел близких людей, или как Ванька Рыжий - был даже рожден в тюрьме. И сюда, в детский дом, этот невысокий коренастый рыжеволосый паренек с огромными веснушками на лице и ушах принес настоящие взрослые «уголовные» привычки. Заняв статус так называемого «некоронованного короля». Он и его ближайшее окружение, словно губка, впитывали все воровские понятия. Насаждая в детдоме культ силы. Избивая всей толпой любого не согласного.

Тот конфликт Рыжего и Большакова возник практически сразу, с первого взгляда. Да и по-другому быть не могло. Это была встреча двух противоположностей: криминала и антикриминала. Как считал сам Ванька - сын уголовного авторитета не может жить под одной крышей с сыном «легавого». Но чисто физически вся «гоп-команда» Рыжего проигрывала одному Николаю Большакову, которого с детского сада отец учил азам рукопашного боя и бокса. Никак тогда не думая, что это когда-то сможет сохранить сыну жизнь...

Детский дом обосновался в старом, почти столетнем здании бывшей местной церковно-приходской школы на самой северо-восточной окраине города. Здание было

спрятано за чередой красно - кирпичных зданий бывшей местной ткацкой фабрики, где сразу же после окончания Великой Отечественной войны и расположился детдом.

В отличие от нынешнего контингента, в те годы основными обитателями здесь были дети погибших на фронте. А единственный, с основания, директор этого дома Григорий Петрович Беленький всегда считавший свое детище лучшим, очень гордился своими воспитанниками. Именно он рассказал Коле, что в Калининне есть суворовское училище, по окончании которого он сможет стать впоследствии офицером, продолжить карьеру отца.

И тогда Большаков начал сражаться. Не только за себя. За директора, за своих одноклассников, за память тех первых выпускников, кто с честью вошел отсюда во взрослую жизнь, окончил вузы и многого добился, и чьи портреты до недавнего времени украшали коридоры детского дома.

Но с приходом Ваньки Рыжего и насаждения им «тюремных привычек», жизнь в детском доме, казалось, была вновь пущена на самотек. Да и директор уже в силу возраста был не в силах противостоять молодым и наглым «рыжикам». Единственная надежда оставалась только на Большакова.

Естественно, вскоре вокруг Николая тоже появилась своя команда. Набравшая силу буквально за полтора месяца, почувствовав, что есть люди способные противостоять «рыжикам». Под «крыло» Большакова перешло немало ребят, кто тоже не хотел терпеть дальше эту «тюремную власть». Поэтому этих ребят даже за глаза стали называть «большевиками», взяв за основу фамилию их лидера.

С тех пор открытого кулачного противостояния в детском доме больше не было. В отличии от Ваньки Рыжего, Николай делал ставку не на силу, а на убеждение, понимая, что физическое противостояние – путь в никуда.

«Большевики» создали свой театральный кружок, пробовали свои силы в юмористической командной игре, похожей на ранее существовавший в стенах дома КВН. А сам Николай стал обучать ребят основам рукопашного боя. Постепенно разочаровавшиеся в «блатной» жизни, многие «рыжики» стали переходить на сторону «большевиков». Сознательно выбирая интересную и спокойную жизнь. И уже спустя полгода в детском доме даже завершилась «эпидемия» тюремных наколок...

Именно тогда Большаков впервые увидел в глазах белокурой красавицы Алены Кравчук не усмешку, а заинтересованность. Девушка, родившаяся у матери-проститутки, которую лишили родительских прав, буквально с молоком матери впитала главное для себя правило - успешен в жизни лишь мужчина-лидер, имеющий деньги. И совсем не важно, как он эти деньги достал.

Поэтому в детском доме она считала своим парнем имеющего деньги и силу Ваню. Но ее планы вдруг нарушил неизвестный Коля Большаков, симпатичный паренек, внезапно став новым неформальным лидером. По отношению к угловатому рыжему «Королю», Николай был хорошо сложен, неплохо учился, сплотил вокруг себя других ребят. Но, он почему-то совсем не замечал Алену, которая, привыкшая к всеобщему вниманию, всегда злилась, в тайне мечтая заставить Большакова влюбиться в нее.

Как- то вечером Николай застал Ваньку Рыжего в дальнем коридоре, в компании его подчиненных, которые планировали наказать малыша-второклассника. Этот мальчик, как в свое время и Николай, в очередной раз отказался выполнять распоряжение «Короля», хотя его уже не раз за это били до крови. А он терпел, показывая всем свою независимость.

Вот и в этот вечер, вытирая кровь из разбитого носа, этот малыш в очередной раз глядя прямо в глаза Рыжего повторял, что больше не будет выполнять их распоряжения, и воровать у преподавателей сигареты и деньги.

-Кто тут малыша обижает? - Большаков вышел в коридор и вплотную подошел к Ваньке. – Почему нарушаете наши договоренности? Почему заставляете детей воровать?

- А это не твое собачье дело! - Рыжий, стоящий у окна, внезапно повернулся. – Это мой «шнырь», и он будет делать то, что я прикажу.

Он улыбнулся и, глядя на малыша, добавил:

- А то вдруг он ненароком случайно упадет с крыши. Вдребезги...

Николай подошел ближе к мальчику и увидел, как с надеждой горят его глаза. Он был полон доверия к Большакову и его «большевикам».

-Как зовут-то тебя неизвестный пионер - герой? Сколько тебе?

-Андрюха, - тихо ответил он. – В августе было 8. Я не малыш, я уже большой.

И тут Николай, глядя на мальчика, невольно вспомнил свою погибшую младшую сестру. Они были бы почти ровесниками.

-Я тут уже три года, - продолжал бубнить Андрей. – Мать умерла, отец спился, потом его посадили за разбой, лишили родительских прав. Вот «Король» и сказал, что я их – блатной. Должен воровать. А я не хочу...

И подняв на него полные слез глаза, попросил Николая, взять к себе - в «большевики».

Несмотря на то, что за минувшие полгода, у Николая появилось много новых знакомых, он очень тосковал о погибшей сестренке. А тут вот такой подарок судьбы.

Помог в этом тот самый директор Георгий Петрович Беленький. Именно он через секретаря горкома партии и кого-то из исполкома города, в порядке исключения, сумел переоформить документы Андрея на фамилию и отчество Николая. Так что теперь, согласно новому свидетельству о рождении, Николай Алексеевич и Андрей Алексеевич Большаковы стали родными братьями.

Отныне с позорным прошлым маленького Андрея было покончено. И Николай, как старший брат, стал опекать младшего.

А еще спустя полгода, после окончания восьмого класса, по рекомендациям директора Георгия Петровича Беленького и городского военного комиссара подполковника Николая Викторовича Строилина, Николай подал документы для поступления в Калининское суворовское военное училище. Оставив за себя в детдоме во главе «большевиков» своего близкого друга и заместителя Сережу Осиненко.

А когда вышел приказ о зачислении Большакова суворовцем, по решению начальника училища генерал-майора Коммунара Михайловича Чиркова, младшего брата Андрея зачислили сюда же, в качестве воспитанника музыкального взвода. В надежде на то, что после окончания 8 класса он тоже будет поступать в СВУ. Так что теперь в ставшем родным городе Калининне они вновь были вместе, два друга, которых объединило горе, и которые стали родными.

Каждый вечер, Николай находил в своем строгом суворовском распорядке дня часок, когда он мог посидеть после учебных занятий с Андреем в его небольшой комнатке, подтягивая брата по учебным дисциплинам. А когда младший значительно подтянулся в учебе, старший старался его как-то поощрить, покупая билеты в расположенный рядом цирк на все премьеры.

Вместе они были и в Москве, в период подготовке к параду на Красной площади в 1981 году, проживая на территории Московского суворовского военного училища в Филях. Занимались уроками в обычной столичной школе на Шелепихе.

И даже видели на Мавзолее Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Правда, Николай видел на Красной площади весь генералитет из самой парадной коробки Калининского СВУ, то Андрей, в силу возраста, пока лишь только на экране телевизора, где транслировался ноябрьский военный парад.

К слову, именно там, в Москве, Николай и решил стать пограничником. После того, как их командир роты подполковник Коротков организовал для суворовцев поход в легендарный музей истории Пограничных войск КГБ СССР. Этот поход восхитил Николая, особенно рассказ экскурсовода об отважном офицере Никите Карацупе, о жизни и героизме других военнослужащих в «зеленых фуражках», которые рискуют

жизнью ежедневно. Поэтому, видимо, именно у них, единственных, в мирное время всегда были боевые награды.

Время учебы пробежало быстро. И вот он – выпускник суворовского училища Николай Большаков и еще один его однокурсник Кирилл Петров – держат в руках необычное предписание. Отныне они военнослужащие Комитета государственной безопасности СССР, и продолжают учебу в Высшем пограничном училище КГБ СССР, где будут носить фуражку с темно-синим околышем и зеленым верхом.

В свободные дни каникулярных отпусков, Николай с младшим братом Андреем встречались на Красной Пресне, в квартире Большакова - в красивой московской сталинской девятиэтажке, неподалеку от Трехгорной мануфактуры. Из окна комнаты Николай видел свой старенький детский садик, двор и даже школу через дорогу, где прошли годы его детства. Андрей, так как был суворовцем и учился по четвертям, был здесь – дома, намного чаще своего старшего брата. Ведь весь путь на электричке от Калинина до столицы занимал всего четыре с небольшим часа.

Однако, после окончания суворовского, младший брат Андрей решил не идти по стопам Николая в погранвойска, а остаться в Министерстве обороны СССР и поступать на спецфакультет Высшего общевойскового командного училища.

Золотая печать

Больше двух месяцев лечения. Капельницы, уколы, таблетки, череда операций...

Потом долгий изнурительный перелет из Душанбе в Москву, и на санитарной «таблетке» сразу же долечиваться в подмосковное Голицино, в госпиталь пограничных войск.

-Вот ведь какая большая страна, - восторгался Николай, рассматривая через окна машины пролетающий с двух сторон дороги лес, укутанный первым желтыми и красными осенними листьями. – Еще утром мы искали укромного прохладного места на горячей бетонке аэродрома Душанбе, и вот уже – через несколько часов – ты видишь родные березки и елки, первые за последние два года... Ну вот я и возвратился!

Огромное серое большое здание военного пограничного госпиталя неприметное снаружи, было очень многофункциональным с современным оборудованием и профессиональными врачами внутри. В палате, куда определили Большакова, на соседней кровати лежал бледный с перевязанной головой молодой офицер. Он спал. Рядом стояла капельница. Но увидев вошедшего Николая, слабо помахал ему рукой. Почти так же, как сам раненный Большаков приветствовал в палате своего спасителя - Владимира Беликова, того самого бывшего таджикского милиционера.

Этот его «ангел-хранитель», как мысленно теперь называл он Владимира, выписался из госпиталя уже больше месяца назад и, воспользовавшись непростой ситуацией в «независимом государстве Таджикистан», сразу же уволился из милиции. Сказал, что поедет к знакомым в Тверь, переименованный ныне город Калинин, и там, видимо, останется. Но в госпиталь, к Большакову обещал заехать.

Новым соседом по палате оказался скромный белорус Володя Гурвич, выпускник его же «Бабушкинского» училища и до недавнего времени проходивший службу в Нахичеванском пограничном отряде в должности коменданта. Несмотря на то, что он по выпуску был моложе Большакова на целый год, его парадный китель – висящий в палате в шкафу – уже украшали майорские погоны, медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» и два ордена Красной звезды.

-Оказывается мы с тобою соседи не только по палате и по учебе, но и даже по последнему месту службы, - Николай улыбнулся и присел на подоконник, посмотрев на

желто-красно-зеленый лес. – Нас разделяло всего каких-то пару тысяч километров. Как говорят служащие здесь – мы с тобою там обрели для службы «теплое место»...

-...Которое в одно мгновение в 91-м превратилось в настоящую «горячую точку», - быстро продолжил Гурвич. - Последние годы каждый выход на дежурство было сродни боевой операции. У нас удивительное место - своеобразный анклав Азербайджана на Армянской территории. И эти две бывшие братские республики готовы были сейчас поубивать друг друга за этот кусок земли и, естественно нас – советских пограничников, стоящие здесь по всему кругу буфером.

-Я вот тут, около полугода назад, - Володя что-то вспомнил и хотел выговориться, - попытался на неделю смотаться в свою родную Белоруссию. К родственникам, друзьям. Ну и ради сокращения расстояния вылетел на азербайджанском вертолете в Баку. Чтобы потом сразу бортом в Москву.

-Так вот, представляешь, эту чертову вертушку какие-то несознательные боевики сбили недалеко от государственной границы..., - продолжил офицер и тяжело выдохнул.

-Ну и как там было? – переспросил Большаков в надежде на то, что Гурвич расскажет, как попали в вертолет, как машина, потеряв управление, стала падать...

Даже мурашки пробежали у Николая по спине... Не зря же, он не любил летать этим видом транспорта...

Но Гурвич лишь махнул рукой, и, посмотрев на Большакова, грустно изрек:

- Я, блин, из-за этих неподконтрольных никому партизан потерял три дня от отпуска, - и добавил, - понимаешь, пока из-под обломков вылез, пока первую помощь летчикам оказал, потом пока еще до аэродрома добрался...

Николай от души рассмеялся, и, взбив кулаком подушку, лег на кровать. Вот такой концовки он точно не ожидал, такого поворота. Привыкнув в последние несколько лет к тому, что некоторые офицеры, наоборот, о «своих подвигах» стали рассказывать ярче, зачастую приукрашивая и само событие намного больше, чем оно было в реальности. А тут, наоборот, такая скромность...

-К слову, - Большаков посмотрел на товарища, - я был тут не очень давно свидетелем одной пресс-конференции нашего Главкома погранвойск СНГ генерал-полковника Ильи Яковлевича Калининченко. Так там, какой-то иностранный журналист задал ему вопрос о его мнении на создание Украиной своих пограничных войск, о чем якобы в Киеве заявил новый министр обороны генерал-полковник авиации Константин Петрович Морозов.

- Ну и? - Переспросил Гурвич. Судя по всему, он был не в курсе, но тема была ему очень интересна.

- Тогда тем, кто не слышал, - попытался сделать серьезным свое лицо Большаков. – Опытный главком тогда этому журналисту ответил всего одной фразой. Сказал, что **«В авиацию, в отличие от погранвойск, всегда отбирали только по ...здоровью!»** Ну и дальнейшую дискуссию попросил закрыть!

Оба офицера лежащие в палате рассмеялись...

-Но спасти тогда еще единые погранвойска СНГ от распада он все же не сумел, - вдруг грустно вздохнул Гурвич. - У нас в Белоруссии ныне тоже планируют создавать свои погранвойска. Хотя, в отличие от Украины, у нас у власти не популисты. Белорусы – народ вдумчивый, прежде чем что-то делать, все досконально обдумают, взвесят, и только потом приступят к решению. Ведь сейчас, только когда поняли, что союзных войск больше нет, они решились на такой шаг.

-Мне уже предложили место в погранотряде в Бресте, - тихо произнес Владимир. - И я согласился. Обещали с назначением очередную звездочку на погоны. А я, так некстати, попал под этот обстрел. Теперь сказали, рапорт подпишут только после моей выписки...

Конечно же, Большакову не хотелось верить в то, что его любимые единые пограничные войска КГБ СССР, которым он отдал уже многие годы, тоже растаскивали по национальным квартирам. И его вчерашние коллеги уезжали домой, создавая по указке новых глав независимых государств, с «нуля» свои собственные войска.

К слову, еще через неделю, майор Владимир Гурвич, надев свою парадную форму с государственными наградами, сразу после выписки из госпиталя уехал в Москву получить предписание на увольнение и убытие в столицу Белоруссии. Строить, так сказать, новые пограничные войска на старом советском фундаменте...

А когда до выписки самого Николая оставалось не больше недели, на пороге больничной палаты появился Володя Беликов, тот самый его «ангел-хранитель». Как и тогда, в военном госпитале в Душанбе, он подошел к Большакову с широкой улыбкой, и крепко обнял поспешившего к нему на встречу Николая. Его темно-русые волосы заметно отрасли и совсем скрыли рану за левым ухом. Голубые глаза излучали радость.

- Ну как ты, Николай? – Беликов поправил халат, выложив из большого пакета на тумбочку бутылку минеральной воды, виноград, лимоны и три яблока. А потом, для вида, заговорчески оглядевшись, тихо спросил:

-«Может по пять капель?... За здоровье!» И достал из внутреннего кармана белого санитарного халата ...бутылку настоящего французского коньяка «Наполеон».

Когда темно-коричневая жидкость уже была разлита в небольшие цветные специально подготовленные для таких случаев пластмассовые стаканчики из-под йогурта, Беликов разрезал два лимона на небольшие дольки, обильно посыпал их сахаром, и взял «бокал» в руку.

- Дорогой Николай! – Начал он почти шепотом, еще раз посмотрев на закрытую дверь больничной палаты, и только потом продолжил, на всякий случай, уже в полголоса. - К большому сожалению, мы с тобою познакомились при не очень простых обстоятельствах. Но, тем не менее, вырвались не только из лап этого кровожадного убийцы «Хирурга», но и даже чудом остались живы. Хотя я тоже потеряли близких. У меня этот нелюдь тоже «вырезал» всю семью, а я сам - оказался в той палатке...

-Хотя, не будем о плохом..., - продолжил Беликов уже совершенно спокойным голосом. - Разреши этим тостом, со специально привезенным сюда, и сейчас налитым 5-звездным коньяком, как настоящий восточный виночерпий, пожелать тебе быстреего выздоровления. Это, во-первых! Во-вторых, так как в нашей армии 5 звездочек на погонах нет, то я тебе желаю присвоения очередного воинского звания – «майор». Ты это заслужил...

Они чокнулись своими стаканчиками и залпом выпили.

Грустные глаза Беликова вдруг засветились. Николаю, на мгновение, даже показалось что Владимир, потерявший, по его словам, всю семью, как-то неестественно внезапно резко переключился с «больной» темы.

Хотя, если учесть что жизнь идет дальше, то одним вчерашним днем жить нельзя. Погибшие остаются в памяти, а мы продолжаем существовать дальше... Да и выдержки этому милиционеру видимо было не занимать.

А Владимир между тем, вновь наливал «стопочку».

-К слову, тут недавно в Твери услышал новый анекдот, - Беликов тихо подошел к окну, приоткрыл его немного, поставил свою стопку на подоконник и закурил.

- *Как-то встречаются в Жмеринке два еврея. На Абраме очень дорогой профессионально пошитый смокинг и такие же брюки.*

-*Где ты его приобрел? – интересуется Изя.*

-*Да вот по случаю привез племянник из Парижа, - поясняет владелец дорогой одежды.*

-*А этот Париж, он далеко от нашей Жмеринки? – не сдается Изя.*

-*Ну, где-то тысячи четыре километров, - поясняет Абрам.*

-*Да, - со знанием дела констатирует Изя. – Такая ...глухомань, а какие хорошие костюмы шьют. Прямо как у нашего кройщика Левы Либерзона...*

Офицеры опять дружно расхохотались...

-Это я по поводу Франции, о том, что некоторые наши пессимисты сравнивают привкус коньяк с запахом мелких домашних насекомых из диванов..., - вновь улыбнулся

Беликов. - Не слушайте их. Даже если в этом элитном коньяке и есть «запах клопов», то все эти клопы здесь тоже исключительно элитные, французские. Как и сам этот именитый коньяк из этой самой глухомани - из Парижа.

Коньяк еще раз заполнил пластмассовые стаканчики. Все чокнулись и еще раз выпили.

-Ладно, Николай, - Беликов бросил недокурную сигарету через открытое окно на улицу. – Я очень рад, что приобрел себе такого друга. Жаль, конечно, что не удалось послужить под твоим началом. Как и не сумел тебе помочь в поиске «Хирурга». Но видно такие у нас судьбы. Не всегда удается сделать то, что хочешь...

-Но я очень хочу тебе пожелать, - продолжил он. – Все же найти эту «гадюку» и уничтожить. И за меня и мою семью тоже отплатить...

На улице уже давно стемнело. Судя по времени, Беликов, видимо уже добрался до столицы и скорее всего уже ехал на электричке со своего Ленинградского вокзала в сторону Твери. А Николай все еще лежал с открытыми глазами, смотря в потолок, и мысленно в очередной раз вспоминал ту единственную встречу с «Хирургом» в палатке. Когда боевики убивали его ставшим родным брата...

Большаков пытался, но никак не мог вспомнить ни рук убийцы, ни что-то запоминающееся вообще в его облике. И, вдруг сознание на какое-то мгновение прояснилось, и он совершенно отчетливо увидел, как на картинке, руку бандита. На среднем пальце правой руки которого ...располагался золотой перстень. Почему отложилось в памяти? Наверное, потому что тот, кто убил Андрея, прежде чем ударить, в последний момент повернул саму эту золотую печатку внутрь ладони. Видимо боялся залить ее кровью. Лишь одно мгновение видел Большаков этот перстень, но вот память записала. Да, еще там на нем был небольшой, утопленный в золоте бриллиант и большая буква «А». Конечно, не густо, но все же...

...Николай попытался приподняться с окровавленного земляного пола медицинской палатки, но ноги его совсем не слушали. Тогда он попытался ухватить «Хирурга» за сапог, но бандит быстро отошел, и пограничник руками судорожно поймал лишь воздух. Затем в какое-то мгновение, Большаков все же сумел сконцентрироваться, вскочил на ноги, бросился к стоящему рядом бандиту и, из последних сил, сорвал маску с его лица. Однако самого лица под ней не было - под камуфлированной формой и маской скрывалась лишь ...тень.

Николай бросил маску на пол, и увидел, как тень перед ним растворилась прямо в воздухе. Закричал от досады и ...открыл глаза...

Он даже не заметил, как уснул. И сейчас даже не мог понять, что в его сне было реальностью, а что – нет. На его крик из коридора уже бежала медсестра и дежурный врач. Круглые настенные часы на стене показывали раннее утро - пять часов утра...

Потом этот сон повторялся Большакову в госпитале довольно часто, и каждый раз он не мог увидеть лица «Хирурга», а гнался только лишь за его ...тенью.

За два дня до выписки, в палате Николая появилась, оставляя за собою шлейф запаха дорогих французских духов, обаятельная белокурая красавица с огромными зелеными глазами, длинными ногами и осиной талией. Она была одета в дорогой светло-синий брючный костюм, на спину которого падала толстая длинная русая коса. Улыбнувшись, она вошла в палату, и поставила большой пакет с фруктами на тумбочку Большакову.

-Ну, что мой дорогой Коленка, не узнал? – она слегка наклонилась к лежащему Большакову и поцеловала его в щеку. – А я надеялась, что ищешь меня по всей нашей необъятной стране, переживаешь, сходишь с ума...

Конечно же, Николай ее узнал сразу. Это была та самая его первая любовь Алена Кравчук. Точнее, первая и пока единственная. Та самая девушка, в которую он влюбился

едва переступив порог детского дома. Но, который помнил, что эта девушка тогда выбрала «Рыжего», в первую очередь ради его статуса в детдоме, и его нечестных денег.

-Аленка, ты, как и всегда, великолепна! - Большаков галантно встал с кровати в своем спортивном костюме и пододвинул ей ближе стул. – Вот только не думал, что мы с тобою вновь увидимся. Тем более в этих белых госпитальных стенах. Как ты только могла об этом узнать?...

-Ну, это проще простого, - девушка села на предложенный ей стул и забросила ножку на ножку. – Где-то месяц назад я узнала, что на окраине Орехово-Зуева на старом кладбище похоронили офицера Большакова, бывшего детдомовца. Господи, как я тогда рыдала! Думала, что там ты. Ведь, каюсь, в школе была в тебя влюблена. Ты был моим кумиром, несбыточной мечтой!

-Мне же казалось, что твоим кумиром был, насколько я помню, только наш «Рыжий», - улыбнулся Николай.

-А что мне слабой красивой девушке оставалось, - она подняла на офицера свои огромные зеленые глаза, - мне нужна была опора, широкая спина, ну и наконец, чего говорить - финансовая помощь... А ты ушел в суворовское, даже мне ни разу не писал... А вот я о тебе помнила, ждала... - Она кокетливо прикрыла глаза.

-Летит время, мы с тобою, наверное, уже лет 12 не виделись, - улыбнулся Николай.

-И за это время ты меня даже ни разу не вспомнил, – как ни в чем не бывало, продолжила девушка. – Так вот, я нашла время, зашла в наш детский дом, узнала, что похоронен не ты, а какой-то гвардии старший лейтенант Андрей Большаков. Потом поняла – это, скорее всего, тот самый малыш из команды «Рыжего». Ну которого ты потом «усыновил» и дал ему свою фамилию. Молодец парень, говорят, кавалер боевого ордена. Поэтому я даже к нему на могилу съездила, цветочки положила...

-Ну а потом наш бывший директор - дедушка Беленький, - она сделала вид, что утирает набежавшую слезу. – Рассказал о том, что ты тоже в том бою пострадал. Лечился где-то в Таджикистане. А сейчас тебя перевезли в Подмосковье, в этот пограничный госпиталь. Тогда и решила приехать тебя навестить.

-Ведь помнила тебя, любила, - Алена быстро поправила косу. – Поэтому и решила тебя сама из госпиталя забрать, вылечить. Хватит тебе уже служить. Новая страна, новые возможности.

-При этом, - как бы, между прочим, продолжила девушка, - ходят слухи, что тебя, к званию Героя России представили. А значит, место тебе потом престижное для работы найдут, денежное. К примеру, где-то в их «Газпроме». Ну, чтобы там - далеко в Сибири рабочие работали, а ты бы здесь в Москве - ими вроде руководил.

Потом распишемся в элитном Грибоедовском, я тобою бы восхищалась, красивых детей бы тебе родила..., - она о чем-то задумалась и продолжила. – К слову, коттедж нам на Рублевке вовсе не нужен, ограничим себя большой трешкой в Москве, и просторной двухэтажной зимней дачей где-то в Барвихе... Ну, и конечно же, ты мне сможешь небольшую фирмочку открыть... Вот тогда она и будет настоящая жизнь...

Николай, сидя на кровати, слушал монолог обворожительной красавицы, и все яснее понимал, что за минувшие годы она вовсе не изменилась. Та же ее расчетливая холодная улыбка, та же страсть к деньгам. Исправить которую ничто не сможет. Ведь Алена по-прежнему хочет иметь некий статус, а вот кто ей его обеспечит, ей не так уж и важно.

-Большое спасибо за гостинец, - Большаков встал и бережно обнял девушку за плечи. – Но хочу тебя расстроить. Ни новой медали, ни даже звания у меня не будет. Из армии тоже уходить не собираюсь. Более того, после госпиталя я хочу возвратиться к себе в дальний гарнизон.

Тронут, что меня помнишь. Но, единственное, что ты сумеешь получить, конечно же после нашей свадьбы, то это комнату в офицерском общежитии с печкой на зиму и всеми «удобствами» в дальнем углу коридора. И, конечно же, с привозной водой в гарнизон. Хотя, уверен, нашу любовь такая мелочь не испугает.

-Ну а как же хотя бы Москва, академия? - не унималась девушка.

-Увы, там целая очередь желающих, - как ни в чем небывало продолжил Николай. – Поэтому, думаю, тебе стоит очень хорошо задуматься - выходить ли за меня замуж сейчас, или есть резон подождать еще с десятков лет, пока я не стану генералом и не получу все блага в столице?

Она наигранно надула свои очаровательные губки, нахмурила брови и, даже могло показаться, серьезно задумалась...

-Думаю, в твоих планах пока моего гарнизона нет, - подвел итог разговора Большаков. – Конечно же, мне очень жаль. Ты бы, Аленька, очень мне пригодилась. Веришь, с этой службой вечно не успеваю даже с вечера воду набрать...

...Через открытое окно палаты было видно, как Алена в своей новой подаренной кем-то белоснежной «девятке» уезжала в сторону Москвы. Вокруг дороги, кружась, падали первые желтые сентябрьские листья.

А капитана пограничных войск ФСБ Николая Большакова впереди ждал первый набор на спецфакультет возрожденной Академии пограничных войск ФСБ России, куда еще из Таджикистана ушли документы на поступление...

Первым делом, прибыв в Москву из госпиталя, он решил заехать к себе домой, в свою комнату – переодеться и собраться с мыслями. Весь небольшой путь от метро «Краснопресненская» до дома занимал всего несколько минут прогулочным шагом. Но на этот раз идти было труднее, болели недавно снятые швы. Как и всегда на входе в парк его встречала большая гипсовая скульптура вечно молодого пионера Павлика Морозова. Теперь, чуть левее, мимо пустого бассейна и на улицу Рочдельская.

У его подъезда возле самой арки увидел стоящую милицейскую машину. «Скорая» только что отъехала, а местный участковый разгонял зевак.

Железная дверь старого лифта отворилась со скрипом, и он увидел настежь открытую дверь его квартиры, где несколько офицеров милиции что-то бурно обсуждали у окна прихожей.

-Капитан Большаков, - представился он милицейскому майору. - Я здесь живу. Что случилось?

Милиционер посмотрел удостоверение личности офицера, и, увидев, на корочке три заветных слова – Комитет государственной безопасности СССР, сразу же возвратил его Николаю.

- У вас, судя по всему, произошло ограбление квартиры, - буднично начал милиционер, - видимо, при попытке оказать сопротивление и предотвратить ограбление, нападавшим убит ваш сосед по коммуналке – пенсионер МВД Николай Ефимович Крица и его жена. Вот мы недавно приехали. Да, извините, не могу не спросить, - а вы утром, сами-то, где были?

-Конечно, понимаю... - Большаков протянул ему весь пакет документов из госпиталя, и даже билет на электричку. – Сегодня утром я еще лежал в палате пограничного военного госпиталя в Голицино. Думал, что в Москве тихо....

-Знаете, ваша комната вроде не вскрыта, - милиционер тяжело вздохнул и вынул из кармана пачку сигарет. – Последние два года уже не знаем, как избавиться от преступности. Если раньше ЧП считался обычным мордобой, то ныне, вот видишь, прокурорские даже не выезжают на убийство. У них и так дел полно. Бардак в стране, бардак и в головах....

-Нашли тут у вас в подъезде на шестом этаже пакет и клей, - майор милиции затаился сигаретой, - так что теперь в оперативной разработке главная версия – к вам в квартиру случайно забрались наркоманы и взяли кое-что по мелочам. Убийцы были не профи. Обе жертвы убиты каким-то коротким и очень острым предметом в шею. Чем конкретно, я вам скажу потом, после вскрытия. К Вам в комнату, скорее всего, попасть не успели. А потом сбежали...

-Ваша дверь целая, - добавил майор. – Судя по всему, ваши бывшие соседи сами впустили наркоманов домой. Так что будьте аккуратнее. А за документами зайдите в местный ЖЭК. Может быть, опять возвратите свою бывшую квартиру целиком себе.

Николай закрыл за оперативниками дверь и, достав ключ, быстро прошел к своей дальней комнате. Дверь, действительно, как казалось, не вскрывали. Она открылась достаточно легко, и Большаков увидел, что в комнате все было на местах - вазы, хрусталь, старые часы.

В этой, давно оставленной им комнате, на первый взгляд было все обычно – большая карта СССР, та самая зеленая лампа на столе, книги в шкафу, две кровати. Но Николай скорее почувствовал, чем понял - тут были посторонние. Его внимание привлекли две фотографии в дальнем углу комнаты, вроде как бы случайно забытые хозяевами.

На первой – небрежно лежащей на кресле у стола - был запечатлен младший брат Андрей. На снимке он был в той самой медицинской палатке в Таджикистане, правда уже мертвый, полулежащий у тумбочки.

Вторая фотография была самого Николая. Он был сфотографирован у себя в части, недалеко от штаба. Где-то в начале этого лета.

Но, если ту фотографию на столе, любой мог легко принять за случайно забытую, то вот вторую – никак. Она просто вызывающе открыто висела чуть в стороне. Точнее, не просто висела, а была прибита к стене ударом ...хирургического скальпеля. Причем, на его ручке висел комплект ключей от квартиры.

Судя по небольшому металлическому жетону с личным номером, прикрепленному к этой связке ключей, они принадлежали его погибшему брату Андрею.

Николай, едва взглянув на это, сразу понял все. Вот вам и наркоманы...

Как «Хирург» и говорил, он объявил Большакову войну. И вот он уже побывал здесь в Москве. Пришел к Николаю домой. Убил соседей.

Конечно же, никак не хотелось верить, что этот наглый и хитрый враг, посмел бросить вызов офицеру госбезопасности, здесь – в России, на его же территории. Увы, но это оказалось возможным, и более того - стало реальностью в период этого безвременья. И милиция была здесь бессильна....

Неожиданное предложение

Совсем незаметно пролетели для Николая Большакова первые два года учебы в стенах Академии. Здесь же ему вручили погоны «майора» и ордена - «За личное мужество» и «Мужества», не заставшие офицера в Таджикистане. Но его больше беспокоило то, что больше ни разу «Хирург» не появлялся за эти два года в его жизни. Несмотря на то, что Николай специально ездил на стажировку в родную среднеазиатскую республику.

Пограничники Таджикистана, уже построившие свои войска с помощью российских офицеров, в один голос уверяли, что эра наркоманов, типа «Хирурга» уже окончились. Теперь граница была оборудована по последнему слову техники и не позволяла нарушать ее, как в минувшие годы. Так, что по оперативной информации, интересовавший Большакова бандит уже давно уехал из республики. Более того, поступила информация, что Ширали Намиев воевал с 1994 года на Кавказе, и даже был там убит. Более подробной информации получить не удалось.

Но, тем не менее, как опытный оперативник, Большаков чувствовал, что за ним следят. Очень профессионально, аккуратно, особо не бросаясь в глаза. Все это могло означать только одно – следили настоящие специалисты, которыми, после 1991 года, увы, не могла похвастаться даже его родная «контора». А значит, тут можно было бы даже подумать, что он попал в разработку иностранной разведки.

Да нет, Николай сразу же отбросил эту мысль. Если бы его «пасли» иностранная разведка, он, в крайнем случае, уж точно бы об этом знал. Но согласиться с тем, что

подчиненные «Хирурга» имеют такую классную подготовку, тоже не вышло с происходящим.

Конечно же, не умоляя заслуг самого Ширали Намиева, или теперь уже просто «Хирурга», можно было сказать, что это был достойный противник. Не смогли прояснить ситуацию с этим полевым командиром и однокурсники с Лубянки.

Согласно имеющейся в их распоряжении косвенной информации, «Хирург» действительно погиб на территории Грузии в начале 1995 года. В машину, на которой он ехал на совещание к Басаеву, попала ракета. Обгоревший, полуразрушенный труп боевика нашли. Правда экспертизу ДНК никто конечно же тогда не делал. Было не до этого. Да и никто не считал сына некогда могущественного «Шаха» за ключевую фигуру в этой войне. Так... один из стервятников! О котором вскоре и забыли. Да и повода за последний год вспоминать о нем, тоже не было.

Так что тощая папка с практически пустым уголовным делом «Хирурга» уже давно лежала в архиве, с размашистой на ней резолюцией фломастером красного цвета - «Закрывается, в связи со смертью обвиняемого»...

Но Николай не просто чувствовал, он теперь уже точно знал, что его «кровник» жив. Более того, он действительно - словно тень - был где-то рядом. Вроде бы как «мертвый», но среди живых....

В конце второго курса, за месяц до экзаменов, в начале весны 1995 года, офицера Академии майора Большакова «совершенно случайно» встретил его бывший куратор по пограничному спецназу Александр Миловидов. Его черная «Волга» притормозила перед забором учебного заведения на Ленинградке, и он предложил Николаю присесть.

Сколько же они не виделись? Лет пять точно. Да, в последний, или как любят говорить спецназовцы - в «крайний» раз, они виделись в Таджикистане, когда он только прибыл туда на службу.

А тогда, в самый первый раз, заместитель командира курсантского взвода старший сержант Николай Большаков увидел высокого крепко сложенного Александра Миловидова у себя в училище, когда начальник курса позвал его на беседу. В этом не было ничего необычного. На выпускном курсе все будущие лейтенанты были озадачены своим новым местом службы. Оценивали возможность попасть в тот пограничный отряд, где были на стажировке, где уже познакомились с командирами. Где были готовы возглавить заставы.

К удивлению, на этот раз «покупателем» у Николая оказался не обычный кадровик из пограничного отряда, а неизвестный подполковник пограничных войск КГБ СССР, со знаком мастера спорта по самбо, и знаком парашютиста с флажком внизу, на котором была выбита цифра – 80.

Офицер представился Александром Александровичем и попросил Николая рассказать, как он видит свою дальнейшую службу после выпуска. Кем бы хотел стать, какие амбиции.

-С вами лично я уже заочно знаком, - подполковник похлопал по папке личного дела Большакова, которое лежало на столе. – Так что вот хотел увидеть Вас, если так можно сказать, воотчую. И готов выслушать...

И Николай начал говорить о том, почему выбрал именно пограничное училище, что в училище готовил себя к службе, получил знак мастера спорта по пятиборью, достаточно хорошо владеет холодным оружием, высокие показатели в стрельбе из автомата, пистолета, винтовки. Но отлично видел, что «покупатель» его почти не слушает, или слушает в пол-уха.

-К слову, - подполковник дождался, когда Николай завершит свое повествование. – Вы не видели недавно вышедший интересный военный кинобоевик – «В зоне особого внимания» с Борисом Галкиным в главной роли?

-Это который про десантников? – улыбнулся Большаков. Конечно же, они всем курсом наблюдали, как ребята в голубых беретах участвовали в учениях, лихо расправляясь со всеми.

-Да-да, - улыбнулся пограничник. – Командованием пограничными войсками передо мною поставлена задача создать специальный отряд уже нашего спецназа. Который, как Вы понимаете, в случае боевых действий может стать силой для поддержки пограничникам, либо в особый период - стать основой возможного партизанского отряда. Создание такого пограничного спецназа руководством пока не афишируется. Из всего вашего выпуска мы выбрали в его состав пока только вас.

«Покупатель» внимательно посмотрел на Николая.

-Неволить я Вас не стану, - офицер медленно прошелся по комнате и вновь сел на стул. - Но, если решитесь, ваша жизнь изменится. Хотя, по документам, вы и останетесь в действующем резерве КГБ СССР, официально по документам, вы станете после выпуска из училища одним из офицеров некоего спецназа ... Главного разведывательного Управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Так что давший согласие на такую службу, лейтенант Большаков выпускался не со всеми на плацу родного пограничного училища в фуражке с зеленым верхом, а отдельно - в обычной военной форме лейтенанта высшего общевойскового командного училища с красным околышем на фуражке.

После переподготовки, Николай с другими молодыми офицерами уже летел на транспортнике «за речку», став на время «ангелами-хранителями» наших пограничников. Потом командующий 40 армией генерал Борис Громов использовал это спецподразделение в самых ответственных боевых операциях, сам даже того не зная, что все эти отважные мальчишки не просто обычный отряд армейской разведки, а элитный отряд чекистов.

Там же, в Афганистане, лейтенант Большаков из рук подполковника Миловидова получил свою первую награду - орден Красной звезды. Такой же, которым был награжден и его отец - за поимку особо опасного преступника.

Как всегда бывает на настоящей войне, подвигов совершается много, а вот наград для отважных военнослужащих выделяется мало. Поэтому и работу этих спецназовцев сами армейские офицеры считали будничной. Мол, ну и что, что они всегда там где «горячо» - у них такая работа.

Первые изменения произошли, когда, спасая товарищей, закрыл своим телом гранату молоденький лейтенант из новобранцев, пришедший в отделение спецназа к Николаю всего два месяца назад. Тогда Большаков впервые лично обратился к Миловидову с просьбой, хотя бы похоронить того на родине в Алтайском крае со всеми пограничными почестями. Обязательно с пограничной зеленой фуражкой на крышке гроба. Как дань памяти настоящему герою, погибшему на границе...

Потом вывод в Союз, участие в Ферганских событиях. И та самая последняя встреча с Миловидовым.

Тогда, в начале августа 1991 года в кабинете полковника в дальнем «пограничном» подъезде основного здания на Лубянке, Александр Александрович встретил Николая. Крепко пожал руку, поздравил с очередным званием капитана, и с грустью сообщил о том, что существовать великой державе осталось, увы, не много. Счет идет уже даже не на месяцы, а дни. И он, как человек чести, обязан предложить Большакову вновь возвратиться из резерва к действительной службе в составе пограничных войск...

-Ну, пока еще СССР, - он грустно улыбнулся. – Ну а потом даже не представляю, как эту рухнувшую державу назовут. Одна надежда на Главкома генерала Калининченка. Может именно он спасет «зеленые» фуражки от краха...

А еще через две недели, в двадцатых числах последнего летнего месяца, во многих кабинетах на Старой площади, люди, называвшие себя «демократами», вместе с американскими и английскими разведчиками – отмечали свою совместную «победу».

Победу над великой страной. Официально соглашаясь с тем, что именно их предательство помогло в окончательном разрушении родной державы, во имя какой-то «зарождающейся свободы и демократии».

В своем большинстве, и в старых коридорах вчерашнего всемогущего ведомства КГБ СССР, тогда тоже было многолюдно. Толпились вчерашние партийные функционеры - внезапно «прозревшие» и ставшие ярыми борцами с КПСС. А так же совершенно далекие от нужд народа, но, тем не менее, все еще по инерции называемые «народными» депутаты. Те, кто пользуясь своей властью, впервые в жизни получил возможность так нагло и открыто копаться и искать в секретных архивах Лубянки документальные обязательства о своем добровольном содействии КГБ. Дабы чтобы уничтожить все найденное, а заодно обязательно прихватить с собою увиденные «подобные» компроматы на некогда их бывших друзей и товарищей.

Искореженная гусеницами кранов и тракторов, еще недавно красивая и величественная клумба перед зданием госбезопасности, с пустым постаментом из-под увезенного памятника Феликсу Дзержинскому, выглядела удручающе. Как, впрочем, и вся страна, погружающаяся в хаос «непуганой демократии»...

Именно тогда Большаков решил убежать подальше от политизированной столицы. Туда, где люди не только говорили, а все еще работали. Служили на благо Родине. Да и Александр Александрович Миловидов не хотел оставлять у всех на виду перспективного и честного офицера. Николая необходимо было на время спрятать. В тихое место, куда подальше от уже нового руководства. Так что согласно нового служебного предписания, капитана Большакова на ближайшие несколько лет ждала служба в Таджикистане, в том самом родном пограничном спецназе.

Но уже и там спустя несколько месяцев, за задержание вооруженного нарушителя, Николай добавит к своим многочисленным государственным наградам еще одну – медаль «За отличие в охране государственной границы».

...И вот сейчас, уже в мае 1996 года, у стен Академии в «Волге» он вновь увидел Александра Александровича на этот раз в костюме.

- Не ожидал, товарищ полковник, - майор Николай Большаков снял фуражку и сел в машину. – Вот уж поверьте – земля круглая...

-Точно-точно, - рассмеялся Миловидов. – Только теперь уже не полковник, а ...«лейтенант». Но впереди теперь надо добавлять слово «генерал».

Александр Александрович увидел, как мгновенно растерялся Большаков, и, улыбнувшись, крепко пожав ему руку, добавил:

– Очень рад тебя видеть, Николай. Как учеба? Семейно пока обзавестись не решил?

-Какая там семья! - Большаков лишь пожал плечами. – Женат, так сказать, на своем спецназе...

А Миловидов уже дал распоряжение водителю ехать на Пресню. Где в уютном закоулке московских улиц, рядом со звенящими рельсами под колесами стареньких трамваев, расположился небольшой ресторан «Золотой Остап», принадлежащий знаменитому актеру Арчилу Гомиашвили.

-Там днем народу мало, - сказал генерал. – А кухня вкусная. Так что именно там предлагаю отметить нашу встречу. И твой ближайший выпуск.

Под хорошо накрытый стол, практически в пустом зале, они долго разговаривали о жизни и о службе, о будущем страны. При этом Большаков ни разу не спросил, чем сейчас занимается Миловидов, правильно полагая, что человек, обличенный таким высоким званием и, видимо положением, сам расскажет о себе, если, конечно, посчитает нужным.

-Да, быстро пролетели эти годы, - Миловидов внимательно посмотрел на Николая. – Рад, что еще там, в стенах училища, сумел разглядеть в тебе настоящего героя. Вон уже три боевых ордена, две медали....

-Но я тебя нашел вовсе не для того, чтобы сейчас тебя хвалить, - продолжил генерал. – Ты знаешь, в какое нелегкое время живем. В наших бывших союзных республиках на юге очень трудно. Да и мы латаем раны, после первого этапа этой новой Кавказской войны. Не скрою, что очень много и военнослужащих и гражданских пропали без вести. Есть информация, что там, в горах появились новые рабовладельцы, использующие этих пленных для работы или выкупа. Ни новая чеченская милиция, ни следствие пока этим не занимается. У них и так дел полно – Кадыров поднимает страну из разрухи, борется с бандитами.

-Уверен, ты слышал, - Александр Александрович достал из портфеля несколько фотографий и положил перед Николаем на столе. – Одному бизнесмену от политики удалось обменять нескольких наших военнослужащих на доллары. Вроде, с одной стороны, он сделал благое дело, но ныне из-за этого его поступка количество похищенных бандитами резко возросло. Теперь чуть ли не каждый отряд преступников требует выкупа.

-Конечно же, мы делаем все что возможно, - Миловидов тяжело вздохнул. – Но руководство, мне так кажется, пока еще само далеко от понятия этого. Президент пытается удержаться у власти любой ценой, а вторая чеченская вот – вот, уверен, постучится в двери.

-Так что сейчас, в целях сохранения безопасности государства, - он еще раз посмотрел в глаза Николая, – принято решение о моем официальном переводе с Лубянки в Совет безопасности страны. Решение, на первый взгляд, самое обычное, если учесть, что в «конторе» мало кто знал, чем я занимался и что курировал в последние годы, как и то, чем я буду заниматься там. Для всех вокруг – это чисто техническое решение...

-Для всех, кроме нас, - генерал вновь улыбнулся. – Теперь главное! Как и ровно десять лет назад, хочу предложить тебе вновь испытать судьбу. Скажу сразу - кабинетной работы не обещаю. Дело в том, что недавним «закрытым» решением Совбеза, в целях борьбы с любой формой организованной преступности на территории России, учрежден так называемый Межведомственный антитеррористический центр (МАЦ). Создать, вдохнуть в него жизнь, и возглавить который, мы предлагаем тебе ...

-Да, и еще, - Александр Александрович сделал небольшую паузу, - ваше подразделение самостоятельное и независимое...

-Хотя, - он тяжело вздохнул, - уж какая может быть полная независимость в нашем-то государстве...

«Хирург» возвращается

Николай ехал на утренней электричке в Орехово-Зуево. В почти пустом вагоне поезда из столицы было тихо, и лишь продавец газет неторопливым шагом двигался из вагона в вагон, предлагая свою многочисленную печатную продукцию на любой вкус.

Конечно же, Большаков давно хотел выбраться посетить свой бывший детдом, да как-то все не получалось по службе. К своему стыду, даже обучаясь в Академии в Москве, он не смог туда ни разу приехать. Более того – даже могилу брата навещал всего за это время лишь несколько раз. Но сумел благоустроить ее, поставил оградку, хороший добротный каменный памятник, небольшой цветник.

А тут, буквально позавчера, он получил телеграмму от нового директора своего детдома. Прежнего - Георгия Петровича Беленького, ушедшего недавно на пенсию, несколько месяцев назад сменил бывший офицер-политработник, «афганец», майор запаса Андрей Турбин. Именно он, через местных ветеранов и с помощью военкома, и мэра города, сумел добиться того, чтобы к третьей годовщине гибели бывшего детдомовца, кавалера ордена «За личное мужество» Андрея Большакова, детский дом стал носить его имя.

Как объяснил Николаю при встрече сам новый директор Турбин, эту идею ему подсказал один полковник на встрече ветеранов боевых действий в Москве, а потом кто-то из бизнесменов даже выделил небольшие средства для этого мероприятия.

Туда же, в небольшой уголок-музей, который придумали сами дети, Николай сегодня вез парадный китель Андрея, некоторые его вещи и главное – тот самый орден, которым был посмертно награжден брат. А на фасаде здания школы у входной двери теперь должна была появиться золотая табличка, что отныне этот подмосковный детдом носит имя своего выпускника - *кавалера ордена «За личное мужество» гвардии старшего лейтенанта Андрея Большакова.*

Бывший директор Григорий Петрович Беленький встретил Николая почти у самого порога детдома. Как и много лет назад. Простой, но чистый отутюженный костюм, как всегда блестящие туфли, та же, только уже белая седая небольшая борода. За последние десять лет, он значительно сдал, постарел. Но глаза все же оставались молодыми. Сейчас он стоял у здания, опираясь на палочку. Увидев Большакова, они пожали друг другу руки и крепко обнялись.

-Как ты возмужал Николай, стал совсем взрослым, - Григорий Петрович окинул его взглядом с ног до головы и посмотрел на многоступенчатую колодку наград на кителе. – Исполнил свою мечту. Сумел стать офицером. Стал достоин памяти своего отца, настоящего мужественного человека. Доказал всем правильность своего выбора. Хотя ты и всегда был таким - честным и неподкупным.

-Эх, как по тебе тогда «сохла» наша красавица Леночка Кравчук, - продолжил, улыбнувшись, директор. – А ты как «кремень». Может зря? Она тут недавно к нам приезжала, все о тебе расспрашивала. А потом собралась уехать в какой-то город с женихом. Вроде – Приозерск. Там ее избраннику вроде место мэра предлагают.

-Вот так ведь бобылем и состаришься, - совсем по-стариковски пробурчал Беленький, и глядя на собравшихся во дворе ребят заметил, - помнишь, у нас молодежное движение продолжает существовать, и мы в твою честь его назвали - «большевики»...

-Справедливо будет, сказать именно вам за это большое спасибо, - Большаков почувствовал, что вот-вот расплачется. – Вы в то трудное время заменили мне отца, помогли с поступлением в суворовское училище. С братом... Вы навсегда останетесь мне самым родным человеком. А Алена... Она всегда искала там, где лучше...

На территории в этот день было много народа. Он прошел по всем аудиториям, посмотрел отремонтированную столовую, спортзал, кабинет английского языка. Все плохое, негативное, казалось, в этот день словно улетело отсюда.

На улице вокруг уже было оживленно. Из ближайшего гарнизона прибыла рота почетного караула, духовой оркестр. Цветы и венки к детскому дому с мемориальной табличкой на входе, до начала митинга пока еще закрытой тряпочкой, принесли дети, учителя, выпускники, жители окрестных домов.

Когда золотую Мемориальную доску в память об Андрее уже официально открыли, первым к ней прикрепил цветы бывший директор. Потом туда клали все принесенные с собою цветы и венки все присутствующие. Первым открыл небольшой митинг бывший директор Беленький.

Выступлений потом было много. Когда подошла очередь Большакова, то он, по военному резко одернув китель и сняв фуражку, подошел к микрофону, сказав при этом всего два слова: «Спасибо, что помните!» И поклонился всем собравшимся, как говорят, в пояс.

Потом положил букет цветов на землю перед мемориальной доской у входа. Туда, где огромными охапками уже лежали живые цветы и большие траурные венки. От школы, ветеранов, военкома...

И только тогда, его цепкий взгляд зацепил, на одном из венков, золотую надпись на красно-черной ленте: «Памяти Дедушки и твоего Андрея. От «Хирурга».

Николай оцепенел. Враг оказывается был здесь, совсем рядом...

Большаков быстро огляделся. Теперь его присутствие здесь ставило в опасность всех окружающих. Еще раз поблагодарив руководство, после официальной части, он сразу же быстро уехал. Внимательно осматриваясь при этом, есть ли слежка...

Всю обратную дорогу в столицу Николай сидел в электричке, как на иголках, пытаясь, буквально по секундам воссоздать все увиденное за сегодняшнее утро в детдоме. Он проклинал себя, что расслабился, был сегодня так опрометчив, что не обращал внимания на окружающих, а так же всех гостей мероприятия. А ведь представитель «Хирурга» был же где-то там, среди приглашенных...

Откуда о проводимом мероприятии узнал Намиев? Когда успел сделать венок, заказать ленточку? Хотя можно было предположить, что необходимую информацию «Хирург» получил здесь в городе от кого-то из учителей детдома или выпускников, или даже в Москве, на встрече ветеранов, о которой говорил директор...

Хотя главным все же оставался вопрос - Почему боевики решили преследовать Большакова уже после смерти «Хирурга»? Зачем им так рисковать? Или все же «Хирург» жив?

Одни вопросы, и пока ни одного ответа...

Мимо Николая, по проходу между лавочек вагона электрички прошли два торговца какими-то хозяйственными товарами и продавец газет. Последний громко рекламировал какой-то центральный материал номера.

-Читайте только в газете «Криминальные вести», - убедительно говорил продавец. - Материал-расследование известного криминального журналиста Сергея Рожкова «Тень отбрасывают только живые». Сенсация! Только в этом номере! Журналист выступил с очередным разоблачением в деле о похоронном бизнесе России.

Услышав, как ему показалось, нелепый газетный заголовок, Большаков улыбнулся, невольно вспомнив название книги «Смертельное убийство» из гайдаевской комедии «Спортлото-82».

Но, вместе с тем, это его внезапно натолкнуло на мысль. Он повернулся в продавцу, и тот с газетой быстро засеменил к офицеру.

Расплатившись, он даже не стал листать газету, а положил ее рядом на сиденье. Да, именно теперь, все разрозненные пазлы, стали вроде как складываться для него в единую картинку.

Так, во-первых, было понятно - венок, видимо, принесли пока Николай был в здании, и выставили на улицу прямо перед выступлением Большакова. Причем в самый последний момент, дабы он специально бросился ему в глаза.

Во-вторых, это была очередная попытка устрашения, после квартиры, в надежде показать свое превосходство. Так что и это понятно.

Но почему на ленте был указан еще какой-то дедушка? Может хирург имел в виду именно его - Николая, позывной которого, там, в Таджикистане как раз и был - «Дед»?

Теперь, услышав еще и про «тень», Николай смог уже сам сделать серьезный вывод - «Хирург» вовсе не погиб, а он жив, и где-то совсем рядом. Убитым Ширали Намиева ошибочно посчитали и на Лубянке, а он жив и здоров, и, видимо, обитает где-то здесь в регионе. Более того, не хочет останавливаться ни перед чем, и готов мстить и дальше.

Каким же станет очередной его шаг? Если это так, то хорошо еще, что прошедшее мероприятие в детском доме обошлось без ЧП.

...Буквально после возвращения с вокзала, поздним вечером в квартиру Большакову позвонил директор детдома Андрей Турбин. Услышав знакомый голос, Николай решил, что он интересуется, как офицер добрался домой, и, пользуясь случаем, еще раз поблагодарил педагога за память о его младшем брате.

- Николай, - голос директора был полон печали, - я с неприятным сообщением. Сегодня днем, после твоего отъезда произошло ЧП, точнее несчастный случай. Упал с лестницы и разбился насмерть наш уважаемый ветеран, бывший директор Григорий Петрович Беленький. Видимо ему стало плохо, и он не сумел удержать равновесие.

Ходил ведь с палочкой... Кто бы мог подумать. Прими наши соболезнования, я знаю, он был для тебя как отец...

Большаков, просто убитый услышанным, стоял, все еще по инерции держа в руках телефонную трубку. Там, далеко, в детдоме в окрестностях Орехово-Зуева уже окончили разговор и, только короткие гудки отбоя гулко звучали в притихшем коридоре.

Как Николай и предполагал, «Хирург» продолжал мстить, убивая, как он и обещал, близких Большакову людей. При этом оставаясь сам в ...тени.

С неограниченными полномочиями

Генерал-лейтенант Александр Миловидов, как и обещал, вскоре ознакомил Николая с уже принятым «закрытым» распоряжением Совета безопасности страны. Этим документом предлагалось создать с «нуля» специальное подразделение, официальным названием которого было - **«Межведомственный антитеррористический центр»**.

На этот раз подразумевалось собрать в единый кулак этого нового элитного спецподразделения офицеров всех силовых министерств, которое смогло, не соревнуясь с «конторскими» «Альфой» или «Вымпелом», военным ГРУ или милицейским ОМОН, выполнять специально поставленные руководством страны задачи по борьбе с любыми видами преступности на территории Российской Федерации. Создание такого «негласного» подразделения позволяло выполнять большое количество нестандартных спецопераций.

Пока перед МАЦом стояла задача номер один - вытаскивать из «кавказского плена» оказавшихся там офицеров, солдат, гражданских. Новому руководителю этого спецназа, фамилия которого почему-то нигде не была указана в документе, давались практически безграничные полномочия. При этом почему была не указана фамилия командира было не понятно: сделано умышленно или случайно?

Согласно же другому предписанию, выданному генералом Миловидовым уже на имя майора Большакова, он имел право осуществлять отбор в это подразделение военнослужащих из любых силовых министерств и ведомств. Документ, подписанным самим Президентом России, как Верховным Главнокомандующим, позволял Николаю пользоваться неограниченными полномочиями и подбирать к себе в подразделение любых офицеров из любых гарнизонов страны.

В кабинете на Лубянке, специально выделенным ему для работы, исполняющий обязанности начальника МАЦ майор Большаков рисовал «портянку» новой структуры. Конечно же, костяк должны были составить те люди, которым он очень доверяет.

Первым делом он подумал о Володе Беликове, своем «ангеле-хранителе», том самом бывшем душанбинском милиционере. Большаков сделал запрос в Тверь, и, получив подтверждение, сразу же выехал туда.

Кадровики российского МВД, совместно со своими коллегами из Таджикистана, смогли для Николая представить лишь небольшую куцую справку на Беликова.

Из оперативной справки на капитана милиции в отставке Владимира Семеновича БЕЛИКОВА:

«Родился в семье инженера-нефтяника в окрестностях Грозного, потом отца с семьей перевели в Сумгаит, где он и окончил десять классов. Потом учеба во Львовском пожарно-техническом училище МВД, возвращение в Азербайджан. А после «кровавых событий 1988 года» в городе, он уезжает с родителями опять в Грозный, где устраивается в местную пожарную охрану. Служит в небольшой пожарной части при местном аэропорту.

В 1990 году, после смерти родителей, женится на медицинской сестре Гульнаре Джураевой, которая работает в аэропорту, и переезжает семьей в небольшой аул, недалеко от Душанбе, на ее родину.

В 1991 году становится оперуполномоченный уголовного розыска ГУВД по борьбе с наркобизнесом. Лично раскрывает несколько громких дел.

Весной 1992 года досрочно получает погоны «капитана милиции». А через неделю, боевики полевого командира Ширали Намиева по кличке «Хирург», не зная, что главу семьи вызвали на службу, проникают к нему в дом и убивают всю его семью - жену, двухлетнего сына и шестимесячную дочку.

Но боевой офицер остается в строю. Летом 1993 года он, выехав по очередному сигналу, попадает в засаду боевиков. Его пытаются, готовя к расстрелу. Но только лишь оперативно прибывшее подкрепление спасает ему жизнь. После излечения в госпитале, Беликов увольняется и подальше от всех войн уезжает подальше от всех войн в российский город Тверь (бывший Калинин), где ныне занимается фермерством».

После развала СССР многие документы на него безвозвратно потеряны. Хотя, и этого вполне хватило на то, чтобы узнать, как нелегко пришлось молодому офицеру.

Задумавшись, Большаков даже и не заметил, как за окнами электрички пролетели знакомые картинки Московского моря. Ну вот, скоро и Тверь. Николай очень любил этот старый, уютный, зеленый город, с присущей только ему - царственной медлительностью. Удивительные старинные дома, памятники – все говорило том, что здесь нельзя бежать, необходимо медленно идти и любоваться все этой красотой, дышать полной грудью, очаровываясь грацией и архитектурой древней и знатной столицы, родиной самого Афанасия Никитина. «Здесь не только работают, как в Москве, - как бы говорила Тверь. – Здесь еще умеют ценить уют и отдых».

Выйдя из вагона, он быстро размял затекшие от дальней поездки ноги, и быстрым шагом направился к подземному переходу, выводящему прямо к вокзальной площади. Оттуда на звенящем трамвае к центру города к Драмтеатру, Цирку, гостинце «Центральная». Позже, отлично обустроившись в своем небольшом одноместном номере, Большаков еще раз просмотрел все документы и вышел в город.

Володю Беликова на местном городском рынке Большаков увидел сразу. Его «ангел-хранитель» в белоснежном халате стоял за стойкой отдела, предлагая покупателям произведенное своими руками молоко и сметану.

Увидев Николая, Беликов, внезапно улыбнулся, совсем театрально протер пальцами глаза, и, бросив на произвол судьбы всю свою молочную продукцию, поспешил от прилавка к подходящему Большакову.

-Вот уж кого не ожидал тут увидеть, - Беликов по-братски обнял старого друга. – Какими судьбами? Не поверю, если скажешь, что за сметаной...

-Да вот, решил посетить свою Альма-матер, - улыбнулся Николай. – Но там сейчас никого нет – кто в лагерях, кто на каникулах. Все преподаватели в отпуске. И тут вспомнил о тебе. Дай, думаю, увижу...

-Ну, у меня все высший класс, - ответил не без ехидства Владимир. – Перед тобой сейчас, можно сказать, перспективный представитель набирающего обороты класса «торгашей-среднячков», из когорты «перекупщиков-спекулянтов»...

И завершил уже очень серьезно:

-Но не могу больше на людском горе наживаться. Здесь все, что у фермеров покупают за копейки, нам дают продавать за большие деньги. Причем, понимаешь, все официально, на законных основаниях. Не поверишь, даже недавно пожалел, что ушел из «ментуры»...

-Ты когда завершаешь тут свою работу? – в свою очередь поинтересовался Большаков. – Есть разговор.

Фермер подошел к соседу-продавцу, что-то сказал, и поставил ему в ноги два своих ведра – со сметаной и творогом. Затем снял халат, бросил его на скамью, и повернулся к Николаю: - Вот и все, готов к подвигам!

Они сидели в ресторане на первом этаже тверской гостиницы «Центральная» и разговаривали. Володя Беликов мало ел, больше говорил, словно пытаясь излить все, что накопилось на душе, при этом лениво ковыряя вилкой в середине тарелки салата. Ведь он приехал сюда с юга в надежде обрести какую-то стабильность. Вместо этого, увидел, что все еще намного хуже. Полнейшая безнадега...

-Ты, помнится, сказал, что еще хочешь послужить, - начал издали Большеков. – Или это так, ради красного словца? Или действительно готов?

-Любопытство – это грех, - вдруг рассмеялся собеседник. – Конечно же, хочу. Теперь понял, что «гражданка» - не мое! Но, увы, два раза в одну и ту же реку войти нельзя! – Он откинулся на спинку стула. – Это еще какой-то один великий философ сказал!

-Да это и не нужно, - улыбнулся Большеков. – Я тебе предлагаю возвратиться не в твою милицию, а ко мне в отряд. Такое подразделение, которое будет заниматься антитеррором. И стать офицером нашей команды.

-А как же вся эта волокита с документами? – Удивленно переспросил Владимир. – В Душанбе наш отдел кадров УВД сожгли во время гражданской войны, хотя, конечно, потом кое-что сумели правда восстановить. Но как мне найти документы по Сумгаиту, Грозному? К тому же у меня всего лишь милицееское звание...

-Знаешь, обойдемся без формальностей, - подвел итог разговора Большеков. – Я обязан тебе жизнью, и думаю, что все эти бумажные коллизии как-то разрулю. А что касается званий – они у нас остаются свои. Ну, в крайнем случае, до особого распоряжения.

На следующее утро, капитан милиции в отставке Владимир Беликов стоял на пороге его гостиничного номера в отутуженной, правда еще советской форме, с гербом СССР на петлицах. Он, как бы оправдывающее посмотрел на Николая, и по-мальчишески честно произнес:

-У нас другой формы после распада страны не выдавали. А на каждый день была армейская полевая с нашим шевроном. Так что с возможными претензиями не ко мне.

-Значит, тебе выделю новую форму, - улыбнулся Николай. – А пока иди, собирай вещи. Здесь появишься, увы, видимо не скоро. Сбор тут, сегодня, в два часа дня. А так у нас впереди много работы, придется еще полстраны проехать.

-Да я и так всегда на чемодане, - быстро ответил Владимир. – Да и что нам собираться - только фуражку надеть...

Золотой Запас России

Итак, согласно ранее намеченному плану, майору Большекову предстояло осуществить еще набор специалистов в новую структуру из числа десантников, морской пехоты, из внутренних и пограничных войск, сотрудников госбезопасности и милиции. Недаром на эмблеме новой структуры красовался щит с тремя мечами, олицетворяющие Министерство обороны, МВД и ФСБ.

Воодушевленный первой удачей, с удостоверением проверяющего из Главной военной инспекции Совета безопасности Российской Федерации, майор Большеков отправился в Омск. К еще одному своему давнему однокурснику по суворовскому – гвардии капитану Вячеславу Максиму, командиру разведроты в Омском учебном центре ВДВ.

Начальник всего этого Центра ВДВ - высокий, крепкий светловолосый полковник в полевой форме был внешне немного похож на киношного героя Шварцнегера. Если не считать голубую тельняшку и берет, которые очень шли в тон к его таким же бирюзовым

глазам. Плюс полковничьи звезды на погонах и внушительная орденская колодка серьезных боевых, а вовсе не юбилейных наград.

Избалованный приездами проверяющих, полковник с удивлением и уважением впервые смотрел на молодого майора-пограничника. На небольшой, но внушительной колодке которого выделялись три боевых ордена, и две - красной и желтой – полоски ранения.

Отнюдь не маленький бланк командировочного предписания Николая, в огромных ладонях десантника, выглядел со стороны лишь крохотной бумажкой, сродни визитки.

-Да, - подумал в эту минуту Большаков, - конечно не зря за глаза представителей этого рода войск называют «**Грифонами**» - большими крылатыми чудовищами, которых на картинах всегда изображали с орлиной головой и туловищем льва. Еще древние греки называли их «охранниками Зевса», хранящими сокровища в государстве гипербореев. Вот и в нашей стране, этот элитный род войск стал опорой государства.

Хотя в последнее время эти войска постоянно лихорадило – то Президент Борис Ельцин принял решение их сократить и передать в Сухопутные войска, то бывший десантник, а ныне министр обороны генерал армии Павел Грачев принял решение - оставить все как было, и даже их усилить.

Но после заключения недавнего летнего Хасавюртовского соглашения, никто не знает, что будет с войсками в дальнейшем. Как дальше пойдет карьера, набирающего силу еще одного генерала ВДВ Лебеда...

«Проверяющему» майору из Москвы Большакову показали, как готовятся десантники к выпуску из учебного центра, отправив его на полигон в пригороде.

-Так вы хотите увидеть капитана Максимова, - полковник вышел из командирского «УАЗика» и, закрыв глаза от солнца ладонью руки, показал на небольшую черную точку высоко в небе. – Сейчас появится. Прыгает его учебная рота.

И словно по невидимой команде начальника центра, из высоколетающего самолета один за другим стали выпрыгивать десантники. И спустя минуту все небо было усеяно белыми снежинками куполов их парашютов.

-Молодцы, - улыбнулся полковник, но потом, что-то увидев в небе, изменился в лице и громко крикнул стоящему чуть в стороне связисту: - Срочно «скорую». Нештатная ситуация...

Только теперь Николай увидел, что у одного из десантирующихся стал «гаснуть» купол парашюта. Но, уже в следующее мгновение погибавшего десантника кто-то схватил сзади, быстро перерезал стропы неисправного солдатского парашюта, и открыл свой запасной. Действовал быстро, хладнокровно, каждое мгновение рискуя жизнью...

Когда командирский «УАЗ» и две медицинские «таблетки» прибыли на место приземления «тандема» - молодой солдат и его спаситель уже складывали остатки парашютов. Увидев живых подчиненных, полковник вытер пот со лба, и, приняв доклад Максимова о возникшей нештатной ситуации в небе, отведя его в сторонку, громко высказал ротному непечатными словами все то, что он о нем и его подчиненном думал. Правда не забыв, по окончании монолога, все же тайно, пожать капитану руку и кратко сказать «Спасибо!».

Собравшимся здесь же многочисленным зевакам из других подразделений центра, а также другим проверяющим офицерам из военного округа, было объявлено, что это одно из плановых упражнений по действиям десантников в экстремальной ситуации.

Правда чуть позже, начальник центра узнал, что завистники перспективного офицера Максимова, которого должны вскоре назначить начальником штаба батальона, пытались сразу же сообщить в Москву о произошедшем ЧП, и более того - сделать руководителя центра и командира роты «крайними» в этом деле. И, возможно, сделали бы это, если бы не врученное предписание Большаковым начальнику центра об откомандировании Максимова в распоряжение министра обороны РФ, которое заставило всех прекратить разговоры на эту тему.

А тогда на поле, капитан Максимов даже не поверил своим глазам, увидев рядом со взбешенным начцентра, своего однокурсника по суворовскому училищу - пограничного майора Большакова.

-Какими судьбам? – Вячеслав крепко обнял Николая. – Не знал, что у нас тут тоже граница...

-Я к тебе, Слава, по неотложному делу, - улыбнулся Большаков. – Скребу вот тут по «сусекам» кадры для нового спецподразделения. Подумал, что ты устал тут «отдыхать»? Может, хочешь опять почувствовать адреналин, как некогда – «за речкой», опять оказаться в центре боевых действий?

-Но у меня ведь тут служба, личный состав..., - начал было Максимов.- Если «повезет» - даже уголовное дело по итогам сегодняшних прыжков...

-Этот вопрос решаем, - Николай достал «волшебное» предписание. – Через неделю жду тебя в Москве. На новом месте службы...

Старшего лейтенанта ФСБ Руслана Исмаилова, майор Николай Большаков нашел в военном госпитале в Ростове-на-Дону. Последнее время молодой офицер проходил службу в инженерно-саперном подразделении Федеральной службы безопасности РФ.

Неделю назад, их группу по тревоге отправили в Ставрополь. Ночью несколько боевиков поставили мины на местном рынке, рассчитывая на то, что субботним утром тут будет много народа. Но все пошло совсем не по их сценарию.

Первый взрыв произошел ранним утром, когда дворники стали готовить рынок к открытию. Мина находилась в брошенной коробке из-под кукурузных хлопьев, валявшаяся прямо в проходе между рядами. Ее то и задел дворник. Рынок быстро оцепили, вызвали милицию, военных, саперов.

Группа Исмаилова прибыла с рассветом. Аккуратно, сантиметр за сантиметром прощупывали они всю территорию, тщательно проверяя любую мелочь, которая могла бы представлять опасность, что могло бы повлечь взрыв...

-Когда стало понятно, что взрывчатки на рынке больше нет, - объяснял уже лежа в койке в госпитале Руслан «проверяющему» майору Большакову. - Кто-то из руководителей города, осмелев, ошибочно принял решение снять кордоны и вот-вот разрешить пустить туда людей. Собирая туда все больше зевак.

И это, вместо того, наоборот, чтобы очистить территорию, проверить все закоулки вокруг. Не могу понять, почему приняли такое решение, причем без согласования с нами, – продолжал сапер. - Спасло лишь то, что, когда пошло движение, я случайно увидел за границей оцепления - на той стороне дороги - два мусорных контейнера, которые, до этого были окружены людьми. Я скорее интуитивно понял, что остальная взрывчатка именно там.

-Это ведь так по-людоедски, взорвать баки, когда там соберется как можно больше народа. Своеобразная наживка для толпы. Мы попытались разогнать толпу людей. Спасибо, ребята-гаишники, мне в этом помогли. Людей оттеснили, спрятали.

-Но, едва я подошел ближе к мусорным бакам, взрывчатка сработала, - офицер замолчал, уставившись в потолок. – Видимо боевики не рассчитывали, что мы так быстро уберем оттуда народ.

И, усмехнувшись, «скромно» заметил:

– Спас меня большой личный опыт, ну и, конечно, что я был весь внутри нашей современной хорошей экипировке защиты сапера. Так что отделался лишь несколькими переломами, да легкой контузией.

Увидев, что никто не улыбнулся, Исмаилов поправил ленту, которая держала его загипсованную левую руку. И, выждав мгновение, резко повернулся к Большакову, сидящему с портфелем в руках, прямо спросил:

-Товарищ майор, вы, видимо по мою душу? Ну, а если так, да еще, как я вижу с документами, то видимо светит мне не орден, а наказание?»

-Кто же в состоянии наказать героя, - усмехнулся такой прямоте Николай. – Четыре снятые вами «несъемные» мины с мудреным механизмом, да еще и оперативная смекалка с обнаружением взрывчатки в контейнерах. Вы спасли сотни человеческих жизней, еще раз дали все понять, что ФСБ достаточно серьезная контора, и тут работают лишь профи.

-Ну, награды раздаю не я, - Большаков подошел ближе к Исмаилову, и тихо сказал, - но буду готов взять вас в свое спецподразделение. Тихой столичной жизни не обещаю. Ваш опыт очень пригодится. Так что на принятие правильного решения у вас есть сутки. Завтра вечером я уезжаю. Ну, если решитесь, то через месяц жду в Москве.

Капитана Юрия Потапова, Большакову порекомендовал генерал Миловидов. Где заметил молодого перспективного командира роты отряда спецназа «Ратник» подмосковной элитной дивизии внутренних войск МВД РФ, Александр Александрович не сказал. Но Николай знал точно – человека с такой рекомендацией он возьмет, даже не задумываясь.

Он хорошо запомнил, короткую справку на этого офицера.

Из оперативной справки на капитана Юрия Викторовича ПОТАПОВА:

« Родился в Благовещенске в семье военнослужащего в 1964 году.

После окончания школы стал курсантом Орджоникидзевского высшего военного командного училища внутренних войск МВД. Еще обучаясь в стенах вуза, выполнил все нормативы мастера спорта СССР по офицерскому пятиборью. Владеет элементами рукопашного боя. Отлично стреляет из любого огнестрельного оружия.

После окончания вуза в 1985 году, как отличник, был направлен в элитную дивизию Московского округа внутренних войск МВД СССР, где через год был зачислен в отряд спецназа.

В последний февральский день 1988 года его спецназ «Ратибор» вместе с другими подразделениями дивизии в количестве 50 человек была направлена в город Сумгаит (Азербайджанской ССР), где в то время происходили кровавые столкновения, спровоцированные событиями в Нагорном Карабахе. Главной задачей поставленной перед отрядом спецназа была исключительно защита мирного населения, а также ликвидация массовых беспорядков.

Солдатам и офицерам этого подразделения тогда полагались исключительно лишь холостые патроны. И это не смотря на то, что спецназ привлекался туда, в первую очередь, для изъятия оружия в местах незаконного хранения, и для ликвидации бандитских формирований. А вся их экипировка состояла из пластиковых щитов и резиновых палок.

Но даже в этих непростых вынужденных условиях, военнослужащие «Ратибора» были на высоте. Поставленная перед ними задача была выполнена точно и в срок, даже ценою понесенных потерь.

И пусть не все возвратившиеся военнослужащие были удостоены государственных наград, но именно они в числе первых получили главную свою награду – краповый берет, который стал отличительным символом этого отважного спецподразделения. Хотя, правды ради, тогда еще полулегальным символом.

И только через пять лет - 31 мая 1993 года командующий внутренними войсками генерал-полковник Александр Сергеевич Куликов узаконит этот головной убор спецназовца. Более того, сама церемония вручение крапового берета станет праздником и будет проходить в торжественной обстановке, только после обязательного многоэтапного изнуряющего физического испытания.

В 1995 году Юрий Потапов принимал участие в боевых действиях против незаконных вооруженных формирований на территории Северного Кавказа. Награжден двумя орденами «Мужества».

Женат. Есть сын и дочь».

Лично познакомиться с капитаном Юрием Потаповым Николай решил прямо на «его территории». Причем во время тренировки военнослужащих его «Ратибора» на учебном полигоне «Деревня», принадлежащей части внутренних войск в Подмосковье.

На этот раз в поездке его сопровождал уже Владимир Беликов, официально ставший офицером нового «Межведомственного антитеррористического центра» и получивший, не без помощи Большакова, свое первое российское уже воинское звание – «капитан». И ныне - одетого с иголки, в новую российскую военную форму с шевроном Вооруженных сил РФ.

Следует напомнить, что в начале 90-х годов, а связи с трудной и нестабильной обстановкой в стране, а также ростом преступности и одновременным прекращением роста зарплаты милиционеров и военнослужащих, единственной надеждой на стабильность у Президента России Бориса Ельцина считались исключительно внутренние войска. По численности и вооружению лишь на немного уступающие огромной армии, но имеющие многолетний опыт охраны тюрем и подавления бунта в колониях.

Недаром, глава государства назвал их, в то время, «главным оплотом стабильности и правопорядка в стране» и, в знак благодарности, получил даже в ответ из рук командира подмосковной части внутренних войск почетный «краповый» берет.

Поэтому капитана Потапова, этот командир части согласился отдать в центр только лишь после долгих дебатов и личного вмешательства самого генерала Миловидова.

Прерванный полет

Лейтенанта милиции Эльзу Курмангалиеву - Николаю предложил, на этот раз, представитель ГРУ. Сказал, что «ведет» эту девушку с первого курса Дагестанского госуниверситета.

Она хорошо владеет родным дагестанским, а также чеченским, узбекским, таджикским, английским и французским. Профессиональный психолог. Владеет рукопашным боем. А пока, как объяснил разведчик, мы «решили ей дать возможности набраться опыта в МВД».

Когда эта очаровательная длинноногая брюнетка открыла дверь кабинета, Большаков невольно почувствовал себя членом жюри на конкурсе «Мисс Вселенная». И они оба с Беликовым, не договариваясь, как-то одновременно вдруг поднялись со своих стульев. И даже рассмеялись от этого.

Если бы Николай не ознакомился заранее с ее делом, он бы никогда не подумал, что эта хрупкая темноглазая красавица, во время одного из задержаний, вступила в схватку с одним особо опасным преступником. И даже более, не только обезоружила преступника, воспользовавшись приемами рукопашного боя, но и арестовала его. Причем это задержание было у девушки не единственное. Так что теперь одежду этой «мисс» украшают не жемчужное ожерелье и золотые кольца, как у многих ее сверстниц, а боевые награды на милицейском кителе – орден «Мужества» и медаль «За отличие в охране общественного порядка».

-Разрешите? – совсем по-военному спросила она, едва открыв дверь кабинета Большакова. И откровенно, как-то по-детски рассмеялась, увидев, как при ее появлении вскочили со своих мест хозяева кабинета.

-Конечно же, - Николай пододвинул ей стул. – Правда не понятно, почему такая девушка решила стать спецназовцем?

-В первую очередь, потому что здесь больше накаченных настоящих красивых мужчин, - так же легко с юмором парировала обаятельная брюнетка, улыбнувшись и

аккуратно поправив, перед тем как сесть, свою юбку - «карандаш». – В Москве вообще сейчас на «гражданке» мало «традиционных» мужчин осталось. Ну, а во-вторых, папа хотел сына, а родилась вот я. Так что тренировал он меня лично сам. А жених у меня на родине офицер-пограничник. Планируем годика через два свадьбу.

-Пограничник? – С интересом переспросил Большаков. – Я как будто знал, что у вас отличный вкус...

О нележкой судьбе еще одного отважного милиционера – узбека по национальности, немолодого прапорщика Эльдара Керимова, спасшего из горящего дома семью с маленьким ребенком – Большаков узнал из газеты «Красная звезда», которую случайно увидел на тумбочке одного из своих офицеров. Прикомандированный из небольшого дагестанского городка на Северный Кавказ, этот мужчина не побоялся вынести из огня людей, дом которых подожгли боевики.

Еще двух старших лейтенантов - пограничника Сережу Безродного и мотострелка-разведчика Костю Рожкова - Большаков взял в МАЦ по рекомендации командира 201-й дивизии. Забрав их из отряда спецназа в Таджикистане. Настоящих, боевых, проверенных во многих спецоперациях.

А Рожков, уже сам, порекомендовал командиру еще один боевой штык – старшего прапорщика морской пехоты Евгения Чернова. Того, с кем ему еще пришлось послужить в Таджикистане еще почти два года после отъезда Большакова в Москву, а потом возвратившегося к себе на Черноморский флот.

Так уж получилось, что за всю свою жизнь Николай Большаков был в Крыму всего один раз, да и тот, еще с родителями. А потом, после 1991 года, когда он стал заграницей, больше туда и не ездил. Так что сейчас, Большаков можно так сказать впервые в зрелом возрасте, открывал для себя этот полуостров.

Небольшой военно-транспортный самолет, принадлежащий российскому ВМФ, забрал Большакова и Беликова с подмосковного военного аэродрома «Остафьево» рано утром. Впереди лежал курс на Севастополь, туда, куда после Таджикистана, был переведен морпех Евгений Чернов.

Из оперативной справки на гвардии старшего прапорщика морской пехоты ВМФ РФ Евгения Александровича ЧЕРНОВА:

«Родился в Астрахани в семье моряка. После окончания восьмого класса поступил в мореходное училище в Ленинграде, по окончании которого был призван на Тихоокеанский флот, где проходил срочную службу. Опытного военного моряка, отличного спортсмена заметило руководство.

Пройдя углубленный курс водолазного дела, сдав на «отлично» все нормативы, старшина 1 статьи Чернов был зачислен в состав оперативного отряда спецназа морской пехоты ТОФ, а еще через год, получил из рук командующего флотом погоню «прапорщика».

Там, на Дальнем Востоке, не раз принимал участие в помощи морским пограничникам в задержании нарушителей границы – случайно заблудившихся рыбаков или же умышленно пошедших на это преступление.

Летом 1992 года, во время задержания браконьеров нашими пограничниками, вступил в рукопашный бой с вооруженными преступниками. Был ранен. Но, несмотря на это, узнав, что корабль незаконных рыбаков заминирован, сумел проявить свои профессиональные качества водолаза, и разминировал под водой сложное взрывное

устройство. За что был удостоен внеочередного воинского звания «старший прапорщик».

Принимал участие в боевых действиях в Таджикистане, на Северном Кавказе. В декабре 1995 года переведен для дальнейшего прохождения службы в морскую пехоту Черноморского флота РФ.

Награжден орденом Мужества. Холост».

В огромном чреве самолета, который военные остряки, за два больших двигателя над крыльями, любовно прозвали «Чебурашка», было много народа. Здесь вперемежку сидели и офицеры и гражданские. Кто-то летел в командировку, как Большаков и Беликов, кто-то с семьей в отпуск. Николай обратил внимание и на то, что в дальнем углу самолета, стараясь не выделяться, сидели два узбека, прилично одетые в костюмы, с какими-то документами. Они всю дорогу что-то обсуждали, рассматривали бумаги, и тот, кто помоложе, все время оправдывался и удивленно поднимал плечи...

Самолет приземлился на гражданском аэродроме приморского города Анапы, где, как сообщил командир воздушного корабля, все прибывающие в заграничный Крым, должны были заполнить специальные документы и получить визу на въезд в иностранный Крым.

Пока Большаков во время полета рассматривал пассажиров и что-то писал в своем блокноте, капитан Беликов, одетый в хороший джинсовый костюм и «отпускную» белую спортивную майку, тихо дремал в углу.

-Слушай, командир, - уже перед самым выходом на бетонку аэродрома как бы невзначай заговорил он, глядя на Большакова. – Разреши мне не лететь с тобой, а остаться тут в Анапе на эти два дня. Тысячу лет не был на море. А так искупаюсь, подышу....

Николай улыбнулся. По всему было видно, что Владимир задумал это еще в Москве, а сейчас решил выдать за спонтанное решение. Да ладно, два дня ничего не решают...

-Уговорил, - рассмеялся Николай. - Я потом за эти два незапланированных дня отдыха с тебя потребую значительно больше. Еще пожалеешь. Что будешь делать?

-Любопытство - это большой грех, товарищ майор, - рассмеялся Беликов. – Да займусь всем что угодно. Давно не был на море. А так все отработаю, отслужу...

-Тогда здесь, у самолета, ровно в 15.00 через два дня, - Большаков пожал протянутую руку. – Веди себя хорошо...

-Ну, тогда, командир, я еще подремлю тут часок, - зевнул и улыбнулся Владимир, - пока вы там себе документы отмечае. Ой, чувствую, сегодня будет мне не до сна...

-Да делай, что хочешь, - шутливо отмахнулся Николай. – Но к полету обратно в Москву не опаздывать...

-Буду как штык, - так же шутливо ответил Беликов и, махнув рукой командиру, сразу же перевернулся на другой бок.

Во время разговора, Николай старался не упускать из поля зрения попутчиков из солнечного Узбекистана. Он видел, что они о чем-то поговорив с летчиком, быстро вышли из самолета. Пока разговаривал с Володей, он часто смотрел в иллюминатор, но не видел их в группе других пассажиров, идущих в сторону аэровокзала.

И только когда сам вышел из самолета, увидел одного из них у крыла их «Чебурашки». Спустя мгновение появился и второй – тот, кто был моложе, и они оба сразу же заспешили в сторону здания. Большаков поспешил за ними.

Но в здании аэропорта их уже не было. Как вспомнил один из офицеров, летящих с ним в Крым, оба эти пассажира сразу же вышли из аэропорта и уехали на машине, которая заранее их ждала.

-Да, так ведь и параноиком легко можно стать, - Большаков облегченно выдохнул, и подошел к пограничникам за листком с российским пограничным штампом на выезд на территорию Украины. – Вот ведь теперь везде мне видится тень этого «Хирурга»...

Часа через два, в дальнем углу аэродрома «Анапа», военно-морская «Чебурашка» вновь встречала всех летящих дальше, теперь уже в уже украинский Севастополь.

Беликова на борту уже не было. Да и как Большаков обратил внимание - людей на борту самолета тоже стало значительно меньше. Всего четыре морских лейтенанта, видимо только что окончивших военные вузы, потом капитан 2 ранга с женой и двумя дочками, и семь мужчин в гражданской одежде, включая и самого Николая.

Впереди их ждали еще минут 50 полета. Когда самолет мягко тронулся с места по рулежной дорожке к взлетно-посадочной полосе, Большаков спокойно закрыл глаза. Тревога исчезла, и ему хотелось собраться с мыслями, подумать.

Самолет, натужено гудя своими «ушками», легко оторвался от бетонки аэродрома и взмыл вверх. Внизу блесло родное Черное море.

Большаков даже не заметил, как задремал. Внезапно, правый двигатель чихнул и затих. Потом раздался еще один чих. Николай открыл глаза от того, что в самолете оба двигателя молчали. Молодые офицеры, не прислушиваясь, о чем-то спорили и смеялись, девочки дремали на коленях родителей.

Отгнав сон, Николай подтянулся к иллюминатору и к удивлению, увидел, что самолет планируя крыльями быстро снижается. Их «Чебурашка» экстренно садился на полосу между стоящих на бетонке машин «Скорой помощи» и пожарной службы города с включенными мигалками...

Оперативно прибывшие на место ЧП сотрудники аэродромных служб, представители ФСБ и прокуратуры отвезли самолет в ближайший ангар. Им предстояло полностью осмотреть самолет, провести экспертизу. Установить причину неисправности.

Там же в здании аэропорта Николай увидел и Беликова, который, за границей оцепления, внимательно вслушивался в последние новости из громкоговорителя о прерванном полете. Увидев Большакова, он замахал руками и бросился к командиру.

Теперь он уже и не думал оставаться в этом городе, предпочитая больше с Николаем не расставаться.

-Сам же мне сказал, что я твой «ангел-хранитель», - натужено улыбнулся Беликов. – Вот только подумал было расслабиться, тебя одного оставил, и вот результат.

-Да уж, ты прав, - тихо согласился Николай.- Теперь давай выручай!

Капитан Владимир Беликов, оперативно отправленный Большаковым проверить фамилии всех людей принимающих участие в том полете, сообщил, что на борту были исключительно граждане России. И, более того, согласно документам – ни одного человека с узбекской или таджикской фамилиями...

На следующий день военный комендант аэропорта, в связи с ремонтом самолета, как и планировалось, отправил проверяющих, согласно командировочному, уже другим рейсом в Севастополь.

...Морского пехотинца гвардии старшего прапорщика Евгения Чернова в расположении воинской части они застать не сумели. Как пояснил командир - молодой атлетически сложенный полковник – тот сейчас находился на гарнизонной гауптвахте. Арестованный по подозрению в покушении на убийство. Вот так – не много, ни мало!

По версии самих морских пехотинцев, они находились в патруле в городе. Днем, где-то в районе четырех часов, они обратили внимание, что здесь на окраине города, в пункте обмена валюты, слышны выстрелы. Оказалось, что два преступника, убив охранника и кассира, забрали деньги и пытаются скрыться.

Начальник патруля гвардии старший прапорщик Чернов попытался блокировать нападавших, благо людей на улице не было. Но на предложение сдаться, преступники ответили выстрелами.

Евгений едва-едва успел укрыться, прыгнув прямо на бетонные ступеньки в подвал. Пули прожужжали в пару сантиметров от его головы и, ударившись о стену, ушли куда-то вверх.

Достав табельное оружие, прапорщик быстро выскочил на улицу, но тут резко почувствовал боль в ступне правой ноги. Видимо вывихнул ногу, неудачно прыгнув. Но он увидел убегающих преступников, и сделал предупредительный выстрел в воздух.

Одного из них – главного, в темной куртке и капюшоне – он запомнил четко. И увесистый пистолет «ТТ» в его руке.

Несмотря на боль, старший прапорщик преследовал преступника несколько улиц. Потом понял, что дальше бежать просто не в состоянии, а бандит в любой момент скроется из вида. Тогда Чернов быстро прицелился и сделал пару выстрелов...

Тяжело раненного преступника сотрудники милиции, оперативно прибывшие на место стрельбы, нашли в подъезде через несколько домов. Он был очень слаб, и даже чуть не умер от потери крови. И сейчас лежал в наручниках в реанимации. Правда, при аресте при нем не оказалось ни оружия, ни похищенных денег.

Второй преступник, которого тоже задержали патрульные, так же оказался не вооружен, и заявил, что его, видимо, арестовали по ошибке. Ведь он никого не грабил и не убивал.

Вскоре выяснилось, что раненный - сын одного из руководителей городской Севастопольской администрации, причем со связями в самом Киеве.

Местный, конечно же «независимый» и тщательно проинструктированный у себя в прокуратуре украинский следователь, озвучил лишь одну на его взгляд «правильную» версию. Раз оружие не найдено, значит это – умышленная попытка убийства русским военным простого украинского парня.

Так что Евгений мгновенно превратился из героя - в обычного обвиняемого, и более того - оказался под следствием. Причем его уверенно подводили под громкую статью – «Покушение на убийство», предусматривающую пятнадцать лет строгого заключения. И только лишь вмешательство российской военной прокуратуры, тщательные следственные мероприятия и следственные эксперименты, экспертизы гильз – все это помогло немного вернуть следствие в правовое русло.

День и ночь его сослуживцы – те самые российские морпехи - сантиметр за сантиметром осматривали улицы этой окраины города, где была перестрелка. Осматривали подвалы, лестницы, чердаки, отлично понимая, что преступник где-то просто был обязан спрятать оружие из которого были убиты кассир и охранник, а также украденные деньги.

И вскоре им улыбнулась удача – в одном из домов за батареей отопления между вторым и третьим этажом они нашли тот самый пистолет «ТТ», а неподалеку и целлофановый пакет с деньгами, которые впопыхах там спрятал нападавший на обменный пункт. Причем все было обнаружено буквально в соседнем дворе от того места, где сотрудники милиции нашли истекавшего кровью юноша. Причем, на обеих находках были кровавые отпечатки пальцев раненного и замасленные пальцы «случайного» задержанного. А на улице - найдены несколько гильз от этого пистолета.

Так что в день приезда проверяющих из столицы Большакова и Беликова, решением военного суда гвардии старший прапорщик Чернов был признан невиновным, а вот те самые горе-грабители оказались на его месте под следствием.

-Мне вас просто бог послал, - крупный, почти двухметровый морпех пожал протянутые ему руки. – После всего произошедшего, мне вряд ли дадут тут в Севастополе спокойно служить. Так что готов к дальнейшему прохождению службы там, где скажете.

-Слушай, - внезапно Беликов в упор посмотрел на Евгения. – А ты, старичок, случаем, не был ли в Таджикистане летом 1993 года? Уж как-то очень твое лицо знакомо.

-Был, - улыбнулся прапорщик. – Ох, много там поколесил...

-Не вспомнишь, а в тот день, когда на 12 погранзаставу напали духи, где отдыхал? – не унимался Володя.

-Нет, в тот день я был совсем в другом месте, - отмахнулся великан. – Мы с ребятами тогда в помощь какому-то пограничному спецназу пришли. Этим зеленым фуражкам тогда хорошо досталось. Многие погибли, кого-то еле-еле спасли. Говорили, там какой-то полевой командир, вроде даже бывший врач, из наших раненных солдат вырезал органы для трансплантации...

-И его так и звали - «Хирург»? – Удивленно посмотрев на старшего прапорщика, уже спросил сам Большаков.

-Возможно, - улыбнулся Чернов. – Помню, что у них там такие палатки стояли с красным крестом.

-А не ты ли случаем тот самый морпех, кто подобрал с дороги двух раненных офицеров, - спросил Беликов, - и отвез в госпиталь?...

-Ну, было дело, – совершенно спокойно ответил Евгений. – Там тогда убитых было больше, чем раненных. Хотя я тех офицеров не перевязывал. Им первую помощь оказал наш санинструктор Ваня Кротов, которого убило осколком... Мне досталось их только дотащить до наших медиков.

Беликов молча встал, подошел к своей сумке, стоящей у окна, и мановением руки вытащил оттуда бутылку армянского коньяка.

-Вот уж не думал, что и я увижу своего «ангела – хранителя», - он повернулся к Большакову. – Вот ведь, Николай, смотри какая страна большая, а мы встречаемся.

И быстро выпив, они все трое крепко обнялись.

...Через месяц после того, как они возвратились в Москву, Николаю Большакову доложили о возможной причине аварии военно-транспортного самолета, на котором он летел. Людей тогда спас исключительно профессионализм командира воздушного корабля, да и всего экипажа, которому удалось, почувствовав неладное, планируя возвратить самолет на взлетно-посадочную полосу с уже неработающими двигателями.

Причем, как оказалось, виной всему была не техническая причина. Самолет кто-то специально испортил в аэропорту «Анапы». Причем сделал это очень профессионально, со знанием дела. Подрезал шланги, сломал датчики. Короче говоря, искусственно подготовил ЧП.

-Да, товарищ майор, вы представляете, - молодой офицер из военной прокуратуры завершил свой доклад, и, видимо, оставляя на последок самое интересное, добавил, – в одном из неработающих двигателей вашего самолета при расследовании техниками был обнаружен ...операционный скальпель. Как он туда попал, понять пока никто не может ...

«Теплое» место

-Значит так, - генерал Миловидов внимательно просмотрел и закрыл служебную папку последнего из личных дел военнослужащих Межведомственного антитеррористического центра, - ребят, как вижу, ты подобрал толковых, спортивных, грамотных. Одобряю. Конечно, у меня оставались кое-какие вопросы по отдельным кандидатурам, хотя по своим каналам мы и попытались их перепроверить. Не все на них есть документы. Ну да ладно, ты их видел в работе воотчую. Теперь главная ваша задача – тренировки и тренировки.

-Чтобы вы поняли, насколько высокую ставку в Совете безопасности страны сделали на вас, - Александр Александрович подошел к сейфу и вытащил оттуда несколько документов с гербом на лицевой стороне,- сообщая, что всем вашим офицерам присвоены внеочередные «досрочные» воинские звания, это я про тех, кто ранее имел специальные. Поздравляю, товарищ «подполковник»! И прошу поздравить и вручить погоны всем.

-Второе, - генерал пробежал глазами другой документ. – Местом дислокации вашей новой войсковой части мы выбрали гвардейскую мотострелковую бригаду в подмосковном поселке «Мостехнопарк». Там отличный стадион, силовой городок, бассейн, огневой городок. Для вас выделена отличная казарма на первом этаже. И только ваша единственная девушка будет жить рядом - в офицерском общежитии. Все остальное теперь зависит уже от вас.

-Ну и, в-третьих, - Миловидов сел обратно в кресло. – С сегодняшнего дня все ваши военнослужащие переодеваются в обычную общевойсковую военную форму и, официально по «легенде», для всех без исключения, становятся одним из подразделений армейской разведки Сухопутных войск. - И добавил, - без комментариев!

Генерал, словно волшебник, вытащил из-под стола черный портфель-дипломат, и пододвинул его ближе к Большакову.

-Здесь ваши новые документы, - кратко сказал он. – И ваши новые удостоверения личностей офицера с уже новым званием. Комплекты формы получите завтра на складе округа. Прибытие в часть через два дня – в четверг, к 18.00. Честь имею!

Сказать честно, что все были в восторге от пересказанного разговора с генералом, было бы неправдой. Майор Юрий Потапов, хотя и получивший очередное «досрочное» звание, был опечален тем, что теперь не сможет носить свой «краповый» берет, которым он так гордился.

Но поистине расстроен был переодеванием из своей любимой черной в непонятную ему зеленую форму был морпех - гвардии старший прапорщик Евгений Чернов. Грусть которого даже не развеяло сообщение о присвоении ему первого офицерского звания – «лейтенант».

А Николай, за годы службы уяснивший главный военный принцип, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», отлично понимал, что уж если государство расщедрилось на «бесплатные» воинские звания, да еще и «досрочно», то значит, работа офицерам Центра предстоит не просто опасная, а может и стоящая жизни.

До расположения бригады военнослужащие Центра добрались достаточно быстро, даже не смотря на московские пробки. Вскоре колонна из пяти военных грузовиков в сопровождении машины Военной автоинспекции проезжала КПП бригады.

Большаков осмотрелся и был просто поражен. За все годы службы, Николай никогда не видел такого «элитного» гарнизона.

Как рассказал генерал Миловидов, первоначально здесь в поселке, в ближайшем Подмосковье полвека назад располагался всего один полк знаменитой гвардейской Таманской мотострелковой дивизии. Так, сугубо для оперативных целей. Но в начале 80-х, когда дислокация полка уже оказалась практически около Московской кольцевой автодороги, было принято решение срочно реконструировать этот военный городок.

Точнее - построить на его месте новый, с супер современными казармами с полной инфраструктурой и жилыми домами. Да и вместо полка развернуть целую бригаду. Ну, для того, если понадобится, даже иностранцам показать, мол, как живут у нас все советские солдаты...

Летом 1991 года, эту бригаду передали из структуры Министерства обороны СССР в КГБ, где пытались создать тоже свое воинское формирование. Но уже зимой 1992 года, Президент РФ Борис Ельцин, панически боявшийся чекистов, приказал вновь срочно вернуть эту бригаду в состав Минобороны.

А с началом войны на Северном Кавказе, ее вновь попытались переодеть. На этот раз уже в форму Воздушно-десантных войск, выходцем из системы которой и был в то время министр обороны генерал Павел Грачев. Но и тут вновь появились проблемы. Так как все офицеры бригады, в своем большинстве, были выпускниками обычных

общевоисковых училищ, то они предпочитали храбро и мужественно воевать только на земле, при этом предпочитая и добираться по поля боя без самого десантирования.

А когда еще через год, в ходе проверочных учений, сам командир этой бригады, переодетый волею судеб из мотострелка в форму десантника, но не имеющий минимально необходимого опыта, сломал при приземлении ногу, было решено с этой воинской частью эксперименты больше не ставить. Возвратив ее окончательно в Сухопутные войска.

-После всех этих перетряхиваний, - особо отметил генерал Миловидов, - мы сейчас для вашей временной дислокации выбрали именно этот гарнизон. Полагаю, что никого из старых знакомых вы там не встретите, при этом, главное, сохраняем режим секретности.

Конечно же, на самом деле весь этот гарнизон был построен весьма добротно, и, конечно же, был не похож на тысячи других. Среди леса на его территории взметнулись два огромных стеклянных современных 12-этажных огромных корпуса, которые имели крытые «зимние» переходы в учебные корпуса, столовую, клуб, бассейн. Рядом стояли огромные современные с кондиционерами серые боксы для хранения военной техники, оборудованные специальными автономными температурными датчиками, следившими за влажностью. Ну, а перед самими корпусами был не менее величественный строевой плац с огромной трибуной, на котором можно было бы смело разместиться всему столичному гарнизону, готовящемуся к параду на главной площади страны.

Казарма на первом этаже, которая была передана подполковнику Николаю Большакову и его разведчикам, находилась в стоявшей слева от въезда многоэтажке. Это большое спальное помещение для мотострелковой роты, ныне выделенное спецназу, ни разу не использовалось по назначению за все прошедшие годы. Дело в том, что командиры бригады использовали это всегда закрытое помещение, исключительно всего два раза в году – как образец, показывая новобранцам, как должна выглядеть настоящая солдатская казарма.

-Ну что же, принимайте разведчики жилье, - молодой полковник, ставший недавно командиром этой бригады, провел Большакова внутрь. – Здесь будут располагаться ваши люди, а для вас лично и ваших командиров, мы оборудовали наверху, в бывших учебных классах отдельные комнаты. Как говорится, в тесноте, но не в обиде!

Не обращая внимания на спокойную и размеренную жизнь этого гарнизона и всех военнослужащих этой бригады, спецназовцы Центра, разделенные решением Николая на четыре взвода, ежедневно тренировались, сменяя друг друга, на четырех точках – силовом городке, зале рукопашного боя, огневом городке и бассейне – расположенных в разных уголках огромной территории. Отправляясь утром на спортивные занятия, все военнослужащие офицеры и сержанты Центра, были одеты в однообразные спортивные костюмы с шевроном «ЦСКА». Потом были занятия по тактике, оперативной работе, радиоделу.

К концу пятой недели тренировок, Большакова внезапно вызвали к генералу Миловидову.

– Знаешь Николай, - Александр Александрович нервно ходил по кабинету и курил. – Вот получили неприятность оттуда, откуда не ждали. По поводу нашего Центра «протекло» уже Министерство обороны. Самого Главкома Сухопутных войск затаскали, как какого-то лейтенанта, по высоким кабинетам, выпытывая, кто создал это подразделение, и кто утвердил туда офицеров. Это хорошо еще, что мы озвучили лишь официальную «легенду». А вот когда они узнали, что «у руля» этого подразделения стоит обыкновенный подполковник, подключили все свои рычаги...

-Короче говоря, извини, но даже я пока не в состоянии что-то изменить, - генерал с силой загасил окурочек в пепельнице. – Есть уже приказ о твоём назначении, правда в должности заместителя. Командиром спецназа назначен некто майор Владимир Гриднев, выпускник этого года из Академии Фрунзе. Судя по оценкам и

характеристикам – обычная серая посредственность, но карьерист. Причем с большими связями его отца в руководстве государства. Два звания сынок получил досрочно в Группе войск в Германии. А теперь его папа услышал о создании Центра и вновь подключил все свои связи.

-Ну, я вам тоже - не «мальчик для битья»!.. - вспыхнул Николай.

-Точнее не девица из пансиона, - резко оборвал его генерал, - Вы - боевой офицер, кавалер боевых наград, и не Вам обижаться на государство. Настоящий солдат выполняет любой приказ, а не устраивает здесь «плач Ярославны». Так что выполняйте ...

-Извините, товарищ генерал-лейтенант, виноват! - Большаков вытянулся, как по команде «Смирно!»

-Ладно, Николай, - уже спокойно произнес Миловидов, - думаю, что время все расставит по своим местам. А пока возвращайтесь к личному составу. Продолжайте тренировки, и ...встречайте командира.

Еще через два дня подполковник Николай Большаков стоял на КПП бригады, встречая своего нового командира – майора Владимира Гриднева. Судя по всему, выпускник элитной Академии Сухопутных войск не отличался особой пунктуальностью, если позволял себе опаздывать уже более чем на полчаса от озвученного ранее времени прибытия.

Первым он услышал натуженный гул двигателя, и только потом увидел летящий по шоссе, вдоль забора военного городка в сторону воинской части, блестящий темно-синий новенький «Ягуар». Шикарный автомобиль, с прыгающим зверем на капоте, резко сбросив скорость, легко прошуршал элитной резиной возле контрольно-пропускного пункта и резко затормозил на стоянке чуть в стороне.

Из машины появился невысокий темноволосый полный офицер в расстегнутом кителе с погонами майора, и, забрав фуражку с заднего сиденья и держа ее в руке, направился ко входу в часть. Даже увидев ожидавшего его на КПП подполковника, владелец «Ягуара» не застегнулся и не надел головной убор.

-Товарищ майор! - Николай принял стойку «Смирно» и, приложив руку к фуражке, продолжил рапорт. - Личный состав Центра спецназа Сухопутных войск находится на учебных занятиях. В 18.00 он будет представлен Вам на плацу перед учебным корпусом. Заместитель начальника Центра подполковник Большаков.

- Да ладно, к чему официоз, - майор немного по-барски, и, совсем не по-военному, протянул своему заму ладонь, так сверху – вниз, для рукопожатия. – Построение перенесите на завтрашнее утро, а то я очень устал за сегодня. Надеюсь, вы уже договорились об отдельной комнате в общежитии? А то я не намерен, как командир, жить в казарме с личным составом.

-Я не знал, что вы планируете жить в военном городке, - начал было Большаков. – Ведь наше подразделение располагается... ,

-Не напрягайся, подполковник, - устало протянул Гриднев, уже перейдя на «ты», - я эту часть знаю, как свои пять пальцев – лейтенантом тут после училища начинал. Жаль, что с гостиницей мне придется договариваться самому ...

-Да, и на будущее, - он улыбнулся, и перед тем, как возвратиться к машине, добавил, - Вчера мне присвоено очередное воинское звание. Так, что мы теперь с тобою оба подполковники. Хотя, с этими ночными клубами, погоны еще не пришил...

-Есть, товарищ подполковник! – Большаков вновь взял под козырек.

Как Николай и предполагал, на следующий день на утреннее построение подполковник Гриднев опоздал, почти на четверть часа. Одетый, в новую, пока еще

экспериментальную для армии, рубашку с коротким рукавом и параллельные брюки, обутый в дорогие и немного неуставные туфли, в фуражке с высокой тульей и в каплевидных солнезащитных очках, Гриднев выглядел «чужим» перед своими подчиненными, которые стояли в камуфляжной полевой форме.

-Так..., - приняв доклад, новый командир прошел мимо всего строя.

-Не стоит думать, что под моим командованием вы сможете и дальше лениться, - он улыбнулся, сделав упор на слова «под моим командованием», и посмотрел на стоящих перед ним спецназовцев. – Запомните, Сухопутные войска – элита армии, и, кто так не считает, может у меня легко продолжить службу в стройбате.

-А вы, подполковник, - обратился он уже к Николаю, - будете мне ежедневно в 18.00 докладывать, как прошел день, что сделано, что предстоит. Назначаю вас старшим. Я же буду осуществлять общее руководство Центром.

Так продолжалось день за днем: личный состав отправлялся на учебу и тренировки, а командир – отсыпался - после возвращения из ночного клуба. Благо никому в округе Центр был не подконтролен.

И вдруг, как снег на голову, пришло известие, что в их подразделение спецназа прибывает комплексная проверка. Услышав это, подполковник Гриднев уехал в Москву и только лишь на следующее утро появился в части в отличном настроении.

Когда через два дня после этого, молодой подтянутый генерал-майор из штаба Московского военного округа прибыл в бригаду, военнослужащие спецназа Гриднева в готовности уже стояли на плацу. Быстро приняв доклад, проверяющий, со своей командой из двух полковников, в сопровождении командира спецназа, пообещав встретиться завтра, убыли в гостиницу.

На следующее утро, эти проверяющие уже сидели на скамейках спортивного городка. Хотя, судя по всему, они еще не отошли от вчерашнего застолья, от большой «накрытой поляны» в небольшой бане бригады.

Наблюдая за сдачей нормативов офицерами спецназа, они из больших кружек жадно пили чай. То и дело, наливая его из огромного самовара, стоящего чуть в тени.

Рядом с их папками и нормативными документами проверки, совсем необычно смотрелись лежащие рядом аккуратно порезанные кусочки хлеба, кружки колбасы, полоски сала и маленькие тосты с кусочками селедки, аккуратно разложенные на «чисто военной скатерти» - газете «Московский комсомолец» с очередным свежим антиармейским материалом, укрывающей лавочку.

Тайну этого «чаепития» знал лишь сам начальник Центра подполковник Гриднев, изредка осматриваясь, дабы не афишировать свое действие, и быстро заливал в чрево самовара очередную бутылку ...холодного пива.

Прошедшие с прибытия два месяца тренировок не прошли даром – все две сотни спецназовцев показали не только высший класс на спортивных соревнованиях, но и заставили проверяющих приятно удивиться на огневом городке.

-Вашему подразделению я ставлю заслуженную высокую оценку, - генерал-майор при всех пожал руку подполковнику Гридневу. – И обязательно доложу командующему округом о вас и ваших ребятах.

-К слову, - продолжил с улыбкой проверяющий, когда они вдвоем уже вышли за территорию бригады. – Я понял, что у вас все будет отлично еще накануне, когда позвонил ваш отец, и попросил встретиться. Так что поздравляю! Вы справились. И я тоже приобрел презент...

И, еще раз пожав руку подполковнику, генерал-майор направился к стоящей у КПП своей новенькой автомашине «Тайота» цвета «мокрый асфальт».

Но оптимизм подполковника Владимира Гриднева заметно иссяк, когда еще через месяц утром на построении появились два генерала из Главного разведывательного управления Генерального штаба.

-К нам поступило сообщение, что в нашем «спальном» Московском военном округе, - прогудел сухой коренастый генерал-лейтенант с внушительной колодкой боевых наград и знаком профессионального парашютиста, - мы, оказывается, «проворонили» хорошо подготовленное подразделение спецназа Сухопутных войск и его умелого руководителя. О личном мастерстве которого, заявил Командующий округом на Коллегии Минобороны...

-Так точно, - тихо ответил Гриднев, пряча за спиной свои солнечные очки. – Правда, мы не ожидали...

-Поэтому и приехали, - улыбнулся генерал. – Построение всего вашего личного состава на спортивном городке бригады через полчаса. Форма одежды – полевая. – И добавил, посмотрев на командира. - Всех без исключения!

Однако, улыбка проверяющих из ГРУ быстро сменилась на негодование, когда командиру спецназа, как и положено первому, предложили пройти обычную полосу препятствий. Гриднев не только не уложился в норматив, но и даже не сумел преодолеть ее полностью. И если на огневом городке, подполковник еще с горем пополам сумел наскрести себе оценку на «троечку», то на многокилометровом марш-броске он запыхался, с непривычки, натер ногу и почти сразу же сошел с дистанции, забыв даже передать командование своему заместителю Большакову.

Генерал догнал на своей «Волге» и остановил компактно бегущую коробку спецназовцев в полном обмундировании с оружием почти в пятнадцати километрах от части.

-Значит так, - Генерал ГРУ вышел из машины, и позвал к себе Большакова. – Я все увидел. Молодцы! Разбор «полетов» завтра в 8.15 утра в штабе Московского военного округа. Вам быть обязательно.

-Да, и своего этого ...«пассажира», - генерал плюнул и махнул рукой в сторону леса, где сошел с дистанции Гриднев, - тоже не забудьте. Всю гад малину....

На следующий день, на разборе, как сказал генерал - «полетов», от количества генеральских лампасов пестрило в глазах. В итоге, подполковника Большакова даже не пустили в кабинет.

При этом, сам Командующий Московским военным округом – опытный и отнюдь не кабинетный боевой генерал – был просто в бешенстве. Проверяющие из ГРУ Генерального штаба сообщали о никчемности вновь назначенного начальника Центра спецназа, которого так расхваливал его подчиненный молодой генерал – начальник Управления военной службы и жизни войск.

Еще два года назад, когда ему, Командующему МВО в Администрации Президента РФ предложили «перспективного» полковника на «вырост» и под него дополнительные клетки для штатного расписания нового Управления, командующий лишь махнул рукой – увеличивать, это не сокращать! К слову, седой боевой генерал и до сих пор не мог понять предназначение, да и сами функции нового Управления. В итоге, вместе с генеральскими погонами, молодой начальник получил статус «вечного проверяющего».

Конечно же, оценка разведчиков Генштаба была двоякой: с одной стороны - начальник этого подразделения показал себя полным «нулем», но о его назначении тоже просили со Старой площади, вместе с тем, с другой стороны - в докладе было указано, что остальные военнослужащие Центра показали высокий класс и справились со всеми задачами на «отлично».

Тогда опытный седой командующий, за последние годы больше превратившийся из военачальника в политика, и умудренный современными «подковерными» играми, сделал единственный в его положении правильный вывод – успокоить представителей ГРУ, и самому не поднимать шум. Не ругаться же ведь ему с Кремлем...

Так что в результате, уже в, согласованном всеми итоговом документе, было сказано, что в ходе проведенных итоговых занятий военнослужащими Центра спецназа Сухопутных войск был продемонстрирован высокий уровень их тактико-специальной подготовки, а лучших офицеров и солдат подразделения представили к наградам.

Более того, их командира – подполковника Владимира Гриднева, за отличную подготовку личного состава Центра, было решено поощрить ценным подарком и назначить ...заместителем начальника Управления военной службы и жизни войск МВО.

Того-самого Управления, с «блатным генералом» и непонятными, но очень видимо нужными нынешнему Отечеству, функциями...

-Ну вот, теперь порядок, - улыбнулся командующий округом, подписывая итоговый приказ. – Теперь и вопрос со спецназом закроем, и всех переданных мне «баранов» соберем в одно стойло...

К исходу следующего дня, подполковник Николай Большаков вновь сидел в кабинете генерал-лейтенанта Миловидова.

-Ну вот, Николай, как я и говорил, все решило время, - улыбнулся Александр Александрович. – Ну и несколько важных звонков. Так что поздравляю с назначением на долгожданную должность командира спецназа.

При этом, отмечу, Вы все уже достаточно послужили в «теплом местечке» - почти прямо в Москве, - продолжил он. – И обрели в лице своего бывшего командира Гриднева угрозу. Он ведь теперь у них в столичном округе тоже будет «дежурный проверяющий». А значит теперь мне надо вас хорошо спрятать. Подальше от всяких «блатных» офицеров и их «кремлевских» родителей.

Генерал подошел к карте и ткнул в едва заметную точку на самой окраине Владимирской области, ближе к Нижегородской.

-Это город Приозерск, он станет новым местом вашей дислокации, - Александр Александрович подошел к столу, посмотрел какие-то бумаги и добавил. – Маленький городок с тремя заводами, пятью улицами и двумя ресторанами. И тремя колониями - «зонами» у ближайшего лесхоза.

-Кстати, там, на этой окраине, - продолжил он, - раньше располагалась учебная танковая дивизия. Теперь – сокращенная до бригады. Все вопросы будете решать на месте самостоятельно, обязательно в диалоге с командиром бригады - человеком достаточно специфичным.

-И, самое интересное, напоследок, - генерал опять посмотрел на Большакова с улыбкой. – Больше нашей «легенды» о спецназе Сухопутных войск нет...

-Вот за это отдельное спасибо, - искренне сказал Николай. – Надоело прятаться...

-...Спецназа Сухопутных войск нет, - еще раз четко повторил генерал, и внезапно завершил, - для вас есть новая «легенда» - Отдельный мотострелковый батальон, который готовится стать частью «миротворческих сил». Тогда будет понятна и учеба и физо, и отсутствие контроля со стороны МВО.

-Так что завтра же вам всем необходимо прикрепить эмблемы и шевроны миротворцев, - буднично продолжил он. – Сдать комбригу вашу бывшую «элитную» казарму. Потом получите, где я скажу, технику, ну для наглядности и правдоподобности. Выезд в Приозерск ровно через десять дней.

Обо всех изменениях в форме одежды и месте дислокации, подполковник Большаков объявил всему своему личному составу вечером, после ужина.

Перед вечерней поверкой к Николаю вновь подошел озабоченный майор Беликов.

-Командир, - начал он не по уставу. – Из моего взвода молодой контрактник сержант Стас Воронов отпросился в свободное время на спортгородок встретиться с девушкой. Уже время поверки, а мы его найти не можем. И на спортгородке никого.

-Так, Володя, - Большаков глянул на часы, - на Воронова это не похоже. Давай своих ребят – кого опять на спортгородок, кого – к его девушке домой. Доложить мне через двадцать минут...

...Сержанта-контрактника Станислава Воронова нашли через час в кустах на дороге, за забором спортивного городка. Чуть в стороне, у самой обочины, там же в канаве ничком лежала и его девушка.

Как рассказали случайные свидетели, спешащую на свидание к спортгородку девушку попытались схватить и засунуть в темные «Девятку» три каких-то мужчины. На крик через забор перескочил солдат и подбежал к машине, пытаясь освободить пленницу. А потом вдруг «Жигули» сорвались с места...

У стоящей рядом машины «Скорой помощи» были открыты двери, и на ступеньке сидел дежурный врач в синем санитарном комбинезоне и курил, видимо ожидая прокурорских.

-Извините, - к нему подошел Большаков и представился, - что произошло?

-Да странно все. Видите ли, - врач посмотрел на Николая, - первой они, скорее всего, схватили девушку. Видимо, как приманку. А когда она закричала, и появился ваш солдат, эти преступники из машины, одним ударом разрезали ему шею и аорту. Потом убили девушку.

-А что же странного? – переспросил Большаков.

-Странно то, - врач посмотрел на Николая, - что смертельный удар обоим был нанесен не вполне обычным для преступников предметом.

-Точнее..., - Николай подошел к врачу, - Вы хотите сказать, что удар был нанесен обычным хирургическим скальпелем?

-Да, - удивленно ответил эскулап. – Они его даже тут рядом бросили, практически у самого трупа...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГАРНИЗОН

Баловень судьбы

К своим 46 годам полковник Юрий Ковалевский уже давно мог стать генералом, высоко продвинувшись по служебной лестнице. Да и могло ли быть как-то по иному, у человека, который можно сказать с самых пеленок уже знал, что будет лидером.

Он хорошо окончил школу, военное училище. Приняв в своей жизни первый мотострелковый взвод, он сумел буквально за три месяца сделать свое подразделение лучшим сначала в роте, потом и в самом батальоне. Еще не успев получить третью звездочку на свои пока еще лейтенантские погоны, Юрий уже стал командиром роты. Как говорили подчиненные, он был достаточно волевым и строгим командиром, отлично понимая, что ничего не бывает просто так, а удача не приходит к ленивым.

А когда во время тактических учений на полигоне, командир соединения условно «убил» все командование его батальона, именно старший лейтенант Ковалевский, собрав других командиров рот, взялся исполнять обязанности комбата. И не только с этим справился, но и сумел вывести из-под удара «противника» весь свой личный состав.

Поэтому во время разбора учений, молодого офицера отметил лично присутствовавший там командующий армией. И приказал подготовить документы для его поступления в Академию. Не забыв при этом, еще и подписать приказ о присвоении Юрию Ковалевскому досрочного звания «капитан».

Да и на курсе в стенах Общевоинской Академии, он оставался самым молодым офицером – единственным капитаном среди многочисленных майоров и подполковников. В отличие от своих старших товарищей по курсу, вырвавшихся в столицу больше для того, чтобы отдохнуть от службы и семьи, Юрий учился легко, впитывая, как губка, все академические дисциплины, уделяя особое внимание тактике – предмету, который будет его основополагающим в дальнейшей службе.

На перспективного, еще не успевшего «устать от службы», и завершающего учебу с отличием майора Ковалевского, успели обратить внимание не только в Сухопутных войсках. На одном из торжественных мероприятий Юрия представили молодой брюнетке приятной полноты – Кристине, как потом оказалось единственной и любимой дочери начальника одного из Управлений Генерального штаба. Именно она и должна была стать для перспективного офицера тем «лифтом», что поднимет умного и не обделенного талантом майора на самый верх карьерной лестницы.

Сказав заветное «да» в стенах столичного Грибоедовского ЗАГСа, Юрий как бы автоматически сразу же сел в заветный лифт и плавно тронулся вверх. В Группе Советских Войск в Германии, куда вскоре «случайно» попал «по распределению» майор Ковалевский с молодой женой, для него в дальнейшей службе действительно был включен «зеленый свет».

Все пять перестроечных лет службы в этом райском месте, вдали от настоящих изнуряющих армейских учений, бытовых и жилищных проблем, еще больше убедили

Ковалевского, что существует и иная жизнь, где можно просто хорошо жить, а не натужно ...выживать.

В Союз, к новому месту службы – в танковую дивизию, куда он убывал вместе с женой, двумя досрочными воинскими званиями, и тремя контейнерами шмоток и подержанным «Мерседесом», его ждало кресло комдива. И, если верить тестю, уже скорое генеральское звание.

Должность командира соединения в Приозерске, куда и направлялся полковник Юрий Ковалевский, всегда рассматривалась даже в Минобороны СССР, как своеобразный трамплин для последующей службы в высоких столичных кабинетах на Арбате или же на Фрунзенской набережной. К тому же тут надо было продержаться всего год-полтора, и уже больше никогда в жизни не вспоминать нищее «трудное детство».

Но когда жена узнала, что дивизия мужа будет дислоцирована не в Москве, она надула губки и, еще в Берлине, заявила, что этот год лучше пока поживет у родителей.

...Деревянное двухэтажное здание железнодорожного вокзала города Приозерска, наверное, сохранило свое первозданное состояние еще с времен своего открытия около двухсот лет назад. Чем сразу же говорило полковнику Ковалевскому, что он возвратился на Родину. Пока два солдата вытаскивал из вагона его чемоданы, встречавший заместитель полковник Николай Тюленин, кратко докладывал Юрию Викторовичу об отсутствии ЧП в соединении и о плановой боевой учебе.

В окнах касс второго этажа здания вокзала мелькали люди, покупая билеты на поезд, а в правом крыле первого этажа здания, видимо, располагался ресторан, из раскрытых окон которого неслась песня Ирины Аллегровой про молодого несмышленного младшего лейтенанта, который хочет стать генералом...

Удобно расположившись в теперь уже своей служебной машине, Ковалевский предложил водителю провезти его с небольшой экскурсией по всему населенному пункту. Разделенный железной дорогой, город Приозерск представлял из себя, как бы из себя два отдельных населенных пункта. Его дальняя часть быстро застраивалась новостройками, обеспечивая рабочих трех градообразующих заводов жильем, школами, поликлиниками и больницами. Старая же часть города, компактно расположившаяся вдоль озера Кривого, которое почему-то здесь все с улыбкой звали - озером «Надежд», уводила своими зелеными улочками в сторону от центра к самому лесу, туда, где на окраине стояла сама дивизия.

Черная служебная «Волга» ехала не спеша по центральной улице старой части города, аккуратно объезжая огромные ямы, оставшиеся здесь, словно после недавней бомбежки. Одно и двухэтажные дома, тянущиеся вдоль дороги, скорее всего, были построены здесь еще при Царе-Горохе, но все же пытались соответствовать времени, зазывая покупателей в расположенные там коммерческие магазины. Чуть дальше от центра стали попадаться кое-где сгоревшие или разрушенные дома, мимо которых как ни в чем не бывало спешили люди. Город Приозерск жил своей обычной размеренной жизнью.

На огромном щите, расположенном на заборе, слева от ворот уже КПП дивизии, был изображен бравый краснощекий танкист в шлемофоне и с автоматом. На его заднем плане три танка в дымке разрывов вражеских снарядов шли в атаку. Внизу огромными буквами стояла подпись – «Слава Советским Вооруженным Силам!»

С правой стороны – на небольшой площади располагался памятник легендарной 34-ке с двумя хиленькими венками у подножья. А чуть дальше, на большой земляной площадке, перед одноэтажным зданием ателье и обувной мастерской, стояли несколько автомашин офицеров – в своем большинстве «Жигулей» и стареньких «Москвичей».

Увидев комдивовскую «Волгу», дежурный выскочил на улицу и открыл шлагбаум. Еще пару метров, и машина остановилась перед стареньким двухэтажным желтым зданием штаба дивизии – судя по всему, единственным зданием управления соединением на территории военного городка.

Ковальский быстро поднялся и вышел из машины. Местную «стометровку» - центральную дорогу военного городка с двух сторон украшали красивые березки, чей белый цвет хотя бы немного скрашивал серый цвет зданий старого военного городка. Променад упирался в здание военного универмага, и далее уже уходил вправо и влево, туда, где в одной стороне располагались сами учебные и спальные корпуса дивизии, и в другой находились парки хранения боевой техники.

Приняв доклад, и пожав руку оперативному дежурному, Юрий Викторович по скрипучей деревянной лестнице поднялся на второй этаж штаба и, открыв массивную дверь с металлической табличкой – «Приемная командира дивизии», прошел к себе в новый кабинет.

Судя по всему, все бывшие хозяева этого «генеральского» кабинета скорее были больше «спартанцами», чем любителями уюта. Слева, у самого окна специально для гостей стоял старенький, местами протертый огромный коричневый кожаный диван и такое же кресло, год изготовления которых, видимо, соответствовал еще предвоенному сталинскому времени.

На рабочем столе располагались три телефонных аппарата, причем у двух не было даже наборного диска. Его заменял лишь один медный герб СССР. Рядом на большой тумбочке стоял компактный телефонный коммутатор с тридцатью кнопками, подписанными только фамилиями.

Вся мебель, произведенная, наверное, в начале сороковых годов прошлого столетия были тоже сделаны добротно, и способны простоять еще десятки лет без ремонта. Единственным портретом, висящим в кабинете, был портрет Михаила Горбачева, Президента СССР.

Последний листок на перекидном календаре предыдущего хозяина кабинета показывал - «**Четверг. 23 Мая 1991 года**».

Ковалевский легко пролистал справа налево листики календаря, пока не нашел сегодняшнее число - «**Вторник, 9 июля 1991 года**». Затем подняв трубку одного из телефонов и, услышав доклад дежурного, коротко распорядился:

-Построение всего личного состава на плацу в 17.00...

Первый месяц своего пребывания в новой должности полковник Ковалевский, одетый в полевую форму, целыми днями проводил на полигоне дивизии, нанося внезапные визиты то в одно, то в другое подразделение, проверяя знания не только солдат, но и их командиров. Записывал в служебную тетрадь вскрытые проблемы, отмечал лучших.

В тот день 19 августа 1991 года, около пяти часов утра Юрия Викторовича поднял из постели оперативный дежурный.

-Приказ из Москвы, - доложил ему подполковник. – Приказано немедленно поднять по «Тревоге» всё соединение, вооружиться, подготовить технику и быть готовым к выполнению очередного распоряжения.

В своем большинстве Приозерск еще спал, а дивизия, приведенная в состояние боевой готовности, уже ждала очередного приказа.

Полковник Ковалевский едва дождавшись начала утреннего телевизионного вещания, включил телевизор. Однако, вместо информационного выпуска по все программам показывали балет «Лебединое озеро».

А еще через несколько часов стало известно, что в двух столицах – в Москве и Ленинграде, как правильно понял Юрий, начали делить власть. Понимая, что в любом случае, военные окажутся «крайними», он тоже, на правах коменданта города, ввел в Приозерске режим ЧП. Так, на всякий случай. На свой страх и риск.

Этот надо сказать, его смелый жест оценили все – и глава исполкома, и секретарь горкома партии, и так называемые демократы, собравшиеся в обед впервые за последние

годы все вместе в ...кабинете комдива на планерку. Возможно, именно в тот момент, когда военнослужащие с оружием в руках блокировали весь город, жители впервые уже с уважением и страхом посмотрели на выставленную для охраны города бронетехнику. Да и сам полковник Юрий Ковалевский в тот день впервые для себя понял, что представляет из себя ...абсолютная власть, ради которой люди во все века и во всем мире всегда шли даже на преступления...

И пусть на следующий день, все военнослужащие и техника уже возвратились в свои места дислокации, возникшее впервые у него чувство «хозяина города» в душе осталось надолго.

А когда спустя еще сутки Юрий Викторович увидел по телевизору спускающегося по трапу совершенно потерянного президента СССР Михаила Горбачева, возвратившегося из «форосского заключения», комдив вызвал к себе в кабинет секретаря партийной комиссии части. И, к шоку окружающих, сдал ему свой партийный билет. Мозг Ковалевского, как трезвого прагматика говорил ему о том, что эта страна за последние сутки стала уже другой, и больше не возвратится к былому.

Портрет Горбачева над своим рабочим местом на стене, он быстро сменил на портрет Бориса Ельцина, чью большую фотографию напечатали в городской типографии и облагородили багетной рамкой...оставшейся от выброшенного здесь же в урну портрета Горбачева.

Ковалевский инстинктивно чувствовал, что начинается новая жизнь...

Пока в большом Белом доме Министерства обороны, теперь уже России, на Арбате шла дележка портфелей, а весь генералитет сидел на чемоданах в ожидании ...пенсии, Юрий Викторович понимал, что наступило время анархии и безвластия, и Москве пока не до проверок отдаленных гарнизонов. Тут надо просто выживать...

Позвонившая из Москвы жена, была тоже очень расстроена происходящим, и говорила, что ее папа тоже, не смотря на свои связи, пока «в подвешенном состоянии».

Имея за спиной опыт службы в ГСВГ перестроечного времени, молодой комдив знал, что главным критерием оценки работы в ближайшее время станет не уровень подготовки его подчиненных на гарнизонном полигоне, а лишь правильно написанные доклады с красочными схемами и колонками цифр, месяц за месяцем показывая, пусть даже минимальный, но рост боеготовности его соединения. Не забывая при этом заниматься «плановой ротацией старых кадров».

И надо признать - его тактика «бумажных отписок» сработала. О том, что его соединение отличается в лучшую сторону и на него необходимо равняться, Юрий Викторович прочитал в докладе министра обороны, опубликованного в центральной военной газете «Красная звезда».

Помнится, когда к нему на прием пришла молодая женщина-товаровед из гарнизонного универмага с просьбой выделить ей, после развода, хотя бы комнату в общежитии, Ковалевский впервые за эти месяцы задумался и о своей личной жизни. Молодая стройная голубоглазая блондинка по имени Наташа, сидела перед ним в кабинете в легком летнем сарафане, небрежно забросив очаровательную ножку на ножку. А когда их глаза встретились, Юрий понял, что его непреодолимо тянет к этой молодой женщине.

Чуть позже, в уже выделенной ей на втором этаже двухкомнатной просторной квартире в одном подъезде с Ковалевским, Наташа шепнет ему в постели, что всю жизнь мечтала о таком настоящем мужчине, как он. И этого будет вполне достаточно, чтобы через месяц она получила должность директора гарнизонного универмага – единственного торгового центра, который, даже не смотря на трудное время, все еще пока по инерции снабжался дефицитной едой из Москвы.

Конечно же, сам полковник Ковалевский даже и не думал, что он и его новая пассия – Наташа, лишь часть многоходовой игры, которую вел разжалованный судом

офицерской чести до звания «майор» бывший заместитель командира дивизии по тылу Николай Павлович Котов.

Этот тыловик, имея предпринимательскую жилку, был крайне раздосадован тем, что оставаясь в армии и сидя на так называемом «продовольственном злате», он не мог заработать. А когда попробовал развернуться, то бывший командир дивизии быстро перекрыл ему «ручей» дефицитных товаров, утекающий из гарнизона в городские коммерческие магазины. После суда офицерской чести Николай Котов притих.

И только сейчас, увидев нового командира соединения, зампотыл решил вновь «возродиться из пепла», словно птица Феникс. И для начала познакомил, вот уже почти три месяца «холостого» комдива со своей старой знакомой блондинкой Наташей. Которая, много позже, в разговоре с «любимым Юрочкой», представила Котова уже не как «вора и несуна», а, наоборот, как незаконно пострадавшего от бывших коррупционеров в дивизии.

Так вернув себе погоны подполковника и прежнюю должность, Николай Павлович Котов понял, что не ошибся, сделав ставку на нового командира. Тыловик чувствовал, что где-то внутри они были очень похожи – оба из простых семей, оба мечтавшие о карьере, оба готовых за власть и деньги не пощадить даже родных....

Теперь, оказавшись в непосредственной близости от решительного и властьюлюбивого комдива, Котов понимал, что в «мутной воде» начавшихся 90-х он может, правда не без помощи Ковалевского, сделать вполне приличное состояние, даже не увольняясь со службы.

Прежде всего, на свой очередной День рождения, комдив увидел у себя на столе какую-то новую папку и поверх нее лежащие ключи.

-Товарищ полковник, - вроде как немного неуверенно начал издавека Котов. – Вот вы заботитесь о личном составе, можно сказать день и ночь с нами на полигоне и в учебных корпусах. А о себе, своей личной жизни совсем уже забыли. Четвертый месяц ни разу не ездили к жене...

-Хотя, с другой стороны, это и понятно, - вдруг хитро улыбнулся тыловик. – Конечно, не на служебной же машине или не на поезде домой отправляться...

Он вынул из папки документы.

– Так что примите от офицеров соединения наш скромный подарок, - совсем просто завершил монолог Котов. - Пользуйтесь этой «ласточкой» на здоровье. Надежда капиталистического автопрома – «Вольво 850 с турбированным двигателем». Просто сказка! Теперь и к жене не стыдно съездить, да и тут неподалеку по «Золотому кольцу» полетать с ветерком...

-Да, чуть не забыл, - Николай Павлович подошел к имениннику, и протянул Ковалевскому документы и ключи. – Все, включая ПТС, уже выписаны на ...Ваше имя!

Конечно же, Юрий Викторович отлично понимал, что это не просто подарок, а настоящая взятка, причем в особо крупных размерах. Но, машина ведь была так красива, а Москва - ...очень далеко!

Потом были еженедельные шашлыки на природе с богато накрытыми столами, свой личный кабинет в «VIP зоне» местного ресторана «Приозерный», так называемые «Дни здоровья» – в местной сауне, ну и, конечно же – ценные подарки на праздники. А сам заместитель по тылу подполковник Котов, словно «золотая рыбка», воплощал любые сокровенные мечты командира.

Но внезапно у этой сказки появилось завершение.

Вначале на КПШ штаба появились несколько офицеров Главной военной прокуратуры с жалобой от жителей гарнизона о самовольном и незаконном выделении квартир командиром дивизии. Вскоре все жители гарнизона уже знали, что начальник гарнизона полковник Ковалевский, как оказалось, в нарушение всех правил передал вне очереди квартиру руководителю гарнизонного военторга. Той самой Наталье. А еще через сутки,

рано утром офицеры ГВП уехали в Москву, оставив любовницу комдива ...без жилья. И комдив был не в силе «замять» скандал.

В тот же вечер в квартире Юрия Ковалевского зазвонил телефон.

-Милый, - услышал он в телефонной трубке знакомый голос супруги Кристины, - нам тут с папой позвонили люди из военной прокуратуры. Рассказали о твоей службе и твоей любовнице, о щедрых подарках для нее.

-Так вот, знаешь, я приняла решение, - совсем без эмоций продолжила она. – Нам надо расстаться. Думаю, что там у тебя на периферии, в твоём, как его – Засранске, тебе придется послужить Родине и дальше. При этом забыв о генеральских погонах один раз и навсегда. И развлекайся там с любыми своими дешевыми шлюхами... На развод подам сама...

-Да, зятек... - взял трубку тесть. – К слову, у меня сегодня двойной праздник. Во-первых, сегодня меня назначили заместителем начальника Академии Генерального штаба, и, во-вторых, ты еще своим поступком освободил мою любимую дочку Кристинку от своих уз. Молодец! Так что теперь там, в глухомани, будешь у себя сам..., - в трубке послышался его раскатистый хохот, - и то, ...если дотянешься...

Как бы в подтверждении его слов, уже через неделю на КПП дивизии появились два больших автобуса проверяющих из нового Министерства обороны РФ. Буквально сантиметр за сантиметром под микроскопом, они изучали инфраструктуру дивизии, круглосуточно пропадали на полигоне, работали в ротах и батальонах, проверяли учебные классы и спальные помещения. Видавший за свою службу всякие проверки, даже подполковник Николай Котов был очень шокирован увиденным.

Как Ковалевский и предполагал, по результатам проверки в дивизии были объявлены организационно-штатные мероприятия. Так что, через три месяца нынешнее соединение теряло свои полномочия и былую мощь, и сокращалось до бригады. Своих должностей лишались десятки офицеров, а командир, согласно новому штату, навсегда оставался в звании ...полковника.

Тесть сдержал свое слово....

Мы наш, мы новый мир построим....

Сказать, что все произошедшее за последние дни в его личной жизни и, теперь уже в бригаде, стало настоящим горем для полковника Юрия Ковалевского, значит не сказать ни о чем. Это впервые стало настоящей трагедией всей его жизни.

Все к чему он шел год за годом, ради чего терпел свою некрасивую, толстую и ворчливую, теперь уже бывшую, жену, и тестя - идиота с амбициями и лампасами, все было уже в прошлом. Все это, в одно мгновение, словно утренний туман исчезло, вместе с заветными генеральскими погонями, которые, еще в стенах военного училища, называли не «воинским званием высшего офицерского состава», а просто одним словом – «счастье».

Больше двух недель Юрий Ковалевский просто горько пил у себя в квартире, взяв официально очередной отпуск. Водку и продукты заботливо приносил все тот же верный заместитель по тылу Котов, пытаясь скрыть запой от всех окружающих. В этом море алкоголя Юрий пытался утопить свое горе по несбывшейся своей мечте стать большим военным начальником, по тем амбициям, по которым он видел себя, как минимум, в кресле заместителя министра обороны. Он оплакивал себя, свои мечты и надежды...

Но потом через три недели, так же быстро выйдя из алкогольного штопора, как в него и войдя, полковник Ковалевский уже стоял на плацу аккуратно выбритый, в чистой рубашке и зеркальных от блеска туфлях. Оглядывая с трибуны плаца свой личный состав, тысячи своих солдат, Юрий Викторович отлично понимал, что, потеряв в своих

военных амбициях, он все же, к счастью, остался командиром, начальником гарнизона, с которым все же обязаны считаться в этом городе все без исключения.

Тогда, в конце осени 1994 года, страна только отошла от шока годичной давности. Уверовавший в собственную святость и непогрешимость, Борис Николаевич Ельцин с помощью своих генералов пытался в очередной раз силой решить финансовые проблемы своих банкиров. На этот раз они пытались «приватизировать» чеченскую нефть руками обычных российских солдат, дав для этого возможность разного рода бандитам обосноваться в этом регионе.

Этой осенью министерству обороны было не до проверок. Из всех частей огромной страны собирали буквально по единицам толковых офицеров и солдат в сводные полки и батальоны, с одной лишь целью – показать, как «играючи» они могут выполнить приказы Москвы. Показав при этом «кузькину мать» генералу авиации Дудаеву и взяв его дворец в городе Грозный обязательно к определенному числу – точнее к 1 января 1995 года – ко Дню рождения «лучшего» министра обороны России Павла Грачева.

Естественно, бригада полковника Ковалевского тоже выделила своих солдат – две мотострелковые роты и даже целого заместителя командира бригады по воспитательной работе подполковника Александра Родченкова. Они приняли участие в боевых действиях сразу же по приезду - в середине января 1995 года.

А весной в своем докладе в штаб Московского военного округа полковник Юрий Ковалевский уже сообщал о гибели на Кавказе 15 солдат и 2 офицеров из своей бригады, а также о пропаже там без вести замкомбрига подполковника Родченкова.

Но вместе с чувством безысходности, от того что Юрий Викторович оказался в этом маленьком городке со сломанной военной судьбой, у него оставалась надежда. Он понимал, что сейчас в середине «мутных» 90-х, когда страна лишилась закона и порядка, а президент Ельцин объявил, что «регионы могут взять столько власти, сколько унесут», сможет выиграть намного больше. И, конечно же, грело воспоминание о трех днях августа 1991 года, когда именно он – полковник Ковалевский был единоличным главой этого города, пусть и не такого крупного. Даже точнее не главой, а просто полноправным «хозяином»...

Ковалевский, как всегда хладнокровный и рассудительный, отлично понимал, что вся власть в его руках может быть только лишь при одном условии – ему должны подчиняться не только военные, но и гражданские. Но как этого добиться, если такой властью не наделен даже мэр?

И вскоре нашел ответ, услышав случайно по телевизору очередное выступление Бориса Ельцина, и его поистине «золотые» слова, что *«Главным для любого государства являются его люди, потенциальные избиратели»*. Теперь необходимо было это технически организовать.

Итак, путь в кресло «хозяина города» стал вполне понятен. Надо было поставить во главу города своего человека, а потом им управлять. Все просто и понятно.

Нового «независимого» кандидата в мэры Приозерска Юрию Викторовичу предложил все тот же Котов.

-Товарищ полковник, - объяснял он свой выбор, - у меня тут на примете есть один амбициозный тридцатичетырехлетний мужичок из Подмосковного Орехово-Зуева. Зовут Кирилл Барышников. Практичный, хитрый, но управляемый. Окончил Институт советской торговли.

-Давно с ним знакомы? – оторвавшись от бумаг, спросил Ковалевский.

-Да вот уже года три как, - улыбнулся Котов. – Кирилл мне помогал обеспечивать наш гарнизон дефицитными продуктами. Сейчас пока перебрался в Орехово-Зуево к молодой жене. Она там в детском доме росла. А когда вы сказали, что необходим кандидат в мэры, я о нем и вспомнил.

-Полную справку о нем положите мне вечером на стол, - четко распорядился полковник. – И еще. На спонсорские деньги закажите к выборам более десяти тысяч

тушек бройлеров, каждый из них не менее чем на полтора килограмма. Причем сделаете это на птицефабрике не в нашем районе. Потом, через подставных людей, приблизительно за сутки до выборов, перевезете их на местный хладокомбинат.

Юрий Викторович подошел к шкафу, достал оттуда пустую папку и, улыбнувшись, размашисто написал на обложке – «Операция «Дублер». Затем бросил ее в открытый сейф.

Как полковник Ковалевский и предполагал, предстоящие осенние выборы мэра Приозерска особо не беспокоили нынешнего главу города. Рано расплывшийся и оттого казавшийся намного старше своих сорока лет, нынешний мэр Приозерска Ярослав Козак, успел в перестроечное время сделать головокружительную карьеру. Приехав в этот город по распределению после института на Механический завод, он, всего за шесть лет, прошел все ступени от рядового инженера до главы городского исполкома. А в августе 1991 года, положив с пафосом партийный билет КПСС на стол, был избран мэром.

За все семь лет нахождения в Приозерске Ярослав Петрович сумел сделать немало для себя и, честно говоря, практически ничего для жителей города. Разбитые улицы, сгоревшие дома – все так и оставалось нетронутым, хотя, опять же по документам, все было благоустроено и заасфальтировано. Теперь же, после новых выборов, губернатор области пообещал выделить еще немало средств из федерального бюджета для Приозерска на постройку двух школ и плавательного бассейна. Так что в победе на предстоящих выборах он был уверен. И конкурентов себе в городе не видел.

Юрий Ковалевский отлично знал нынешнего мэра города, а также все его связи и финансовую поддержку. Поэтому им было принято мудрое решение, не выставлять до поры до времени пока кандидатуру «их человека» - Кирилла Барышникова на всеобщее обозрение, подождав до конца регистрации. Да и бороться за голоса избирателей тут не требовалось. Личный состав бригады плюс члены их семей могли обеспечить победу любому кандидату. Ну, а десять тысяч купленных охлажденных бройлеров добавляли к имеющемуся результату дополнительные голоса остальной большей части жителей города и обеспечивали полную победу в любых выборах.

-Котов, у нас все к предстоящим выборам готово? – быстро спросил Ковалевский у своего заместителя. – Все решено?

-Да, Юрий Викторович, - четко доложил подчиненный. – В городе будет открыто всего 40 избирательных участков. Шесть самых крупных у нас: четыре на территории бригады, один – в местном Доме офицеров и один – в школе жилого городка гарнизона. Еще восемь на подконтрольных нам площадках, с руководством которых у нас уже есть договоренности. Еще с двенадцатью избирательными участками уже почти утвердили условия взаимодействия.

-Учтите, - Ковалевский откашлялся, - никто ни о чем не должен догадаться. Все исключительно через подставных лиц. Да, и Барышникову передайте, пусть больше улыбается и пусть больше обещает... Женщинам и пенсионерам такие слащавые болтуны нравятся...

-Да, и еще, - полковник еще раз посмотрел на Котова и продолжил, - никаких дорогих костюмов, машин, часов, ресторанов. Наш мэр идет от имени народа и должен одеваться, ну хотя бы пока, тоже, как и его рядовой избиратель. Пусть побывает в школе, на заводе, естественно у нас в бригаде. Питается в заводской столовой.

И добавил:

-Да, и не надо экономить на наших городских и областных СМИ. Дайте журналистам немного денег на то, чтобы все правильно написали, и их руководителям, чтобы все правильно опубликовали...

Как и было predetermined, к предстоящим выборам все было готово за несколько дней до самого мероприятия. Глава местного избиркома уже успел получить ключи от новенькой автомашины «Волга», которая пока еще вся в целлофане стояла в одном из ангаров бригады, а Котов у себя в кабинете проштамповывал переданные ему тысячи

чистых избирательных листов, не забывая ставить галочку напротив фамилии Барышникова.

Как мудро предположил подполковник Котов, самым «демократичным» шагом было выдавать избирателям в солдатской форме уже готовые документы с оформленным ими волеизъявлением, перед самым ящиком для голосования, а вовсе не полагаться на случай.

В то воскресное утро весь личный состав бригады построили на плацу и полковник Юрий Ковалевский, как заботливый отец, обратился к своим подчиненным.

-Товарищи солдаты и сержанты, офицеры, - он оглядел весь строй. – Сегодня у нас необычный день. Я скажу даже, что у нас праздник. Мы избираем главу города. Человека, который будет о нас заботиться. Так получилось, что сегодня в период демократии за этот пост борются отдельные кандидаты, которые, к сожалению, хотят лишь личной выгоды от этой должности. Мы же хотим Приозерску процветания и стабильности. Командование бригады тщательно изучила весь список кандидатов, и мы поняли, что нашим с вами кандидатом, точнее кандидатом от народа, является Кирилл Борисович Барышников.

-Конечно же, - продолжил комбриг, - мы живем в период демократических перемен и просто не имеем права приказывать вам голосовать за того или другого кандидата. Мы изменили жизнь. И если при бывшей советской власти военнотружущие отдавали свои голоса неизвестным людям, указанным в списках, то сейчас мы не заставляем, а просто рекомендуем вам кого избрать. Ведь согласитесь, для нового главы города забота именно о вас, как его избирателях, должна стать во главу угла. Уверен, вы наше решение поддержите и проголосуете достойно.

-Да и еще, - Юрий Викторович улыбнулся и, как бы после небольшой паузы, в микрофон добавил, - раз у нас сегодня праздник, то все подразделения, поддержавшее на избирательном участке решение командования бригады, получает от меня лично сегодня стопроцентное увольнение в город.

По ликованию солдат, Ковалевский понял, что попал в точку.

В гарнизоне процедура голосования прошла быстро и без лишних разговоров. Одно за другим прибывали подразделения к избирательному пункту. Выстроившись в колонну по одному, солдаты и офицеры входили в зал, где по пути к ящику для голосования им вручал готовые документы сам Котов.

А вот подбросить увесистую пачку бюллетеней на избирательный участок в центре города оказалось проблемой. Для решения которой Николаю Котову предстояло проявить смекалку.

Для этого из бригады к «черному входу» в школу, где располагался этот участок, Николай Павлович подогнал медицинскую «таблетку» - старенький военный санитарный микроавтобус, в котором уже стоял ящик с правильно оформленными бюллетенями.

Ну а когда основной поток потенциальных, но все же немногочисленных избирателей прекратился, внезапно в школе сработала пожарная система. Всех быстро вывели во двор, пока два дежурных пожарника проверяли этажи на предмет возгорания. Но не найдя ничего, тревога была объявлена ложной, и все возвратились на свои места.

Этих десяти минут вполне хватило подполковнику Котову на замену избирательных ящиков: один перекочевал из автобуса в зал, а второй из зала – в машину. Ну а те два сотрудника противопожарной службы никогда больше не получали за такое короткое время таких больших денег, которые «за бдительность» им потом вручил новый глава городского МЧС.

Еще часы не успели пробить полночь, как комбриг уже знал, что Кирилл Барышников победил в городе на выборах прямо в первом туре. Набрал в общей сложности более 90 процентов голосов избирателей, в том числе и с помощью замороженных бройлеров...

Теперь, когда до официального представления жителя Приозерска нового мэра оставалось два дня, Барышников вместе с Котовым в кабинете полковника Ковалевского обсуждали кандидатуры «нужных людей» на «властные» в городе места.

Прежде всего, ротации подлежали все сотрудники мэрии. Далее - полнейшей замене обязательно все «денежные» должности, включая руководство милиции, прокуратуры, суда и МЧС. Далее, конечно же - директора ресторанов, директор гостиницы, руководители торговых центров и всех трех заводов. И даже из неофициальных – прибрать к рукам местную полублатную братву, три частных автосервиса и три местных сауны с комплектом девочек.

Во всем помог все тот же Николай Павлович Котов, представив Барышникова, как нового «хозяина» города всем местным бизнесменам. Ковальский же, как и хотел, оставался в тени, предпочитая оставаться «серым кардиналом». Согласованная со всеми местными «авторитетами», ключевая должность в городе начальника всей милиции - была передана некому майору Сулейману Гусейнову, который так же быстро перевел под «неофициальное крыло» комбрига и всю «теневую» инфраструктуру Приозерска. Это и автосервисы, рестораны, бензоколонки, проститутки.

А сами криминальные авторитеты, опять же не без помощи Юрия Викторовича, быстро сменили спортивные костюмы на деловые, тем самым официально возглавив все самые прибыльные коммерческие предприятия города.

И только теперь, как и тогда летом 91 года, полковник Ковалевский вновь чувствовал всю полноту власти, имея в подчинении не только солдат и офицеров, но и контролируя ныне уже весь город. Теперь уже включая и обязанного своим креслом нового мэра, который в планах полковника оставался лишь «пешкой» в этой его новой игре.

Но уже через два месяца, когда на еженедельную проходящую по вторникам «планерку» в кабинете в военном городке, внезапно опоздал мэр Барышников, комдив рассвирепел. Вновь назначенный мэр, видимо, по ошибке решил, что он теперь главный в городе, и для того чтобы поставить на место наглеца, Юрий Викторович внешне действовал спокойно и рассудительно.

-Дежурный, - полковник нажал на клавишу телефона коммутатора, – там этот..., как его..., мэр еще сигналит у ворот?

-Да, товарищ полковник, - четко отрапортовал дежурный, - еще здесь. Злится, говорит, что нас всех погонит улицы расчищать.

-Злится, говоришь? Грозит нам? – улыбнулся комбриг. – Значит так, скажи ему, что я занят, и просил по таким мелочам, как он, командование не беспокоить. И только потом впусти на территорию. Минут через ...пятнадцать. Распорядись сам! Но, учти, впусти только через дальние ворота, ну через ...хозяйственный двор, знаешь, там, где баки с мусором... Да, и еще - запусти обязательно без машины. Пусть этот, мать его, народный избранник, почувствует, как живут его избиратели. И как он, исключительно по моему желанию, вновь на этот уровень может легко возвратиться...

Полковник Ковалевский повесил трубку, и, оглядев всех сидящих в его кабинете руководителей города, слышавших весь разговор, тихо, но твердо заметил:

- Дабы новый мэр, да и все тут присутствующие, один раз и навсегда поняли свое место в этом городе, и знали, кто здесь настоящий хозяин, и кому они обязаны своим креслом. Учтите: двух хозяев в одном городе - быть не может!

Не испугался полковник Ковалевский и тогда, когда местный городской криминальный авторитет по кличке «Леша Резанный» заявил, что он всегда в этом городе был главным. А раз так, то он не будет делиться с каким-то «кадетом» процентом с бензоколонок и бизнеса города, а обложит самого комбрига «налогом». В случае отказа грозился даже применить оружие.

И, видимо, сделал это зря. Через два дня после подобного ультиматума, местная городская газета «Знамя труда» всего одной малюсенькой заметкой рассказала о случайном ДТП в городе. Автор, ссылаясь на местное отделение ГАИ, сообщал, что

старенький «Кадиллак» с известным в городе предпринимателем Алексеем Иволгиным, не справившись с управлением на скользкой дороге, упал с моста в реку. Водителя и единственного пассажира спасти не удалось.

Так, по «трагической случайности» утонул грозивший комбригу «Леша Резанный». А его «наследство» в виде пяти бензоколонок и двух автосервисов сразу же перешло - «согласно последней воле самого Иволгина» - двоюродной сестре ...жены начальника городской милиции Гусейнова.

А прибывшие на «стрелку» к лесу, на дальнюю окраину воинской части для разбора по этому делу десять его боевиков на двух джипах вообще пропали бесследно. Как будто и не приезжали.

К слову, с тех пор больше никто не пытался выяснять отношения с новым, точнее отныне единственным хозяином города полковником Ковалевским.

Поэтому во всех трех центральных ресторанах города, не смотря на загруженность, неподалеку от сцены всегда стоял свободный столик на одного, накрытый алой скатертью и с обязательной чашкой вечно горячего дефицитного молотого кофе. А когда он остывал, официант быстро менял чашку на новую с бодрящим, вновь горячим напитком. Все вокруг знали, что этот пустующий столик всегда занят! Сюда в любой момент мог заглянуть сам ...хозяин города. Ведь это был его личный столик, в городе, который принадлежал теперь только одному человеку – «серому кардиналу» полковнику Ковалевскому....

Человеку, который оставаясь на службе в армии, сумел построить для себя новый прибыльный бизнес. Человеку, живущему сегодня двумя жизнями – официальной и тайной.

Необъявленная война

Этот солнечный сентябрьский осенний день у командира бригады полковника Юрия Ковалевского был расписан буквально по минутам. Вся сегодняшняя официальная часть была отражена в его рабочей тетради, лежащей на столе в кабинете, ну а все остальное, так сказать неформальное общение – в небольшом карманном блокноте, лежащем в левом внутреннем кармане кителя.

Удобно расположившись в своем огромном кожаном кресле, он закурил и раскрыл свою большую рабочую тетрадь, укутанную в местной типографии красной кожей.

Итак, согласно официального графика, сегодня рано утром им был поднят по «Тревоге» мотострелковый батальон, который прибыл на полигон и приступил к учебным занятиям. После обеда - на 16.00 была запланирована встреча с командирами батальонов, и на 21.00 – подведение итогов дня с офицерами управления бригады.

Во втором – маленьком блокноте - были записаны «тайные» встречи: в 14.30 с «Генеральным директором ООО «Прибой» по поводу «благоустройства площади перед въездом в бригаду», и в 18.30 – с «Директором средней школы № 3».

Все что здесь было записано во втором блокноте – прикрытые, на случай если вдруг этот «неофициальный» документ попал бы в чужие руки. Никто ничего не смог бы понять. Ведь с виду обычные деловые записи...

И только сам Юрий Викторович знал, что за вымышленными людьми скрывались конкретные личности.

Так, за «гендиректором ООО «Прибой» скрывался недавно представленный ему лично заместителем по тылу подполковником Котовым – бывший начальник вещевого склада, а ныне, разжалованный в рядовые, некогда старший прапорщик Олег Волик. А за «директором школы» - один из бывших подчиненных «Леша Резанного», криминальный авторитет по кличке «Водопад».

Для этих «специалистов» у Ковалевского было особое задание.

Несколько месяцев назад, когда комбригу представляли бывшего прапорщика Волика, подполковник Котов представил его достаточно умелым предпринимателем. Не забыв отметить, что все это было ровно до тех пор, когда там - в Афгане, этот бывший гвардии прапорщик не подсел на наркотики. И, если поначалу, его командиры закрывали на все эти «художества» глаза, то после того, как он в наркотической горячке расстрелял на окраине поселка из автомата трех важных сдавшихся боевиков, прапорщика арестовали.

Не помогли ни боевой орден, ни заступничество командира полка. Прапорщик Олег Волик был лишен воинского звания, боевых наград, и осужден.

Именно там, в колонии, среди настоящих «сидельцев», он и понял всю глубину поговорки – что означает «с волками жить...» Там действительно необходимо было не просто жить, а выживать, буквально цепляться за существование. И здесь ему помогли и армейская закалка, и физическая выносливость. Именно отсюда он и вынес главный урок – лучше быть большим человеком в маленьком коллективе, чем одним из большинства.

Дорога на свободу открылась лишь после распада СССР, по «Ельцинской амнистии». Возвратился бывший прапорщик к себе в маленький городок Струнино во Владимирской области. Но оказалось, что квартира, где они жили, уже продана другим людям, а жена с сыном ушла...

Денег не было, на работу не брали. Трудное время, особенно для того, кто имел судимость. Но, в тоже время, в провинции творился беспредел, созданным безвластием. Процветал рэкет, убийства, наркотики, чем и не преминул заняться освобожденный. Но когда почувствовал, что в затылок дышит милиция, то решил скрыться...

Вот тогда бывший заключенный Волик и вспомнил о своем бывшем однокласснике Котове, который, чуть позже, порекомендовал в свою очередь Олега комбригу Ковалевскому, как человека с «опытом», и способного «решать у них в городе любые проблемы».

Что касается еще одного - криминального авторитета «Водопада», то он, если так можно сказать, достался Ковалевскому в качестве наследства от «Леши Резанного». Высокий, сильный, крепко сбитый мужик лет 35 с бычьей шеей и маленькими глазками, скрытыми за красным одуловатым лицом. Он выполнял самую грязную работу. Свою кличку «Водопад» получил за то, что всегда мечтал когда-нибудь побывать на Ниагарском водопаде, огромные фото которого украшали его квартиру. Но эта детская мечта пока лишь так и оставалась мечтой.

Если с официальными мероприятиями, так тщательно расписанных в его рабочей тетради, было все более-менее понятно, то встреча с Воликом должна была решить на сегодняшний день главную «головную боль» Юрия Викторовича – сбора «налога» со всех без исключения коммерсантов города Приозерска.

Именно этому полковник Ковалевский и хотел поручить это нелегкое дело бывшему уголовнику. Правда, с условием, не встречать в возможный конфликт, а лишь исполнять роль инкассатора, не забывая о своей бывшей судимости, и обо всем докладывать своему непосредственному начальнику – подполковнику Котову. Ну а тот, уже сам принимал решение по каждому не заплатившему индивидуально – простить и дать возможность исправиться, или передать его в руки головорезов «Водопада». Для которых как уже понял Ковалевский, издевательства над человеком стало любимым делом.

Пока же, полковник Ковалевский шел утром к штабу, неторопливо, улыбаясь встречным и, одновременно, решая в уме, как решить еще одну свою главную на сегодня проблему - наказать директора местного мясоперерабатывающего завода Петра Климчука. Единственного, на сегодняшний день, его очень серьезного оппонента.

Дело было в том, что этот коммерсант категорически отказывался платить «дань», и делал вид, что не видит в Ковалевском ни друга, ни покровителя. Все «карманные» структуры - пожарные, милиция, МЧС, налоговая инспекция - отправленные на усмирение строптивного, ничего сделать с неплательщиком не смогли. Наоборот, его завод процветал, доводя этим до «белого каленья» его заместителя чистолюбивого Котова, который уже давно себя видел в числе учредителей.

Необходимо было наказать гордого директора! Но как?

Может быть использовать грубую силу «Водопада»? Но нет, судя по всему, никакого давления на себя Климчук не боялся, так как сам был вчерашним, ни много не мало, а командиром мотострелкового полка. Этот отставной полковник, отчетливо понимал, что больше не нужен умирающему государству, поэтому уволился и, на все деньги от выходного пособия и сэкономленные за годы службы, летом 1990 года вместе с тремя своими сослуживцами создал дело. Они взялись за необычный для военного человека бизнес – построили первую в районе огромную частную мясоперерабатывающую ферму, которую назвали - ООО «МСП». Купив для этого и несколько десятков гектар брошенной колхозом земли.

Это название было выбрано не случайно, и, как считал сам Климчук, не могло не ласкать слух любого офицера, прошедшего суровую армейскую школу, ведь аббревиатура «МСП» расшифровывалась - как «Мотострелковый полк», как символ армейского единения и воли к победе.

И за минувшие шесть лет они доказали, что они профи, вчерашние командиры стали практически одними из самых успешных коммерсантов в районе.

-Юрий Викторович, - обратился как-то к нему Волик. - Может сжечь к чертовой матери его колхоз? Для такого случая найду три-четыре канистры бензина. И никакой головной боли...

-Нет, - резко оборвал его Ковалевский. – Никакого криминала... Сделаем это красиво, хотя и не быстро...

Судя по тому, как у комбрига загадочно горели глаза, Котов и Волик поняли, что у «хозяина» уже есть в отношении этих коммерсантов свой план.

-Климчук придет сюда сам, и принесет нам весь свой бизнес на тарелочке, - улыбнулся полковник. – А мы еще подумаем, брать ли его...

-А пока, - он посмотрел на подполковника Котова, - мне нужны будут твои связи в Управлении торговли округа, и - неофициально - в Ветеринарной академии. А пока про Климчука все забыли. Пусть он считает, что мы от него отстали.

Ковалевский поднял трубку и четко продиктовал дежурному:

-Прошу подготовить приглашение на праздник ко мне на трибуну всему руководству мясоперерабатывающей фирмы ООО «МСП». И лично гендиректору Климчуку. Вы правильно поняли, это по поводу открытия через четыре дня памятника погибшим на Кавказе. Ну и просить их посидеть с нами в кафе бригады, помянуть, так сказать, героев.

Он улыбнулся и положил трубку на рычаг.

Так, что когда на следующий день в кабинете Ковальского раздался телефонный звонок от Климчука, Юрий Викторович уже был готов к разговору.

-Добрый день, Петр Петрович, - спокойно начал разговор комбриг. – Рад, что вы откликнулись на наше предложение. Да и, наверное, не могло быть по-иному. Мы с вами оба офицеры. А тут такой случай – открываем памятник нашим ребятам, погибшим на войне. Кстати, трое из вашего бывшего полка...

-Спасибо, Юрий Викторович, - раздался в трубке сухой металлический голос Климчука. – Спасибо, конечно, за приглашение. Но ведь вы как-то раньше и не стремились к знакомству. Наоборот, ваш «нувориш» Котов даже пытался влезть в наш бизнес.

-Кто, подполковник Котов? – удивленно переспросил Ковалевский, причем таким тоном, будто впервые услышал об этом. – Извините, не знал. Я ему, наоборот, поставил

задачу взаимодействовать с вами. Мы же ведь друг другу не чужие, вышли так сказать из одной шинели. Точнее из одной воинской части. Тем более, наши офицеры идут после увольнения к вам на работу.

-И вообще, Петр Петрович, - продолжил комбриг. – Я хочу еще раз извиниться за наше..., - он долго подбирал слово, и наконец продолжил, - недовзаимопонимание. И вообще, если Котов «накосячил», я его накажу. Но вы не держите на нас зла. Все ошибаются.

-Вы считаете, что все его поползновения на наш бизнес - просто ошибкой? – судя по всему, Климчук не собирался сдаваться. – Неужели он Вам ничего об этом не говорил.

-Уверен, что эти разногласия какая-то действительно ошибка, - не меняя свой приветливый тон, ответил Ковалевский. – Хотя вы правы, тут моя недоработка. Я виноват, если в этом есть даже небольшой процент вины моего подчиненного, и, вы правы, никакие отговорки тут не нужны. Поэтому предлагаю забыть все былые споры и начать дружбу. Вот вам моя рука...

-Не скрою, Вы меня удивили Юрий Викторович, - голос Климчука подобрел. – Очень надеюсь, что это предложение искреннее. Ладно, давайте дружить...

Едва Ковалевский повесил трубку телефона на рычаг, в дверь постучали и на пороге показался подполковник Котов.

-Богатым будешь, - улыбнулся комбриг. – Только что о тебе с нашими «мясными братьями» разговаривал. Не довольны они тобою, говорят их бизнес хочешь «отжать».

-Да я того, - вдруг поник Котов, - все как вы говорили...

-Ладно, я пошутил, - Юрий Викторович поднялся из-за стола и подошел к своему заместителю. – Лучше рассказывай, что там в Москве?

-Как вы и просили, - начал доклад Котов, - я договорился, чтобы в Управлении торговли был подготовлен липовый документ о покупке ста тонн мяса у ООО «МСП» для нужд военного округа. Немного там «подмазал», и все поехало. Документ лежит и ждет своего часа.

-Отлично, - Ковалевский возвратился к столу и что-то быстро записал в блокнот. – Начинаем несправедливую, тайную и необъявленную войну...

-Да, Котов, - он оторвал взгляд от тетради, - теперь очень аккуратно, с соблюдением конспирации, через директора ресторана «Приозерск» надо пустить как бы случайную «утечку» информации. Ну, вроде как во время обычных завтрашних вечерних субботних посиделок. Слух о том, что Управление торговли МВО, через нашу бригаду, пытается найти себе поставщика на покупку ста тонн говядины для нужд округа.

-Сделаем, - улыбнулся подполковник. – Там в ресторане есть наша официантка Юленька. Она как раз их столик по выходным обслуживает. Ну и скажет, что мол, по пьяни какой-то командированный из Москвы рассказал.

-А хотите мы завтра в субботу за соседний с ними столик даже посадим и самого этого «командированного», - немного подумав, переспросил Котов. – Есть у меня один актер, из соседней области. За сто долларов любую роль сыграет. И даже майорскую форму ему найду, ну для солидности.

-Креативненько, - рассмеялся Ковалевский, представляя весь спектакль. – Но, смотри, не переборщи, все должно быть реалистично...

Спустя два дня, рано утром в понедельник полковник Ковалевский торопился к зданию гарнизонного Дома офицеров, где этим сентябрьским днем открывался памятник военнослужащим гарнизона, погибшим при выполнении воинского долга на Северном Кавказе.

На центральной площади Приозерска было многолюдно. Ярко светило осеннее, но все еще пока теплое солнце, играл военный духовой оркестр. Казалось, что в этот день здесь собрался почти весь город. Да и иначе быть не могло, потому что год назад его солдат

тоже всем городом провожали на Кавказ. Но, оказалось, что, к сожалению, вернулись не все.

Юрий Викторович поднялся на трибуну и, поздоровавшись со своими заместителями, подошел к полковнику Климчуку, одетому в парадный китель с золотыми погонами, и украшенном двумя орденами Красной звезды и десятком медалей.

-Рад Петр Петрович, - Ковалевский совсем по-дружески обнял ветерана, - ну будем считать, что между нами больше нет недопонимания. Наоборот, нам сейчас, когда в стране нет больше идеологии, просто необходимы хорошие ветеранские организации. Вон у вас вся грудь в боевых орденах. Отныне будете моим персональным гостем... Мы тоже, если что, поможем...

-Спасибо за теплые слова, Юрий Викторович, - ответил Климчук, поправив китель, и протянул Ковалевскому сухую по-мужицки крепкую ладонь. – Конечно, если буду нужен... Давайте дружить...

-Ну, вот и отлично, - Ковалевский пожал протянутую руку ветерана, и поправил его. – Не просто дружить, а вместе делать наше общее дело...

Делая упор на этих двух последних словах, комбриг уже знал, что его недавний план по утечке информации сработал. И это подтверждалось отсутствием на мероприятии заместителей Климчука. Которые, по информации от Котова, «клянули» на субботнюю информацию и уже сегодня готовились к предстоящим торгам по мясу. Как они считали, это была большая удача для их молодого бизнеса.

Пропавший без вести

Рядом с трибуной, за укрытой пока еще материей огромной черной мраморной стелле были выбиты фамилии погибших. Пятнадцать солдат и сержантов и два лейтенанта - взводных. Последняя восемнадцатая - была добавлена буквально только сегодня, за несколько часов до церемонии. Так распорядился сам Ковалевский. Это была фамилия пропавшего без вести заместителя командира бригады подполковника Александра Родченкова.

Юрий Викторович хорошо помнил этого высокого, хорошо сложенного немного седого подполковника, пришедшего к нему заместителем по воспитательной всего три с небольшим года назад из Забайкалья. Ковалевскому нравилось, что этот «политработник», к слову, мог дать фору любому из командиров батальонов на спортгородке, в стрельбе и в вождении техники.

-Александр Иванович, - как-то не удержался во время учебных занятий на полигоне комбриг, - почему вдруг решили избрать стезю воспитателя, а не командира? У вас ведь очень хорошо получается.

-Согласен, товарищ полковник, - Родченков повернулся к командиру, и, расправив плечи, замер. – Мне, вчерашнему выпускнику военно-политического училища, еще лейтенантом роту предлагали, но вот пошел по своей профессии, даже Академию имени В.И.Ленина окончил. Так что буду и дальше «врачевать» души наших с вами солдат и офицеров.

Возвратившиеся из этой страшной командировки на Кавказ офицеры рассказывали, что когда их подразделение нарвалось на грамотно организованную засаду боевиков, именно подполковник Родченков их спас. Сменив за рычагами боевой машины пехоты убитого водителя, он, вместе с еще двумя БМП, прорвали кольцо противника, и ворвались к солдатам, закрыв броней машин их от огня. А потом, загрузив живых и раненных в чрево этой спасительной техники стали вырываться из окружения. Да, силы были не равны, но другой возможности спасти солдат у Родченкова не было. И он прорвался, выпустив из «огневого мешка» всех подчиненных, и отстреливался, прикрывая их отход.

Говорят, ему не хватило немного боеприпасов и всего каких-то пяти минут времени. Приняв весь огонь на себя, отстреливался до последнего. И возможно мог бы вырваться, если бы не выстрел из вражеского гранатомета.

Служивцы говорили, что видели, как в его боевую машину пехоты влетел снаряд, но тела самого отважного подполковника не нашли. Буквально через пятнадцать минут, вступившие в бой разведчики из армейского спецназа, нашли в искореженной машине лишь фрагменты обгоревшего тела.

Так как спустя еще час эта территория вновь перешла под контроль боевиков, экспертизу останков никто не делал. Видимо, поэтому, во всех официальных документах подполковник Родченков отныне числился, как «пропавший без вести».

Рассказывали, что вечером этого же дня кто-то из боевых генералов, получившем информацию о боестолкновении и десятках спасенных солдатских жизней, приказал представить отважного офицера к званию Героя России.

Но, как это бывает в жизни, а не в кино, уже в Москве, где-то в коридорах Министерства обороны, кто-то из кадровых клерков решил, что медаль «Золотая звезда» будет слишком «крутой» для всего лишь обычного подполковника. Так что потом, на представлении рядом с зачеркнутыми словами «к званию Героя России», появилась новая более скромная надпись – «к ордену Мужества». А еще позже, уже где-то в коридорах Администрации Президента РФ Бориса Ельцина эта история продолжилась. Видимо, узнав, что этот представленный к государственной награде офицер пропал без вести, кто-то зачеркнул и эту надпись, поставив, на этот раз, на этом многострадальном представлении лишь небольшой прямоугольный красный штампик – Представить к «Медали «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами».

Да... Как говорится, уж действительно облагодетельствовали! А ведь за самопожертвование в бою и спасенные жизни, могли и просто Грамоту вручить...

Почти год, пока шла подготовка к открытию этого скорбного мемориала, возвращения подполковника Родченкова ждали каждый месяц. Не хотели мириться с его гибелью, хотели считать живым. А его многострадальная медаль все еще лежала в сейфе командира бригады, так и не врученная семье отважного офицера.

И только сейчас, спустя год, все же решились выбить на стеле и его фамилию. Как память...

Все мероприятие прошло на редкость красиво, сдержанно и совсем не пафосно. Видимо, в первую очередь, из-за того, что говорили с трибуны не дежурные фразы, а слова от самого сердца. Говорили о войне не как из учебника, а больше как о пережитом. А потом, когда слово взял возвратившийся с Кавказа двадцатилетний сержант запаса - с седыми висками и медалью на кителе, и начал рассказ о спасенных подполковником Родченковым солдатских жизнях, женщины разрыдались.

Потом под звуки оркестра, со стелы была сорвана материя, к ее подножью положили венки и живые цветы, а мимо, отдавая героям последние почести, прошла рота почетного караула.

Вдове подполковника Родченкова и ее дочь Елену, Юрий Викторович выделил из огромной толпы на площади сразу, но вот подошел к ней лишь по окончании церемонии. Эта молодая стройная и все еще очень привлекательная сорокалетняя женщина работала в местной школе учителем английского языка, а ее дочь, вчерашняя выпускница факультета журналистики Московского госуниверситета - в отделе информации районной газеты.

-Уважаемая Ирина Григорьевна, - полковник Ковалевский протянул вдове Родченкова заранее купленный Котовым букет цветов, - примите еще раз мои соболезнования. Ваш муж был настоящим героем. Жду вас с дочкой завтра, в понедельник, у себя утром в кабинете. Хочу от имени Президента страны вручить вам государственную награду вашего мужа и отца.

-Спасибо, Юрий Викторович, за память и за заботу, - ответила вдова. – Мы будем обязательно.

Кто придумал «Воров в законе»?

Возвратившись после открытия памятника в штаб, полковник Ковалевский увидел в своей приемной подполковника Котова и «Водопада», одетого сегодня совсем для него необычно - в деловой костюм с галстуком.

Получив разрешение, оба вслед за комбригом стремительно вошли в кабинет и заняли места за совещательным столом.

-Все готово, Юрий Викторович, - заместитель по тылу был в отличном настроении, - спектакль с «командированным», отыграли по полной программе. Наш артист даже сказал, что он в составе комиссии. И главное, что, мол деньги за мясо, будут перечислены через нашу бригаду.

-Что же касается штамма «Ящера» для крупного рогатого скота, - продолжил Котов, - то он уже у нас, и сегодня ночью будет использован по назначению.

Полагаю, что визит нашего «животновода» Климчука к Вам планируется не ранее, чем на послезавтра. И это хорошо. С учетом инкубационного периода, его коровы начнут дохнуть приблизительно через пять дней, так что никто на нас даже не подумает. Тем более, что мне доложили, что вчера в ООО «МСП» привезли очередную партию кормов. Для большей убедительности «Ящер» добавим и туда.

-Извини, полковник, - глядя на Ковалевского вступил в разговор «Водопад», - чем больше тебя узнаю, тем больше понимаю, что ты мужик правильный: если что пообещал – то сделал! В зонах таких пацанов обычно «коронуют».

-Я, конечно, слышал, - продолжил он, - что в «красных», ну, в «ментовских» зонах, тоже есть свои авторитеты. Но никогда не видел ни одного «вора в законе» с настоящими, как у тебя - погонами, а не с наколотыми на плечи.

-Ну вот, ты меня уже и посадить на нары готов, - рассмеялся Ковалевский. – Думаю, что мне пока туда рано. Да и, если честно, не тороплюсь в тюрьму. У меня и здесь дел полно.

-Да, тебе для справки, - он посмотрел на «Водопада», - я изучал, что еще сто лет назад вообще такого понятия, как «вор в законе» просто не существовало. Не поверишь, но его придумали уже при Советской власти.

Увидев озадаченные взгляды не только «Водопада», но и других слушателей, Ковалевский вернулся к себе за стол, и, удобно расположившись в кресле, продолжил:

-Могу рассказать, если интересно. С этим можно соглашаться или нет, но еще обучаясь в Академии, я нашел одну интересную брошюру кого-то из милицевских руководителей времен самого товарища Берии, полуофициальную, с грифом «Для служебного пользования».

Так вот, согласно которой, в молодой советской республике именно борьба с преступностью считалась самой приоритетной. В первую очередь из-за того, что после 1917 года многие бывшие кадровые офицеры, а значит и высококлассные командиры, они отказались принять революцию, и примкнули к преступникам.

Оказавшись в тюрьме или лагере, многие из них легко подчиняли себе весь так называемый окружающий уголовный мир – большую часть которого составляли, опять-таки их бывшие подчиненные. Так, согласно неофициальной статистике НКВД СССР, именно этих осужденных за уголовное преступление бывших царских офицеров в тюрьмах стали впервые именовать «ворами в законе».

Скажу больше, что предполагается, что сама идея создания, так называемого Кодекса воровской чести, принадлежала именно бывшим царским офицерам, влившимся в уголовную среду после разгрома всего Белого движения Красной армией. Согласитесь, что только кадровые офицеры с хорошим образованием и специальной подготовкой,

смогли бы вновь создать эту новую четко выверенную криминальную иерархическую конструкцию, и оказаться в ней более востребованными, чем обычные «уркаганы» тех лет.

К тому же, кое-кто из сегодняшних историков считают, что воровские правила во многом очень похожи на ...Кодекс офицерской чести. Вот так - ни много, ни мало.

А если учесть, что слово «жиган» до революции было лишь обычным синонимом слова «каторжанин», то смотрите, уже в 20-х годах – оно вдруг уже обозначает отчаянного непредсказуемого преступника, или даже уголовного вожака. Причем, опять-таки, первыми так в советской милиции начинают именовать именно бывших в прошлом белых офицеров, стремившихся к лидерству в новом, и доселе для них неизведанным, криминальном переделе территории бывшей царской империи.

Именно банды под руководством вчерашних поручиков и сотников, а иной раз даже и полковников, отличались особой жестокостью - грабили и убивали, в первую очередь, даже не ради наживы, а прежде всего из-за ненависти к советской власти, лишившей их прежних благ и положения в обществе. Причем эти «новые жиганы», или как сейчас говорят - «воры в законе», они действовали всегда очень организованно и весьма дерзко, в отличие от обычных уголовников, так как в таких бандах действовала, прежде всего, исключительная железная воинская дисциплина и армейская тактика – с разведкой, охраной, путями отхода...

Есть информация, что, к примеру, уже в 30-х годах в печально известных Соловецких лагерях особой жестокостью по отношению к другим заключенным отличались именно бывшие белогвардейцы. Именно они, создавшие из вчерашних урок свои преступные группы и ставшие их руководителями, просто не могли смириться с тем, что проиграли и второй раз. И, лишившись настоящих погон на плечах, в тюрьмах из-за ностальгии их просто рисовали...

-Ну как вам такая версия? – Ковалевский закончил рассказ и поднялся из-за стола, прошелся по кабинету.

-Жестко! Если, конечно, это не сказка, – где-то после минутного молчания вымолвил «Водопад».

Конечно же, все присутствующие были шокированы. Особенно «Водопад». Не понятно, какие выводы были сделаны им самим из услышанного, но с тех пор, он стал обращаться к Ковалевскому всегда лишь исключительно, как - «Полковник!»

-Ладно, лекция по теме «Я и правопорядок в царской России» завершена, - улыбнулся комбриг, и похлопал в ладони. – У нас и так много дел в современности. Все, действуем...

И прошу, - он подошел к Котову, - не забудьте, необходимо опубликовать небольшую заметку в нашей районной газете о возможном заболевании рогатого скота «ящуром». Не у нас! А, к примеру, где-то в соседней области. Она должна быть напечатана на следующий день после прихода ко мне Климчука. Ясно? Не раньше и не позже.

А еще через два дня, как и предполагал Котов, на пороге кабинета Ковалевского появился директор «МСП» Климчук.

-Юрий Викторович, - хозяин мясоперерабатывающего комбината светился от радости, - тут нам очень повезло – мы стали официальными поставщиками мяса для нужд военного округа.

-А я и не знал. Действительно удача, - согласился Ковалевский, но думая уже о своем. – Правда, даже ума не приложу, чем могу быть Вам полезен?

-Нам сказали, - продолжил руководитель мясокомбината, - что всю положенную сумму за переданное мясо мы получим у вас в бригаде. Так что у меня просьба, выдать

мне больше половины этой суммы нам, скажем так - авансом. А мы потом рассчитаемся. Хотел бы сразу купить новых коровушек. Юридически все оформим.

-Конечно, - улыбнулся Ковалевский, - какие могут быть разговоры между друзьями. Не знал, но новость приятная. Хотя подумайте, не очень ли вы рискуете? Ведь сейчас все очень сложно с живностью. Я даже слышал, что в соседней области выявили вспышку какого-то коровьего заболевания.

-Ну, волков бояться, в лес не ходить, - улыбнулся Климчук. – Так я могу прислать к вам нашего бухгалтера и юриста?

-Конечно Петр Петрович, - Ковалевский крепко пожал протянутую руку собеседника. – Можете прямо сегодня...

Как бы в подтверждении правильности слов комбрига, на следующий день в местной районной газете «Знамя труда» на третьей странице в самом левом нижнем углу была опубликована небольшая заметка о подозрении на возможное заболевание «Ящуром» рогатого скота на нескольких фермах в дальних областях. Подполковник Котов отлично справился и с этой задачей.

А когда еще через неделю прямо на территории коровника «МСП» начался мор уже готовых к переработке коров и вновь купленных телят, Климчук испытал что-то наподобие шока. Появившуюся первую мысль, что животных специально отравили, отогнал врач-ветеринар, сообщивший, что в купленном иностранном корме обнаружены штаммы «Ящера».

Но так, как Климчук, в эти беспокойные времена, приобретал этот корм не официально, а искал где подешевле, и приобретал его через череду перекупщиков, винить в случившемся, он мог в этом только себя. Ведь предупреждал Ковалевский. Да и ветеринар ему показывал заметку в газете...

Директор подошел к сейфу и вытащил оттуда свой наградной пистолет Макарова. Он еще раз посмотрел на золотую табличку: «Климчуку П.П. за мужество, отвагу и проявленную решительность во время выполнения специального задания от командования».

-Да, правду говорят, что «деньги засоряют разум, а большие деньги ведут к предательству», - вдруг отчетливо понял Петр Петрович. – Ведь именно это стремление заработать как можно больше, и поставило его сейчас в это неприятное положение. Погнавшись за дешевизной, он не только погубил свое многолетнее дело, но и лишил работы и денег своих товарищей. Предал их. И вовсе не важно, как и отчего сразил мор все поголовье. Главное, что пострадала его честь...

Климчук решил не надевать сегодня парадный китель, специально оставив его дома и повесив на дверцу шкафа. Жене легче будет его найти, да и здесь на мясокомбинате, увидев его в военной форме, возникли бы лишние вопросы. А так все тихо.

Он положил пистолет на стол и сел в свое кресло. Ну вот, вроде, и все. Петр Петрович достал из папки листок, на котором он заранее написал свои слова прощания, извинения, и просьбу никого не наказывать.

Конечно, убить себя было в этой ситуации проще простого, но это никак не изменяло ситуацию. С одной стороны его смерть не возвратила бы его компаньонам уже ранее вложенных финансов в их бизнес, а с другой - больше бы походило на его бегство от произошедшего.

За полчаса до обеда, в кабинете у полковника Ковалевского на пороге появился Климчук.

-Уважаемый Юрий Викторович, - начал он. – Вот, не услышал я вовремя ваших предупреждений. Лишился всего. Так что теперь, чтобы рассчитаться по долгам, готов продать весь свой бизнес, включая землю.

-К сожалению, Петр Петрович, - комбриг поднялся из-за стола и поздоровался за руку с Климчуком, - у нас все же воинская часть, а не бюро по продаже недвижимости. Так что, тут Вам не помощник...

-Но может подполковник Котов поможет? – переспросил гость. – У него же были люди, кто этим интересовался...

-Если Вы помните, я ему запретил думать о чем либо, кроме службы, - продолжил комбриг. – Хотя вы сами, можете по дружбе его и попросить...

А еще через три недели, как и говорил Ковалевский, весь мясокомбинат и прилегающая территория стала еще одной вотчиной «хозяина города», хотя по всем официальным документам была куплена на имя гендиректора ООО «Прибой» Олега Волика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТЕНЬ «ХИРУРГА»

Нежданные гости

С территории бригады Ковалевский и его немногочисленная свита выезжали всего на четырех машинах – трех своих и одной с проверяющими. И уже в городе, к их кортежу присоединились мэр города и начальник милиции.

Эта колонна, возглавляемая «Волгой» госавтоинспекции с включенными проблесковыми сигналами красного и синего света, заставляла все машины и общественный транспорт прижиматься к тротуару. Со стороны казалось, что все руководство города едет на очередной этап совместных командно-штабных учений, и только лишь сами «слуги народа», сидящие за тонированными стеклами своих автомобилей этого кортежа, знали конечную точку этой поездки – небольшую сосновую поляну, спрятанную ото всех лишних глаз на дальней окраине полигона.

Где уже в это время два здоровенных прапорщика из комендантской роты сколачивали из специально привезенных досок столы и скамейки, а женщины-повара готовили разные салатки, томили на углях шашлык, и варили огромный чан с шурпой. А лично сам командир комендантской роты контролировал процесс охлаждения водки, которая, укутанная в специальные сети, уже почти четыре часа лежала в небольшом местном озере, в трехстах метрах от полянки.

Мероприятие было специально организовано к приезду проверяющей комиссии из штаба военного округа. Этой будничной проверки полковник Ковалевский не боялся – осознав все предыдущие ошибки, сегодня бригада действовала, как единый коллектив. Все без исключения командиры подразделений трудились на совесть, как говорится – за результат. Это было вполне понятно, ибо Юрий Викторович, став «хозяином города» и получив не только власть, но и денежные потоки, здраво рассудил, что для собственного спокойствия деньгами надо делиться.

Так что отныне лучшему командиру роты или батальона вручался официально переходящий вымпел, а неофициально с этим вымпелом – денежное поощрение в размере десяти зарплат этого офицера. Результат определяла компетентная комиссия не только по итогам боевой подготовки его подразделения, но и самого офицера лично, а также по результатам дисциплины. Лучшему солдату-специалисту, комбриг присваивал звание «младший сержант» и выделял еще немного денег на предстоящий отпуск.

Вот и на этот раз, проверяющие были приятно поражены высоким уровнем боевой подготовки солдат и офицеров, их четких и слаженных действий. На высоте оказалась и дисциплина. Уровень правонарушений в гарнизоне практически приблизился к нулю.

Приятно удивило проверяющих из Москвы и то, что в бригаде силами самих солдат, а также офицеров и членов их семей, ко всем праздникам в гарнизонном Доме офицеров организовывался полноценный праздничный концерт для жителей военного городка. Причем зачастую не хуже телевизионных.

Так что нынешний выезд на природу в конце их проверки для москвичей, не должен был для всех окружающих показаться лишь обязательной в таких случаях обычной

пьянкой. Поэтому Ковальский официально объявил, что все собрались на этой полянке по важному, и очень приятному делу – его заместителю подполковнику Котову, присвоено внеочередное воинское звание – «полковник», досрочно.

- Юрий Викторович, - руководитель инспекционной проверки полковник из штаба округа предложил Ковалевскому сесть на скамейку рядом с ним, - прежде всего большое спасибо за встречу и показанные вашими подчиненными результатами. Скажу честно – даже не думал, что у вас на таком высоком уровне боевая подготовка. Тем более, что в министерстве до сих пор ходит мнение о том, что вы предпочитаете личный комфорт всем остальным проблемам в части. Так что не скрою - приятно удивлен...

-Значит, моя бывшая все еще меня любит, - усмехнулся в ответ Ковалевский. – Ну а если еще обо мне вспоминают, даже в министерстве, то это означает, что меня помнит еще и тесть.

-Да, ваш бывший тесть все еще в силе, - проверяющий посмотрел на стоящих невдалеке офицеров бригады. - И действительно, может вас выгнать с «волчьим билетом» в любой момент. Но почему-то пока это не делает... Да и нам задача «мочить» вас не ставилась. Так что по реальным результатам, вы в числе лучших. Еще раз поздравляю!

-Тогда большое спасибо и вам, за откровенность, - Юрий Викторович крепко пожал руку собеседнику. – Я тоже думал, что приехали трясти по старым делам...

-Кстати, - полковник вплотную подошел к Ковалевском, - хочу вас, тэт-а-тет, предупредить, что на днях в ваш гарнизон прибывает специальный отдельный мотострелковый батальон во главе с подполковником Большаковым. Их главная задача – подготовка в качестве подразделения «миротворческих сил» для решения любой задачи, в любом уголке бывшего СССР. Здесь же они у вас будут тренироваться под прикрытием. К вам сюда они едут, подальше от людских глаз, подальше от столицы.

-А у них командиром, видимо, тоже чей-то тоже зять или сын? - переспросил Юрий Викторович.

-Да нет, - отмахнулся проверяющий, - я слышал, что этот Большаков - ну их подполковник - слишком конфликтный. Из-за него с этой должности сняли одного моего хорошего друга. Поэтому, его отец и решил сослать этого конфликтного офицера куда-нибудь подальше. Так и было решено отправить его к вам в Приозерск. Ну а потом отсюда – в самое пекло. У них вообще мало шансов на возвращение.

-Значит, я правильно понял, что за ним никого нет? – улыбнулся Ковалевский. – И я не обязан с него сдувать пылинки?

-Более того, - подытожил разговор проверяющий. – Я уверен, что вас поблагодарят, и даже вспомнят там - в Москве, но при условии, что вы сделаете достаточно непростыми все эти дни службы в вашем гарнизоне. Ну, как говорится – чем хуже, тем – лучше! Надеюсь, вы меня поняли. А я там, в столице, кое-кому о вас расскажу.

-Тогда я просто обязан сегодня всех напоить нашим фирменным «Приозерским чудочаем», - громко объявил полковник Ковалевский, и пригласил всех к богато накрытому столу. – Рецепт секретный, но вам расскажу.

-Для этого нам необходимо взять местную ключевую воду, - продолжил комбриг, когда все собрались вокруг него. – Потом налить ее в наш старый пузатый самовар, горящие березовые щепки внутри которого, доведут его до кипения. А потом, в средний по размеру заварной чайник бросить четыре ложки черного чая и три ложки нашего местного секретного лесного сбора. Затем укутать его в армейский бушлат и дать так настояться не больше пяти минут.

-Потом достаем заварной чайник, - увидев, как все заинтересованно его слушают, продолжил Юрий Викторович.- И выливаем в траву ровно его половину. При этом, не забывая залить из самовара вновь столько же кипяченой воды. И опять кутаем в бушлат.

-Потом, через пять минут, вновь выливаем из чайника треть и опять заливаем кипятком. И теперь - самое главное – через пять минут мы достаем заварной чайник и, - Улыбнулся

комбриг, – ...даже не пробуя это «пойло», выбрасываем его вместе с чайником в мусорную корзину...

И, увидев удивленные глаза собравшихся, победно завершил:

-А потом легким движением руки достаем из морозилки запотевшую бутылочку водки и, замученные долгим ожиданием этого никому не нужного фирменного чая, пьем ее родимую прямо из кружек, под отличную закуску!

Под общий громкий смех, прапорщики быстро открыли бутылки и разлили содержимое по чайным кружкам всем стоящим за столом.

-Ну, господа, за наши доблестные Вооруженные Силы России! - Поднял тост проверяющий полковник, сделав особый упор на слово «наши», и посмотрел на комбрига. – За положительную оценку во время проверки. И, конечно, за то, что мы с Вами, Юрий Викторович, надеюсь, поняли друг друга. Что бы вы всегда так хлебосольно встречали любых ваших гостей...

Батальон подполковника Николая Большакова через неделю в военном гарнизоне действительно встречали хлебосольно и необыкновенно помпезно – караваем, цветами и духовым оркестром. Так что, как отметили в местной районной прессе, к этому мероприятию здесь готовились заранее.

Но мало кто знал, что за два дня до приезда «миротворцев» Большакова, по приказу начальника гарнизона, им уже готовился к передаче небольшой двухэтажный старый кирпичный дом на окраине военного городка. Наверное, единственный дом из прошлого века, отметивший уже давно свое 100-летие, и где до недавнего времени размещался провинившийся, а от того отправленный туда, как в ссылку, батальон связи. «Гостеприимный» Ковалевский лично приказал забрать оттуда всю более-менее нормальную мебель и сантехнику, оставив некондицию. Не забыв при этом, «заботливо» вывезти из подвала дома, построенного в Приозерске каким-то помещиком еще во времена Царя-Гороха, все запасы угля. Которым, собственно, и топили это здание. Уголек вывезли с территории бригады под покровом темноты на двух армейских грузовиках, и ...тихо утопили в болоте на окраине города. Ну, чтобы с гарантией!

Самому же подполковнику Большакову и его офицерам Ковалевский предпочел отдать девять небольших комнат на трех этажах в небольшой пристройке к современному офицерскому общежитию. К зданию, расположенному чуть в стороне от контрольно-пропускного пункта, почти на окраине военного городка.

-Но вы на нас не держите обиду, - слегка замялся Ковалевский, обращаясь к Большакову. - Там, в казарме необходимо сделать капитальный ремонт. Сами понимаете – зданию давно за сто лет. У нас же все руки не доходили. Так что, пока лето и есть возможность отреставрировать здание, мы поможем разместить ваших военнослужащих в палатках на стадионе. Для офицеров есть места в общежитии. Поэтому – милости просим! И с углем вам, конечно же, потом поможем, и истопника дадим.

Судя по разграбленному дому, где должен был разместиться батальон, Николай Большаков отлично понимал, что еще задолго до приезда, его здесь уже посчитали изгоем. Конечно же, была возможность рассказать своему «куратору» из Москвы о полковнике Ковалевском, и о том, как встретили их в Приозерске, но Николаю было сказано самому никаких действий в отношении Ковалевского не принимать, а только собирать документы, короче, не торопиться и дать разобраться во всем потом специалистам.

Согласно досье на местного комбрига, с текстом которого, Большаков успел ознакомиться еще в столице, полковник Ковалевский был достаточно успешным, властным и грамотным командиром. Но при этом, как отмечали его бывшие сослуживцы, оставался человеком – мстительным, достаточно хладнокровным и очень злопамятным.

ЧП гарнизонного масштаба

Капитальный ремонт казармы не давал возможности подполковнику Николаю Большакову осмотреться в гарнизоне. Заставляя офицеров почти круглосуточно быть рядом со своими подчиненными – и на стройке, и на спортивном городке. Все трудились ударно, подменяя друг друга, при этом, не забывая о своей главной задаче – подготовке к командировке, которая стояла перед офицерами Центра.

Командир бригады полковник Юрий Ковалевский демонстративно держался в стороне, за минувшие три недели так и не появившись ни разу на их стройке, и оттого справедливо решив, что вновь прибывшим работы хватит. Правда, не забыв при этом, поручить приглядывать за «гостями» своему заместителю полковнику Котову.

Не беспокоила и Москва, из-за чего Николаю порою складывалось впечатление, что о них попросту забыли. С приездом в Приозерск, Большаков тоже больше не вспоминал и про «Хирурга». Но тот внезапно вновь напомнил о себе сам.

Утром, по закрытым каналам связи, от коллег по Лубянской площади пришло сообщение о том, что в ближайшие дни в Приозерск прибывает один из бывших неподконтрольных никому полевых чеченских боевиков Джохар Такаев, по кличке «Золото». Хотя он официально и отказался от вооруженной борьбы, и более того - признал российское руководство, Москва все же не верила в искренность его раскаяния.

К тому же было не совсем понятно, почему этот новоявленный «бизнесмен» вдруг заинтересовался этой бесперспективной российской глубинкой, и более того - выбрал для своей поездки именно Приозерск.

Согласно официальной информации, Джохар Такаев занимал сейчас пост представителя российской топливной компании «ГудермесКавНефть». Он приезжал в этот районный центр Приозерск с главной задачей приобрести здесь для своей кампании пять местных, уже работающих автозаправочных станций, и построить еще около десяти. Дабы обеспечивать их потом собственным топливом. Договоренность была достигнута в результате предварительных переговоров руководства нефтекомпании и города.

К слову, никто кроме Ковалевского и Котова и не мог знать, что эта договоренность была очередной хорошо продуманной ими двоими операцией, в результате которой, полностью под их контроль должна была перейти вся нефтянка Приозерского района. А вот официально «засветиться» с Джохаром Такаевым должен бы только лишь один человек – тот самый «Водопад».

Подполковник Николай Большаков тоже делал определенные ставки на приезд Такаева, этого бывшего непримиримого боевика, судя по информации, хорошо лично знавшего «Хирурга». Так что через него он и хотел узнать, что же из себя представляет этот Ширали Намиев, словно тень идущий рядом с ним?

Эту оперативную задачу он хотел решить самостоятельно, не ставя в известность городское отделение милиции, да и вообще попытаться значительно ограничить количество людей владеющих всем объемом информации об этом приезде, не особо ставя в известность даже людей из своего ближнего окружения. Справедливо опасаясь того, что секретная информация может уйти на сторону. Конечно же, Николай доверял всем своим офицерам и солдатам полностью, ведь им вместе предстояло выполнять самые опасные задания, но оперативное чутье подсказывало, что пока не время всем из них полностью «открывать карты».

Так что, по личному поручению Большакова, в соседний с Такаевым номер городской гостиницы «случайно» заселилась молодая девушка - «проверяющая из области», роль которой изображала его подчиненная - старший лейтенант Эльза Курмангалиева. Профессиональный сыщик, офицер милиции, в отличие от остальных офицеров, она отлично представляла, какую важную роль отвел ей Николай Алексеевич в этой секретной операции.

Согласно утвержденной Большаковым легенде, Эльза должна была сыграть роль «представителя областного Министерства культуры», прибывшего сюда в командировку осматривать городские памятники старины. И попутно решать, будут ли они взяты областным правительством на свой баланс или нет. Но, как и любая проверяющая, вместо этого, предпочитая послаще поспать в номере, и до закрытия сидеть в ресторане гостиницы.

Прибывший, как и планировалось в Приозерск, Джохар Такаев оказался невысоким крепышом лет сорока, в черном наглухо застегнутом сюртуке с золотыми пуговицами, под цвет сюртука подобранными брюками и отлично начищенными туфлями. Его все еще пока молодое безусое смуглое лицо снизу окаймляла небольшая борода. Картину дополняла его золотая улыбка, на все зубы. Из-за которых, видимо, у него и появилась такая кличка - «Золото».

Эльза сразила его мгновенно, попав в самое сердце. Увидев, как длинноногая стройная брюнетка возится с замком своего номера, Такаев сразу же предложил ей свою помощь. Потом, «совершенно случайно» она еще раз столкнулась с ним в коридоре. И только потом, как бы нехотя, девушка позволила ему подарить ей огромный букет роз, и даже пригласить на ужин.

Джохар был по-кавказски гостеприимен. Букет роз расположился в центре стола, в огромной настоящей хрустальной вазе, которую, за отдельные деньги, принес из своего дома один из официантов.

Этот, богато накрытый деликатесными яствами стол резко контрастировал с остальными столиками ресторана - накрытыми типично по-советски однообразно – салат, горячее, спиртное.

Здесь же, в небольшом железном ведре, расположившимся на их столе, утопая в кусочках льда, стояла еще закрытая бутылка полусладкого советского шампанского. А в бокале девушки плескалось, красиво переливаясь рубиновыми каплями в свете люстр, настоящее грузинское красное вино «Киндзмараули».

Такаев налил себе очередную рюмку стоящего тут же армянского коньяка.

-Дорогая Эльза, - он поднялся со стула. – Я очень рад, что встретил тебя. И это не случайность, как ты можешь подумать. Я много чего видел в этой жизни – и хорошего и плохого. И, слава Аллаху, очень рад, что он послал мне встречу с тобою. Только ты не подумай, что я пьющий. Просто в этот день мне очень хочется праздника. За тебя!

-И обязательно попробуй это вино. - Джохар кивнул на красное вино. – Самое настоящее, из Грузии. То, что любил сам вождь народа!

Чеченец быстро опрокинул в рот очередную рюмку и, улыбнувшись, сел на место. Девушка тоже чуть пригубила вина из бокала, и поставила его на стол.

-Через четыре дня, мы с тобою поедem в Москву, - шептал Такаев позже вечером уже в коридоре гостиницы, целуя руку Эльзы, - и я брошу к твоим очаровательным ножкам, всю эту белокаменную. Мы будем жить в самой дорогой гостинице, и кушать в самом лучшем ресторане. Запомни, ровно через четыре дня.

-Ну, ты знаешь, я все же девушка меркантильная, люблю комфорт, причем не на словах, - кокетливо, словно нехотя, отдернула руку Курмангалиева. – Сколько повидала к своим 20 годам вас - сказочников... Поняла главное - надо пользоваться своей внешностью! Этой главной возможностью обеспечить всю жизнь, пока еще молодая.

-Все будет, обещаю, - шептал, любуясь ею, и теряя голову Джохар. – И золото, и машины, и шубы... За границу поедem. Домик тебе там куплю. А пока как тебе понравился настоящий кавказский шашлык? Сам следил за его приготовлением.

-Я почему-то так и решила, что с тобою, у меня будущее ограничится лишь одним этим шашлыком, - рассмеялась девушка. – Тем более в этом колхозном ресторане...

-Глупая, - резко обиделся Джохар. – Я здесь по делам нефтяного бизнеса. Но здесь я еще должен встретить друга, своего однополчанина. Передать ему кое-что, а он мне. Так что нам и нашим внукам денег хватит...

-А если он тебе ничего не отдаст? - не унималась Эльза.

-Он мне как брат, - грозно посмотрел на нее Джохар, и сказал шепотом. – Я ему даже «смерть» под Гудермесом организовал. Он мне только за это такие бешеные деньги должен...

-Так что теперь, - улыбнулся Такаев, - с этими деньгами, я становлюсь нормальным российским бизнесменом и переезжаю с молодой женой в Москву. Я прав?

-Все будет зависеть от суммы, которую тебе передаст твой, как ты говоришь, брат, - с улыбкой отмахнулась девушка.

А потом, как и полагается порядочной представительнице слабого пола, сразу же по возвращению из ресторана, Эльза с улыбкой закрыла дверь своего номера, прямо перед носом Джохара. Пожелав ему при этом, из-за двери своим ангельским голоском «Спокойной ночи!».

Стоявший в конце коридора в темноте за углом Николай Большаков, несмотря на шепот, отчетливо слышал каждое слово чеченца. И, спустившись вниз, быстро позвал ждущего неподалеку от входа в гостиницу сидящего на скамейке Володю Беликова.

-Твоя главная задача на ближайшие три дня – личная безопасность нашей Эльзы, - тихо поставил подполковник задачу своему заму. – Подробности позже. Очень надеюсь, что мы все же зацепили самый кончик этой нити. Обрати внимание на ее ухажера с Кавказа. Надеюсь, через него и раскрутим весь этот интересный клубок. Знать бы только, что на уме у этого приезжего чеченца?

-Любопытство – это грех, - как и всегда тихо ответил Беликов. - Не переживай, командир. Буду за ней идти, как «тень». Видишь, даже не спрашиваю почему.

-Да-да,- подумал про себя Большаков, - правильное это слово - «тень». Судя по всему, «Хирург» уже давно идет по его стопам. Но Николай никак не может его увидеть. И эта, тщательно разработанная им, совместно с Курмангалиевой операция, возможно и станет тем капканом, в который может угодить эта самая тень.

Видимо, изрядно поиздержавшись в ресторане, уже на следующий день Такаев, вечером в местном игровом казино, попробовал ухватить удачу для себя на рулетке.

Но ставки были не так высоки, и удача отвернулась от него вновь. И тогда на помощь пришел швейцар. Он шепнул про «тайное» ночное казино.

Поэтому этим поздним вечером Джохар был уже на ночной «большой карточной игре», проходящей здесь в гостинице, в единственном огромном четырехкомнатном номере. Который здесь, между собой, сотрудники называли не иначе, как «цековским».

Только здесь, в единственном месте города, после полуночи делались, поистине, большие ставки и выдавались большие выигрыши. Это неофициальное «подпольное казино» работало в городе всего один раз в три недели, причем только по четвергам. Приглашенные должны были предварительно записаться, и прибыть на саму игру, длившуюся с полуночи до пяти утра.

К большому удивлению Большакова, за два месяца наблюдения за этим «подпольным игровым залом», он узнал, что пробовать сразиться за «большой куш» в полуночный покер здесь собирались не только местные богатеи, но и специально приезжающие на эту игру московские толстосумы. Порою, за стол здесь садился даже сам мэр города Приозерска Кирилл Барышников и начальник местной милиции подполковник Сулейман Гусейнов. Бывали там и некоторые офицеры из бригады, среди которых завсегдаем оказался, сам заместитель комбрига по тылу полковник Николай Котов. Правда, как говорили, играл он не на большую сумму, да и не часто, предпочитая лучше посидеть в уголке этого роскошного номера с бокалом виски.

И только всего пару человек знали, для чего полковник Котов каждый третий четверг на самом деле приходил сюда. Он был не обычным участником этих подпольных карточных игр, а их хозяином. Единственным, из всех присутствующих, человеком, который бы оставался в выигрыше, независимо от количества участников и даже серьезных выплат... Это было одно из его любимых детищ.

В середине ночи, майор Владимир Беликов доложил командиру, что накануне поздно вечером из расположения батальона тайно ушел в гостиницу на эту ночную «большую карточную игру» один из их подчиненных – старший лейтенант Володя Безродный.

-Конечно же, все мы люди, - откашлялся Беликов, - могли бы на это и глаза закрыть. Если бы не два «но». Во-первых, офицер Безродный впервые посещал это подпольное казино. Ранее он никогда не был замечен в игре в карты на деньги, и вдруг пошел туда, да еще и тайно...

-Ну, и, во-вторых, там же, по моей информации, впервые присутствовал и тот самый приезжий чеченский бизнесмен, которого раньше никто здесь не видел... Видимо, о котором вы и говорили. А еще именно он ухаживает за нашей Эльзой Курмангалиевой...

-К слову, - Владимир Беликов подошел ближе к Большакову, - а почему вдруг Эльза вчера вдруг переехала из военного городка в эту гостиницу? Зачем такая срочность? Теперь понимаю, что это твоя была инициатива. А ты меня даже в известность не поставил. Скажи - это какая-то очередная твоя спецоперация?

-Как ты всегда говоришь, любопытство – это грех, - улыбнулся Николай. - Володя, да выбрось ты весь шпионский мусор из головы. Все банально. Сам видишь, ремонтируем казарму. А наша девушка немного приболела. Попросила несколько дней в себя прийти, настроиться на работу. Ну, я ей и разрешил устроить «отпуск ...при части». Вроде и рядом, а вроде бы и на отдыхе. Так что забудь... А что касается ее охраны..., то ты сам сказал там много приезжих... Вон говоришь и какой-то там «чех»...

-Ладно, про Эльзу понятно! - продолжил заместитель, и, подойдя ближе к Большакову, продолжил значительно тише. – Но, я о другом. Не верю в такие случайные встречи на ночном покере. Посуди сам, этот чеченец о котором ты говорил, видимо, вчерашний боевик, а Безродный - кадровый офицер, к слову, воевавший в Грозном, в самые страшные зимние месяцы 1995 года. Уверен, у них антипатия должна быть уже на уровне подсознания, а они там за одним столом сидят, в карты играют... Не складывается...

-Знаешь, Володя, - Внимательно слушавший его Большаков, вдруг задумался. – Действительно, есть правда в твоих словах. Но вот узнать, что он ночью делал с этим чеченцем в подпольном казино, мы еще успеем.

И продолжил:

-Так что приказываю: больше за чеченцем не следить. Пока продолжаем делать вид, что мы не в курсе произошедшего. И про старшего лейтенанта Безродного, и его этих ночных похождениях тоже ничего не знаем. Все как всегда служба, и далее - по распорядку. Но ты, Володя, обо всех подозрительных мелочах докладываешь мне, лично.

Уже под утро Эльза из своего номера слышала, как Такаев возвратился себе. Девушка посмотрела на часы - половина шестого утра. У него в комнате раздался какой-то небольшой шум, грохот упавшего стула и вновь наступила тишина.

Эльза едва дождалась половины восьмого, теперь она могла с полным правом постучать в дверь Такаева, и пригласить его на завтрак. Отправиться на первый этаж, где в правом крыле гостиницы размещался небольшой, но уютный буфет.

И, выйдя из номера, как бы между делом, постучала в номер Джохара. Как и планировала, вроде, пригласить составить ей кампанию.

Но ответа не последовало. А через мгновение дверь потихоньку со скрипом открылась сама, и девушка увидела, что, не смотря на солнечное раннее утро, в коридоре и в комнате номера Такаева все еще горит свет.

-Джахарчик, к тебе можно? - тихо позвала она, и быстро переступила порог номера.

В спальне на кровати лежал небрежно брошенный пиджак, в углу стояли, как и всегда, начищенные до блеска туфли, работал телевизор, в углу гудел холодильник.

Девушка обратила внимание, что балконная дверь была открыта. Она слегка толкнула соседнюю дверь в гостиную и замерла – посередине комнаты у самого потолка в петле

висел Такаев. Под его ногами на ковре лежал на боку стул, обращенный своею деревянной спинкой ко входу.

А на письменном столе лежала грубо вырванная из блокнота единственная страничка с рваным краем, на которой, таким же неровным подчерком черными чернилами были написаны всего несколько предложений:

«Проигрался. Никого не вините. Я сделал это сам. Жизнь не удалась».

И рядом обычная дешевая шариковая ручка...

Как и положено профессиональному сыщику, Эльза Курмангалиева быстро оценила ситуацию – скорее всего убийца, а она была в этом абсолютно уверена, проник в номер через балкон, и также скрылся. Девушка быстро надела перчатки и осмотрела стол, шкаф, тумбочку, проверила его пиджак. Никаких бумаг. Значит преступник нашел и унес все документы. Опоздала...

Внезапно, Эльза достала из кармана своих джинсов небольшой листок бумаги и провела по нему несколько линий лежавшей, рядом с предсмертной запиской на столе, шариковой ручкой. И внезапно чуть было не вскрикнула от удивления. Чернила в ручке были не черными, а темно-синими....

Девушка быстро взяла в руку платок, аккуратно стерла все возможные свои отпечатки на дверной ручке, и, чуть приоткрыв входную дверь в номер, и удостоверившись, что никого в коридоре нет, легко выпорхнула в коридор.

Когда еще через полчаса Большаков узнал от Эльзы о случившемся, он был просто шокирован. Еще бы, такая хитроумная комбинация, тщательно им подготовленная, завершилась так бесславно. Хотя он не до конца был согласен с Курмангалиевой, что этого боевика Такаева просто повесили. То, что Эльза в номере не увидела ни одного документа, тоже еще ничего не доказывало.

Конечно же, Большаков не исключал, возможность, что Такаева действительно ликвидировали, очень срочно, и из-за нехватки времени даже не имея точного плана действий. Если так можно сказать, сделали это экспромтом. На это указывали многие «проколы» - брошенная или возможно просто случайно забытая шариковая ручка не того цвета, отсутствие каких-либо папок и бумаг в номере, пропажа портфеля, с которым Джохар приехал, и, наконец, открытая настежь балконная дверь. К тому же зачем покойному Такаеву нужно было грубо рвать страницу, если он мог так же спокойно оставить предсмертную записку прямо в блокноте...

В любом случае получалось, что теперь единственная ниточка, согласно которой Николай Большаков надеялся выйти через связи Такаева на людей «Хирурга», оказалась обрублена. Как оказалось, этот неуловимый Ширали Намиев и сейчас переиграл его, причем уже здесь - в Приозерске. Или, как в таких случаях любят говорить спортивные комментаторы - не где-то, а «на своем поле».

Большаков сидел у себя в кабинете, чисто механически что-то рисуя на бумаге, а сам думал о гибели Такаева. Как это могло произойти? Как «Хирург» мог за столь короткое время узнать, что они следят за Джохаром? Ведь чеченец пробыл в Приозерске всего одни неполные сутки.

А может, здесь и вовсе нет никакого следа этого Ширали Намиева, а этого чеченца убил кто-то из местных бандитов, к которым он приехал договариваться по бензоколонкам? Не договорились и решили так отделаться от переговорщика? Все может быть...

Еще оставалась версия о том, что Такаев покончил с собою из-за денег, как он написал в записке. Но, и она, увы, рассыпалась полностью. Ведь всего через два дня чеченец должен был встретиться в кафе «Под липками» с неким человеком. Может местным, может сторонним, но которого он хорошо знал еще по Чечне. Скорее всего это может быть кто-то из окружения «Хирурга», кого, как говорил «Золото», он спас под Гудермесом...

Большаков с силой бросил ручку на стол и поднялся. Ничего не получалось. Он подошел к окну и вновь стал рассуждать.

Если принять за основу, что Такаев свел счеты с жизнью сам, то встреча в кафе все же должна была состояться обязательно. Ведь информация о погибшем, как правильно посчитал Большаков, будет местными сотрудниками милиции тщательно скрыта. Если это сделал местный криминал, то человек «Хирурга», не зная о гибели связного, обязательно появится в кафе. Если же это сделал сам «Хирург» - никто не придет. Значит, шанс все еще остается...

После доклада командиру о ЧП в гостинице Эльза решила не останавливаться на том, что узнала. Эта игра в сыщика ей нравилась, и очень привлекала. Так что в отличие от своего командира, Курмангалиева решила продолжить самостоятельно свое, теперь уже официально «закрытое» Большаковым расследование. Полагаясь, при этом, только на свой собственный опыт и оперативные знания. Делая это, как она сама считала, исключительно тонко и со знанием дела.

Когда около девяти утра, сотрудница гостиницы случайно «первой» обнаружила труп Такаева, и вызвала сотрудников милиции, Эльза сидела у себя в номере. Узнав о самоубийстве Джохара, она, словно профессиональная актриса, сделала удивленное лицо, и театрально упала в обморок. Правда, не забыв перед этим сообщить приехавшему следователю, что вчера вечером ее Такаев вроде бы собирался идти играть в карты, на большие деньги. Так что она попросила не исключать возможность его ограбления и кражи наличности...

Потом ее долго в фойе откачивала нашатырем и успокаивала дежурный администратор гостиницы – миловидная тридцатилетняя очаровательная пухленькая Нюночка, которая уже три раза была замужем, и сейчас, вновь оставшись одна, тщательно приглядывалась ко всем заселяющимся в гостиницу холостякам. И очень завидовала Эльзе, которая познакомилась с милым человеком с Кавказа.

Узнав, что Курмангалиева тоже не замужем, она вспыхнула к ней любовью, и сразу же записала в подружки. И уже после отъезда милиции, именно она рассказала девушке «по секрету», что приблизительно без чего-то шесть утра, она видела, как от гостиницы по улице, в сторону парка бежал какой-то военный. Ее еще удивило, что он был одет не как обычно - в обычную полевую «афганку», в которой ходит вся расквартированная в городе бригада, а в какую-то новую доселе ей неизвестную «пятнистую» военную форму.

Как Большаков и предположил, начальник городского отделения милиции Гусейнов уголовное дело по факту самоубийства быстро закрыл. При этом «одернув» своего начальника уголовного розыска капитана милиции Андрея Кривенкова. Причина была банальна – следов насильственной смерти ни в номере, ни на теле обнаружено не было, а специально информировать жителей города о гибели одного из игроков «подпольного казино» полковник Ковалевский запретил. Так что, это дело сразу же положили под сукно, а потом быстро списали в архив. А работникам гостиницы и скорой помощи было строго «рекомендовано» об этом ночном происшествии забыть. А капитану милиции Кривенкову – «заняться лучше делом», а не искать отпечатки пальцев и отпечатки обуви на подоконнике номера и на газоне возле гостиницы.

Правда, в отличии от милиции, старший лейтенант Курмангалиева свое расследование просто так сворачивать не собиралась. Будучи полностью уверена, что это было не самоубийство.

Если верить дежурному администратору, скрывшийся убийца был в новой военной полевой форме. А значит, чисто теоретически, повесить Джохара мог кто-то именно из батальона Большакова. Ведь только им одним, перед самым отъездом, сменили старую «афганку» на новый «камуфляж».

Но в отличие от Большакова, для нее оставалось непонятным, для чего и кому была выгодна такая смерть Джохара Такаева? И мог ли кто-то из батальона быть действительно причастен к этому убийству.

Уже возвратившись через несколько дней «из отпуска» к себе в воинскую часть, Эльза аккуратно поинтересовалась у дежурного, есть ли в их батальоне «жаворонки», и кто из них рано утром уходит в город. Старшина из контрактников, практически сейчас бессменный дежурный по батальону из-за продолжающегося ремонта казармы, доложил, что действительно кое-кто из офицеров увлекается ранней пробежкой. К удивлению Курмангалиевой наших «утренних марафонцев» оказалось целых три человека – старшие лейтенанты Константин Рожков и Владимир Безродный, и еще, примкнувший к ним в последние две недели, старший прапорщик Эльдар Каримов. Как выяснилось, поднимались эти спортсмены достаточно рано, и бегали по городу минут около сорока. После чего возвращались в расположение, умывались, приводили себя в порядок, и, уже потом, действовали согласно распорядку дня.

Два последующих утра Эльза специально из окна офицерской гостиницы наблюдала, как эти «марафонцы» около пяти часов утра убегают в город. И оба раза она не могла не поймать себя на мысли, что все эти ребята могут быть и не причастны к тому убийству.

В первую очередь потому, что никто из них никогда с Такаевым не встречался, а значит им это было вовсе не нужно. А во-вторых, самое главное, у каждого из них на эти дни было железное алиби – в город они убежали в спортивном костюме. А сотрудница гостиницы видела в то утро человека в камуфлированной военной форме...

И тогда Эльза решила идти, как говорится, ва-банк.

-Милый Эльдар, - она подошла после завтрака к одному из «марафонцев» старшему прапорщику Каримову, который, всегда держался почему-то особняком от двух остальных бегунов, и, как ей казалось, проявлял наибольший к ней, как к девушке, - можно тебе один интимный вопрос задать?

-Конечно, наше сокровище, - улыбнулся он.

-Скажи по секрету, тебе не кажется, что я теряю форму, и на нашей калорийной еде уже набрала лишние килограммы... Так, глядишь, скоро и талию у себя не найду, а чего хуже – и весы сломаю...

-Не наговаривай на себя. Выглядишь божественно, как стройная лань, - перебил ее Эльдар.- Ты просто сказка!

-Я тут Эльдарчик, подумала, - вновь она посмотрела на него с любовью. – Может мне тоже начать с вами бегать по утрам? Растряссти, так сказать, свои запасы...

-Конечно же, - оживился Каримов, - я буду бегать рядом с тобою, как личный ...телохранитель, точнее, как хранитель этого великолепного тела...

-Нет, я не могу с эскортом, - опять нежно улыбнулась Эльза. – Стесняюсь. К тому же, у меня нет для этого элегантного спортивного костюма..

-Нашла о чем беспокоиться, - растаял от такого взгляда прапорщик. – А об этой спортивной форме не беспокойся. Утром никого в этом Приозерске на улицах нет – все дрыхнут. Вон Безродный несколько дней назад бегал утром в обычном камуфляже. Правда, в кроссовках. И ничего. А ты, сокровище, даже в бушлате будешь выглядеть, как статуэтка...

Эльза улыбнулась. Как же легко, эти мужики ведутся на ее слова. Да она никогда в реальной жизни не стала бы обсуждать свою фигуру с кем-то посторонним, тем более – с мужчиной. А сейчас, после того, как интересующая информация была успешно получена, оставалось только грамотно завершить эту пустую беседу. Обязательно вспомнив, что настоящая женщина всегда такая непредсказуемая, и может запросто из ничего сделать две серьезные вещи – завтрак и скандал....

-Хам ты, Эльдар! - Внезапно сменив улыбку на серьезное лицо, выпалила Курмангалиева в лицо прапорщика, и, театрально нахмутив брови и губки, добавила, - А я-то, дурочка, надеялась, что ты мне скажешь, что у меня фигура богини, так сказать -

высший класс. А ты? Вместо комплимента о стройности моей фигуры и горячей чашечки кофе, пригласил меня - на ...утреннюю пробежку... Чем, еще больше, утвердил во мне чертовы комплексы, и более того, заставил поверить в то, что я действительно ... жирная корова!

Эльза сделала расстроенным лицо, развернулась, и, не попрощавшись, ушла...

Она не слышала доносящиеся ей в след извинения, потому что была довольна собою и улыбалась. А в ушах все еще стояла лишь одна услышанная фраза – «Безродный бегал утром в камуфляже»...

На следующий день, после бессонной ночи и анализа всего услышанного и увиденного, старший лейтенант Эльза Курмангалиева остановила подполковника Николая Большакова неподалеку от ремонтируемой казармы

-Николай Алексеевич, - судя по голосу, она была чем-то встревожена. – У меня к Вам серьезный разговор. Я сейчас еду за стройматериалами в город. По возвращении очень хотела бы с Вами поговорить. Точнее - посоветоваться.

Увидев непонимание командира, добавила:

-Посоветоваться, потому что боюсь, что не права... Так, всякие мыслишки все по поводу гостиничного ЧП.

-Ты о чем, Эльза? – остановил ее Большаков. – Я тебе приказал забыть об этом деле. У меня на этот счет собственное мнение.

-А может, - отмахнулась девушка, - Николай Алексеевич, там дело, я чувствую, в чем-то другом. Знаете, не хочу пока распускать слухи. Но Вы должны знать... Я тут вчера случайно поговорила... Одним словом, есть подозрение, что тут замешан один из наших офицеров. Хотя, могу и быть не права... Ладно я поехала в универмаг, но вечером поговорим. Я вам все расскажу, обязательно. Не сердитесь!...

-Ладно, - махнул рукой Николай. – Вечером, так вечером...

Но эта встреча не состоялась. Буквально через два часа подполковнику Большакову позвонили из ГИБДД города Приозерска, и сообщили, что автомобиль «Жигули», за рулем которой находилась его подчиненная Эльза Курмангалиева, не справившись с управлением, протаранил магазин на первом этаже жилого здания. Жертв удалось избежать. Но сама водитель погибла...

Прибыв на место ЧП, Николай не мог понять, как Эльза, достаточно опытный водитель, могла здесь, на совершенно ровном участке дороги проспекта 100-летия Приозерска, не справиться с управлением машины? Более того, сотрудники госавтоинспекции не смогли обнаружить ни одного следа протектора торможения перед магазином. Как будто девушка намеренно свела счеты с жизнью.

Вскоре, подполковнику Большакову прямо на спортивный городок, где он с подчиненными отрабатывал приемы рукопашного боя, принесли запечатанное секретное сообщение из медлаборатории. Где сообщалось, что старший лейтенант Курмангалиева вовсе не умерла, а была ...убита.

Он невольно вспомнил тот несостоявшийся разговор. Более того, на теле Эльзы судмедэксперты нашли небольшую ранку от возможного укола в левое плечо, через которую, видимо, в организм и попало сильнодействующее лекарство, вызвавшее внезапный сердечный спазм. Как пояснил врач, лекарство импортное, в нашей стране аналогов нет. И неофициально добавил, что это лекарство используется спецслужбами государств НАТО.

Теперь Николай уже был почти уверен, чья это работа. Но для верности, решил лично осмотреть машину погибшей, которую почему-то отвезли со стоянки у Отделения милиции, и бросили на посту ГИБДД у въезда в город. Хотел увидеть сам, отогнать любые сомнения, удостовериться в том, что он прав. И вновь, оправдались его самые худшие предположения - под резиновым ковриком водителя он обнаружил одиноко лежащий... хирургический скальпель.

Вот так! «Хирург» обрубал концы. Теперь необходимо было понять, с кем должен был встретиться в кафе убитый Такаев. Это был последний шанс Большакова...

Что же хотела сказать ему Курмангалиева? О чем предупредить? Неужели смерть чеченца и Эльзы – звенья одной цепи. Неужели пособник врага здесь рядом, в его ближайшем окружении, а девушка его вычислила?

Вопросов оставалось много. А тут еще Большакову сообщили, что один из свидетелей видел, что когда Курмангалиева садилась в свою машину, рядом с ней стоял какой-то человек в военной форме, и они о чем-то спорили. Мужчина даже схватил ее за руку. Потом девушка села в свою машину и уехала, а офицер исчез.

Уже через четыре часа после ее гибели, Большаков внимательно, сантиметр за сантиметром осматривал комнату Курмангалиевой в общежитии, пытаясь найти хотя бы какую-то зацепку. Теперь, после ее гибели, он был просто обязан проверить каждого из своих офицеров, понять, что заставило ее заговорить о предательстве.

На столе лежал ежедневник, несколько книг, в небольшой рамке стояла единственная фотография улыбающейся Эльзы, в форме офицера милиции, в окружении своих родственников. В шкафу – шесть пар туфель, пять летних платьев, чемодан, белье... Николай внимательно осмотрел ящики стола – ничего. Практически у самого выхода из комнаты, Большаков увидел небольшую пластмассовую урну синего цвета, спрятанную под табуреткой. Она была практически пустой, если не считать небольшого скомканного листка, лежащего на самом дне.

Николай Алексеевич достал его, сел на табурет и стал разглаживать эту бумажку на колене, помогая себе ладонью. Это был какой-то набор букв и цифр с десятком переплетающихся стрелочек, разделенных на два столбика, начерченных рукой самой Курмангалиевой.

Возможно, именно эта бумажка и была ключиком к тайне, которую не успела рассказать и унесла с собою в могилу Эльза. Большаков еще раз посмотрел на буквы и знаки.

Если, он правильно понимал, находящаяся в самом верху бумажки буква «Д» – могла означать «Джохар». От нее стрелочка опускалась на квадратик с двумя буквами «НК», потом еще две стрелочки ниже, к буквам «S» и «Б».

Опять же, если логически мыслить, и, опираться на распорядок дня того-самого Джохара Такаева в тот день, то можно было предположить, что буквами «НК» девушка обозначила, ничто иное, как «Ночное Казино» в гостинице.

Опускаясь ниже, стрелочка упиралась в английскую букву «S», которая, видимо, означала деньги, которые он мог заработать в казино. Предположим, что это именно так.

Что касается другой стрелочки к букве «Б». Это смело могло быть чьей-то фамилией, местом возможной встречи, или даже обозначением какого-то человека. Или его места работы – к примеру – бармен из Ночного Казино. К слову, а почему бы и нет?

Николай достал из внутреннего кармана кителя небольшой блокнот, вверху страницы поставил букву «Б» и рядом знак вопроса. Затем поставил цифру «Один», и выписал фамилии всех тех офицеров батальона, чья фамилия начиналась на эту букву – Большакова, Беликова и Безродного. И, подумав несколько минут, крупно жирными чернилами обвел фамилию последнего... Тут есть совпадение – ведь Безродный был той ночью в казино!

Потом, под цифрой «Два», написал фамилию мэра города Барышникова, с кем Джохар должен был или, пусть даже теоретически, мог встречаться, а также после знака «+» написал еще одно слово – «Бизнес». Под это слово попадали все, с кем он мог видаться в городе из предпринимателей.

Под следующей цифрой «Три», он написал ключевые места города, где мог Джохар пересечься со своим убийцей. Все они также начинались с буквы «Б» – Бар ресторана гостиницы, Банк, Базар, а так же сквер и памятник местному революционеру Николаю Берестовскому, расположенный практически в самом центре города, рядом с магазином

«Берендей». Из всех этих наименований, он мог пока остановить свой взгляд только на слове «Базар», так как именно на его территории, в кафе «Под липками», Джохар должен был встретиться с каким-то человеком бизнеса.

Николай вновь посмотрел на разглаженную бумажку. На этом листке Эльзы, правда, уже в правом углу, в кружке было написано одно слово - «Бег», от которого тянулись три стрелочки к трем буквам «К», «Р», «Б», стоящим по отдельности. Потом, от буквы «Б» стрелочка уходила к несколько раз обведенному в кружок слову «Камуфл.», и рядом красовались три огромных знака вопроса...

Внизу листочка вновь стояла буква «Д», на этот раз в траурном черном квадратике, и сразу рядом вновь буква «Б», и три цифры - 5.45. И вновь три знака вопроса...

Большаков, внимательно переписал все знаки, цифры, и перерисовал стрелочки с этого листочка в свой блокнот. Но никак не мог понять, что это за буквы? Откуда взялся этот «Бег», и какой смысл несет непонятное слово, похожее на «Камуфляж»? Причем здесь, вновь, еще одна буква «Б», или это одна и та же, но почему из другого столбика? Ну и конечно, что означают эти цифры рядом? Может калибр автомата? Добавочный телефон? Время на секундомере? Или просто время? Или калибр самих боеприпасов? Да и при чем, тогда, здесь старший лейтенант Безродный?

-Как меня уже утомили эти ребусы, - подумал Николай, резко поднялся с табуретки и, с силой, захлопнул блокнот. – Надо вечером все додумать.

Он посмотрел на часы – половина третьего дня. До той самой встречи покойного Джохара на базаре оставалось полчаса. Логично было предположить, «Хирург» не в курсе ЧП, и второй человек на встречу придет обязательно. А уже по тому, кто там будет, станет понятно, кому была выгодна смерть чеченца.

Николай Большаков, для большей скрытности, бросил свой УАЗик во дворе, в трех домах от базара. Одетый в темно-синюю рубашку с коротким рукавом, потертые джинсы и такого же цвета кроссовки, он не особо выделялся из числа прохожих. Быстрым шагом преодолел автобусную остановку, перешел на другую сторону дороги и, минув кафе, вошел на территорию колхозного рынка, почему-то с огромной надписью на входными воротами – «Базар». Он прошелся по торговым рядам, при этом стараясь не терять из вида пустые столики у кафе. И ровно в «15.00» подошел к продавщице семечек – молодой крупной девушке, которая очень нахваливала свой товар.

-Могу ли попробовать, красавица? – Николай улыбнулся и взял небольшую жменьку черных жаренных семян подсолнечника. – Ты так хвалишь, нельзя не остановиться.

-А ты бери, не стесняйся, - быстро ответила она. – Вот еще немного постоишь, их вообще не останется. Смотри, как раскупают...

Но весь его взгляд был обращен не туда, а в сторону кафе, где молодая светловолосая официантка быстро принимала заказы, убирала столики и приносила еду. Свободных столиков было не очень много, но они были. Посетители предпочитали долго не сидеть в тени огромных солнцезащитных грибков, предпочитая забрать запотевшую бутылку пива с собою домой, как и только что приготовленный ароматный шашлык.

-Ну как тебе наши семки? – широко улыбаясь, спросила продавщица. И, подмигнув, продолжила, - Вот привезли прямехонько с Кубани. Там они самые вкусные. Причем не только семки, но и наши кубанские девушки...

И вдруг Большаков увидел, как за пустой столик, где еще пять минут назад стояла пластиковая табличка «Занято» сел какой-то офицер с букетом цветов. Как понял Большаков, взятый, видимо, как пароль для встречи.

Неизвестный офицер сидел спиной в сторону рынка, и поэтому рассмотреть его лицо, причем так издалека, было проблематично. К тому же на рынок нахлынули покупатели, очередную партию которых привез местный автобус. Необходимо было срочно подойти поближе...

-Очень вкусные семечки у тебя, - Николай улыбнулся и посмотрел на девушку. – Вот приду вечером и украду тебя вместе с ними...

-Да, ладно ты, - расхохоталась продавщица, - я таких «женихов» каждый день человек по двадцать встречаю.

Но Николай ее уже не слышал, он быстрым шагом шел в сторону кафе. В надежде не упустить того, кто пришел на встречу. Раз встреча должна состояться, значит сюда пришел тот самый человек «Хирурга».

Когда до столика кафе оставалось не больше двадцати метров, сидевший за столиком офицер посмотрел на часы в очередной раз, и, внезапно поднялся, поставил пустую бутылку пива на стол, и взял в руки букет. Но к нему никто не подходил. Офицер осмотрелся, и еще через мгновение – повернулся. Большаков замер, узнав в том посетителе своего подчиненного – старшего лейтенанта Безродного...

Уже ближе к вечеру в части, майор Владимир Беликов доложил подполковнику Большакову, что в ходе порученного ему расследования, он выяснил, что в то утро, когда погибла Эльза Курмангалиева, на стройке отсутствовали из офицеров батальона всего два человека. Это были старший лейтенант Сергей Безродный, отпросившийся утром в медсанбат, и старший прапорщик Эльдар Каримов - отдыхающий после ночного дежурства на стройке. К слову, оба ее соседа по общежитию.

Дежурная по общежитию сообщила, что прапорщик, сменившийся вчера вечером с суточного дежурства, никуда из здания офицерского общежития утром не выходил, а спал до самого завтрака. Женщина даже изредка слышала его могучий храп. К тому же, у Каримова было мощное алиби – сегодня в 6 утра к нему заходил дежурный по части, якобы тот забыл сдать какой-то ключ. И прапорщик находился в номере, и спал.

Что же касается молодого офицера Безродного, то сегодня утром он, как обычно готовился к пробежке, но что-то долго искал у себя в комнате, а потом, убежал. Возвратился в 6.30. Но после завтрака отпросился у майора Юрия Потапова и отправился в медико-санитарный батальон к стоматологу. И больше его никто сегодня не видел.

Беликов также доложил, что срочные поиски уже в полдень старшего лейтенанта Безродного удачи не принесли. Врач из медсанбата посетовал на то, что этот офицер действительно был здесь, но не больше двадцати минут. Потом, сказав, что забежит на днях, куда-то быстро ушел.

Опознала по фотографии молодого офицера Безродного и уборщица в Универмаге «Юбилейный», где покупала вещи для стройки Эльза Курмангалиева. Женщина рассказала Беликову, что вместе их не видела, возможно, не обратила бы внимание и на этого офицера в камуфлированной форме, но увидела, как он курил перед входом, а потом, бросил окурочек не в урну, а на тротуар, который она только подмела. Вот и запомнила этого нарушителя...

Теперь Большакову становилась понятна и вся та тайнопись, что была нарисована в листке погибшей Эльзы.

Если собрать воедино всю полученную и разных источников за день информацию, то у Большакова получалась приблизительно вот такая версия:

«Старший лейтенант Владимир Безродный, убегает на ночную игру, и там внезапно видит своего Такаева. Он не знает, что он и является тем самым связником для «Хирурга». Боясь огласки от каких-то возможных грешков по службе в Чечне, он решает уничтожить чеченца. Воспользовавшись тем, что утром он ежедневно занимается спортом в городе, молодой офицер убивает Такаева прямо у него в номере, инсценирует самоубийство, и спокойно убегает. Но, не знает, что его видела администратор гостиницы, и что она сообщила об этом Курмангалиевой.

Уже в части, Безродный узнает, что Эльза его «вычислила». И, воспользовавшись тем, что она уезжает в Универмаг «Юбилейный» за товарами, Владимир отпрашивается, якобы, к врачу. Но на самом деле находит девушку в магазине и, уже

на выходе, ее убивает. А после этого едет в город в кафе «Под липками», где надеется встретиться с неизвестным связником «Хирурга», даже не зная, что он его убил...».

Старший лейтенант Владимир Безродный сидел на стуле в кабинете подполковника Николая Большакова, не в состоянии понять, почему командир заявил, что он задержан, и отчего на руках наручники.

-Владимир, - Большаков поднялся из-за стола и вплотную подошел к офицеру, - я пока не считаю тебя преступником. Считай, что ты просто моим решением, временно освобожден от исполнения обязанностей. Как говорится, на тебя распространяется пока презумпция невиновности. И теперь, шаг за шагом, минута за минутой я слушаю твой рассказ, особенно про последние два дня. Отдельно - по минутам, что ты делал сегодня. Желательно, чтобы твое повествование было подкреплено фактами и свидетелями...

-Но Николай Алексеевич, - ответил старлей. - Мне совершенно не о чем рассказать. Все было буднично и обычно.

Молодой офицер попытался встать, но Большаков с силой усадил его обратно.

-Если бы это была чепуха, я не тратил бы на тебя время, - Николай подошел к своему столу и, еще раз, повторил свой вопрос.

-Ну, вы же хорошо знаете, что с деньгами у нас не просто, - после минутного молчания начал свой рассказ Безродный. - Перебиваемся сейчас от зарплаты до зарплаты. Если бы не продовольственный паек с кашей и тушенкой, вообще был бы конец. А жить-то как-то надо.

Он потупил взгляд и замолчал...

-И ради денег ты совершил все эти убийства? - уже с презрением переспросил Николай. - А я думал, что разбираюсь в людях...

Безродный вдруг быстро поднял голову. В его глазах был страх и изумление от услышанного.

-Какие еще убийства? - быстро переспросил он.

-Я имею ввиду гибель Эльзы и человека из гостиницы, - резко сказал Большаков. - У нас есть доказательства и свидетели.

-Я не знаю ни о каких убийствах, командир, - все же вскочил со своего стула Безродный. - Выслушайте меня. Вы меня зря подозреваете в таком страшном преступлении.

-А кто три дня назад утром убежал в город в своей полевой форме, а не в спортивном костюме? Тебя видели у гостиницы, есть свидетели...

-Ну и что, если побежал в форме? В этом нет ничего необычного, - ответил Владимир. - И это не доказывает моей вины...

По словам молодого офицера, «действительно вчера днем в столовой, Безродный случайно услышал от кого-то и офицеров батальона, что вечером в гостинице будет «большая карточная игра», а ставки и выигрыши огромны.

Решив осенью жениться на очаровательной Наташе, с которой он познакомился два месяца назад, и, к слову проживающей здесь же в Приозерске, старший лейтенант Владимир Безродный решил там сыграть. Не просто, а по-крупному, поставив на кон практически все имеющиеся деньги, которые пока собрал к свадьбе. Нет, он не рисковал. В карты он играл с 14 лет, и теперь даже в компании ушлых картежников, чувствовал себя, весьма спокойно. Конечно же, офицер понимал, что там соберутся тоже не просто любители. И у него будет всего один шанс, чтобы разбогатеть.

Дабы не поднимать лишнего шума, он, еще с вечера собрал все свои деньги, записался, и с нетерпением стал ждать. А к полуночи был уже в гостинице.

В этом огромном «цековском» номере в эту ночь было не очень многолюдно. Три каких-то предпринимателя из Москвы, четыре бизнесмена, как говорят - «средней

руки» - из нашего Приозерска, потом какой-то чеченец и два офицера из бригады. Ну и сам Безродный. Вроде все!...

Чеченец сразу не понравился Владимиру. Требовал к себе особого внимания, хамил, и делал большие ставки. Да и, судя по всему, игроком был достаточно слабым. Безродный делать ставку не торопился. Предпочитая, вначале лично «потрогать» каждого участника. Понять - кто из них «шулер», а кто – «любитель».

Ну, а когда на третьей игре, этот гость с юга стал делать невероятно большие ставки, а москвичи «сдулись», Владимир, словно нехотя, включился в игру. Да, ему действительно сегодня везло. Хотя, как всегда считал он сам, везение - это на девяносто процентов рабский ежедневный титанический труд, и только на десять процентов – поцелуй бога.

По меркам этого казино, выигрыш Безродного в эту ночь составлял совсем не много - около десяти тысяч американских рублей. Но этого вполне хватало Владимиру не только на роскошную свадьбу, но и на мальчишник, девичник и кучу подарков для невесты и будущей тещи.

Так что рано утром молодой офицер пришел из гостиницы в батальон не просто окрыленным, но уже и достаточно богатым. Душа ликовала, хотелось с кем-то поговорить... Но все спали.

Владимир стал готовиться к пробежке, искать в номере свой спортивный костюм, но тот внезапно пропал. Ни в шкафу, ни в постельном ящике, его не было. А стрелки часов показывали уже почти – пять утра. Изменять привычке не хотел.

Офицер переоделся в свой камуфляж, надел на ноги кроссовки, не забыв положить выигранные деньги в маленькую сумочку, прикрепив ее к поясу, и побежал в город. Он видел, как от КПП в разные стороны так и не дождавшись его побежали в спортивной форме его сослуживцы – старший лейтенант Костя Рожков и старший прапорщик Эльдар Каримов. Сделав, как и всегда, несколько кругов по парку возле озера, Безродный пробежал на центральной улице и свернул обратно к КПП воинской части.

Внезапно он увидел метрах в двухстах впереди какого-то офицера, одетого в такой же камуфляж, как и у него, и такие же белые кроссовки. Но догнать его не смог, тот внезапно исчез за кустами сквера.

Не придавая этому особого значения, Владимир возвратился в общежитие, и, отрыв дверь, увидел на полу лежащую телеграмму-молнию. От его Наташи. Это он научил ее присылать такие «молнии» если что-то нужно было сделать срочно. В любом случае, это было быстрее, чем найти его по телефону в части. Тогда он подумал, что дежурный, не застав его, сам подсунул телеграмму под дверь...

Ее краткое содержание он помнил и сейчас: **«Дорогой Володя! Сегодня вечером мамы юбилей. Купи подарок «Юбилейном». Жду тебя 15.00 кафе городском рынке. Там все обсудим. Наташа»**. Кстати, он положил эту телеграмму на свой стол, где она должна лежать и сейчас. Офицер ее больше не трогал.

Да, что-то в этой «Молнии» было не так. И вначале он на это даже не обратил внимание. Дело в том, что все приклеенные слова телеграммы, были отпечатаны на машинке, а не отпечатаны, как обычно телетайпом. Тогда Володя оправдал это ее срочностью. Да и сообщение отправлялась внутри города.

Отлично понимая, что просто отпустить за подарком майор Юрий Потапов не сможет, Безродный соврал, что пошел к стоматологу. А на самом деле уехал в универмаг «Юбилейный». Он долго ходил по магазину, выбирая подарок, а в ювелирном отделе, и, вовсе, надоел продавщице своими вопросами. В итоге, приобрел для будущей тещи красивую золотую цепочку.

Потом покурив у входа, купил букет цветов и отправился в кафе «Под липками» на встречу с Наташей. Решать, во сколько ему быть сегодня у нее дома, и в какой одежде...

Но в кафе вместо его Наташи, Владимир внезапно увидел подполковника Большакова...».

Старший лейтенант Безродный окончил свой рассказ, и, устало, посмотрел на Николая.

-Ну, предположим, - Большаков взял из пачки, лежащей на столе, сигарету и закурил.
– Давай вместе поищем твое алиби...

На следующий день тело погибшего старшего лейтенанта милиции Эльзы Курмангалиевой со всеми почестями было отправлено в ее родной Дагестан, сопровождать которое вызвался ее командир группы - майор Юрий Потапов. О произошедшем ЧП, вместе со своим рапортом о происходящем, подполковник Большаков оправил в Москву генералу Миловидову, а сам тем временем пока продолжил собственное расследование.

Прежде всего, он тщательно обследовал комнату старшего лейтенанта Владимира Безродного в офицерском общежитии. Как и предполагал Большаков, никакой телеграммы не на столе, ни в его ящиках не оказалось. Но Николай обратил внимание, что окно комнаты было приоткрыто, а на полу лежали несколько полувисохших комочков грязи. Которые, видимо, были сюда занесены не так давно. Но, скорее всего, никак не раньше обеда, когда город внезапно накрыл небольшой по времени, но проливной дождь. Поэтому кусочки грязи дажн не успели превратиться в камень на этой жаре...

Большаков подошел к окну и посмотрел на газон – на земле под окном, в смятой траве, пусть не очень отчетливо, но были видны два глубоких следа, возможно даже выпрыгнувшего отсюда из комнаты человека. Можно было еще предположить, что здесь был тот самый неизвестный, кто забрал телеграмму.

Николай подошел к шкафу и открыл его. Слева, на самой нижней полке, лежал темно-зеленый спортивный костюм Владимира, и рядом стояли его белые кроссовки. Он нагнулся и взял в руки одну из них. Подошва была пыльной, но чистой. Ни единого следа грязи. Это еще раз подтверждало, что грязь на полу комнаты, попала сюда не с обуви Безродного. К тому же, как сказала дежурная, он с утра сюда не приходил...

Чуть позже, уже на городской почте Большакова заверили, что ни в то утро, ни накануне, подобную телеграмму не принимали. Более того, сказали, что пишущей машинкой они никогда не пользуются. Не оказалась в эти дни такая телеграмма зарегистрированной ни в одной служебной книге. Да и дежурный в части подтвердил, что в тот день никакую телеграмму-молнию не получал, и тем более не подсовывал ее под дверь номера Безродного...

Будущая теща Владимира, к которой, сразу же после почты, заглянул подполковник Большаков, оказалась пышной, томной, ярко накрашенной сероглазой крашенной блондинкой в белой кофточке, синих джинсах, и резиновых «вьетнамках» на босу ногу.

Узнав, что Николай является командиром ее будущего зятя, она заулыбалась и пригласила офицера в гостиную на чашечку кофе. От женщины Большаков узнал, что невеста Безродного - Наташа - уже пять дней как в командировке в Москве, и возвратится обратно в Приозерск не раньше конца следующей недели. Так что, как он правильно понял, отправить эту «Молнию» девушка отсюда, просто никак не могла.

Что же касается Дня рождения ее мамы, то застенчивая, от этого вопроса будущая теща, объяснила «нетактичному назойливому военному», что ей исполнится всего «тридцать ... с небольшим хвостиком». Потом, посмотрев в огромное зеркало гостиной, и чисто по-женски, обиженно надув губки, призналась - «точнее всего 44 года». И заметила, к слову, что это совсем не юбилей. А, во-вторых, этот «предпенсионный ужас» у нее наступит еще не скоро - лишь только в конце декабря, а вовсе не сейчас.

Причем, вдвойне обиделась от того, что это заглянувший сюда «мужлан» не обратил на нее должного внимания. И вовсе не сумел рассмотреть в ней то, что она до сих пор весьма хороша собою, а также по-прежнему все еще молода и очаровательна...

А вот та самая уборщица из «Центрального», не опознала в старшем лейтенанте Безродном того военнослужащего, которого она видела в тот день у входа в универмаг, и о чем рассказала майору Беликову.

-Тот был чуть постарше, и более черняв, - описала она того нарушителя.- Я в званиях не разбираюсь. Вроде на погонах по три зеленые звездочки...

А вот молоденькая привлекательная продавщица из ювелирного отдела, наоборот, хорошо запомнила его, и подтвердила, что Владимир долго крутился у них в отделе, и, в итоге, приобрел своей теще золотую цепочку. Не поспешил, так сказать, на подарок, для будущей родственницы...

Уже возвращаясь обратно в часть, Большаков, проанализировав услышанное и увиденное, понимал, что Безродного, зная о его готовящейся свадьбе, могли запросто и аккуратно подставить. И с телеграммой, с универмагом, и с кафе...

Николай в очередной раз убедился в том, что это сделал кто-то из их батальона. Возможно, даже не лично сам, а чужими руками. Тот, кто хорошо знал распорядок дня Владимира, его привычки, имя его невесты, а также точно знал, что она надолго уехала из города. И, судя по четкости выполнения этих заданий, это был, скорее всего, был не дилетант. Хладнокровный и расчетливый убийца.

Хотя, с другой стороны, это мог быть любой житель Приозерска, ранее проходивший службу в каком-то серьезном подразделении спецназа, и ныне завербованный или купленный кем-то для выполнения этой одной задачи. Об этом говорило все то, что этот неизвестный тщательно и специально готовился к этому, и, возможно, даже приобрел похожий камуфляж.

Похожую головоломку на эту тему, решали и в кабинете полковника Юрия Ковалевского. Сидящие здесь же заместитель по тылу полковник Николай Котов, начальник местной милиции Сулейман Гусейнов и мэр города Кирилл Барышников, предприниматель Олег Волик, включая и самого комбрига, были обеспокоены внезапной гибелью связного из Чечни Джохара Такаева.

-Я знаю, что это не самоубийство, - вдруг заявил Юрий Викторович, внезапно поднявшись с кресла, и окинув взглядом присутствующих на этом, оперативно им собранном совещании. - Давайте разберемся, на каком этапе произошел сбой, и почему это могло произойти?

-Вы помните, что эту операцию по топливу, мы начали еще несколько месяцев назад, - начал Котов. – С кем надо договорились. Человек прибыл. Но, так как «Водопада» в Приозерске не было, этого гостя поселили в гостинице. Я лично его пригласил в ночной клуб, контролировал, чтобы его не разули там до трусов. Его проводили до номера... Никто туда больше не входил...

-А утром, его повешенным в номере обнаружила консьержка, - продолжил начальник милиции Гусейнов. – Мы осмотрели. Следов насильственной смерти нет. Входную дверь никто не вскрывал. Все походит на самоубийство, есть даже прощальная записка. Но даже при этом, мы все же вариант убийства не отбрасываем. Хотя, пока я принял решение, это дело временно приостановить.

-Мои братки тут тоже не при чем, - четко заявил Олег Волик. – И пусть лично мне не нравятся эти «чехи», трогать его никто бы не посмел.

-К слову, об этой сделке по топливу, - взял слово мэр Барышников, - никто не знал подробностей, кроме нас. Принимавшие участие в той «ночной игре» москвичи, нами тщательно проверены – они не имеют никакого отношения к топливу. Значит, приезжие

непричем. Но ведь кто-то же хотел, судя по всему, сорвать эту «закрытую» операцию... Видимо, решив использовать этот канал для своих нужд.

-Мне даже самому интересно, кто тут у нас в Приозерске такой смелый, - завершая свое краткое выступление, Кирилл Борисович грустно улыбнулся. – Хотя, судя по всему, за этим стоит, увы, кто-то один из нас...

-К слову, а где «Водопад»? – вдруг спросил Ковалевский, и повернул голову в сторону Котова. – Почему он до сих пор не здесь?

-Сегодня, Юрий Викторович, он должен возвратиться в Приозерск, - резко поднявшись со стула, четко доложил заместитель по тылу. – Мне сказали, что везет с собою все подписанные бумаги по строительству еще десяти АЭС в районе.

-А я вашего «Водопада» видел в пригороде еще два дня назад, - вдруг удивленно сказал Гусейнов. – Кстати, в тот самый день, когда повесился этот чеченец...

Полковник Ковалевский вопросительно посмотрел на Котова.

-Николай Павлович, - голос комбрига стал жестче. – Я могу узнать, почему ваш человек не показывается у нас и не докладывает о результатах поездки, если уже третий день находится в городе?

-Я об этом ничего не знал, - стал оправдываться зампотыл. – Мне не докладывали.

-Внимание! – поднял руку вверх, взял слово Ковалевский. – А вы не подумали, что именно этот «Водопад» со своими несколькими отморозками и может быть тем самым человеком, пытающимся перекроить наш бизнес. Недаром он все время пытается мне показать зубы. Если это так, то доставить его сюда.

-И, - он вновь посмотрел на Котова и Волика. – Сами за собою и подчищайте...

Сила печатного слова

За окном уже давно стемнело. Несмотря на то, что в военном городке давно уже привыкли ложиться рано, не все придерживались этого распорядка. Одинокое светилось окно на третьем этаже второго подъезда в ДОСе №6. Так в гарнизоне именовали кратко Дома офицерского состава. В квартире, пропавшего без вести на войне в Чечне, заместителя командира бригады по воспитательной работе подполковника Александра Родченкова.

Эту небольшую шестиметровую кухню, его единственная дочь – Елена, каждый вечер, в течение последних нескольких месяцев, использовала исключительно, как свой домашний кабинет. На небольшом кухонном столике умещалась портативная печатная машинка, чуть дальше - лежала пачка бумаги, и папка для напечатанных листов с материалом. На широком подоконнике – беззвучно работал небольшой черно-белый телевизор «Юность». Шла вечерняя информационная программа по каналу НТВ, где генерал Александр Лебедь вместе с президентом страны Борисом Ельциным подписывали какой-то очередной совместный документ.

Кукушка, просчитав до одиннадцати, вновь скрылась за своей маленькой дверью настенных кухонных часов. И вновь наступила тишина.

Алена аккуратно заправила белоснежный лист бумаги в стоящую перед ней печатную машинку, хотя сама еще не знала о чем ей предстоит написать и в каком жанре. Но так поступала всегда, сделав это своеобразным ритуалом для себя в журналистике.

Девушка достала из своей сумочки небольшой конверт с письмом, пришедшим вчера в адрес ее редакции районной газеты «Знамя труда», и где впервые на конверте в графе кому – было написано «**Корреспонденту Елене Родченковой. Лично!**». Конечно же, это означало успех, ее, вчерашнюю студентку, совсем молодую журналистку, кто-то из читателей выделил из всех журналистов издания, и, более того, обратился за помощью.

Очень осторожно, как будто боясь что-то разрушить, она отложила еще не вскрытый конверт, и подошла к засвистевшему готовому чайнику. Налив в кружку кипятка, она бросила туда щепотку черного чая, и, поставив на стол, посмотрела как медленно в

горячей воде стали раскрываться чайники, выпуская свой аромат. Со стенки кружки на нее смотрел нарисованный красноармеец в буденовке, с винтовкой за спиной и газетой «Правда» в руках. Он стоял на фоне Московского Кремля, а рядом была размещена ярко-красная надпись – **«Иногда слово, стреляет сильнее ружья»**. Эта кружку Елене подарил папа сразу же после ее выпуска из университета. Сказав при этом, что журналистика, к слову, это четвертая власть.

Ее отец - Александр Родченков – сам всегда гордился этим подарком, полученным вместе с грамотой, еще в феврале 1991 года, лично из рук главного редактора газеты «Правда». Как одному из лучших заместителей командиров батальонов по политической части Московского военного округа. Тогда он, в день Советской Армии и Военно-морского флота, был приглашен, вместе с другими отличившимися офицерами, в эту главную газету страны. И, с тех пор, эта кружка стояла в шкафу, как некая награда, своеобразный знак отличия.

-Папа, я тебя не никогда подведу, - вдруг почему-то, совсем по-детски, сказала она, глядя на кружку. – Правда, и только - правда...

-Ты там с кем разговариваешь? – донесся из комнаты голос матери.

-Нет, мам, ни с кем. Вот, чай пью. Письмо собираюсь прочесть, - быстро ответила она, и, не без гордости, добавила. – Представляешь, пришло лично мне, нашли в этой куче редакционной почты. Вот теперь сижу, балдею!...

Внутри конверта, на двойном стандартном школьном листе из тетради в клетку, небольшими аккуратными полукруглыми буквами было начертано само письмо. Суть его сводилась к тому, что ребята из выпускного класса средней школы №2 города Приозерска, во время летних каникул создали своеобразный отряд, назвав его не много ни мало – «Молодежный экологический патруль», точнее – МЭП. Поставив перед собой главной задачей защиту природы и водоемов в окрестностях не только города, но и района.

Так вот, почти месяц назад, их подразделение - Школьная подвижная патрульная группа «МЭП» на велосипедах, поздно вечером видела, как два груженых самосвала с военными номерами свалили в ныне заброшенный пруд горы угля. Еще более ухудшив экологическую обстановку на окраине Приозерска. В письме указывались не просто марки самосвалов, но и их цвет, даже государственные регистрационные номера.

Так что автор письма - руководитель МЭП, некто Вадим Кузнецов, просил ее лично – журналиста Елену Родченкову, разобраться в ситуации, и, конечно же, написать правду об этом в районной газете. На втором листе был красиво нарисован план того района, примыкавшего к пруду, где, согласно сообщения, неизвестные и высыпали уголь.

Что же это были за машины и кому принадлежали? За ответами на эти вопросы она обратилась к своему давнему воздыхателю Андрюше, точнее - капитану милиции Андрею Кривенкову, недавно занявшему пост начальника городского уголовного розыска.

-Андрей Николаевич сейчас на выезде, - четко объяснил девушке дежурный городского Отдела внутренних дел, - выехал утром на очередное ЧП – вроде там утонул какой-то бизнесмен. Так что Вы его можете найти на озере, точнее - между пляжем и лодочной станцией.

Невысокого худощавого Андрея, единственного из всех присутствующих там, на берегу, сотрудников милиции, одетого в «гражданку», Елена выделила сразу. Они познакомились случайно, почти полтора года назад, когда у нее, еще тогда только студентки из Москвы, неизвестный мужчина на площади у вокзала Приозерска вырвал сумочку с документами и деньгами. А Андрей, провожавший там сослуживца, сумел догнать грабителя и задержать его.

Несколько раз они вместе сходили в кино, посидели в кафе, но Елена понимала, что, не смотря на все его положительные качества, Андрей не в ее вкусе. Так они и стали

просто друзьями. Хотя у Андрея и оставалась надежда на то, что Елена в будущем изменит свое к нему отношение, и они сыграют свадьбу.

-Капитан Кривенков! - громко официально позвала Елена, и, увидев, как он повернулся, быстро помахала ему рукой. – Я к тебе.

-Оперативно работает наша пресса, - заулыбался офицер милиции. – Я сам, только полчаса как сюда приехал, а ты уже здесь. Недаром говорят, что вы – четвертая власть...

-А здесь что-то интересное? – словно гончая, почувствовав запах добычи, поинтересовалась Родченкова. – Кто там погиб?

-Да очередной «новый русский» по пьяни утонул. - Ответил Андрей. - Видимо, после водочки стало жарко, вот и решил искупаться. На пляж не поехал – там через шлагбаум на машине не проедешь – какие-то экологи поставили, так он сюда прикатил. Вон – машина, на берегу – его одежда... Видимо, расслабился в теплой водичке, может - уснул, короче силенок не хватило, утонул прямо недалеко от берега.

-Наши школьники шли на рыбалку, видят стоит открытая машина, лежат вещи.. Подошли ближе, практически у самого берега, лицом в воду лежит человек. Ну, они и вызвали милицию...

-Уже опознали? – тихо спросила она.

-Да, кто же его не знает в городе, - грустно улыбнулся Андрей, - Это бывший криминальный авторитет по кличке «Водопад», а ныне уже предприниматель, новый директор мясокомбината «МСП». Сюда даже, мой начальник подполковник милиции Сулейман Гусейнов лично приезжал, осматривал все сам. Потом согласился с нашими выводами, ну что это несчастный случай. И, увы, не первый на этом озере и не последний...

-Я как раз к тебе именно по поводу экологов, - продолжила Елена. – Мне тут в редакцию письмо пришло, что кто-то высыпал в наш пруд несколько самосвалов угля. Так что к тебе за помощью. У меня даже есть номера этих машин.

-Ой, Аленка, тянешь из меня все жилы, потому, что знаешь, что к тебе равнодушен, - усмехнулся Андрей. – Ладно, давай свои номера машин.

Едва посмотрев на бумажку, он сразу же сообщил, что вся техника из местной воинской части. Кто конкретно за нее отвечает, Кривенков может узнать чуть позже в военной автоинспекции. А пока приказав оперативной группе, внимательно осмотреть место ЧП, увезти на «Скорой» тело утопленника и составить протокол, он сам вместе с Еленой отправился к пруду. Если нет убийства, то и начальник угрозыска там не нужен.

Если верить присланному письму школьнику, уголь сбросили в пруд около полутора месяцев назад. Сейчас было видно, что за это время большую часть его размыло, и уголь ушел на глубину, окрасив стоячие воды пруда в черный цвет. Но на берегу все еще высилась почти метровая гора этого каменного топлива, плавно уходящая в воду.

-Ну, нет у нас здесь экологической милиции в городе, - тяжело вздохнул Андрей. – Да и военнослужащие вне нашей компетенции. Тебе надо обратиться либо в военную прокуратуру в областном центре, либо к заместителю комбрига по правой работе...

-И Ковалевский сам себя накажет. Ты об этом? – перебила его Родченкова, и улыбнулась. – Шутишь, видимо...

-Да уж, какие тут шутки, - продолжил Кривенков. – Хотя, если ты никому не доверяешь, то сделай материал для своей газеты и напиши, все, что ты считаешь важным. У нас ведь, вроде, цензуру отменили и дали свободу слова... Так что, дерзай! А я тебе с таинственной техникой, притащившей сюда уголь, помогу.

Уже к следующему понедельнику, ее большой материал с фотографией утопающего в пруду угля, занял свое место на вывешенных в секретариате газетных полосах районной газеты «Знамя труда» .

-Ну, ты просто – красотка! - Ответственный секретарь газеты Геннадий Гибко, успевший сделать к своим тридцати годам карьеру в этой газете, стоя у окна любовался сверстанной первой полосой. – Давненько у нас не было никакой сенсации. А тут не

просто критический материал, а еще и про природу, школьников и этих варваров в погонах, испоганивших пруд. Супер! Я поставил материал в переход с первой на третью полосу.

Почему Гена называл всех военных исключительно «варварами» в редакции знали все. До двадцати семи лет, этот «журналист и молодой писатель» скрывался от призыва, доводя военкома до нервного срыва. Официально и неофициально, как только мог - привлекая профессоров из областного института, с просьбой взять его обязательно в аспирантуру, так как он открыл в себе талант ученого. Или буквально требуя у местных медиков диагноза – «не годен к военной службе». И только лишь с трудом, дождавшись в середине марта своих двадцати восьми лет, он облегченно вздохнул.

Но ненадолго. Как рассказывают, этот суровый седой районный военком, который казалось, никогда ранее не отличался чувством юмора, около семи утра первого апреля разбудил по телефону мирно спящего у себя в кровати счастливого Гену Гибко. И, представившись полностью по должности и по званию, громко сообщил ему, что в связи с тяжелым положением на Кавказе, ...президент принял решение о ...призыве на службу всех, кому исполнилось уже ...двадцать восемь лет!

В то утро Гибко с нервным срывом увезли в городскую больницу, а сама эта шутка была признана лучшей в тот День смеха в городе.

И вот сейчас, стоя перед огромным материалом-расследованием Елены Родченковой, Геннадий уже представлял, как мэр города Барышников уже завтра жмет ему руку. Более того, говорит, что именно теперь, когда Гибко, остался исполнять обязанности за уехавшего в областной центр главного редактора, вышел этот, поистине, лучший материал года. И теперь у него есть шанс и дальше подняться по служебной лестнице вверх.

-Знаешь, Ген, большое тебе спасибо, - прошебетала Елена, взглянув на часы, которые показывали полдень. – Я все просмотрела, сокращения сделала. Так что я не буду дожидаться подписи в печать. А завтра с утра, надеюсь, ты лично отнесешь свежий номер мэру. Ну, как главный редактор...

-Ну, об этом можешь не беспокоиться, - улыбнулся Геннадий. – Конечно лично доставлю.

Практически всю ночь, Елена не смыкала глаз, всматриваясь в светящиеся стрелки будильника. Со стены спальни на нее смотрел с фотографии отец. Он улыбался, и, казалось, говорил – «Молодец, дочка!».

А едва рассвело, она быстро оделась и села на кухне, теребя в руках чашку горячего чая, и предвкушая свой первый успех, не забывая при этом посматривать в окно, на близлежащий киоск «Роспечати». Но в ожидании открытия, время, казалось, для нее остановилось. Минутная стрелка едва-едва двигалась по циферблату. Поэтому едва женщина, перекинула внутрь своего киоска последнюю пачку свежих газет, Елена уже была у окошка.

-Будьте добры, мне пять номеров свежего «Знамени труда», - улыбнулась девушка, и, увидев удивленное лицо продавщицы, добавила, не без гордости. – Там, сегодня, выходит мой первый большой материал – расследование.

И прямо здесь же, не в состоянии дольше терпеть, она раскрыла газету. На месте ее материала стоял ...очерк главного редактора о местном приозерском предпринимателе, который из бывшего здания детского садика, сделал после ремонта итальянский ресторан, с залом бильярда и баром. И это место, якобы, теперь стало новым местом встречи элиты города. Здесь же стояло и фото этого бизнесмена на фоне зала его ресторана.

Ее материал об экологии бесследно исчез из номера.

-Дорогой мой, Геннадий, я хочу узнать, куда же внезапно делся с первой полосы мой вчерашний утвержденный материал? - Родченкова без стука буквально влетела в кабинет главного редактора.

-Эта бездарь – ваш Гибко, у себя - в секретариате, - она услышала голос главного редактора, который копался в шкафу, стоя к ней спиной. – Вас, молодежь, даже на один день оставить одних невозможно. Хорошо, что вовремя приехал, и, буквально в последний момент, сумел этот ваш материал заменить.

-Думаю, вы даже не понимаете, что хотели сделать вчера? – Главный редактор показал ей жестом присесть. – Вы решили пойти против системы! Хотите в газете мэра города опубликовать критический материал на него самого. И вы, надеетесь, что после этого материала Вы продолжите здесь свою работу? Скажу честно, за мою жизнь, отсюда выгоняли и не за такую провинность.

-Я вас не понимаю, - Елена действительно не понимала, что она сделала не так. – Давным-давно уже свобода печати, цензуры нет. И мы должны указать мэру Барышникову, что он виновен в том, что не следит за экологией, и он должен навести порядок. И, естественно, наказать необходимо полковника Николая Котова, чьи подчиненные захлामीли пруд.

-А вот здесь, моя девочка, вы совершенно правы, - улыбнулся главред. – Что касается этих военных, то они к нам никакого отношения не имеют. Так что о них, немного поменяв акценты, можно писать всю нелицеприятную правду. Сделать расследование честным, откровенным, без прикрас. Но, опять же опубликовать не у нас, а где-нибудь в другом месте, ну, к примеру, в их собственной газете – в «Красной звезде». Получится, что вроде и мы отреагировали, и в тоже время гнев у Барышникова не вызвали. И волки и овцы – все целы...

Елена шла домой, едва сдерживая слезы. Ей казалось, что все вокруг ее предали, унизили. Надо уходить из журналистики. Она в ней разочаровалась! Тем более, как же она теперь будет смотреть в глаза тем школьникам, которые доверились ей, которые верят, что публикация будет. Она ведь не станет им объяснять, что у них такой трусливый главный редактор. С другой стороны, бегство от проблем – тоже не выход. Может взять в газете себе криминальную хронику, тихо и спокойно, печатать в ней заметки, которые будет получать от Андрея Кривенкова.

Хотя, подумала про себя девушка, пусть материал не вышел в печати, но его фактура ведь осталась. И обо всем этом, следует хотя бы рассказать тем, кто виноват – пусть исправляют! Ведь, согласно информации, которой она располагала, этот утопленный в пруду уголь принадлежал не просто воинской части, а непосредственно казарме, где ныне расположился батальон какого-то подполковника Большакова.

Она даже сама не обратила внимание, как подошла к КПП части.

-Могу ли поговорить с командиром батальона подполковником Большаковым? – немного стесняясь обратилась она к оперативному дежурному. – Его беспокоит корреспондент районной газеты «Знамя труда» Елена Родченкова.

К ее удивлению, буквально через пятнадцать минут с территории части к ней вышел симпатичный молодой подтянутый офицер в погонах подполковника.

-Видимо, Вы искали именно меня, - офицер улыбнулся и протянул руку. – Меня зовут Николай. Тот самый Большаков.

-Лена. Родченкова, - робко ответила она совсем по-детски, чувствуя, как лицо заливают краска. – Я журналист, вот хотела с Вами поговорить...

Они сидели в сквере неподалеку от части, и говорили. Она рассказала про своего пропавшего отца, про то, как училась в Москве, как после выпуска трудится здесь в местной газете. А, узнав, что батальон Большакова в городе не так давно, Елена облегченно вздохнула и даже немного повеселела.

-А я ведь к Вам, честно говоря, пришла ругаться, - вдруг сменив серьезный тон на улыбку, сказала она. – Думала пристыдить, и, возможно, потребовать от вас, исправить все, что вами и загублено. Вот получили бы от меня взбучку, будучи не виновными...

Елена достала из сумочки папку, в которой лежали материалы ее журналистского расследования. Чем больше Николай читал эти собранные воедино разрозненные листы,

тем отчетливее понимал, что ситуация эта с углем не обошлась все же без личного вмешательства самого полковника Юрия Ковалевского. Как, впрочем, и с переданным им помещением казармы. А ведь он тогда в самом начале поверил комбригу...

-Лена, большое спасибо, - Большаков скрыл за улыбкой свою настороженность. – Давайте, я вам выделю несколько своих людей для того, чтобы почистить сам пруд и его окрестности. А вы тогда, опубликуете у себя в газете свою информацию о том, как военнослужащие помогли городу.

-Правда, я вас попрошу об одном, - офицер на секунду задумался. – Давайте никому об этом говорить пока не будем. Точнее, не будем афишировать. Будем отталкиваться, как говорится, от результата.

Ответный ход

За минувший месяц, прошедший после прибытия батальона Большакова в Приозерск, внешне ничего в городе, точнее в хозяйстве полковника Юрия Ковалевского, не произошло. Все также исправно работали все предприятия и рестораны города, руку на пульсе которых, держал лично его заместитель Николай Котов. Небольшим, но полнокровным ручьем, деньги стабильно текли на фиктивные счета ряда фирм, за которыми, через подставных лиц, стоял лично сам Юрий Викторович.

После убийства чеченского бизнесмена, приехавшего в Приозерск по вопросам обустройства бензоколонок, Ковалевский сумел вычислить, как ему казалось, возможного убийцу. Им был, как предполагал комбриг - его подручный «Водопад», так сказать «коллега по бизнесу». По мнению полковника, именно он, обманув всех, приехал в город раньше, и повесил бизнесмена. Сделал это специально, решив, видимо, втихую переподчинить себе все, включая нефтяной бизнес, а возможно, что и всю власть в городе.

Хотя, доставленный на отдельную квартиру на окраине Приозерска, «Водопад» от всего отнекивался, ему не верили. При этом он настаивал на своей невинности, заявляя, что приехал раньше лишь для того, чтобы решать свои личные проблемы.

И тут, уже в свою игру, вступил вчерашний прапорщик Олег Волик, которому надоело быть всегда вторым номером и бегать на побегушках у тупого «Водопада». Для этого, он заранее купил одного из боевиков по кличке «Кириян», который на большой «стрелке», должен был «внезапно» вспомнить, что «Водопад» просил его организовать тайну слежку за ...Ковалевским и Котовым. Точно выяснить их распорядок дня, привычки, время, когда они приходят на службу, на каких машинах выезжают в город. И что за это, якобы «Водопад» пообещал ему три процента ежемесячно с одной АЗС. «Кириян», якобы, отказался...

«Водопад», естественно отказывался, но после выступления «свидетеля», Ковалевский и Котов дальше разбираться с ним даже не стали. И, чуть позже, бывшего директора ООО «МСП» по их приказу просто, как котенка, утопили в местном озере, а за него все бразды правления городом передали его бывшему подручному – Олегу Волику.

Только теперь, как казалось полковнику Юрию Ковалевскому, когда, вся власть вновь возвратилась в его руки, он мог и дальше руководить этим «беспокойным городским хозяйством».

-Командир, разрешите? - В кабинете комбрига внезапно появился полковник Котов. - Сейчас в городе, если так можно сказать - напряженка с топливом на заправках. Вы же знаете, что после внезапной смерти Такаева, мы не сумели вовремя организовать продажу бензина на вновь отстроенных автозаправках. Везде очереди. Есть предложение, пока «соседские» бензовозы идут из Москвы, пустить на продажу бензин из нашего «НЗ» («неприкосновенного запаса») бригады. Под мою ответственность. А

пришедшее топливо, потом тихо возвратим обратно в «НЗ». Сами понимаете – здесь только бизнес.

-Ладно, только под твою ответственность, - четко ответил Ковалевский посмотрев на своего зама, и поднялся с кресла, показывая, что разговор окончен. – И чтобы без шума. Очень тихо...

Уже под утро, на следующий день, согласно фиктивным документам, шесть армейских бензовозов должны были отправляться с территории складов «НЗ» бригады для заправки техники, предназначавшейся для участия в учениях. Старшим автоколонны был назначен давний «соратник» полковника Котова по всевозможным подобным аферам – старший прапорщик Павел Видов.

На самом же деле, как и планировалось, все бензовозы должны были обеспечить топливом лишь исключительно новые АЗС. С этой целью, и дабы не вызывать лишние вопросы, полковник Николай Котов, заранее, на все эти машины купил поддельные гражданские московские номера. На эти белые регистрационные знаки, прапорщик должен был, уже в городе, заменить, временно, все имеющиеся черные военные номера его большегрузов. Мол, сюда прибыли бензовозы столичного нефтеперерабатывающего завода.

Однако, этой ночью дежурный на контрольном техническом пункте бригады лейтенант Евгений Чернов, бензовозы с территории не выпустил. Обратив внимание старшего колони - прапорщика Видова на неправильно оформленный, и, к тому же, поддельный путевой лист. Ведь согласно представленного дежурному по КТП документу, с территории бригады вывозились строительные материалы, а вовсе не бензин.

-Лейтенант, - старший прапорщик вышел из машины и подошел к офицеру. - Это не ваше дело, что и куда я везу. А вот если меня, еще хотя бы на минуту, задержите, я думаю, что Вы со своим офицерским званием расстанетесь навсегда. Понятно? Это приказ командира бригады.

-Иными словами, - стоял на своем Чернов, - вы хотите сказать, что осуществить этот вывоз топлива со склада «НЗ» вам приказал сам полковник Ковалевский? Прошу Вас предоставить письменный приказ на этот счет. Или я буду расценивать произошедшее, не иначе, как ...кражу.

Старший прапорщик Павел Видов, считавшийся в части – «человеком Котова», а значит лицом практически неприкосновенным, впервые, за все время своей службы, столкнулся с офицером, который не побоялся полковника Ковалевского. И от этого даже, если честно, даже просто растерялся.

А еще через десять минут к одноэтажному зданию КТП бригады прибыл оперативный дежурный подполковник Большаков, срочно вызванный из штаба, которому Чернов и дожил о ЧП. Этого переубедить было вообще невозможно, поэтому бензовозы сразу же возвратились в гаражи, а топливо было слито обратно в резервуар «НЗ». Сам старший прапорщик Павел Видов оказался на гауптвахте. А вот саму разборку «полетов» было решено отложить до утра.

Рано утром, не обнаружив ни одного бензовоза у пустых без топлива автозаправочных городов, полковник Котов возвратился в часть, в предвкушении устроить Видову разнос. Мол, опять прапорщик проспал! Но вместо этого узнал, что ни один из автовозов территорию части не покидал, и, более того, его доверенный человек – под арестом.

Полковник Котов стоял в комнате оперативного дежурного подполковника Большакова, едва сдерживая свой «праведный» гнев.

-Ты вообще соображаешь, что сделал? – Заместитель командира бригады сразу же перешел на «ты», и смотрел с ненавистью на стоявшего перед ним оперативного. – Понимаешь, что завтра ты уже будешь объяснять лично командующему округом, что сорвал плановые учения с боевой стрельбой нашего подразделения на полигоне в Бугрово? Ну, где же вас, таких тупых, набирают?

-Товарищ полковник! - Не обращая внимание на оскорбления, совершенно спокойно начал Большаков. – Ваш подчиненный старший прапорщик Видов, сегодня ночью, по подложным документам, попытался вывезти со склада «НЗ» больше сотни тонн топлива. Дежурными по КТП он был задержан, а техника и топливо возвращено на склад. Оперативному дежурному военного округа, а также сотрудникам военной прокуратуры о ЧП доложено было еще три часа назад.

-Надеюсь, - Николай Большаков посмотрел в глаза Котову, - что Вы сами, лично, не знали о таком самоуправстве начальника склада горюче-смазочных материалов? И тоже, от души возмущены, этим произошедшим ЧП. Не так ли?

-Да, - вдруг растерялся Котов. – Но топливо..., учения...

-Вы правы, - продолжил Большаков. - Этот «коммерсант, в погонах прапорщика» воспользовался, видимо, своим положением. И по поддельным документам, нарушив закон, попытался вывезти из части тонны «неприкосновенного запаса» топлива АИ -92. Действуя нагло и открыто...

-К слову, - добавил Николай. – Что касается учений, то у вас, скорее всего, устаревшие сведения. Вчера командир бригады их внезапно перенес на две недели вперед. Но, даже при этом, этот прапорщик не воспользовался специально для таких случаев подготовленным дизельным топливом, находящемся в резервуаре на самом полигоне.

-И где сейчас этот наш нарушитель? – Котов понял, что серьезно «влип» с этими бензовозами. Вот ведь, ошибочно не посчитал Большакова за серьезного противника, и сразу же поплатился за это. А ведь Ковалевский предупреждал, говорил сделать все тихо...

-Ну, если его еще не забрала военная прокуратура, то он на гауптвахте, - спокойно ответил оперативный. – Я приказал его доставить туда, сразу же после задержания...

Еще через три часа, подполковник Николай Большаков лично передал специальному корреспонденту газеты «Знамя труда» Елене Родченковой копии всех документов на задержанного старшего прапорщика Видова. Как основу для написания большого журналистского расследования о борьбе с коррупцией в гарнизоне.

А вот полковник Котов, прежде чем доложить командиру о провале его инициативы с топливом, хотел все выяснить сам. Понять, если есть такая возможность, то как выйти из этого положения.

К радости Котова, старший прапорщик Видов был еще на гауптвахте. Он рассказал полковнику обо всем, что произошло ночью. И шепотом о том, что он, дабы не привлекать лишнего внимания, не стал делать новые документы на топливо, а воспользовался старыми, подчистив дату. Сделал это, уверенный, что его в гарнизоне знают все, а поэтому до изучения документов дело, как обычно, не дойдет. Но вот, не получилось!

-Значит, слушай внимательно, - оценив ситуацию, кратко наставлял находящегося в камере прапорщика его шеф. – Ты делал все сам, никого в известность не поставив. Но все делал, как в тумане, потому что ...болел. У тебя была температура около 39. Справку от врача за вчерашний день для тебя сделаю. Ясно?

-Далее. О том, что командир бригады перенес учения – ты не знал и посылного в глаза не видел. Что касается складов ГСМ на полигоне – думал, что топлива там нет – ты сам его куда-то по мелочам раздал. Поэтому, решил идти, как говорится ва-банк, взять топливо втихую, со склада «НЗ» бригады. Но ночью, то ли с спросонья или из-за болезни, залил в бензовозы не дизель, а по ошибке АИ-92. Бумаги на поездку, мол, тоже взял со стола, которые там лежали... Ты даже не знаешь что в них, может кто-то хотел тебя подставить. Мол, на тебя давно «зуб точит» кто-то из батальона Большакова.

-И не слова больше. Понял? А мы тебя с командиром вытащим. Ну, в худшем случае, пойдешь, как за превышение своих служебных обязанностей. Отсидку на «губе» и оговор себя, мы тебе «монетизируем»...

Уже на следующий день Котов увидел в комендатуре представителей военной прокуратуры. Они приехали на своей машине забирать задержанного Видова в областной следственный изолятор.

В кабинет командира бригады полковника Юрий Ковалевского, Котов вошел, как говорится, во всеоружии. У него в папке лежала справка из медико-санитарного батальона о плохом самочувствии в тот вечер старшего прапорщика Петра Видова. А также объяснительная, какого-то старшины со склада, о том, что это именно он, из чувства лени, вовремя не оформил новые документы, а сделал подчистки в старых, в том числе и в путевом листе. За что и готов понести наказание. Сами мол понимаете - что с непутевого срочника возьмешь...

Ознакомившись с планом своего заместителя, Ковалевский резко сменил гнев на милость. Не забыв при этом, напомнить ему о потерянной из-за ночного ЧП выгоде, и обязательного «штрафа» за халатность... Настроение у Ковалевского стало улучшаться. Дело с прапорщиком можно было закрывать.

А тут еще одна хорошая новость. Перед самым приходом Котова, к нему заглянул «наследник «Водопада» Олег Волик, и сообщил, что через два дня в ресторане гостиницы «Приозерск» для празднования Дня рождения заказан столик одним из офицеров батальона Большакова.

-Я проверил, - четко по-военному доложил Волик. – Это офицеры из того самого батальона. Так что у нас есть шанс им отомстить за это ночное топливо. У меня есть идея... Ну, чтобы без лишних свидетелей. Как говорится – «зуб за зуб»!

-Вот это отлично, - комбриг похлопал по плечу Волика. – Тебя, Котова и мэра Барышников я жду у себя в кабинете на совещание, ровно в 15.00. Как говорится – для очень личной беседы...

И уже после обеда, сидя в кабинете Ковалевского, они все вместе обсуждали возможный план проведения вечернего мероприятия.

Согласно предложенному тут же сценарию, в тот день в ресторане должна была состояться «Свадьба». Жениха и невесту должен был обеспечить мэр города Барышников, выбрав одну пару, из всех реально обратившихся в городской ЗАГС за регистрацией брака. Желательно от двадцати до двадцати пяти лет, и с небольшим количеством родственников. Им, как будто бы юбилейной двухтысячной паре, обеспечат бесплатно машину, цветы, и, конечно же, вечером - ресторан в гостинице. Финансовую сторону, как и возможное алиби, брал на себя лично Барышников.

Остальных прибывающих на праздник «гостей от предприятий города» должны будут сыграть бойцы самого Волика и девушки из городского подпольного борделя. Единственными чужими в этот день в ресторане должны стать лишь офицеры из батальона Большакова.

-Вот, вроде, так, – улыбнулся Котов. – Возьмут выпить, а если и не возьмут, то мои ребята предложат, ведь свадьба. Там и наши девочки в игру вступят. Я каждой из них за соблазнение этих офицеров предложил хорошие деньги. А значит и будет повод для пьяной ревности. Ну, а потом – ну какая русская свадьба без мордобоя! И, как результат, вовремя приедут патрульные группы нашей доблестной милиции. Так что все будет пучком!

С поставленной задачей мэр города Кирилл Барышников справился на «отлично». Он не только нашел нужную студенческую пару, но и, благодаря ответственному секретарю районной газеты Геннадия Гибко, был подготовлен огромный фоторепортаж о, якобы, юбилейной двухтысячной паре, которая расписывается в Приозерске. А Олег Волик, под

командованием полковника Котова, тоже был на высоте, и обеспечил городской ресторан на этот праздничный вечер всеми необходимыми продуктами и спиртным.

Тратились, отлично понимая, что этот спектакль должен покончить с батальоном Большакова и им лично - навсегда. Так, что это того стоило.

А уже вечером Волик контролировал прибытие всех «гостей» в ресторан, уютно расположившись у зеркального окна гардероба – чуть правее по коридору от входа, откуда через стекло хорошо виден был весь банкетный зал. Согласно утвержденного плана, все столики были оставлены на своих местах, кроме трех составленных воедино справа от сцены, где должны были сидеть новобрачные и их свидетели. Это было сделано специально, для того чтобы одинокий столик офицеров Большакова особо не бросался в глаза.

Едва эти четыре офицера, во главе с «новорожденным» старшим лейтенантом Константином Рожковым и его лучшим другом старшим лейтенантом Владимиром Безродным вошли в зал, Волик сразу же приказал закрыть двери на ключ.

-И чтобы никого чужого, - наставлял он седого швейцара. – Двери откроешь лишь по моему распоряжению, или когда прибудет милиция. Всех покурить отправляй в туалет... Кто будет стучать – скажи мест нет, все занято на свадьбу! И никого из зала к двери не подзывать... НИКОГО!

Весьма напряженная обстановка от такого количества пришедших их поздравлять незнакомых молодых людей и девушек для молодоженов и членов их семей, разрядилась буквально через полчаса банкета. В адрес молодых звучали здравицы, звенели бокалы с шампанским. На сцене играл вокально-инструментальный ансамбль, заставляя принявших на грудь горячительных напитков интенсивно двигаться в быстром танце. Гости ходили между столиками, улыбаясь и наливая очередную порцию – «за знакомство».

Столик офицеров, во главе с Константином Рожковым, вне их воли оказался как бы в эпицентре всей свадьбы. И хотя они отнекивались от очередной наполненной рюмки, подошедшие «родственники» жениха и невесты просили «не обижать». А почти через два часа этого праздничного застолья, когда большая часть спиртного уже была выпита, музыканты перешли на медленную танцевальную музыку.

Первыми, как и положено, на свадьбе под медленный танец закружились молодожены, под многочисленные аплодисменты собравшихся. К ним стали присоединяться в танце и другие пары.

И тут один из гостей - дядя невесты Олег Митряев, приехавший из Коломны на это мероприятие, не привлекая внимание, достал из сумки небольшую видеокамеру, купленную специально к этому случаю. Даже под воздействием уже употребленного спиртного, он не забыл, что его инструктировали ничего не снимать, ни на фото, ни на видео. Но справедливо решил, что именно таким образом организаторы лишь хотят заставить их покупать то, что снято их ресторанным фотографом. А душа хотела неформата...

Вначале свадьбы, он долго и бесполезно искал глазами оператора в зале. А потом, скрытно начал снимать все сам, справедливо полагая, что племянница у него одна, и свадьба у нее тоже только одна. И тут нельзя полагаться лишь на случай. Тем более помня, с каким трудом разрешила ему жена ехать на трое суток в этот Приозерск, на это мероприятие. И какие клятвы он ей только не давал, кем только не клялся, что будет трезв и морально устойчив со слабым полом. Так что он должен был привезти хотя бы видеоотчет жене о прошедшей свадьбе.

Аккуратно, не привлекая внимание, он снял приготовление к свадьбе, роспись в местном отделе ЗАГС, возложение цветов к памятникам, прогулку по набережной, ну и конечно приезд в ресторан. Здесь также попытался снять весь зал, сцену, столик молодоженов, первые тосты, первый танец...

Вскоре за столиком офицеров уже сидели и четыре миловидные девушки, из числа пришедших на свадьбу «подруг невесты». Одну бутылку шампанского заказал именинник Рожков, другую принесла со свадебного стола девушка по имени Нина. Подняли тосты за «будущего генерала», ну и, конечно же – «за прекрасных дам».

-Кстати, - у меня есть один анекдот про молодоженов, вдруг сказал Безродный. – Ну, почти...

-Давай, холостяк, рассказывай, - улыбнулась Нина.

-Брачная ночь. Полночь... – начал издали Владимир. – Вдруг громкий звонок в дверь. Долгий. Один, два, три звонка... Жених, проклиная всех, встает и, накинув халат, открывает дверь. На пороге – шесть здоровенных мужиков с гробом на плече. Не слова ни говоря, они заходят в его однокомнатную квартиру, проходят по коридору, и в спальне, обойдя кровать с дрожащей от страха молодой женой по кругу, опять всей этой процессией идут к открытой входной двери.

И только перед тем, как выйти на лестничную клетку, на секунду замирают. Стоящий последним справа у гроба мужик, внезапно поворачивается к обалдевшему хозяину квартиры, и тихо говорит: «Извини, дорогой товарищ. У вас такой узкий подъезд, что мы даже сами развернуться не смогли»...

Все дружно рассмеялись, и лишь одна очаровательная брюнетка Нина, наоборот, скривила губки...

-Нельзя в праздник о покойниках, - вдруг сказала она. – Накличите беду...

-Хорошо, - улыбнулся Безродный. – Тогда другой...

А в зале ресторана продолжала играть музыка, гости кушали, танцевали, шутили, веселились. И все это кусочками ложилось в видеокамеру Митряева, для его видеотчета супруге.

К сожалению, контролируя офицеров, того самого дядю невесты Олег Волик, увы, упустил из своего поля зрения. К столику офицеров несколько раз подходил к «своей девушке» Нине некто Сергей Трунов. Его на это мероприятие пригласили специально, согласно решения Волика, но, не раскрывая истинных причин.

Сергей работал на местном Механическом заводе, занимался боксом и хотел поступать в Политехнический институт в областном центре. Хороший, добрый парень, но, вот на беду, влюбился в соседку Нину, которая, честно говоря, имела не совсем лучшую репутацию в городе. Официально девушка числилась «офис-менеджером» в какой-то небольшой местной коммерческой фирме, а на самом деле трудилась в массажном закрытом клубе. В том самом, куда приезжали расслабиться лучшие люди района и города, а сам его хозяин Олег Волик, называл свое заведение просто и четко – «бардель».

Заранее переговорив с Ниной, Волик решил использовать именно этого ревнивого парня Сергея Трунова, как основное действующее лицо сегодняшнего мероприятия.

Пригласив своего парня, якобы на свадьбу подруги, Нина за столиком все время подливала Сергею в бокал шампанского и водки с тостом «За нас с тобою!», мурлыкала ему что-то на ушко, целовала в щеку. Практически непьющий спортсмен быстро набрался, но был счастлив.

И тогда, когда он посчитал, что сегодня как раз тот день, когда он должен будет сделать ей предложение руки и сердца, его Ниночка внезапно уходит к другому столику. И там, пьет шампанское и улыбается чужим мужчинам. Сергей несколько раз подходил к их столику, просил Нину возвратиться, но она лишь улыбалась и говорила – «Чуть позже!»

Накачавшись спиртным, Трунов в общей кутерьме даже и не обратил внимание, как к нему за столик подсел незнакомый мужчина. Это был сам Олег Волик. Незнакомец поинтересовался, почему он такой грустный на таком радостном мероприятии, как свадьба. Налив себе еще рюмку водки и, опустошив ее до дна, Сергей рассказал о своей неразделенной любви. Излил, если так можно сказать, душу незнакомцу.

- Не будь бабой, - вдруг резко сказал новый собеседник, - возьми ее ухажера за шиворот, и поговори с ним по-мужски. Если не понимает по-русски, дай ему просто в морду. Покажи всем, чья это девушка.

Трунов даже и не сумел толком разглядеть собеседника, который так же быстро поднялся и ушел. Но его совет продолжал звучать в ушах. Действительно, почему она сидит там, с какими-то чужими мужиками? Ведь она его почти невеста... И он ее любит...

Неуверенным шагом, Сергей в очередной раз подошел к столику офицеров, и, подойдя к Нине, дернул ее за руку.

- Пошли, стерва, - сказал он голосом не требующим возражений. - Для тебя праздник завершился. Хватит перед этими придурками сиськами трясти...

- Молодой человек, - поднялся с места именинник Рожков. - Так говорить неприлично. Думаю, Вам следует извиниться перед девушкой...

- Перед тобою, что ли? - ухмельнулся пьяный Трунов. - Тебя, как следует назвать - мадам или мадмуазель?

- Ну, в приличном обществе, - поднялся, вслед за именинником, его друг Безродный, - за такое хамство бьют лицо... Но, думаю, сегодня, по случаю праздника, ограничимся лишь, как сказал мой друг, одними вашими искренними извинениями... В адрес моего друга и вашей девушки...

- Тогда пошли, поговорим тогда с тобою, по-мужски, тэт-а-тэт, - махнул рукой Сергей. - Я тебе покажу извинения, как телок лапоть и отбивать...

На шум подошли многие парочки с соседних столиков. Говорящих обступили люди. Кто-то предлагал извиниться Трунову, кто-то - хозяевам столика не обращать внимание на пьяного, а кто-то просто выяснить все в кулачном бою.

Ансамбль вновь заиграл, и толпа быстро разошлась. Танцы и празднование продолжилось. И только Трунов с Безродным отправились в на улицу, как они сказали - поговорить по душам за закрытой дверью. Пригрозив швейцару, искавшему глазами Волика, что если он не откроет дверь, то они начнут с него...

Не смотря на то, что «ревнивец» был сильно пьян, он оказался хорошим боксером, и его внезапный первый удар чуть было не отправил Безродного в нокаут. Владимир, не ожидав такого, буквально отлетел назад, сильно ударившись спиной о столб уличного освещения, и едва не упал на асфальт. Из разбитой губы ручейком потекла на свитер кровь.

- Ну что? - Трунов стоял перед ним улыбаясь. - Тебя еще сколько раз извинить?

- Я предлагал тебе решить все по-хорошему, - Безродный вытер платком кровь. - Теперь не обессудь...

Владимир используя опыт приемов рукопашного боя, уходя от очередного боксерского хука, сделал всего два удара - четко в солнечное сплетение и, завершающим, в челюсть...

Не успев ничего понять, «ревнивец» отлетел в сторону, и упал спиной на газон. Безродный, даже не посмотрев на него, вернулся в ресторан, вытирая платком разбитую нижнюю губу и кулак, испачканный чужой кровью.

- Ну как там наш ревнивец? - Поинтересовался уже за столиком Рожков. - Возвратится?

- Надеюсь, что нет, - тяжело вздохнул Безродный. - Думаю, придет в себя минут через пятнадцать. И, осознав произошедшее, уйдет домой спать. Жаль, что без извинений. Вот ведь гад, губу разбил в праздник...

Конечно же, настроение было окончательно испорчено. Губа у Владимира распухла буквально на глазах, кровь пропитала весь платок. У столика стали собираться зеваки. Нина, быстро в подсобке застирала холодной водой заляпанный кровью свитер Владимира. И сразу же, испугавшись за своего парня, который не возвращался, быстро побежала к швейцару.

А еще, когда через пятнадцать минут весь зал ресторана был заполнен сотрудниками милиции, к собирающимся уходить офицерам, подошел начальник уголовного розыска.

-Капитан милиции Кривенков, - представился офицерам Андрей. – Хотел бы узнать, что у вас произошло на улице около получаса назад.

-Вы, товарищ капитан, не беспокойтесь, - начал Безродный, прикрывая разбитую губу платком. – Обычный мужской разговор. Паренек был пьяный, хамил. На просьбу извиниться, он нас просто послал далеко... Пришлось на улице ему объяснить, что грубить девушке нельзя. А он, еще и ударил первым. Вот, видите, губу разбил...

-И за это вы его зарезали? – внезапно с удивлением спросил офицер милиции. – Это была вспышка гнева, случайность, или вы всегда так хладнокровно решаете все свои споры?

-Какое еще убийство? – Переспросил Безродный, ничего не понимая, и присел на стул. – Да я его так, несильно, всего два раза ударил... Для профилактики... Причем только кулаком...

-До выяснения всех обстоятельств дела, - капитан милиции Кривенков покрутил в руках его удостоверение личности офицера, и позвонил двум патрульным. – Вы, товарищ старший лейтенант, задержаны! Всех остальных, я попрошу переговорить с нашим сотрудником, и никуда из Приозерска не выезжать...

Поникшего Владимира Безродного в наручниках вывели из ресторана и посадили в патрульную машину.

Согласно свидетельским показаниям, немногочисленные гости лишь видели ссору в ресторане между двумя ребятами, потом, что они вышли на улицу... Позже, в зал возвратился лишь один.

Нина, тоже допрошенная как свидетель, рассказала, что когда Сергей Трунов не пришел в зал, она побежала к швейцару. Вместе они и обнаружили на газоне убитого, в груди которого была огромная рваная рана. Само орудие преступления валялся тут же рядом...

Уже через час командир батальона подполковник Николай Большаков сидел в кабинете начальника местной милиции подполковника Сулеймана Гусейнова.

-Как же так могло получиться, что ваш офицер свершил убийство? - Милиционер разложил веером на столе перед комбатом фотографии с места преступления. – Подозревается ваш подчиненный, некто офицер Безродный. Хорошо же вы готовите своих подчиненных воевать с мирным населением. Два удара в сердце, и все.

-Безродный это сделать не мог, - четко ответил Николай, и, немного подумав, спросил. – И скажите, чем было оно совершено? Там был скальпель?

-Какой, к черту, скальпель? Вы ведь, насколько я знаю, не медики, это обычный охотничий нож, - поднялся из кресла тучный Гусейнов. – Плохо вы знаете своих людей. А ведь, к слову, это уже второе ваше ЧП с человеческими жертвами за три месяца. Вот ваша девушка на машине себя угробила, теперь ваш офицер убил рабочего. И это уже не шутки! Через два дня здесь будет военная прокуратура. Начальнику гарнизона мы доложим сами...

Еще от самих ворот воинской части, Олег Волик увидел, что, несмотря на позднее время, все окна штаба светились – значит «жизнь» в гарнизоне кипела, командование было на месте. Но его больше интересовали только три окна - самые крайние слева, на втором этаже. Там, где располагался кабинет командира бригады полковника Юрия Ковалевского и где, видимо, уже сидел его заместитель полковник Котов.

В ожидании доклада Волика о ходе операции в ресторане, Николай Котов дремал в огромном кожаном кресле в углу кабинета, а Юрий Викторович, пытаясь убить время, буквально заставил себя ознакомиться по цветному телевизору «Рубин» с вечерними новостями. Улыбчивая диктор, в очередной раз, обсуждала две главные новости: как нам

в стране стало лучше жить за последние пять лет, и, во-вторых, как, по мнению президента Бориса Ельцина и его окружения, несмотря на сокращение, наша армия обретает свою небывалую мощь.

Ковалевский все новостные телепрограммы принципиально смотреть не любил. Особенно официоз. Ему порою, даже казалось, что правительство, да и само телевидение, видимо, обитают где-то в параллельном мире. И по-другому быть просто не могло: разница между тем, что говорили с экрана, и что было в реальной жизни, отличалось кардинально. Так, выводимые из-за границы воинские части наспех размещали, в своем большинстве, в открытых полях, а, не как говорили по телевидению - в только что отстроенных новых благоустроенных современных гарнизонах. Солдат и офицеров заставляли жить в палатках и питаться из походной кухни, а вовсе не размещали в уютных и теплых со всеми удобствами домах и общежитиях новых военных городков. Да и сама дорогостоящая военная техника, включая новейшие танки, просто гнила под открытым небом, вместо стоянки в отапливаемых ангарах современных технических парков...

Одним словом, все было в порядке, в духе так сказать 90-х – кто-то «крышевал» всё в масштабах страны, а кто-то, как Ковалевский с Котовым – лишь в масштабе одного города.

-Юрий Викторович, - на пороге появился довольный Волик. – Все сделано. Один из офицеров Большакова арестован. Я, правда, немного импровизировал. Сам светиться не стал. Когда между ребятами на улице начался мордобой, я дал одному отморозку – местному наркоману «Крошу» нож. После драки, когда офицер ушел, он два раза ударил лежащего парня в грудь. Потом стер отпечатки, а кровью этого офицера испачкал ручку ножа. А сам скрылся...

-Хорошо! Свидетелей нет? – внимательно выслушав Олега, совершенно спокойно спросил Ковалевский.

-Ни швейцар, ни его девушка, ничего не видели, все остальные были в помещении, - продолжил он. – А, что касается «Кроша», то, его считайте, уже нет. Уверен, до утра не дотянет... Мы ему дали не совсем чистый героин...

-Так что, Юрий Викторович, теперь мяч на нашей стороне, - улыбнулся внимательно слушавший доклад Котов, поднимаясь из кресла. – Самое время сообщить в штаб округа. Ну, перевести стрелки на Большакова... Что командующему более важно – какой-то там недоумок вор-прапорщик или же профессиональный офицер, ставший убийцей? Мы же планировали освободить гарнизон от этих ребят Большакова. Одни только неприятности...

-Хорошо, - немного подумав, прервал его Ковалевский. – Но пусть в штабе в Москве узнают об этом ЧП вовсе не от нас, а, к примеру, через нашу доблестную милицию...

-Так, еще унизительнее будет. – Он улыбнулся. - Мол, в батальоне об этом убийстве попытались умолчать. Пусть этот пацан Большаков знает, как нам нельзя грозить своим пальчиком... Откусим, вместе с рукой!

Следствие по факту убийства еще только началось в Приозерске, а из Москвы «сорока на хвосте» уже принесла информацию о том, что там рассматривается вопрос о ликвидации самого батальона, и снятии с должности Большакова, как не справившегося с обязанностями. Чего-чего, а Николай понимал, что желающих уничтожить его отряд в столице хватало...

Уже через день после трагедии в ресторане, начальник уголовного розыска Приозерска Андрей Кривенков получил предварительные данные от экспертов: на ноже, которым был убит Трунов, никаких отпечатков пальцев не обнаружено. Но на рукоятке обнаружены частички крови, которые могли туда вероятно попасть, уже после того, как убийца стер свои отпечатки. И эта кровь была идентична крови ...офицера Безродного.

Его же следы найдены на асфальте, и на газоне возле тела убитого. Рядом с лестницей найдены его капли крови. Взятые на исследование туфли офицера, также имели на подошве частички его крови и частички грязи с газона.

В дополнении ко всему, все опрошенные свидетели практически в один голос повторяли, что видели ссору, которая переросла в драку на улице. И больше из ресторана, как показал швейцар, никто не выходил. Так что это уголовное дело, подкрепленное фактами и экспертизой, вроде можно было смело завершать.

Но капитан милиции Кривенков чувствовал, что что-то не так. Не будет такой профессионал, как этот офицер Безродный, убивать безоружного, тем более пьяного. Он мог бы смело поверить в несчастный случай, даже в превышение пределов самообороны, но зачем офицеру в той драке нож, тем более, если Владимир профессионально владеет всеми приемами рукопашного боя. Что-то опять не складывалось...

И тут во время беседы со свидетелями, невеста вспомнила, что существует видеозапись всей свадьбы от квартиры до ресторана. Ее, в нарушении ранее достигнутых договоренностей, неофициально вел ее родной дядя – Олег Митряев. Так что на просмотре этой кассеты в кабинете Кривенкова сидел не только сам Митряев, но и его племянница с мужем. Конечно, на первый взгляд в принесенной видеозаписи не было ничего необычного. Роспись, поездка, ресторан.

Вот и панорама зала. Мельком столик погибшего Трунова с его спутницей. Дальше... Вот столик офицеров. Они сидят и разговаривают, улыбаются, никакой агрессии. Дальше... Вот есть фрагмент, как пьяный Трунов идет нетвердым шагом к столику офицеров... Их ссоры не видно. Опять молодожены. Конец.

-Да, я эту ссору и не хотел снимать, - объяснил сотруднику милиции Митряев. – Хотя и понимал, что драка будет. Свадьба ведь! Вот поэтому и решил ее снять совсем тайком, из гардеробного окна. Оттуда эту площадку более-менее хорошо видно. Тем более, что они дрались под фонарем. Кстати, у меня камера отличная, японская, в ней есть еще и возможность ночной съемки...

-Так у вас на пленке есть и сама драка? – Удивился Кривенков. – А почему ее нет на этой кассете?

-А зачем на память молодоженам была бы нужна эта драка, - начал объяснять оператор-любитель. – Я ее уже снимал на другую, свою специальную кассету. Честно признаюсь, хотел потом ее отправить в программу «Сам себе режиссер», и быть может, даже потом выиграть у Лысенкова новую видеокамеру.

-Да, кстати, я правда, сам ее еще не смотрел, - Митряев достал из кармана сумки небольшую видеокассету. – Но раз уж такое дело, то можем вместе посмотреть...

На экране появилась небольшая территория у входа в ресторан. Со ступенек спустились два человека, в одном из которых Кривенков узнал Трунова, а во втором – Безродного. Звук на пленке отсутствовал, так что узнать, о чем говорили мужчины, было совсем непонятно. Но съемка была качественная, все можно было хорошо рассмотреть.

Спустя несколько секунд, человек, очень похожий на Трунова, внезапно ударил в лицо Безродного. Тот покачнулся и, чуть было, не упал на столб. Из разбитой губы текла кровь, которую платком вытирал Безродный. Тогда офицер, что-то сказал и смело пошел навстречу обидчику. Он легко ушел от его очередного боксерского удара, нанеся, при этом, ему два своих коротких – в грудь и в челюсть. Судя по записи – единственные! При этом в его руках ничего нет. Более того, Безродный сразу же, даже не нагибаясь к упавшему, ушел в ресторан. И все ...

-А больше вы там никого не видели? – С надеждой переспросил начальник уголовного розыска. – Может этот офицер возвратился? Или в это время кто-то случайно мимо проходил...

-Нет, только то, что снимал, - развел руками Митряев.- Я до такой степени обалдел от увиденного, что еще пару минут там сидел, боясь пошевелиться. Даже камеру, стоящую на треноге, не выключил...

Как бы в подтверждении его слов, видео на экране еще продолжалось. И в это время, Кривенков увидел, как из кустов к тому месту, где упал Трунов, подбежал какой-то молодой паренек. В свете фонаря можно было хорошо рассмотреть его лицо, и увидеть, как в руке блеснул нож. Внезапно неизвестный скрылся за бетонным перекрытием, закрывающем газон от видеокамеры, а еще через мгновение появился вновь. Достав из кармана платок, он тщательно вытер им рукоять ножа. Потом взял его за лезвие, и рукоятку испачкал в следах крови Безродного с асфальта...

И только после этого, бросив нож подальше в траву, тихо ушел...

Кривенков невольно обратил внимание на время указанное на экране камеры – на все у этого неизвестного ушло не более тридцати секунд. Значит, это убийство было не случайным. Убийца, скорее всего, знал, что драка будет, ждал на улице и наблюдал, ее завершения. Что касается офицера Большакова, то, как оказывается, он говорил правду, и здесь был ни при чем...

Так кому же на самом деле была выгодна смерть этого молодого человека, и почему кто-то решил подставить именно людей Большакова?

Еще через несколько часов, Кривенкову доложили, что на неизвестного с видеозаписи очень похож местный наркоман Игорь Метлицкий, по кличке «Крош». Обычный наркоман, ранее который был замечен лишь в карманных кражах. Прибывшая для его задержания, оперативная группа нашла в квартире лишь его остывающий труп. Рядом валялся использованный шприц, жгут, остатки белого порошка...

-Ну что там, с этим арестованным офицером-убийцей? - Уже на третий день подполковник милиции Гусейнов вызвал к себе начальника угро. – Надеюсь, доказательств хватит этому Безродному на пожизненное? А то там Москва интересуется. Военная прокуратура выезжает...

-Да, дело закрыто, - четко доложил капитан. – В связи со смертью подозреваемого...

-Какой еще смертью? Почему не доложили, что Безродный умер? – Перебил его подполковник, и с непониманием смотрел на подчиненного. – Капитан, объяснитесь четче. Я ничего подобного об этом сегодня не слышал.

-Нет, товарищ подполковник, - Кривенков откашлялся, - настоящий убийца - местный житель Игорь Метлицкий, по кличке «Крош». Сегодня он при задержании был обнаружен мертвым. Виной скорее всего - передозировка наркотиков. Все документальные доказательства его вины у меня собраны. Есть свидетельские показания, и даже ...видеозапись преступления.

Начальник милиции Сулейман Гусейнов побледнел, закрыл лицо руками, и откинулся на спинку кресла. Такого поворота событий он не ожидал. Еще сегодня утром, этот капитан милиции Кривенков и медэксперты в один голос заявляли, что улики по виновности Большакова больше чем надо. Пусть даже пока косвенных, без чистосердечного признания...

А ведь он, целый начальник ОВД, на радостях, даже сообщил об этом полковнику Ковалевскому и мэру Барышникову. Более того - даже доложил о раскрытии преступления в саму Москву. Кстати, в знак «благодарности» за оперативное и «правильное» раскрытие этого убийства, от «хозяина города» Ковалевского он получил пухленький пакет с хрустящими купюрами. Который сейчас лежал в верхнем ящике его рабочего стола.

-Так вы этим хотите сказать... - Сулейман не хотел так просто сдаваться. Он открыл глаза, и опустил на стол слегка подрагивающие от волнения руки. - Хотите сказать, что этот лейтенант Безродный ни в чем не виноват? Почему же Вы вовремя не доложили о новых фактах? Или вы считаете, что у Вас нет начальника?

-Извините, - Капитан встал по стойке «Смирно». – Виноват. Но эти данные, мною получены всего три часа назад. Еще просто не успел даже подготовить соответствующие документы. Как, к слову, и подготовить все для освобождения из СИЗО этого невинного офицера.

-Невиновных, как Вы должны знать, мы не арестовываем, - буркнул в ответ Гусейнов. – Так, что потрудитесь немедленно мне принести все документы по этому делу... Военная прокуратура вот-вот подъедет, и как мне прикажете объясняться?

Буквально через два дня после приезда, капитан юстиции из военной прокуратуры, приехавший в Приозерск по делу хищения со склада НЗ топлива прапорщиком Видовым, уже возвращался к себе домой. Без обвиняемых, в полном одиночестве. Но с комфортом.

Прибыв в Приозерск на электричке, он сегодня уезжал отсюда на красивом перламутрово-красном «Фольсвагене». Автомашине, которая, оказалась, уже была официально оформлена на его тещу, и даже располагала нотариальной доверенностью, выписанной уже на его имя. Все эти документы, вместе с ключами, лежали за солнцезащитным козырьком машины. Юридически прокурор был перед законом чист.

Провожающих было не много – полковник Николай Котов и его...верный оруженосец «невольник чести» старший прапорщик Петр Видов, на которого военная прокуратура даже не стала заводить уголовное дело. Так, что во всех его официальных документах, резкое и конкретное слово «воровство», было заменено на более нейтральное - «халатность». И командиру бригады было рекомендовано наказать этого прапорщика лишь ... дисциплинарно.

-Надеюсь, разногласий по этому Делу у нас нет? – Больше для приличия спросил у полковника Котова юрист, и нежно погладил крышу блестящей на солнце, теперь уже своей машины. – Знаете, как говорит наш легендарный сатирик Семен Альтов: *«Страна у нас большая. А закон только – один, поэтому его на всех и не хватает...»* Надеюсь, ваш «протеже» теперь будет внимательнее, и не станет ...с температурой больше выходить на службу.

-И еще, - капитан сел в машину и открыл окно, - этот, ну который не ваш, этот Безродный. Вот ведь как с фамилией ему совпало. Короче, он тоже оказался неподсуден. Убийцей был другой человек, обычный наркоман. Видимо хотел денег, увидел драку, дождался, когда один упадет, стал обшаривать его карманы, а тот очнулся. И этот наркоман, со всей дури, ему нож в сердце. Вот как бывает. Еще круче, чем в кино...

«Я от генерала Миловидова»

Еще через два месяца, в самом конце сентября, когда, казалось, в Москве уже больше не вспоминали о существовании спецподразделении Большакова и о задачах, стоящих перед ним, в этот районный центр - город Приозерск, внезапно прибыл специальный корреспондент Информационного агентства «Аргумент-Центр» Юрий Спиридонов. С виду - невысокий, седовласый, полноватый средних лет мужчина, в потертом джинсовом костюме и лакированных туфлях, он на самом деле оказался подвижным и веселым человеком.

Расположившись в местной городской гостинице «Приозерск», журналист уже буквально на следующий день был в приемной мэра города.

-Вот хотел бы рассказать нашим читателям о вашем регионе, - журналист крепко пожал протянутую руку главы города Кирилла Барышникова. – О людях, предприятиях, конечно же - военных. Особый интерес об экологии...

-Надеюсь, что проблем не возникнет, - улыбнулся мэр, и, немного задумавшись, продолжил. – Хочу Вам предложить нашего специалиста по работе с прессой – нашего, так сказать, пресс-секретаря Алену Кравчук. Она во всем Вам поможет. Жду здесь в кабинете через два часа. Я вас с ней познакомлю.

Когда за журналистом Спиридоновым закрылась дверь, Кирилл Борисович быстро набрал номер домашнего телефона.

-Алена, уже проснулась? – начал он. – Ты мне, насколько я помню, всю плешь проела своим желанием поработать. Так что радуйся - я решил твою проблему. Будешь у нас в мэрии теперь пресс-секретарем...

-Я? Да никогда, и ни за что, в секретарши не пойду, - быстро ответила жена. – Не собираюсь тебе и твоим замам кофе носить. Не для этого за тебя выходила.

-Вот дуреха! Да не секретарем, а моим помощником по работе с прессой, - с улыбкой продолжил Кирилл. – Сама подумай, ну куда я тебя еще у нас могу пристроить, если у тебя всего-навсего 10 классов образования? А так будешь с приезжими журналистами «тусоваться», будет, где твои обложки показывать, перед другими бабами хвастаться.

-Конечно здорово. Но, ведь я того, ничего в этом не понимаю, - рассмеялась в трубку Алена. – Да и пишу с ошибками. Еще спросят чего...

-А где ты сейчас других пресс-секретарей видела? Кому сейчас нужен этот нормальный специалист? - ухмельнулся Барышников. - Везде, куда ни глянь - либо жены, либо родственницы, либо любовницы. Главное - произвести впечатление! Кстати, знаешь, что раньше каждый начальник хвастался своей секретаршей перед другими. Даже было, как негласное соревнование, чья секретарша сексуальнее. А теперь, вот так же набирают и этих длинноногих пресс-секретарей с четвертым номером бюста. Ведь у них жены остаются дома, а с этой «прессухой» и на работе и в командировке.

-А ты моя жена. К тому же, деваха видная! – Он стал говорить более тише. - Зачем нам лишняя баба? А в помощники дам двух настоящих журналистов – они пусть за тебя и работают. Тебе же установлю приличный оклад, как своему первому помощнику. Одним словом, будешь – в шоколаде!

-К тому же журналисты к нам редко приезжают, - продолжил Кирилл Борисович, но по тону которого, было не совсем понятно, успокаивал ли этими словами он жену или уже себя. - А зарплата – ежемесячная, хорошая. Плюс премии. Главное, что фамилия у тебя остается другая - Кравчук. Теперь хоть пригодилось. Ясно?

-Ну ладно, - с хохотом отозвалась Алена. – Действительно, лучше я, чем твоя какая-нибудь шалава - любовница! К тому же, если, действительно, мне делать ничего не надо, а зарплата высокая, то я согласная! Буду твоей этой..., ну как ты сказал там, секретаршей по работе с прессой...

А еще через два часа Кирилл Борисович Барышников передавал своему новому пресс-секретарю, и по совместительству своей супруге, Алене Кравчук все подготовленные ответственным секретарем местной редакции Ярославом Гибко документы о жизни города Приозерска.

Заглянувший к ним журналист Юрий Спиридонов, как и предстояло галантному джентльмену, вручил Алене огромный букет алых роз, не позабыв восхититься ее обаянием и лучезарной улыбкой. Он с большим интересом просмотрел все имеющиеся в папке материалы, поговорил с мэром.

-Вы не подскажете, - улыбнулся он хозяевам кабинета. – А какие, на Ваш взгляд, значимые события пройдут в Приозерске в ближайшее время? Хочется что-то, поистине горячее, ну, специально для меня...

-Вы наверное слышали, - немного подумав начал Барышников, - что военнослужащие нашей бригады – ну той самой части, которая у нас расположена, воевали на Кавказе. Только недавно возвратились. Так вот, генерал Алишер Неверовский из Москвы, узнав об этом из «Красной звезды», вот уже почти два месяца готовит у нас в городе специальную встречу ветеранов боевых действий – как интернационалистов, так и тех, кто был миротворцем. Ну, и мы к этому мероприятию тоже готовимся. Торжественное собрание состоится в нашем драматическом театре, а фуршет – в ресторане гостиницы. Там же, в гостинице, для многочисленных участников заказаны и номера. Будем рады, если вы - как пресса - тоже примите участие в этом мероприятии участие.

-Хотя, я человек сугубо гражданский, срочную службу не служивший, - улыбнулся Спиридонов. - Но почту за честь принять участие в таком мероприятии. Кстати, мне

сказали, что у вас теперь здесь есть и какое-то подразделение, специальное, которое как раз готовят в миротворцы? Это так?

-Слышал что-то, - соврал Барышников. – Думаю, вам лучше с этим вопросом обратиться к командиру бригады полковнику Юрию Викторовичу Ковалевскому. Он у нас начальник гарнизона – всему военному здесь «голова».

-И, если что, какие еще вопросы появятся, - прошу к нам, - добавил Кирилл Борисович, - И я, и Алена Михайловна Кравчук в вашем распоряжении.

Отлично понимая, что за ним могу наблюдать, журналист на специально для него выделенной служебной машине приехал к городку. Командир бригады, уже предупрежденный мэром, встречал Спиридонова у ворот.

-Очень рад гостям из столицы, - почти откровенно врал, приветствуя представителя прессы, улыбающийся Ковалевский. – Всегда с интересом просматриваю вашу информационную ленту – мне ее копию привозят из редакции городской газеты. Встречал вашу фамилию не раз. Не ожидал, что буду знаком лично. Вы к нам каким ветром?

-Попутным, - тоже улыбнулся этой игре Спиридонов. – Хочу рассказать нашим читателям о жизни самого рода Приозерска, ну, и, конечно же, о его защитниках.

-Да у нас есть отважные ребята, - начал полковник. – Вот недавно памятную стелу погибшим героям открыли. Многие из них награждены государственными наградами. К слову, мой заместитель по работе с личным составом подполковник Александр Родченков, пропал на этой войне без вести, хотя его фамилию тоже здесь увековечили. Теперь уже к сожалению, посмертно, но его вдове передали боевую медаль. Так что можете о нем написать.

-А что за мероприятие ожидается у вас вскоре с «афганцами»?- с интересом переспросил Спиридонов. - Меня тут глава города пригласил.

-Ну, насколько я знаю, это вроде его личная инициатива, - быстро ответил Юрий Викторович. – Он со мною по этим вопросам не советовался. Я только слышал, что этот генерал Неверовский из Службы внешней разведки решил у нас организовать какое-то серьезное мероприятие. Приглашены наши ветераны, «афганцы», именитые люди бизнеса. Вроде обещают даже огромный праздничный концерт. Мы так, на этом празднике жизни больше на подхвате – торжественный караул, оркестр, парадная коробка...

И переспросил:

-Так мне вдове подполковника Родченкова о Вас рассказать?

-Конечно, - расплылся в улыбке Спиридонов. – Страна должна знать своих героев.

Пожав протянутую журналистом руку, Ковалевский повернулся и зашагал к штабу, даже не пригласив Спиридонова в часть.

Елена Родченкова, сразу же после звонка мамы, отправилась на поиски Спиридонова в гостиницу. Журналист расположился на третьем этаже старого здания гостиницы, где после ремонта теперь размещались «люксы». Дверь в его номер была слегка приоткрыта, в ванной текла вода, и кто-то пел. Точнее, это была не песня, а точнее какое-то, пусть даже местами мелодичное, но обычное бормотание слов. Она прислушалась. Вроде, похоже на слова известной песни про зайцев, из комедии «Бриллиантовая рука».

-К Вам можно? – Робко поинтересовалась девушка, предварительно постучав в дверь. - Мне нужен Юрий Спиридонов, журналист из Москвы.

-Входите, я сейчас, - мужчина прекратил петь, и, высунув мокрую голову из ванной комнаты, с интересом стал рассматривать гостью.- Извините, дверь забыл на ключ закрыть. Прошу минуточку. Вот только красоту у себя наведу, и весь – ваш. Проходите, не стесняйтесь!

Алене он показался совсем старым – около пятидесяти, седой. Но, с очень добрыми глазами, и с огромной белой бородой из пены. В правой руке он держал бритву.

-Извините меня, - улыбнулась Елена, но журналист вновь исчез в ванной. – Моя фамилия Родченкова, вы хотели с нами поговорить.

-Конечно, я теперь понял, вы - дочь того отважного офицера, - Спиридонов вновь возник в дверном проеме, - буду признателен, если вы буквально подождете еще несколько минут, пока я не приобрету презентабельный вид для беседы. Присаживайтесь, там в холодильнике – бутылочка холодного лимонада. Я сейчас...

Еще буквально через минуту он появился вновь.

-Очень рад, меня зовут Юрий, - представился он девушке.

-А по отчеству? – робко переспросила она.

-Ну вот, видимо, достиг того возраста, – изображая обиженного, с улыбкой парировал Спиридонов, - когда мне в автобусе и метро будут уступать место, а пионеры - переводить через дорогу. Ну, если, Вы из этих «тимуровцев», то тогда – Александрович. Хотя у журналистов не принято отчество...

-Нет, я не из них, - улыбнулась девушка. – Меня зовут Лена. Я, кстати, ваша коллега, тоже журналист.

-Браво! - Расцвел в улыбке Спиридонов. – И какую тему ведет в вашей газете такое молодое дарование?

-Начинала с экологии, - расправила плечи Елена, и ответила не без гордости. – Пробовала себя в журналистских расследованиях. А сейчас «курирую» проблемы армии и милиции.

-Вы просто моя находка, - журналист попытался сделать серьезным лицо. – У вас есть, что из материалов нам предложить?

-Я могу вам дать свое расследование, - сразу же сказала Родченкова. – Там и про армию, и про экологию. Так получилось, что из нашей бригады вывезли несколько самосвалов с углем, и утопили его в болоте.

-Не понял, - переспросил Спиридонов. – Зачем это сделали?

-Просто хотели сделать хуже вновь прибывшему к ним батальону Большакова, - со знанием дела ответила девушка. – Даже казарму им разбитую отдали. Солдаты только на днях ее окончили ремонтировать. Жили сами в палатках на улице. Там в бригаде есть такой неприятный тыловик – Николай Котов. Это, уверена, его работа.

-И вы это все сами расследовали?

-Ну, что-то сама, где экологи и школьники помогли, а что-то увидела сама, да и подполковник Николай Большаков рассказал.

-Конечно же, беру ваш материал, - расплылся в улыбке Спиридонов. – Но только с условием, что представите меня вашему Большакову. А пока – к вам домой, разговаривать о героическом отце. Мама, надеюсь, уже ждет?

Из гостиницы до военного городка они шли пешком, особо не торопясь. Елена рассказывала о жизни в гарнизоне, военном городке, работе в редакции. Про то, как написав материал об утопленном угле, она узнала, что главный редактор его снял из номера. И только из-за того, что в материале была критика мэра и командира бригады.

Юрий Спиридонов улыбался и кивал головой, а сам думал о том, что в городе все не так просто, как могло бы показаться с первого взгляда. Он обратил внимание на нескольких молодых людей, которые, сменяя друг друга, «вели» их по городу. Главное, необходимо было переговорить с Большаковым, но, для всех что бы казалось, что инициатива исходит не с его стороны. Должно сложиться впечатление, что его случайно познакомили с этим командиром нового подразделения. И никак не иначе.

Журналист не ошибался. Это были люди криминального лидера Олега Волика. И они, действительно, внимательно следили буквально за каждым шагом столичного гостя. Это был приказ.

Поговорив всего несколько минут со Спиридоновым, полковник Ковалевский скорее интуитивно почувствовал особую опасность исходившую от этого, казалось бы, совсем дружелюбного человека. Поэтому и поставил задачу – жестко контролировать каждый его шаг, каждую встречу, пусть даже случайную, мимолетную. И обязал докладывать об этом лично ему – истинному «хозяину этого города», за который он и несет ответственность.

Подполковник милиции Сулейман Гусейнов, так бездарно проваливший дело об убийстве на свадьбе, пытался реабилитироваться в глазах Ковалевского, выложив на его стол краткую справку на журналиста Юрия Спиридонова. Комбриг открыл папку, и быстро ее пролистал. Обычная справка, ни чем не отличающаяся от сотен других – учился, работал... Ни одной зацепки...

-Может, у страха глаза велики? - Про себя подумал Ковалевский. – Может просто показалось? И этот журналист не имеет никакого отношения к тому, о чем ему сообщили из Москвы. Что, мол, руководством Приозерска и им лично интересуется государственная безопасность, и что сейчас в городе находится какой-то очень высокопрофессиональный оперативный сотрудник, работающий под прикрытием. Этот ли или кто-то другой?

Но как бы там ни было, а слежку Ковалевский приказал не снимать.

Встреча с подполковником Николаем Большаковым произошла, как Юрий Спиридонов и предполагал, для всех как бы совершенно случайно. Лена увидела командира батальона у выхода из здания Универмага гарнизонного военторга, и, как обычно, громко позвав его по имени, помахала рукой.

Большаков, сам давно искавший повод в очередной раз хоть краешком глаза увидеть красавицу, быстро подошел к ней, и, немного смущаясь, пожал ее протянутую ладонь. И только затем перевел взгляд на ее попутчика.

-Николай, хочу Вас познакомить с моим коллегой из Москвы Юрием Спиридоновым, - быстро прошептала Елена. – Он приехал писать о нас. Вчера весь вечер сидели у нас на кухне, пили «Индийский чай» со слоном» под мамины плюшки, и рассказывали про папу, про его службу. Даже медаль его показали.

-Я тоже Юрию хочу передать свой материал про утопленный уголь, - не останавливаясь, быстро продолжила она. – Он ведь еще актуален? Потом, еще Вы ему расскажите про воровство бензина со склада. А то у нас в газете опять ничего не дадут...

-Ну вот, меня уже Вам представили. - Журналист протянул Большакову свою большую ладонь. – Очень хотел с Вами познакомиться, ведь Вы здесь, оказывается, достаточно известны.

-Да Вы что, – ответно улыбнулся офицер. – Лишь один из многих. Очень рад, тем более, что Вас представила одна из лучших журналисток Приозерска. Я действительно подполковник Большаков, Николай Алексеевич. Командир батальона, в перспективе – батальона миротворческих сил.

-Может, Вы уделите мне немного своего времени. – поинтересовался Спиридонов. – Хотел бы сделать материал о ваших подчиненных. И не беспокойтесь, разрешение в пресс-службе военного округа, мною уже получено заранее.

-Ну, тогда я не просто должен, а обязан вам помочь,- улыбнулся Николай. – Так как мы больше не в казармах, а на полигоне, то я вас жду у ворот КПП после обеда. Леночка, вы с нами?

-Нет, вы меня извините, работы много, - девушке очень понравилось, что Николай сразу же поддержал ее в разговоре, более того – похвалил, и от того она с нежностью посмотрела на этого, очень ей нравящегося, статного молодого мужчину. – А вы, после возвращения, вдвоем, к нам вечером приходите на плюшки. Мама очень обрадуется.

Криминальный дозор Волика отлично видел, что девушка представила журналиста Большакову. Потом они пожали руки и все разошлись. Девушка уехала в редакцию, Спиридонов – в гостиницу, а подполковник – в отремонтированную казарму своего батальона. Так и точь-в-точь и доложили Ковалевскому.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль, УАЗ Большакова забрал от контрольно-пропускного пункта военного городка столичного журналиста. В машине Спиридонов больше молчал, а Николай, на правах хозяина, рассказывал попутчику о городе, о батальоне, о тренировках. Они свернули с асфальтовой дороги у поста ВАИ, и, по гравийной дороге устремились вглубь леса. Минут через пятнадцать, когда машина уже почти съехала на раскисшую земляную дорогу с отпечатками танковых гусениц, справа в глубине показались огромные закрытые ворота с красными звездами.

-Это наш танковый батальон, - заметил Большаков. – Там всем «рулит» мой друг майор Сережа Арутюнов, отличный офицер. А чуть впереди, сейчас увидите, у нас соседи – две исправительно-трудовые колонии. Каких тут только «отморозков» нет...

И как бы в подтверждении его слов, Спиридонов увидел слева, чуть уходящие вглубь, огромны высокие заборы с колючей проволокой в несколько рядов. Дорога вела дальше в лес. И буквально через два километра, машина выскочила на огромное поле, усыпанное вышками для стрельбы, которые отделяли обычный стрелковый полигон, от танковой директрисы, тактического поля пехоты и многокилометровой трассы для вождения тяжелой техники.

-Далеко не уезжай, - Николай проинструктировал водителя. – Мы попытаемся пройти по все учебным точкам быстро. Все покажу, и обратно в часть. У нас еще много работы.

Они поднялись на первый, пока еще пустой, этаж ближайшей стрельбищной вышки. Отсюда хорошо был видно все огневое поле. Подчиненные майора Юрия Потапова, отработав выстрелы по мишеням из автомата и ручного противотанкового гранатомета, сейчас собирались попробовать себя за прицелом пулемета.

-Ну что, Николай Алексеевич, - Спиридонов еще раз, оценивающе посмотрел на офицера, и, улыбнувшись, добавил. – Я сюда – к вам лично привез привет от генерала Миловидова...

И, увидев на лице офицера непонимание, тут же еще раз представился:

-Подполковник Спиридонов Юрий Константинович, Главное управление Генштаба. Но вот уже давно тружусь под эгидой журналиста.

Конечно, Николай узнал это лицо. Да, сразу же вспомнил, как несколько раз встречал там - еще в Таджикистане - в штабе этого русского незнакомца. Тогда еще удивился, откуда здесь в кабинете наших контрразведчиков гражданский мужик.

-Да-да, - как бы читая мысли Большакова, продолжил Юрий Константинович. – Мы с Вами уже виделись, я и тогда тоже к вам приезжал по приказу Миловидова. Вот и сейчас прибыл, так сказать, опять вас поддержать. Ну и заодно, прояснить ситуацию в гарнизоне.

-В Москве, каких только слухов не ходит о руководстве Приозерска, - продолжил он, - и, конечно же, о вашем «друге» - начальнике гарнизона Ковалевском. Пока решили ничего не светить. Начали с ареста капитана из военной прокуратуры. Вы помните, это который незаконно закрыл дело проворовавшегося прапорщика. Того, что задержали ваши подчиненные. Так вот, этот прокурор уже дает показания...

-Почему же к вам подошел таким необычным образом? – Спиридонов посмотрел на дверь. – Хотел. Но сразу же по приезду, почувствовал за собой слежку. Причем очень не профессиональную, скажу, просто грубую. И даже сказал – какую-то очень блатную. Вначале подумал, что показалось. Следили и вчера, и позавчера. Сегодня заметил их снова. Они нас вели по асфальту до самого поста ВАИ, а потом, видимо, машину пожалели, не свернули на разбитую грунтовку.

-Я тоже на нее обратил внимание, - продолжил Николай. – Даже зеркальный номер запомнил. У меня тут тоже много необычного. Мне кажется, что здесь вновь появился погибший «Хирург». Или под него очень кто-то красиво работает. Я потерял единственного свидетеля, кто его видел в лицо. Да и убита наша девочка Эльза Курманалиева.

-Да, мы в курсе, - сказал Спиридонов. – Хотя до сих пор не можем понять, как Ширали Намиев, тот самый «Хирург» мог даже чисто теоретически остаться живым и тогда в Чечне. Есть еще один свидетель, который собственными глазами видел его в машине, перед тем, как туда попала ракета. И этому свидетелю, поверь, стоит верить. Это я сам...

-Вы видели в лицо «Хирурга»? – Удивленно переспросил Большаков.

-Видел, как Вас, - продолжил Юрий. - Правда, тогда я работал «под прикрытием» – был корреспондентом радио «Свобода» по имени Сергей Федоров. Меня туда внедрили еще в начале 93-го, когда в Генштабе поняли, что все идет к этой войне. Представлял меня «Хирургу» тогда человек от самого Басаева – тот самый Джохар Такаев, к слову, которого у вас повесили в гостинице.

-Вот тогда я и «маячок» на его машину лично поставил, - завершил он свои недавние воспоминания. - Мы потом, в фрагментах тела во взорванной машине этого Ширали, нашли его золотую печатку с монограммой - буквой «А». По этому перстню, его и опознали другие...

-А почему, вдруг буква «А»? – переспросил Большаков. – Ее ведь нет в его инициалах.

-Для него этот знак не имя и не фамилия, - ответил Юрий. – Это что-то вроде такой бандитской отметки – вроде всегда и везде он первый! Никогда, гад, с этой печаткой не расставался. Теперь она, по праву, заняла свое законное место в нашем музее.

-Я тоже его руку с этим перстнем никогда не забуду, - на глазах Николая появилась слеза. – Этот «Хирург» был там в палатке. Братишку ударил этой печаткой, а потом - застрелил... Скажите, Вы уверены, он действительно уже мертв?

-Когда вы сообщили генералу Миловидову, что есть мысли по поводу «Хирурга», что он может остался жив, и находится где-то в Приозерске, - Спиридонов закашлялся, бросил сигарету, и через окно, посмотрел на выполняющих внизу учебные стрельбы военнослужащих, - генерал меня сразу к вам отправил. Все же я этого зверя видел лично. Могу опознать. Если он, конечно, жив. А не кто-то работает под него...

На следующее утро, полковник Ковалевский в своем кабинете инструктировал мэра Барышникова.

-Кирилл Борисович, - начал комбриг. – Знаете, какая сложная ситуация сложилась в городе. ЧП идет за ЧП. И тут еще работает корреспондент из Москвы. Прошу вас, по возможности, ограничить его общение, как с военными, так и с гражданскими. Тема про топливо и уголь, да и вообще про слабые стороны городской инфраструктуры – закрытые темы. Да, и попросите Вашего нового пресс-секретаря взять на полный контроль работу нашей районной газеты. Спиридонов должен увезти отсюда лишь один только позитив. Вам понятно?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КАПКАН ДЛЯ ТЕНИ

Чужая биография

После завершения той памятной специальной операции под Карабуло в июле 1993 года, «Хирург» внезапно исчез из отряда. Правда, при этом, передав все командование своему лучшему другу и заместителю – Алишеру Бурхуну. В тот раз, они вовсе не ставили перед собой задачу выполнить полностью поставленную перед ними задачу и доставить в Пакистанский госпиталь необходимые донорские органы, вырезанные в тот день у русских солдат.

Главная цель операции была иной - пленить офицера Большакова. Объяснить, что он «кровник». Забрать отцовский пчак. И потом сделать этого Николая инвалидом – с коляски смотрящим на то, как умирают его близкие люди.

Но все пошло несколько не так, да и кинжала при нем не оказалось. Поэтому «Хирургу» пришлось действовать по запасному варианту. Более сложному, долгому. Тогда Большакову, казалось, удалось спастись лишь чудом. Хотя, и это была его мнимая свобода. Офицер даже не догадывался, что оставался под полным контролем Ширали Намиева. Отныне, ставшим его «тенью»...

Понимая, что пограничники будут искать его в первую очередь в доме отца, «Хирург» появился там первым. Намиев быстро прошел по всему пустующему после смерти отца дому, собрал все фотографии, на которых он был изображен, и все, касающиеся семьи, документы. Потом сложил их посередине комнаты, и, облив специально принесенным бензином, сжег. Потом, «Хирург» вышел на улицу, и исчез навсегда...

Следующий раз Алишер Бурхунув увидел «Хирурга» уже в Душанбе весной 1994 года. Тот сам просил о встрече. Намиев был хорошо одет, тщательно побрит, в огромных солнцезащитных очках, и вовсе не был похож на разыскиваемого Интерполом полевого командира.

Они сидели в самом центре города, в небольшом уютном кафе прямо на улице в парке, и спокойно разговаривали. Ширали специально занял именно это место в кафе. Он сидел в пол-оборота к проходящим мимо людям, и яркие лучи солнца, бьющие из-за его спины, не давали возможность всмотреться в его и так закрытое черными очками лицо, сверху прикрытое бейсболкой.

-Добрый день, Алишер, - совсем по-светски приветствовал Ширали своего друга, и предложил присесть. – Извини, раньше не мог появиться. Как гончая шел по следу своего «кровника» Большакова. Дома и даже в школе у него побывал. «Приветы» оставил... Его не трогал. Пусть там сейчас грызет гранит науки у себя в пограничной Академии...

-Значит, умрет умным академиком, - рассмеялся Алишер.

-Точно сказал, - улыбнулся «Хирург», и потом спросил с интересом. - Как там наше подразделение?

-Трудно стало, хозяин, - с восточным уважением к командиру ответил Бурхунов, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. – Русские с новыми пограничниками перекрыли везде и все. Еле выживаем... От того отряда, что Вы знали – всего осталось несколько человек. Остальные погибли...

-Так, давай вывешивай «объявление» - усмехнулся «Хирург», - объявляй мобилизацию из бедных и обиженных, пополняй ими наш отряд. Ну, а если серьезно, мне нужны профи. Набирай из бывших спецов.

-На обещания богатств не скупись, - немного подумав, четко распорядился он. – Мой давний приятель - чеченский командир Шамиль Басаев нас к себе в гости зовет. Обещает и стрельбу по живым мишеням, и отличные зеленые деньги за это. Так что теперь, видимо, только туда... Меня с вами не будет, я тут уже нашел себе одно местечко, и надеюсь вскоре, не без твоей помощи, продолжу дальше двигаться.

-Да, и еще, - Ширали ближе наклонился к уху друга. – Как и раньше, о тебе и обо мне для всех окружающих - минимум информации. Все наши люди должны знать только своих непосредственных командиров. Не более. И главное - для всех, отныне там в Чечне, Ширали Намиев, тот самый «Хирург» - это ты! А я, если и появлюсь на какое-то время в отряде, то только лишь, как твой заместитель, и, при этом, вечный человек в черной маске. Ясно? Если спросят, почему в маске – можешь придумать что-то сам. Типа, у меня шрам через все лицо от ожога.

Потом «Хирург» с огромным трудом буквально скрутил с пальца золотую печатку с монограммой «А», и передал ее Бурхунову.

-Этот перстень тебе больше подойдет, - улыбнулся Ширали.- Тем более, что для всех, не забывай, именно ты – командир. Да, и еще, учти, я дорожу нашей многолетней дружбой – отец отправил нас с тобою учиться в медресе, потом по учебным заведениям, даже вместе нас обоих вербовали англичане. Ты стал мне не просто другом, а родным братом. Так что я о тебе должен беспокоиться. Думаю, что тебе надо срочно найти себе двойника. На всякий случай. Если потребуется – пусть ложится под нож хирурга. Учти, вы отправляетесь в Чечню не на отдых, а воевать. Так что этот клон должен быть всегда где-то рядом с тобою. Почувствуешь что-то рискованное – отправляй только его. Деньги не жалея, они у нас с тобою общие.

Следующий раз они встретились уже в окрестностях Грозного в конце января 1995 года. Где успешный «неподконтрольный никому» полевой «командир Намиев», уже в звании «бригадного полковника», проводил свою четвертую за последние полгода карательную операцию.

Когда же настоящий Ширали, в своей полумаске, вошел в комнату «Хирура», сидящие на совещании боевики поспешили на выход. Зная, что пришедший – лучший друг их командира - Алишер Бурхунов, его заместитель, скрывающей под нею огромный шрам на лице.

-Слава Аллаху! Ну, наконец-то, - вскочил на ноги уставший за эти полгода настоящий Алишер.

-Я слышал, тут у вас какой-то независимый журналист с радио «Свобода» появился? – Буквально с порога поинтересовался Намиев, все еще не снимая маски. – Чувствую он чужой. Не верю ему. Скорее всего – засланный федералами человек. Тут на войне в этой России нам никому нельзя доверять.

-Но, мне его лично Джохар Такаев - один из людей твоего друга Басаева порекомендовал, - повел плечами Алишер. – Он тоже вчера у меня интервью брал, ну как у «бригадного полковника» Тимура Акгаева. Хотя, знаешь, я почувствовал, что он

знает, что я и есть тот самый известный «Хирург», хотя ему никто не слова ни сказал. Он также сообщил, что завтра организована моя встреча с Басаевым. Я сразу перепроверил - этот журналист Сергей Федоров говорит правду.

-Больше с этим писакой не встречаться, - кратко распорядился Намиев. – Вместо тебя, с ним попрощается, из далека и причем без слов, твой двойник. Он и поедет на твоей же машине на встречу к Шамилю, вместо тебя. Если никакой трагедии не произойдет – отправишься через несколько часов следом. Потом извинишься. Басаев все поймет. Тут, сам понимаешь, как говорится, береженого...

-Так что, к утру клона переодень в свое, и, главное, не забудь обязательно надеть ему на палец мою золотую печатку. Пусть даже, только на время поездки... Если этот журналист Федоров действительно независимый, то будет жить.

-Если же работает на федералов - убьем. А пока нам только на руку, что Ширали Намиев давно здесь в Чечне. Это уже отлично. И если же я прав, что он засланный, то твой клон «Хирурга» официально погибнет где-то в уже запланированной федералами засаде. И это тоже нам будет только на руку.

-И какие наши действия? – переспросил Алишер.

-А что нам? Деньги получены, мы больше никому ничего не должны, - четко ответил «Хирург». – Ты с ребятами через несколько дней – в отпуск. Выбирай – в Турцию или в Грузию... Отдохнете, раны залечите. Сбор в марте. Позже скажу где, и что будем делать.

К слову, пока мне лично понадобится от тебя один профессионал, с безупречной репутацией и непроверяемой биографией, подкрепленной совершенно чистыми документами. Найдешь?

-Человек такой есть, - подумав, так же четко ответил Бурхунов. – Я давно к одному присмотрелся. Он из так называемых - «местных дудаевских добровольцев». Хотя, лично мне кажется, что он все же сюда «прикомандированный» профессиональный разведчик. Точнее, может даже бывший разведчик. У меня на них еще с Афгана глаз наметан. Сам посмотришь. Думаю, он, скорее всего, из Пакистана. Таких людей там готовили к войне с русскими. Я ведь со многими подобными ребятами пересекался. Плюс видно, что он не рядовой любитель повоевать, как многие здесь залетные с Украины и Прибалтики. Чувствуется у него офицерская выправка, боевой опыт, афганская полевая выучка, отличная оперативно-специальная подготовка, и, при этом, конечно же, хорошее знание русского языка.

-Что же касается необходимых документов и биографии, - продолжил Алишер, – то тут проблем совсем нет. Через эту чеченскую мясорубку проходит ежемесячно столько военнослужащих, что можно смело подобрать кому угодно любой комплект документов, даже с его личным делом можно ознакомиться. Правда, все это только стоит здесь тоже немалых денег. Но для нас, Ширали, проблем нет. Найдем вам «казанскую сироту», из глухой деревни, которого никто и никогда проверять не станет...

-Хорошо, пусть ваш пакистанец, не привлекая внимание, будет здесь у меня в этом кабинете сегодня к вечеру, - распорядился «Хирург». – И еще найди двух хороших подручных – инженера и сапера – я их всех троих заберу с собою уже сейчас. Остальных, как сказал – с тобою на отдых, и деньги им дай, заслужили...

-Извини, Ширали, - немного подумав, обратился Алишер к «Хирургу», - конечно же, это не мое дело, но ответ – мы действительно преследуем этого русского Большакова только из-за кровной мести, или есть еще какая-то причина?

-Дорогой брат, - Намиев внимательно посмотрел на своего давнего друга. – Пусть все вокруг и всегда думают, что он мой «кровник» и я только потому преследую. Не торопи события. Скажу только одно – ты не разочаруешься. К тому же нам еще нужен кинжал моего отца...

Ровно в восемь часов вечера в тот же вечер, доброволец с веселым позывным «Турист», появился в комнате «бригадного полковника» Алишера Бурхунова. Темный, невысокий, спортивный, он действительно особо не выделялся из общей

массы остальных находящихся здесь «восточных добровольцев». Приняв предложение войти, он весьма уверенно расположился на стуле чуть в метре от стола, и, поставив у ноги автомат, молча стал рассматривать хозяев комнаты. Обратив внимание на уже знакомого ему «Ширали» и пока еще неизвестного военного в камуфляже и в черной полумаске. «Хирург», в свою очередь, тоже с интересом рассматривал умные и слегка настороженные глаза незнакомца. Да, прав был Алишер - это настоящий пакистанский офицер.

- Мне не важно, кто Вы, и откуда сюда прибыли, - вдруг прервал затянувшееся молчание стоявший в стороне человек в маске. – Придуманная для всех «легенда», мне тоже не нужна. От Вас мне требуется только полное доверие и преданность. Так как хочу предложить работать на меня. Нужен профессионал. Взамен - высокая оплата, плюс 100-кратное выходное пособие, по завершению операции. Ну а если и не очень успешному – то 40 окладов.

- Вы, пока неизвестный мне, но, очень уважаемый человек, просто ошиблись, - улыбнулся «Турист». - Вам необходим, видимо, кто-то другой. А я здесь, как уже говорил, просто «солдат удачи». С русскими воюю не только по убеждению, но и за хорошие деньги.

Ширали сделал разочарованное лицо, и медленно протянул руку в сторону лежащего на столе пистолета. Краем глаза увидев, как «Турист», скорее автоматически подхватил тут же стоящий у ног автомат. Делая вид, что ничего не произошло, Намиев взял в протянутую руку лишь пачку сигарет, небрежно лежавшую рядом с оружием.

- Да, судя по всему, - оценил про себя мгновенные действия гостя Намиев, - у Алишера глаз действительно, как у сокола, все видит насквозь. Этот солдатик – очень хорошо профессионально подготовленный военный, и с отменной реакцией.

- Еще раз вам предлагаю работать на меня, - Ширали закурил сигарету, вытащенную из взятой им пачки, и подошел вплотную к сидящему «Туристу». – Меня зовут – «Хирург». Надеюсь, вы обо мне слышали? Учтите, больше предлагать не стану.

- Но, если согласитесь, - продолжил человек в маске. - Станете на время другим человеком, кристально честным и исполнительным. При этом, будете выполнять все мои распоряжения. Сделаете – станете богатыми. Оплатой, как я уже говорил, останетесь довольны. И вам не придется больше рисковать жизнью, тем более здесь, и за копейки. Подумайте. Мы уходим отсюда ровно через три дня...

Как Ширали Намиев и предполагал, выработанное годами чутье зверя, не подвело его и в этот раз. Тот самый столичный журналист из «Радио свободы» Сергей Васильев пропал из лагеря боевиков рано утром, буквально сразу же после того, как двойник «Хирурга» и сопровождавший его человек в черной маске, помахав ему рукой, отправились на встречу с Басаевым. Вскоре Намиеву сообщили, что через двадцать минут после отъезда, в их машину попала ракета, «случайно» выпущенная федеральными войсками.

Так что теперь, прикрывшись для всех уже официальной гибелью «Хирурга» и его заместителя на Кавказе, самому Ширали Намиеву и его другу Алишеру Бурхуну можно было смело исчезнуть от всех. В том числе, официально «погибнуть» и для российских спецслужб. Предоставив им в доказательство – найденную золотую печатку с монограммой «А» на месте взрыва, и обгоревшую черную маску, закопченные вместе с фрагментами тел на месте взрыва. Потом было, «обязательное» захоронение «остатков» двух полевых командиров на родине в Таджикистане, рядом с могилой отца Ширали Намиева. Ну а потом, став невидимкой, они действительно для всех исчезли.

Правда, отправившиеся в Турцию на отдых Алишер и его группа, не знали о том, куда и, на сколько, вновь исчез их командир.

А у «Хирурга» забот было много. Но главное - это глубокое внедрение того самого «Туриста», благо большие деньги могли в эти годы безвременья решить любые возникавшие проблемы. Потом Ширали Намиев, не без помощи своих двух подручных,

отслеживал каждый шаг Большакова. Он успел организовать: «случайную» гибель директора интерната, «внезапную» неисправность самолета в Анапе, «непонятное» убийство одного из контрактников вместе с его невестой, у ворот столичной бригады, умертвил уже в Приозерске Эльзу Курмангалиеву....

Ну и, конечно же, лично приказал повесить предателя - того самого чеченца Бакаева, случайно увидев его в гостинице Приозерске. Сам этот приезжий, конечно же, не представлял лично для «Хирурга» опасности. Но Ширали знал, что тот еще в Чечне работал на «врага», именно он привел к Намиеву того самого журналиста Сергея Васильева, который, видимо, и организовал его «гибель».

Теперь, Ширали уже на протяжении многих месяцев, буквально ежедневно контролируя практически каждый шаг Николая Большакова, был уверен, что ему еще оставалось сделать всего пару ходов – чтобы этот пограничник захлебнется своей собственной кровью. Но для такого финала Ширали вновь требовался его «турецкий отпускник» - Алишер Бурханов. Именно ему, в последнем действии этого многоходового спектакля, отводил он ключевую роль. Немаловажно было возвратить и отцовский кинжал. Обязательно...

Прежде всего, требовались еще деньги. Очень много денег. Поэтому Бурханов, совмещая приятное с полезным, по приказу «Хирурга» всю весну 1995 года летал со своими ребятами из Турции в независимые ныне республики бывших стран СССР.

Там, опять пользуясь неопределенностью властей, они «чистили» многочисленных коммерсантов, их банки, домашние сейфы. Большинство «нуворишей», отлично понимая последствия, все отдавали сами, полагая, что лучше потом заработают еще. В ином случае, бандиты действовали дерзко и нагло, убивая любого встававшего у них на пути - сотрудников милиции или любого с ними не согласного. Не стеснялся Алишер со своей командой «почистить» даже «общаки» известных воров, не оставляя их в живых, тем самым создавая себе гарантию безопасности.

Теперь же, уже в начале июня 1995 года, вновь не без помощи Ширали Намиева, его подручный с «большим уловом», сразу же из Турции перебрался в Москву, и обосновался в гостинице «Украина».

Окна его дорогого номера смотрели прямо на Белый дом, недавно восстановленный после «демократического расстрела» 93 года. Теперь, самое главное, было необходимо не отходить от расписанного заранее буквально по дням сценария.

За первые две недели счастливой жизни в гостинице, Алишер, как и предполагалось, объехал все ночные клубы столицы. И уже через неделю он познакомился с Кристиной. Этой длинноногой блондинкой, лет двадцати шести, которая, как уверяли его новые друзья в клубе, имеет значительные связи не только на уровне столицы, но и выше. И вовсе не потому, что красавица была чьей-то дочерью или женой, а исключительно в силу ее профессии. Которую, в начале 90-х, все вдруг стали называть на европейский манер очень красиво – «ночной бабочкой».

Но если до 1991 года у нас, в СССР, официально таких «девушек легкого поведения» не было, то после распада страны, их количество уже даже не поддавалось точному подсчету. Более того, все востребованные на этой ниве женские тела четко квалифицировались на своеобразные «касты», выстроенные в виде пирамиды.

Тех, кто был в ее основании, всегда называли – «плечевые». Видимо, в первую очередь из-за того, что именно они держали на «своих плечах» всю остальную огромную пирамиду секс-индустрии. И именно их огромное количество во всех крупных городах обеспечивали своим «личным товаром» всех «страдальцев» мужского пола, обосновавшись, в своем большинстве, на вокзалах или на стройках.

Вторую снизу, более дорогую ступень - занимали уже группы девушек, стоящих на всех выбегающих из городов трассах, причем за чертой населенных пунктов.

Третья ступень снизу – была отдана девушкам, продающим свою любовь тоже на улице, но уже в черте города. В зазывающих кротких юбках и цветных курточках, одежда которых не меняется даже в разные времена года.

Что касается тройки «лидеров», то тут почетное третье, правда уже сверху, место прочно занимали «ночные бабочки», трудящиеся в кафе и ресторанах, выезжающие по телефонному звонку, а также оказывавшие услуги у себя в квартирах.

Второе место взяли девушки, организовавшие «свою работу» во всех многочисленных городских гостиницах, справедливо понимая, что лучше и безопаснее заглянуть на огонек к хозяину теплого номера, чем работать на улице. Тем более, что на ресепшен, уже записаны все его паспортные данные. Правда, с учетом «налога» от администратора, цена «за ночь» тут значительно выросла....

Ну, и почетное первое место, практически безоговорочно доставалось тем «жрицам любви», кто расставлял свои «сети» исключительно в валютных гостиницах и ресторанах столицы, дорогих ночных клубах крупных городов. К этой самой дорогой «касте» относились не только длинноногие красавицы из модельных агентств и творческих коллективов, но и уже зрелые, обеспеченные женщины. И если для первых, это была возможность вырваться в люди и реализовать появившийся с годами работы комплекс «секс-Золушки», то для вторых, это был лишь своеобразный необычный способ совмещения приятного с возможностью общения с молодыми мужчинами.

Так вот у Алишера новая знакомая - Кристина Неверовская, была как раз из девушек этого именно этого «высшего», и так сказать, очень «элитного» разряда. Днем она «серой мышкой» работала обычным воспитателем в детском саду, отработывая кем-то купленный институтский диплом пединститута. Ну а вечером, перевоплотившись в кукольную «Барби», участвовала в эскорте «олигархического VIP (очень важных персон)» на все важные столичные мероприятия. Куда «новая российская элита» предпочитала ходить без своих уже объективно стареющих среднестатистических супругов.

Кристина сопровождала этих богатых разномастных чиновников за очень хорошее вознаграждение. Даже не смотря на то, что они были все ненавистны ей – эти толстопузые, старые и плешивые, с волосатыми спиной, грудью и короткими пальцами, и, в дополнении ко всему, еще и засаленным порочным взглядом.

Потом, так же, с «приклеенной» еще с вечера улыбкой, она могла согласиться и на ...продолжение в гостях за «чашкой чая». Правда, уже за дополнительную, и гораздо большую сумму. Причем только у нее в гостях, но с возможным на выбор «ночным массажем». Отлично зная, по личному богатому опыту, что все «чаепитие» для нее лично, окончится очень быстро.

А утомленный «папик», названный ею - в знак компенсации «ненасытным львом» - еще до полуночи, даже не попив кофе, и оставив на прикроватной тумбочке «гонорар», уедет к своей жене. Но, не забыв, по приезду, рассказать своей разбуженной супруге, привычную «легенду» о том, какой трудный и ненормированный у него ежедневный рабочий день - государственного служащего такого высокого ранга.

Будучи знатоком всей верхушки этой секс-пирамиды, за определенное вознаграждение, один из известных «звездных» фотографов «главной столичной тусовки», представил Кристине заглянувшего на огонек молодого перспективного мужчину. Все это произошло в небольшом элитном ночном клубе, расположившемся на цокольном этаже здания гостиницы «Россия».

Кристина Неверовская действительно, была очаровательна, молода, и, при этом, хорошо образована. Она не просто очень понравилась Алишеру, а буквально заставила его, в одно мгновение, влюбиться в себя с первого взгляда. Бурхунов на самом деле потерял голову, и, в буквальном смысле, мусорил деньгами, удовлетворяя ее любую прихоть.

Как и предупреждал его Ширали Намиев, в «мутные годы» лучше всего в Москве для знакомства было представляться «полковником». Ну а если повезет – примерить, чуть позже, на себя даже виртуальный чин «генерала». Не забывая при этом представляться не обычным армейским офицером, при этом оставаясь навсегда для окружающих исключительно каким-то загадочным, зашифрованным. Что бы потом все сами себе додумывали, к какой спецслужбе он может иметь отношение...

Так что Кристине, новый ухажер Алишер нехотя, уже на втором свидании, представился, как и учили - «полковником». Очень не стандартно, и произведя этим на девушку впечатление. А потом, уже в женских объятиях, признался «по большому секрету», что он проходит службу не просто в армии, а в секретной спецслужбе России.

У него, мол, трудная и сложная жизнь, поэтому до сих пор холост. Успел повоевать там «за речкой», потом уже в Таджикистане, Чечне... Он действительно говорил правду, очень красиво и убедительно, при этом, однако, скрывая лишь одну мелочь - специально не упоминал, на чьей конкретно стороне он воевал...

А, сейчас, согласно утвержденной «легенде», временно был откомандирован в некий аналог «Газпрома» - для выполнения отдельных поручений. Причем, по его словам ...по «личному распоряжению» очень высокопоставленного госчиновника страны.

И девушка была покорена...

Теперь Алишеру необходимо было двигаться по утвержденному плану дальше - стать россиянином и, конечно же, перебраться из гостиницы в свое собственное жилье. Для этого, вновь не без помощи «Хирурга» и «любящих большие деньги» людей, Бурханов купил настоящий российский паспорт. И уже на следующий день после этого, он делал очередной шаг – поехал приобретать жилье.

Так, что уже в середине осени, в центре столицы, прямо на знаменитом Кутузовском проспекте им была приобретена старенькая, и оттого огромная четырехкомнатная квартира. Она была куплена у спившегося, после смерти жены, дедушки-интеллигента. По его словам, он был единственным внуком какого-то очень известного отважного красного генерала, получившего эту жилплощадь «за отвагу и личное мужество» чуть ли не из рук самого Сталина еще в тридцатых годах.

-Думал ли тот старый генерал, что спустя всего полвека, здесь в его квартире в центре Москвы, будет жить другой, полный его антипод - настоящий полевой командир, - улыбаясь рассуждал Алишер, продолжая бродить по огромным комнатам сталинской квартиры. – Даже в страшном сне, он не мог предположить, что я здесь буду жить вместо него. Человек, кто посвятил свою жизнь тоже борьбе, правда, уже с русскими. И сейчас, как Наполеон, отсюда с Кутузовского проспекта он отныне смотрел на уже покоренную им белокаменную столицу России.

На помолвку в последний день октября 1995 году Алишер подарил Кристине необыкновенное дорогое золотое кольцо с большим бриллиантом. Дабы кукольная красотка полностью осознала всю серьезность происходящего, что он действительно собрался на ней жениться, и, наконец, поняла главное - он человек военный, решительный, а значит серьезный.

Конечно же, девушка была несомненно ошеломлена этим напором «таинственного разведчика», и, одновременно, «нефтяника». С одной стороны он казался богатым, но при этом внешне он совсем был не похож на всех ее ранее знакомых «мажоров» и «папиков» - с виду симпатичный, умный, воспитанный и не обделенный чувством юмора, восточный накаченный молодой человек.

Вот теперь, Бурханов уже мог вполне легально жениться на красавице, которая, в свою очередь, обещала «завязать» и посвятить «себя всю исключительно семье защитника Родины».

Более того, после неформальной росписи в начале ноября в Грибоедовском ЗАГСе, Алишер сменил свою фамилию «Бурханов» на фамилию жены. Для большей

конспиративности. Так что с этого момента, он в новом паспорте стал везде именоваться, как Алишер Юрьевич Неверовский.

Чуть позже, в одном из столичных ресторанов, Неверовский, уже как известный меценат и хозяин части нефтяного бизнеса, был представлен одному из сотрудников реальной Службы внешней разведки России. К слову, не просто рядовому офицеру, а высокопоставленному чиновнику. Причем, по слухам, недавно туда переведенному по чьей-то протекции откуда-то из недр самой Администрации.

В застольном разговоре этот высокий худощавый чиновник, приблизительно сорока с небольшим лет от роду, представившийся Константином Леонтьевичем Ивановым, даже особо и не скрывал, что к «Сварщикам» (так между собой офицеры называли Службу внешней разведки России) его направил тесть. Должность и фамилию которого он не называл, лишь только поднял глаза высоко вверх, показывая его статус. Промолчав при этом, что тесть его сюда направил в «ссылку», дабы убрать проворовавшегося зятя из одного Управления Администрации, которое было связано с распределением госзаказов лидерам российского бизнеса.

Назначая Константина Леонтьевича Иванова подальше, тесть заявил, что таким образом спасает глупого мужа дочери от тюрьмы. Мол, в «конторе» его не найдут, да и нечего там воровать. При этом, чтобы не оставлять дочь без гроша, пообещал зятю возратить потерю всех тех денег, что тот «стриг» на контрактах, несколько другим способом. Причем сделать это оригинально – присвоив ему воинское звание «полковник», и засчитав его работу на заводе в качестве снабженца «в советское время», ныне в общий стаж военной службы. Тем самым значительно увеличив его новое денежное содержание.

К тому же, с присвоением Константину Леонтьевичу Иванову указом главы государства воинского звания «генерал-майора», он смог бы получать еще больше, плюс пользоваться всеми теми благами, что положены офицеру высшего командного состава. Причем, тесть обещал устроить «родственника» не в какое-то аналитическое управление, а повыше, причем курируя хозяйственное направление.

-Ну, чем могу быть полезен российскому бизнесу? – лениво поинтересовался у Алишера новоявленный «разведчик».

-Да вот хотим уйти от посторонних глаз, - ответил Неверовский. – Нам бы ваши фирменные «корочки» и пару машин с номерами. И мы в долгу не останемся, поддержим, так сказать, не только морально...

-Естественно, - Константин Леонтьевич, взяв со стола салфетку, быстро написал на ней семизначную сумму. И, улыбнувшись, добавил. - Думаю, в это уложимся.

Передачей денег занимался исключительно придумавший этот сценарий сам Ширали. И вскоре Алишер Неверовский уже был владельцем настоящего удостоверения полковника СВР, вместе с удостоверением личности офицера, и даже жетоном с личным номером. Еще несколько купленных пустых бланков удостоверений, были также заполнены на приехавших с Бурхуновым-Неверовским боевиков.

В отличие от своих апартаментов на Кутузовском, подручных он временно разместил в снятой где-то на Шелепихе трехкомнатной «хрущевке». «Заморозив» их существование до поры до времени.

С «Хирургом», дабы не встретить знакомых, было решено встретиться подальше от центра - на Хорошевском шоссе, рядом с Ходынккой. В небольшом, одном из немногих оставшихся грузинских кафе. Днем здесь всегда было мало посетителей. Но пришедшие гости расположились все же в дальнем, полутемном углу, дабы никто их не видел и не слышал. В этом полумраке лица Намиева не смог бы даже рассмотреть даже принимавший заказ официант.

-Поздравляю, мы сделали еще один шаг, - «Хирург» достал из дипломата пачку документов и протянул их Алишеру. – Теперь ты настоящий офицер СВР.

-И такую красоту можно приобрести за деньги? – улыбнулся «полковник Неверовский», внимательно рассматривая настоящие офицерские удостоверения, украшенные всеми необходимыми печатями и специальными водяными знаками этой, самой закрытой в стране, спецслужбы. – Ну, я просто теряю в этой стране веру в ... закон и справедливость.

-Нет, ты не прав, - рассмеялся «Хирург». – Мы это приобрели не за деньги, а за очень-очень большие деньги. Причем в зеленых купюрах валюты, как ее называют теперь уже «твой коллеги по СВР» - «вероятного противника». Но, почему-то, любят и ценят эти деньги, как «союзника»...

-Кстати, ты спросил, почему я выбрал именно «корочки» СВР? – С интересом посмотрел на него Ширали. – На это тоже есть свой ответ. Данных на этих офицеров вы нигде не найдете. Их вроде вообще не существует. Нет ни фамилий, ни адресов, ни номеров машин. Кто бы и в каком ранге ими не поинтересовался. Скажу больше, даже большинство генералов с Лубянки, не может получить об офицерах СВР минимальную информацию. Даже Указы Президента по присвоению званий идут у них под грифом «Совершенно секретно». Так что тебе больше в России не надо прятаться. Ты и так теперь просто тень. И не иначе. Слава, Аллаху, теперь при Ельцине все в России продается и покупается. Все без исключения!

Как бы в подтверждении этих слов, два прапорщика выполняя приказ, передали Алишеру, видимо, опять-таки в обход всех правил, две новенькие служебные машины из огромного автомобильного парка СВР. Одну – черную легковую «БМВ» представительской серии для самого «полковника Неверовского» и, к нему, для офицеров сопровождения большой джип-внедорожник. К слову, на обеих машинах имелись специальные «безостановочные» регистрационные знаки, и еще, для большей солидности и статусности хозяина автомобиля обязательные «мигалки». Также на машины были дополнительно оформлены специальные талоны, которые в простонародье зовут – «вездеходами». И, согласно которых, ни один сотрудник ГАИ не имел право их останавливать и досматривать.

Ну, а потом, в дорогом ателье, где-то в районе Пушкинской площади, Алишер, уже вполне на «законных» основаниях, заказал на пошив несколько комплектов военной формы. Себе – из сукна для старших офицеров с погонами «полковника». Всем остальным – из обычного сукна, с погонами «капитана» и «майора», согласно выписанных им удостоверениям. Туда же, в документы каждого такого «офицера» было «официально» записано и их разрешение на ношение личного огнестрельного оружия.

Теперь поездки с мигалками по Москве на машинах с «блатными» номерами приносили радость новоявленному полковнику Неверовскому. Соседи по дому между собою шептались – «Конечно, ему можно все. Говорят, он вхож в кабинет самого царя Бориса».

С самого начала нового 1996 года Алишер, теперь уже на законных основаниях, как муж Кристины, начал знакомиться с огромным количеством российских «новоиспеченных» чиновников, в своем большинстве из числа ее недавних «поклонников». В этом немалом списке была сплошь элита - сенаторы и генералы, министры и депутаты, бизнесмены и высокопоставленные юристы. Все они – приверженцы традиционной, а порой и даже нетрадиционной любви – были готовы оказать супругу Кристине любую помощь, завязать с ним дружбу.

Именно так, вчерашний «бригадный полковник» Бурханов, стал в одно мгновение «своим» в столичных высокосветских тусовках, ставших особо модными в середине 90-х. Этого молодого полковника, подтянутого выходца, вроде как, одной из спецслужб, все запоминали сразу. Его обаяние и чувство юмора располагало к общению. Он, казалось, не жалел денег на друзей, устраивая шумные посиделки в ресторанах, и на территории недавно купленной себе с женой дачи в Горках.

А на одной из подобных встреч, в конце января Кристина представила мужа очередному гостю - высокопоставленному чиновнику Сергею Петровичу Вешняковскому. Шепнув супругу на ушко лишь то, что он с «главной площади страны».

Во время небольшого перерыва в застолье, Алишер предложил Вешняковскому осмотреть его «гордость» - огромную беседку, точную копию той, что была сделана для первых космонавтов на Байконуре.

-Мне ее сделали на заказ наши два парня-афганцы, - начал «полковник» Неверовский. – А потом, к сожалению, оба пропали на Кавказе без вести. Осталась вот, как память, только беседка. А сами ребята видимо, в лучшем случае, где-то в плену.

И, воспользовавшись случаем, сказал, что, мол, сейчас самое время создать в России что-то наподобие новой антитеррористической структуры, где можно было бы, под единым командованием собрать всех лучших специалистов из всех силовых структур. Мол, зарубежный опыт об этом говорит.

-Я сам об этом тоже задумывался, - многозначительно посмотрев на офицера, вдруг согласился чиновник. – Но кого же туда назначить? Может, сами хотите? Я могу этот вопрос попытаться решить через одного из генералов Совета безопасности.

-Конечно же, это отличная Ваша идея,- с готовностью закивал головой «полковник», и, возвратившись к столу, ближе пододвинул к гостю огромное блюдо с только что снятыми с шампура кусочками лосося. – Особенно сейчас, когда многие наши соотечественники находятся, как и мои друзья, в плену на Кавказе. И военные и гражданские...

-Но, главное, - спокойно продолжил Неверовский, - особенно, в наше беспокойное время, найти, как Вы сказали, настоящего командира для этого отряда спецназа. Думаю, что таким подразделением должен командовать еще молодой, но уже опытный офицер, в чине - не старше майора. Возможно, даже пограничник. Вы же знаете, они, в отличие от армейских офицеров, имеют отличную специальную подготовку. Вон, в 93-м в Таджикистане, они небольшим отрядом отбили наступление моджахедов. Уверен, такого командира, кстати, уже с боевым опытом и орденами, можно сейчас смело найти в той же нашей пограничной Академии. Такой офицер и с задачей справится, и Родину от врага защитит. Вы так не считаете?

-Большое спасибо за идею, - Вешняковский поддел вилкой из огромного блюда очередной красивый кусочек жареной лосося. – Деловое предложение. И насчет пограничников – грамотно! А то мы пока везде и во всем – лузеры! Президент на совещаниях ругается. Да и вы правы – на Кавказе просто завал. Я обязательно прямо завтра же дам команду поискать такого командира. Правда, как вы очень правильно сказали – аккуратно и тихо...

-Ну а вы сами, какое направление хотите возглавить, полковник? - спустя некоторое время спросил он уже у самого Алишера. – Нужна моя помощь? Очаровательной Кристиночке и Вам отказать не смогу.

-Большое спасибо, - улыбнулся Неверовский. – У меня все отлично и по службе, и в семье. Может, скоро лампасы примерю. А пока в свободное время хочу собрать воедино наших ребят-интернационалистов, с кем вместе воевал «за речкой». Организовать Фонд, собрать туда деньги большого бизнеса, и потом вручить всем ребятам подарки и деньги. Дать понять им, что их не забыли, помнят, и все еще гордятся.

-Благородно, - собеседник опрокинул в рот очередную рюмку «Хенеси». – И удивительно. О себе даже не просите. Это так удивительно в наше время. А что касается создания Фонда, в этом есть глубокий смысл. К сожалению, у государства пока для его поддержки денег нет. Хотя мы попытаемся, после того как вы это все это устроите и проведете, рекомендовать такое мероприятие в разных регионах. Ну, где есть подобные ветеранские организации.

-И откуда решили начать? – поинтересовался представитель Администрации.

-Даже не знаю, - ушел от прямого ответа Алишер. – Но, наверное, стоит начать откуда-то с нашей глубинки. Там как раз много военнослужащих, кто недавно с Кавказа вернулся. Думаю через некоторое время, возможно, через полгода - ближе к концу лета, к ним и наведаться. Но так не хочется помпезной встречи и официоза.

-Хорошо, я лишь намекну кому надо, - Вешняковский протянул Алишеру руку для прощания. – Рад был знакомству, полковник. Еще, уверен, увидимся...

Непредвиденная встреча

Июль 1996 года. Москва.

Уже сразу же после июньского Дня независимости России Кристина вновь стала собирать «друзей» на торжественное мероприятие. На этот раз повод был более чем серьезный – двойной праздник. Во-первых, Алишер праздновал свое 40-летие, а, во-вторых, он сообщил, что «закрытым Указом Президента России» ему присвоено очередное воинское звание «генерал-майор».

Больше всего конечно радовалась Кристина. Теперь в ее жизни все сложилось, так как надо – муж, квартира, дача, положение в обществе. Ну и, конечно же, возможность стать в ее двадцать семь лет уже «генеральшей», просто ласкало ее слух. Тем более, что врач сказал, что она ждет прибавления в семье...

Этот праздник Дня рождения ее мужа, Москва должна была, по ее мнению, запомнить надолго. Посовещавшись с подругами, было принято решение - снять для этого очень серьезного мероприятия самое «крутое» место в городе – к примеру, арендовать известный большой дебаркадер с плавучим рестораном. Может быть даже тот, который был пришвартован к берегу, практически в самом центре столицы – у здания Главного штаба Сухопутных войск на Фрунзенской набережной.

Готовясь к этому мероприятию, она заказала себе темно-зеленое с изумрудными переливами длинное платье, подчеркивающее пока все еще ее осиную талию, и открытые плечи. Как справедливо посчитала Кристина, такое платье красиво бы гармонировало с парадным белым генеральским кителем мужа.

Согласно, только ею составленных, предварительных списков приглашенных, их количество достигало уже почти 500 человек. Но Алишер с улыбкой заявил жене, что деньги для них не проблема, и, он беспокоится лишь о том, чтобы корабль не утонул от такого количества гостей. На том и порешили.

В День рождения на празднично украшенном корабле было действительно много приглашенных. От такого бесчисленного количества генеральских погон и черных смокингов, а также от их сопровождающих красиво одетых молодых девушек модельной внешности, просто рябило в глазах. Не протолкнуться было и от их черных служебных автомашин на парковке поблизости. Так что для опоздавших занять вовремя место авто с мигалками, просто пришлось устроить дополнительную стоянку вдоль всей набережной, выставив там дополнительный временный пост ДПС.

Генерал-майор Неверовский встречал гостей у небольшой сцены в своем белом кителе, украшенном золотом вышитыми погонами. Рядом, чуть за мужем, стояла грациозная, в своем четко подчеркивающем фигуру платье, Кристина. Именно она, держа в руках огромный букет длинных белых роз, очень гармонирующих с изумрудным цветом ее платья, распорядилась расстановкой принесенных подарков.

Их огромный поток «новорожденному», упакованный в большие коробки и пухлые пакеты, уже практически заполнил всю сцену. А люди все шли и шли.

Когда же на сцену с приветствием поднялся сам Сергей Петрович Вешняковский, в зале воцарилось молчание.

-Дорогой Алишер Юрьевич! - Начал чиновник, и показал рукой на сидящих в зале. – Сегодня в Ваш День рождения, здесь собрались не только Ваши близкие друзья, соседи,

сослуживцы. Здесь, не побоюсь этого слова, сегодня собралась вся элита нашей страны. Мы пришли Вас поздравить, потому что Родина тоже гордится таким защитником. Мне отрадно сказать, что вы всегда заботились не о собственной выгоде, а о стране. И самое красноречивое подтверждение этому – ваши погоны российского генерала. Поздравляю от души! И хочу поднять тост за «новорожденного» и за мужественного генерала.

И сразу же, буквально через секунду на сцену подняли картину одного известного столичного художника, к слову, тоже сидевшего в зале. На огромном полутораметровом полотне, в очень дорогой раме, был изображен сам Алишер Неверовский в полный рост, одетый в рыцарские доспехи и, держащий в руках шлем. По залу пробежала волна восхищения.

Ну, а когда на сцену поднялся майор из «Главного управления кадров Министерства обороны РФ» для того чтобы вручить генералу Неверовскому «потерянные» в Афганистане в середине 80-х, а теперь найденные его неврученные боевые награды – орден Красного знамени и орден Красной звезды, зал просто стоя начал аплодировать.

И никто в этом зале, кроме самого именинника Алишера и того самого «майора» - его подчиненного боевика, по кличке «Кальян», не знали, что это был обычный спектакль. Все «найденные» награды были просто куплены всего неделю назад у отставного армейского капитана. Совсем уже спившегося офицера-инвалида, вернувшегося после тяжелого ранения - там «за речкой», в уже умирающую страну, и, ныне в середине 90-х, оставшегося совсем без средств к существованию. Воин-интернационалист сегодня оказался никому не нужным в правопреемнице СССР – новой России.

Здравницы в честь генерала продолжались до полуночи, рекой лилось спиртное, туда-сюда метались десятки официантов. Праздник состоялся...

Теперь с Алишером лично были знакомы десятки нужных людей, и готовы были познакомить уже со своими друзьями. Их служебные машины, уже за полночь, в полной темноте, одна за другой покидали площадку.

-Кстати, - к генералу подошел перед отъездом Вешняковский, - скажу вам первому. Если вспомните, сразу же после нашего недавнего разговора о возможности создания новой структуры - Межведомственного антитеррористического центра, я проконсультировался, и, заручившись поддержкой сверху, сумел это реализовать.

-К вопросу подошли очень серьезно - куратором такого проекта назначен опытный оперативник некто генерал Миловидов. Ему сказано, что это инициатива главы государства. К слову, этот генерал тоже бывший пограничник. Затем мы порекомендовали ему выбрать начальником создаваемого Центра молодого, но уже опытного и перспективного офицера из Академии. Представляете, когда разговаривал, сам с интересом узнал, что у «зеленых фуражек» нет командиров, все сплошь одни начальники.

-И он оправдал наши надежды, - продолжил представитель Администрации, - нашел из выпускников какого-то орденоносца с боевым опытом. Фамилии, увы, не помню, но вроде на букву «Б». Хотя, не это главное. Подразделение набрано и уже несколько месяцев, как существует. Более того, ребята из этого Центра сейчас тоже тренируются в Приозерске. Так, что если туда поедите, можете на них посмотреть...

-Ой, а я уже и забыл о том разговоре, - аккуратно соврал Алишер. – Но, очень рад, что та Ваша идея нашла реальное воплощение в жизни. Так что обязательно, если буду в Приозерске, к ним загляну на огонек...

Сентябрь 1996 года. Приозерск.

За те две недели, что Юрий Спиридонов находился в командировке в этом районном центре, он понял, что город, внешне спокойный и счастливый, вовсе не такой на самом деле. Его редакционное задание было выполнено уже на половину – несколько очерков о людях, в том числе рассказ о подвиге пропавшего без вести подполковника Родченкова.

Плюс в его редакционном портфеле лежало дополнительно журналистское расследование местной молодой журналистки – дочери героя Алены Родченковой.

С самим подполковником Большаковым ему приходилось теперь видаться только мельком, так как слежка продолжалась. А спугнуть всех было пока просто нельзя.

Единственным реальным связующим звеном с Николаем Александровичем могла быть только эта молодая девушка. Тем более, что она ему нравилась. Этим Спиридонов и решил воспользоваться, отправившись в центр города, где неподалеку от вокзала, на первом этаже жилого дома располагалась та самая редакция газеты «Знамя труда». Он без труда нашел ее небольшой кабинет с табличкой «Отдел информации. Родченкова Елена Александровна», и, постучав несколько раз, быстро вошел внутрь. Девушка что-то писала, но увидев перед собою столичного журналиста, быстро отложила листок в сторону.

-Милая Аленка, – Юрий Спиридонов, перед тем, как присесть, чисто по-хозяйски, осмотрелся в ее редакционном кабинете и, увидев приоткрытую смежную дверь в соседний кабинет, за которой, видимо, их уже подслушивали, громко предложил, - надеюсь, ваши коллеги вас простят, что вы опубликуетесь с небольшим материалом у нас в издании. Хотя, мы им и не скажем. Но у меня есть идея сделать большой аналитический материал о «горячих точках» на территории бывшего СССР, и, естественно, о наших «миротворцах». Сделать, так сказать, одну публикацию, но подав ее очень необычно - двумя «перьями».

-Это будет нестандартно и очень интересно. – Быстро продолжил он, увидев, как в проеме соседней комнаты, ответственный секретарь редакции Геннадий Гибко очень тихо подошнул поближе к открытой двери свой стул. - Вы, как бы с одной стороны, поднимете эту тему глазами гражданских. Точнее тех, кто, как Ваша мама Ирина Григорьевна, потеряли близких в огне таких многочисленных конфликтов. Плюс поговорите с десятками беженцев, которые, к слову, у вас в городе тоже живут. С другой стороны – буду действовать уже я. Встречусь с военнослужащими-миротворцами, подготовлю интервью с их командиром Большаковым. Расспрошу о задачах, которые им вскоре придется выполнять.

-Ну а потом, мы с Вами соберем всех наших героев этой публикации за одним большим столом в администрации города, и поговорим по душам. А, якобы организовавшие это мероприятие ваш главный редактор, ответсек мною очень уважаемый Геннадий Гибко, ну и, конечно же, мэр города Барышников, угостят всех туда приглашенных чаем, вручат подарки. Ну как Вам такая задумка?

Девушка молча слушала Юрия Спиридонова. От такого неожиданного предложения, Елена, признаться честно, даже растерялась.

«Какой же он масштабный, этот Спиридонов! - Тогда подумала она, - а ведь мог все это сделать сам, в одиночку. А тут дает ей возможность не просто сделать супер-материал, но и заявить им о себе на всю страну. Заодно, и мэра Приозерска с их редакцией прославить.

А она, вот ведь этого ничего не видит, хотя, в отличие от Спиридонова, живет в этом городе. Да, видимо, прав был их ответственный секретарь редакции этот самый Геннадий Гибко, назвав ее за поверхностные новостные заметки в газете – обычной «Мелкотравчатой козой». Она еще тогда обиделась. А ведь прав он, этот «Гибкий», во всем прав!»

Для обсуждения «деталей» будущего материала, приняли решение провести совместный «мозговой штурм». Где-то в неофициальном месте. Совершенно «случайно», Елена предложила собраться у нее дома. Ну и пригласить, «для консультации», туда от миротворцев - подполковника Большакова и от администрации города - пресс-секретаря мэра Алену Кравчук.

Уже вечером они сидели в квартире Родченковых в гарнизоне. Как и обычно, мама Ирина Григорьевна пекла свои «плюшки», а Елена накрывала стол в большом зале стол,

когда Спиридонов, выбрав свободные минутки, мог еще раз спокойно переговорить с Большаковым.

-Николай, следует помнить, что здесь в Приозерске, - объяснял офицеру Спиридонов, - что твоя главная задача – касается только вопросов подготовки твоих подчиненных к выполнению боевой задачи. Что же касается всего беспредела в этом городе и гарнизоне – это пока не твое. Что касается личности «Хирурга», то, если это подтвердится, я попрошу этим убийцей заняться сотрудников другой компетентной организации. Все это не должно быть твоей головной болью. Но если вдруг потребуется, вас всех обязательно привлекут к его задержанию.

-Да, и еще, - продолжил журналист, - для более оперативной связи с тобою, я и придумал этот материал. Хочу всех подключить к нему, а заодно посмотрим, кто и в чем здесь замазан. Одним словом, если будет какая-то нужная информация – сообщу тебе о необходимости встречи.

Он не успел договорить, в прихожей зазвенел звонок входной двери. Опоздавшей гостьей оказалась пресс-секретарь мэра. Быстро вытерев мокрой тряпочкой запыхавшиеся на улице шпильки туфель, она быстренько ими «процокала» в зал.

-Прошу знакомиться всех, кто еще не знает, - улыбнулась Елена Родченкова, пропуская вперед в зал гостью. – Это новый пресс-секретарь мэра Приозерска Алена Кравчук. Она тоже принимает участие в подготовке этого нашего необычного мероприятия.

-Всем привет, - приветствовала всех вошедшая блондинка, но, увидев за столом Большакова, вдруг растерялась, покраснела, и завершила приветствие как-то для всех очень нестандартно. – Ничего себе... кого здесь увидела. Дорогой мой Большаков. Уж никак не думала, что увидимся с тобою в этом богом забытом Приозерске. Но, видимо, ты тогда в госпитале был прав - Родина тоже не особо жалуется своих героев.

-Да, действительно, - улыбнулся офицер, поднимаясь навстречу Кравчук. – Также не думал, что встречу тебя тут, тем более в ранге пресс-секретаря главы города. Я так понял, всех остальных здесь ты уже знаешь... Но не скрою, очень удивлен!

-А как удивлен я! – Искренне громко воскликнул сидящий здесь же Спиридонов, и быстро продолжил. – Раз вы уже давно знакомы, мы обязательно используем этот факт в нашем большом мероприятии. Придумаем такую фабулу, что, мол, вы были в этого боевого офицера влюблены еще в школе, потом он уехал воевать, а потом вам кто-то сказал, что он погиб. Вы вышли замуж за другого. И вдруг такая внезапная встреча в Приозерске...

-Я его не ждала, - вдруг сказала, внимательно слушавшая его, белокурая пресс-секретарь. – Хотя, со стороны вроде все красиво. Как в кино...

-И давно вы так вашего Большакова так безраздельно любите? – внезапно спросила Алена Родченкова, в ее голосе уже звучали нотки ревности. – Я то, наивная, думала, что любимых ждут...

-Нет, моя милочка, - Кравчук непроизвольно, немного нервно поправила вдруг упавшую на лоб прядь светлых волос. – Это, как правильно сказал ваш столичный коллега, только лишь красивая «легенда». И не больше. На самом деле, никакой любви между нами и не было, ну, в крайнем случае, с ...его стороны.

-Ладно, девушки, мы уже окончили вечер воспоминаний, - вдруг шутливо постучал ложкой по кружке Спиридонов. – Давайте займемся делом. Думаю, что сейчас наше молодое «дарование» из местной газеты, введет представителя администрации в наш план. Для подготовки этой встречи у нас есть еще целая неделя...

-Точнее сказать, - ухмыльнулась Кравчук. – Всего только одна неделя...

Уже к ночи, находящийся в панике мэр города Кирилл Барышников, так и не уснувший после рассказа жены, докладывал «Хозяину», кто такой на самом деле этот «обыкновенный» подполковник Николай Барышников.

-Вы представляете, - Кирилл Борисович смотрел огромными полными страха глазами на полковника Ковалевского. – Это профессиональный пограничник, чекист, у него огромный опыт. Я не думаю, что его прислали к нам просто для того, чтобы он тренировал какой-то батальон миротворцев. Не верю! А мы тут еще и «засветились» с топливом, хотели его человека повесить еще и убийство в ресторане...

-И что, мне теперь, Кира, тебе памперсы покупать? – Юрий Викторович, был как всегда краток. – Ничего необычного. Все, как всегда. Мне сказали, что этот батальон у нас пробудет недолго. Максимум до ноября.

-Да, и еще, - Ковалевский посмотрел на находящегося здесь же, в кабинете своего заместителя Котова. – Скажи своему «гоблину» Волику, чтобы пока со своими бандюками пропал из города. Пусть занимается «своим бизнесом» обирая на дороге туристов не у нас, а в другой области. С этой минуты в городе живем только по закону. И создаем позитивный образ для этого столичного журналиста. В крайнем случае, пока этот батальон здесь находится.

-А через три дня к нам приезжает какой-то генерал-майор Неверовский, - продолжил Кирилл. – Собирается провести какую-то ветеранскую конференцию. Говорят серьезный человек со связями. Мне по поводу него звонили из Москвы. Сказали, что он генерал Внешней разведки. А все гости начнут прибывать уже завтра.

-Вот и отлично, - подхватил Ковалевский. – Подключи этого московского генерала к нашим журналистам. Пусть занимаются делом. Пусть там организывают свои круглые столы, и меньше лезут к нам. Котов, вы должны полностью профинансировать всю их работу. И так. Чтобы они обо всем остальном забыли. Понятно?

Как Кирилл Барышников и сказал, уже на следующее утро в город прибывали первые гости. В центральной гостинице не оставалось свободных мест – из соседних городов и областей сюда, как и было запланировано ехали ветераны войн, воины-интернационалисты, крупные предприниматели и бизнесмены. А на въезде в город, у самого моста всех встречал недавно вывешенный, специально сделанный к этому мероприятию, огромный плакат. На нем Родина-мать обнимала, как сына, солдата в песочной афганской форме, грудь которого украшала медаль. За их спинами были видны горы, с летящими двумя боевыми «вертушками», а снизу плакат украшали алые тюльпаны и Георгиевская лента с надписью – «Мы всегда будем помнить о вас – воины-интернационалисты!».

Одному из крупнейших бизнесменов области и будущему коллеге по бизнесу полковника Ковалевского – президенту крупнейшей сети автозаправочных станций области «Гуд- НефтьГрупп» Егору Бельскому, приехавшему сюда, как генеральному спонсору мероприятия, выделили под его нужды целый этаж в старом, но только что отреставрированном, крыле гостиницы. Приехав в Приозерск на встречу с ветеранами-афганцами, Егор Трофимович рассчитывал не только оказать им минимальную помощь, но и решить свою основную проблему. Произвести прямо там набор этих ветеранов на работу к себе на АЗС в качестве работников. Тем самым решив сразу две главные задачи - найдя здесь сотрудников и одновременно охранников автозаправок. Причем в одном лице, и с ...одной зарплатой.

По мнению Бельского, это было бы отличным вложением капитала и отличной защитой от «залетных», которые бы сразу видели, что эти АЗС под охраной бывших воинов-интернационалистов. Ну, уж ради этого, пожертвовать небольшими деньгами он мог, заранее зная, что выгода будет больше.

Генерал-майор Алишер Неверовский прибыл вместе со своей охраной на машинах в Приозерск уже около восьми вечера, и сразу же арендовал себе тоже целый этаж, непосредственно над Бельским. Приехал не один – с женой Кристиной, правильно решив, что так вызовет сам меньше внимания. Ведь здесь собирался не мужской клуб, а проводилось почти «государственное мероприятие». Да и все гости обещали тоже быть со своими вторыми половинками.

Сам «разведчик» устроился с женой в красивом трехкомнатном номере с видом на озеро, рядом расположились ребята из охраны, установив при входе в коридор с лестницы круглосуточное дежурство.

-Послезавтра состоится торжественное заседание в театре, - Юрий Спиридонов пролистал свой блокнот, - посмотрим, что нам предлагают гости из Москвы и предприниматели в лице Бельского. К слову, я вообще-то этого Егора Трофимовича давно бы арестовал, но сверху говорят, что его трогать нельзя.

-А за что его? – не понял Большаков.

-Понимаешь, - быстро ответил журналист. – Много за ним разных грешков тянется еще из 80-х. Ты же понимаешь, что с таким бизнесом чистым быть просто нельзя. Тем более, в такой области, как ваша. Десятки пропавших без вести его компаньонов, не считая тех, кто сам застрелился, или уехал за границу. А в конце 93-го, мы получили информацию, что Бельского вывели на какого-то серьезного человека в Чечне, и этот Егор Трофимович вроде как стал оказывать «чехам» нехилую финансовую помощь, в обмен на тихую работу и освобождение от конкурентов. Живет себе спокойно, зная, что на его деньги куплено оружие, из которого убивают наших солдат.

-Тогда надо его арестовать, - не выдержал Николай.

-Вот, а для этого нужно политическое решение, - тяжело вздохнул Спиридонов. – У нас же пока в стране законы работают, но очень выборочно... И не для всех! А этот Бельский, говорят, помог какому-то большому человеку в вашей области с голосами избирателей на недавних выборах. Так что теперь его трогать нельзя совсем.

-Ну, да ладно, - журналист посмотрел на очередной лист своего блокнота. – Согласно плана, уже послезавтра, они соберутся все вместе – а тут приехало около 500 человек – и я смогу с ними поговорить, а заодно и пополнить свой материал новыми фактами. Елена Родченкова обещала мне в этом помочь. Вчера вечером видел, как они заезжали, говорят, приехал и генерал. Тоже хочу с ним отдельно встретиться.

-Вот и договорились, - сказал Николай. – Если Вам, Юрий, что-то вдруг оперативно потребуется, вы смело обращайтесь к моему заместителю – Володе Беликову. Ему можете смело верить, он мне не раз жизнь спасал.

Большаков сразу же позвонил своему другу по городскому телефону, и спустя всего несколько минут, Владимир уже стоял на пороге кабинета.

-Товарищ подполковник..., - начал было Беликов, но Николай его быстро остановил жестом, и сам уже представил. - Знакомься наш друг, журналист Юрий Спиридонов. Если что, слушаться, как меня. Это не просто даже наш друг, он наш помощник. Потом тебе расскажу, как мы с ним познакомились.

-Конечно, послушаю. Но всегда говорил, что любопытство – это грех, - только лишь и ответил офицер. – Мы всегда рады...

На торжественном мероприятии в Драматическом театре, Юрий Спиридонов, получивший пригласительный билет на двенадцатый ряд, хорошо видел всех выступающих. Но невольно мучался от того, что никак не мог вспомнить, откуда ему так знакомы черты лица этого столичного генерала.

Идеальная осанка, волевой подбородок... Конечно же, за время своей службы ему довелось видеть сотни офицеров высшего звена. Все они были разные: штабные армейские руководители резко отличались от «окопных» генералов своим большим спокойствием и практически полным отсутствием «непечатного» лексикона в разговоре. А генералы спецслужб, в свою очередь, сегодня больше походили на менеджеров крупных дорогих фирм, предпочитая ходить в дорогих костюмах, и, в первую очередь, на работе «разруливать» именно бизнес-темы, а не заниматься службой.

Этот сегодня сидящий на сцене в президиуме генерал Неверовский, как показалось Юрию, не походил ни на кого из них. Более того, Спиридонов почему-то внутренне чувствовал, что тот, как бы чувствовал себя немного «не в своей тарелке», и просто играл в «генерала». Он словно главный герой какого-то неизвестного спектакля, собрал сейчас воедино несколько подобных образов, но даже это не помогало ему быть похожим, ни на сотрудника СВР, ни на генерала прошедшего все ступени служебной лестницы. Но, с другой стороны, в наше время легко получить генеральские погоны, с условием, если у тебя есть необходимые «связи».

Ну, а когда столичный гость Неверовский вышел к трибуне, и привычным движением, словно Наполеон, засунул четыре пальца ладони правой руки между третьей и четвертой пуговицами кителя, Спиридонов обомлел. Да, перед ним был не кто иной, а именно – тот самый «Хирург»! Правда немного изменившийся, и, которого они считали давно погибшим.

Стараясь не привлекать особого к себе внимания, Спиридонов, даже не дожидаясь перерыва, поднялся и пошел вдоль своего ряда к выходу, дабы как можно быстрее сообщить об этом Большакову, а потом и в Москву. Но, перед самой дверью выхода из зала огляделся, и, вдруг, ясно ощутил на себе взгляд Неверовского.

Выбежав из театра, он буквально нос к носу столкнулся с майором Беликовым, судя по всему опоздавшему к началу.

-Вот и отлично, Владимир, что я Вас случайно здесь увидел, - радостно выдохнул Спиридонов. – Где сейчас Большаков?

-Его вызвали в округ, - как всегда четко ответил Беликов. – Обещал завтра к обеду быть здесь.

-Значит, я могу пока положиться только на вас, - Юрий взял за руку майора, и отвел его за угол театра. – Сразу же по его приезду, доложите, что я его искал. Пусть все бросает и летит ко мне. Надеюсь, что поздно не будет.

-Что произошло? Я могу быть полезен? – еще раз переспросил Владимир. – Что необходимо делать?

-Ладно, - несколько секунд подумав, ответил Спиридонов. – Здесь в театре, возможно именно сейчас, находится очень страшный военный преступник. Но, умоляю, ни словом, ни делом не спугните. Это один из гостей, точнее человек, который себя за него выдает. Мне даже, показалось, что он меня тоже узнал...

-Может мы его сейчас, и арестуем? - Оживился Беликов. – Я мигом сейчас наш батальон построю.

-Нет, он очень хитер и опасен, - остановил его Юрий. – Все должно быть спокойно и обыденно. Сегодня в Москву звонить не буду, боюсь, что телефоны уже слушают. Так чтождемся завтра приезда Николая и задержим бандита. А я сейчас для всех забегу к Родченковым, пусть они думают, что вроде все идет по их плану...

Кто вы, Эльдар Каримов?

В городском осеннем парке быстро стемнело. Несколько раз «хичнул» дождь и все дорожки в одно мгновение стали мокрыми. Чуть в стороне от основной аллеи, около летней танцплощадкой, на небольшой темной деревянной скамейки одиноко сидел

человек, одетый в военную форму. Висящий рядом «полуслепой» фонарь городского освещения едва освещал его. Это был ...старший прапорщик Эльдар Каримов.

Где-то по центральной аллее, смеясь и держа друг друга за руки, пробежала молодая парочка, и вновь наступила тишина. Прерываемая изредка стуком о землю, еще оставшихся на листьях деревьев тяжелых капель осеннего дождя. Внезапно в стороне промелькнула тень, и на скамейку к военному подсел еще один человек. Он был укрыт большим черным зонтом, покрытым блестящими, при свете фонаря, каплями дождя.

-Добрый вечер, - неизвестный немного приподнял зонт, так чтобы его лицо мог увидеть только лишь собеседник. – Теперь как раз наступило время «открыть карты».

-Это вы? – Удивленно произнес Эльдар и потом расхохотался. - Вот, никогда бы не подумал.

-Да, - продолжил неизвестный. – Это я, тот самый «Хирург», нанявший вас тогда под Грозным. Сейчас могу сказать, что в вас не ошибся. «Браво!». Вы были хорошим солдатом и стали отличным русским старшим прапорщиком. Командиры Вами довольны.

-Теперь о работе. Вы, мой дорогой господин «Турист», великолепно ликвидировали этого продажного Бакаева, переведя все «стрелки» на молодого офицера. Также сумели практически без следов ликвидировать и девушку Курмангалиеву, которая что-то стала подозревать. При этом, сумели для всех организовать себе в обоих случаях железное алиби. Так что, как я вам и говорил, деньги уже на вашем зарубежном счету.

Пока один говорил, второй – больше слушал и лишь изредка кивал головой в знак согласия.

-Ну что, господин «Турист», - обратился к нему неизвестный, - Вы успешно справились с поставленной перед вами задачей. Теперь осталось еще немного. Сегодня вечером, вы угоните машину, и где-то в районе гостиницы «Приозерская» случайно задавите одного пешехода. Этим пешеходом будет ваш давний знакомый еще по Чечне журналист Сергей Васильев, который уже здесь работает под своим настоящим именем Юрия Спиридонова. После ДТП, вы можете бросить авто и быть свободны, обеспечив себе опять-таки хорошее алиби. Можете не переживать, за этого продажного «бумагомараку» я заплачу вдвойне. Но это надо сделать обязательно сегодня.

Каримов посмотрел при свете на часы.

-Где мне его принять? – Четко спросил прапорщик.

-Спиридонов сейчас, как я понимаю, скорее всего в городке, у своей журналистки, - пояснил неизвестный. – Думаю, что выйдет из городка где-то в районе девяти или половины десятого. Самое время. Темно и тихо.

-И еще. Бросьте это в угнанной машине, буду признателен,- неизвестный протянул Каримову что-то блестящее, укутанное в целлофане.- Аккуратнее, это наш подарок...

Когда в обед Николай Большаков переступил порог штаба батальона, к нему сразу же бросился майор Владимир Беликов.

-Командир, мне срочно, - он зашел в кабинет, крепко закрыв за собою дверь. – Вчера днем, ко мне обратился ваш знакомый московский журналист Спиридонов и сообщил, что один из гостей проводимого в театре мероприятия не тот, за кого себя выдает. Я ему предложил сразу же задержать подозреваемого, но он, сказал, что тот мог его видеть в лицо, и предложил ехать и ждать вас. Вдруг Вы возвратитесь раньше. С вечера здесь жду. А теперь необходимо немедленно лететь к нему в гостиницу.

Эта короткая поездка на УАЗике до гостиницы, казалась Большакову, многочасовой. В голове билась одна мысль – кто этот неизвестный? Кто этот один из 500?

Николай и Владимир быстро забежали в гостиницу и Большаков сразу же в окошке спросил:

-В каком номере живет Юрий Спиридонов из Москвы?

-Точнее еще вчера здесь жил, - на глазах женщины-администратора навернулись слезы. - А какой галантный и обаятельный был мужчина. Всех эта проклятая водка губит...

-Не понял? – переспросил подполковник.

-Представляете, его вчера вечером в темноте сбила машина. - продолжала причитать женщина. – Видели лишь как «Жигуленок» с одной горевшей фарой мимо магазина пролетел. А этот журналист там через дорогу переходил. Ну, его и сшибло. Водитель, вроде, на секунду остановился, вышел из машины, но потом уехал. Наверное, испугался. Когда «Скорая» приехала, он уж и не дышал. Представился, значит...

-И никого не задержали? – Николай не хотел верить в слова женщины.

-Наверное, это сделал кто-то из молодежи, - тяжело вздохнула администратор. - Сегодня с самого утра уже приезжали из милиции, номер погибшего осматривали. Сказали, что у озера нашли брошенные те самые «Жигули». Там в кабине бутылка водки и какое-то бабское белье. Эх, погубила не за что такого человека, местная молодая загульная пьянь...

Выехавший, по команде Большакова, на осмотр автомашины майор Владимир Беликов привез командиру оттуда лишь неизвестно откуда появившийся там ...операционный скальпель. В милиции заверили, что при себе у погибшего обнаружено не было никаких бумаг. Не оказалось документов и в номере погибшего Спиридонова...

Ничего не сумела прояснить и приехавшая Елена Родченкова, от которой он и возвращался в тот вечер. Согласно ее рассказа, они, как обычно, сидели у нее на кухне, пили чай и обсуждали детали журналистского материала, который они готовили к публикации. Ведь, по воспоминаниям Елены, в сумке журналиста, когда он уходил, лежали еще несколько зеленых папок с какими-то важными документами.

По горячим следам действительно была обнаружена машина, на которой было совершено это ДТП, но задержать никого не смогли. Как оказалось машину угнали за несколько часов до наезда, прямо с площадки автосервиса. Отпечатков пальцев не на руле, ни на ручке коробки передач обнаружено не было. Кто-то позаботился об этом заранее. Но вот отпечаток ладони на обнаруженной в салоне машины бутылке принадлежал местному 25-летнему алкашу Толику Дронину, по кличке «Дрон».

Начальник уголовного розыска капитан милиции Андрей Кривенков прибыл с патрульной группой на задержание «Дрона» ранним утром. Дверь в его квартиру была открыта, а сам хозяин спал, полностью одетый лежа на кровати. Здесь же стояли и его ботинки, которые он, судя по всему, снял перед тем, как бухнуться на кровать. От подошв ботинок отчетливо пахло бензином, и они были немного в грязи от прошедшего вечером дождя.

«Дрон» клялся и божился, что пил дома и никуда с обеда не выходил. А в качестве «алиби» показал валяющиеся под кроватью еще пустую бутылку «Русской» и четыре пустых пивных бутылки «Жигулевского». Тем более, не садился за руль.

Но в кармане куртки подозреваемого Анатолия Дронина были обнаружены пять купюр по сто американских долларов, происхождение которых он объяснить не мог.

Большаков отлично понимал, что «Хирург» или же его человек, приехавшие на торжественное мероприятие, узнали Спиридонова и решили его ликвидировать. Конечно, этот молодой алкаш был здесь не причем. Кто-то профессиональный и умелый сумел так подтасовать факты, чтобы его просто подставить. Зная, что человек ушел в запой, у него из дома забрали бутылку и ботинки. Тару подбросили в машину, а испачканную обувь аккуратно принесли обратно в квартиру.

Но на собственное расследование Николаю Большакову время не дали, так как уже на следующее утро, весь его батальон был поднят по тревоге. В конверте, который передали из штаба округа, спецназовцам было приказано десантироваться почти за сотню

километров от Приозерска, и оттуда возвратиться в гарнизон и «захватить» его. Полковнику Ковалевскому, в свою очередь, ставилась задача силами бригады оборонять Приозерск.

По этому случаю в кабинете Ковалевского походило небольшое совещание. Поставив всем боевые задачи на ближайшее время, он оставил в кабинете лишь одного своего заместителя по тылу.

- Ну что, товарищ полковник, - Николай Котов довольно улыбнулся, - и торжественное мероприятие проводим, и, конечно же, грех так говорить, но с этим журналистом тоже все решилось. Ведь что касается криминала, мы ведь здесь не при чем...

- Это точно не твой Волик и его отморозки? - посмотрел на него «хозяин». - Я не верю в случайности. Я приказал к нему только присмотреться, узнать, что ему надо в городе. Зачем его надо было ликвидировать? Если это случайность, то где документы, которые были с ним?

- Начальник милиции Гусейнов сказал, что при этом журналисте Спиридонове не было никакой сумки, - напомнил тыловик. - А сам Волик, как вы приказали, вот уже целую неделю, как живет на дальней заимке и сюда не суется.

- Неужели нам так везет, и это действительно лишь случайность? - комбриг откинулся на спинку стула и, вздохнув, закрыл глаза. - Нет, видимо здесь что-то другое...

- Значит так, - Ковалевский внимательно посмотрел на Котова. - Твоего Волика вернуть сюда в город, вместе со всей его бандой. Пусть обойдут каждый двор на пути следования этой машины от автосервиса до гостиницы, и оттуда до того места, где ее нашли. Поговорят с людьми, кто что слышал или видел. Пусть ему в помощь наш местный милиционер Гусейнов выделит своих людей. Перешерстить весь город. Найти его сумку, и кто это мог сделать. На это все у тебя всего два дня - пока в городе нет Большакова. Ясно?

- Есть! Всем сделаем, - четко ответил Котов. - У меня есть еще один вопрос.

- Что еще? - не понял комбриг.

- Хотел у вас получить разрешение, - замылся тыловик, - выделить нашему давнему другу Сергею Станиславовичу Ершову, ну директору предприятия «Приозерский фарфор», несколько наших солдатиков. Он очень просит ему дать для уборки на даче. Дворец построил, а вот на обслуге решил сэкономить...

- Ладно, ему на три дня передай четверых бойцов, - улыбнулся Ковалевский. - Расценки он знает. Но, учти, только под твою личную ответственность. Учти, если эти бойцы что-то там разобьют или сломают, я тебя накажу первым.

- Не беспокойтесь, не впервой, - улыбнулся Котов. - А по Спиридонову - приступаем немедленно.

Медицинский военный микроавтобус с красным крестом на стекле, который в простонародье называется «Таблетка», привез четверых солдат второго года службы к большому замку «фарфорового» директора Ершова. Пока они разгружались, полковник Котов что-то объяснял Сергею Станиславовичу.

Дело было в том, что Котов попросив солдат для Ершова, не сказал комбригу самого главного. Вот уже на протяжении последнего года предприимчивый директор предприятия вместе с замполтылом бригады делали свой небольшой бизнес.

Записав на тещу небольшое коммерческое предприятие, Котов и Ершов взялись за выпуск чайно-столового сервиза «Мадонна». Идея, естественно, принадлежала самому Котову, через руки которого, из ГДР прошли на территорию СССР, а позже и в Россию, сотни подобных столовых комплектов. Даже сейчас, у Котова в Германии оставались его люди, которые могли помочь и с картинками для подобного сервиза, и с красками.

Поставки белоснежного фарфора для сервиза обеспечивал лично Ершов, покупая у себя же на предприятии практически за бесценок этот, пока еще «слепой» товар. Затем, уже выкупленный фарфор на двух небольших грузовичках привозили к нему на дачу, где заранее, в большой пристройке, были оборудованы две специальные печи для обжига уже готовой «приозерской» «Мадонны», хотя и очень похожей на настоящую.

Необходимые для такой посуды специальные картинки, а также позолота и перламутр, наносились здесь же - в пристройке к даче - тремя пожилыми женщинами из Средней Азии. Официально здесь оформленными, как горничные. А непосредственным обжигом продукции занимались два угрюмых сорокалетних брата из Казани, ранее трудившиеся на подобном предприятии у себя в Татарстане.

Всю реализацию созданных здесь сервизов, полковник Котов брал на себя, так как очередь за их «Мадонной», к счастью, не уменьшалась, а только росла. Принося ее создателям почти 600 процентов прибыли.

Трех солдатиков – двух рядовых Николая Петухова, Сергея Нестерова и сержанта Евгения Трещука сюда привезли как раз для того, чтобы они наводили прядок в доме Ершова и, конечно же, на территории. Сменив тем самым, на время женщин, почти круглосуточно работающих над изготовлением новых сервизов. Чтобы солдаты особо не выделялись, их сразу же переодели в рабочие спецовки, бросив их военную форму в ящик готовых вещей к стирке, накормили в столовой и раздали грабли, убирать упавшую листву.

И только удостоверившись в том, что все наладилось, полковник Котов вместе с хозяином дома уехали. Ершов – к себе на предприятие, а Котов - на встречу с Воликом.

С самим Олегом Воликом и его подручными, Николай Котов встретился в небольшом придорожном кафе в нескольких километрах от города, дабы не привлекать к себе дополнительное внимание. Приняв заверения своего криминального подчиненного в том, что он не виноват в смерти журналиста, полковник распорядился отследить весь путь Спиридонова от военного городка до места его гибели. А также переговорить со всеми, кто, пусть даже теоретически, мог увидеть человека, который был за рулем.

Как и обещал Ковалевский, к ним в помощь были переданы и сотрудники милиции, уже только одной уже своей формой легализующие их незаконные поиски. К тому же, «вспомнившему» этого человека, Волик пообещал приличный «гонорар».

Пока Большаков выполнял с подчиненными свою специально-боевую задачу, Ковалевский не только обеспечивал охрану гарнизона, но и параллельно, искал возможного убийцу. Отлично понимая, что и сам может смело оказаться в подозреваемых. Методично, квартира за квартирой, двор за двором Волик со своими людьми изучали маршрут, пытаясь по секундам восстановить последние минуты жизни Спиридонова, найти всех, кто мог его тогда увидеть. Но, увы, пока результаты были тщетны...

В целях «самообороны»

Едва полковник Котов вышел за ворота дачи Ершова, и его служебная «Волга» взревев мотором исчезла в ближайшем лесу, сержант Евгений Трещук бросил грабли на землю и сел на лавочку.

-Ну вот, наступило время отпуска, - улыбнулся он, достав из кармана куртки найденную в доме пачку сигарет. – Отдохнем, наберемся сил, поедим от пуза у этих толстосумов.

-Ты бы аккуратнее, - его примеру последовал земляк и друг Сережа Нестеров, тоже присаживаясь на лавочку. – Ты же видел, наш полкан и этот барыга давние друзья, а

может оба и в бизнес-теме. Так что тут надо держаться особнячком. Делать все что говорят, может, потом еще сюда разок заберут.

- Два раза такая лафа не выпадает, - сержант глубоко затынулся и, подняв вверх подбородок, выпустил вертикально вверх струйку дыма. – Ты видел, сколько здесь разных очень дорогих вещей. Я даже сейф там, в комнате видел.

- Да кому он сейчас нужен, - вступил в разговор рядовой Николай Петухов, попавший с ними сюда совершенно случайно. – А вот пожрать и поспать стоит. До дембеля еще далеко.

Из пристройки, возле которой стояли два грузовичка, в небо поднимался густой черный дым, и там суетились люди. На солдат, казалось, никто не обращал внимания. Нестеров подошел к забору, резко подтянулся и, посмотрев на окрестности, спрыгнул на землю.

- Глухомань какая-то, - сплюнул он, - лес вокруг. Кто так дачи строит у черта на куличках. Так ведь ограбят, и никто не поможет.

Этот первый вечер на даче у Ершова пролетел быстро. Солдаты еще засветло убрали всю территорию, заклеили рваную крышу большой теплицы. За что, на ужин получили каждый по большой порции тушеного картофеля с мясом и чашку ароматного черного чая с запахом полевых трав. А ужинавшие с ними братья из Казани Руслан и Ментемир Гусевы предложили солдатам из собственных припасов дополнительно по пятьдесят граммов коньяка «за знакомство».

Ночевать солдат определили в небольшой деревянной бане. Сержант Трещук долго в ту ночь не мог уснуть, лежал с открытыми глазами и думал. Ему, родившемуся в небольшом поселке, почти в ста километрах от Нижнего Новгорода, всего в этой жизни надо было добиваться самому. Своего отца Евгений не знал, а мать давно променяла все в доме на водку. Тогда впервые в школе, он почувствовал, что значит быть никем не любимым ребенком. У других в классе были родители, они любили своих чад, покупали им новые джинсы и кроссовки, а он, вытирая слезы, зашивал старые рваные, донашивая за кем-то из соседских детей.

Поэтому Трещук после седьмого класса и бросил школу, благо в начале 90-х об образовании забыли. Нужно было делать деньги. И тогда Евгений, возглавив воинство из своих двух друзей, стал «Робин Гудом». Словно в кино, они считали себя настоящими героями, сражающимися за справедливость. Ребята обирали до нитки пьяных, а на украденные деньги существовали. Кто знает, оказались бы он сейчас уже в тюрьме или еще продолжали бы свой бизнес дальше, но его и верного оруженосца Сергея Нестерова, призвали в ряды Российской армии. Здесь им нравилось, они, впервые за последние несколько лет, не только получили одежду, но и нормальную ежедневную возможность бесплатно хорошо есть три раза в день.

- Да, с этой командировкой нам повезло. – Думал Трещук, перебирая в памяти свою недолгую жизнь. - Пока сейчас все сослуживцы на полигоне «грызут гранит «науки побеждать», мы здесь, лишенные любого контроля, просто отдыхаем.

Вдруг во дворе негромко зашумели механические ворота, и двор осветили фары въехавшего на территорию красного «Мерседеса». Евгений вскочил с места и прильнул к окну. Из дорогой иномарки вылез совсем молодой невысокий худенький паренек в дорогом костюме, судя по всему, где-то ровесник Трещука, не старше. Спустя несколько секунд, открылась пассажирская дверь и оттуда буквально выпорхнула очаровательная длинноволосая белокурая красотка, в коротком черном платье и высоких сапогах. Она улыбалась и держала в руках большую бутылку импортного шампанского.

Ворота вновь закрылись, и к водителю подбежал охранник в камуфляже.

- Петр Сергеевич, - начал охранник, - а мы думали, Вы, ну как обычно, возвратитесь из клуба только утром. А потом – в институт.

- Отец здесь? – Резко оборвал его приехавший, и, увидев, как тот отрицательно манул головой, продолжил. – И отлично. Давай распорядись, чтобы нам с Наташей быстро

организовали баньку. Надо в себя прийти, а то эти опять лекции. Попаримся, а Натали мне в промежутках и массажик сделает...

-Нет, Петр Сергеевич, - вдруг опять заговорил человек в камуфляже, - с банькой сейчас не получится. Там спят солдаты, которых Котов привез. Так что только завтра днем, не раньше.

-Ты слышишь, охранник, что говоришь? – Судя по всему, пьяный сынок Ершова и не планировал отказываться от своего плана. - Я здесь хозяин, понял? А вы здесь все – никто! Так что всех этих «армейских негров» гони на улицу – пусть убирают территорию, а то уже скоро рассвет.

-А если они не захотят? – Угрюмо переспросил охранник.- Они ведь могут, потом, и пожаловаться Вашему отцу.

-Запомни, - молодой человек явно красовался перед своей новой знакомой, - все эти рабы – бесправны! А чтобы они не отказались, мы тебе и дали автомат. Если что – скажешь, мол, они пытались ограбить дом, на тебя напали. Действовал в пределах самообороны. А я стану этому свидетелем. Кстати, Котов потом спишет на эти, как их там, как сейчас модно говорить - «небоевые потери»... Сейчас все равно этих рекрутов на войне сотнями кладут...

Только теперь внимательно слушавший их сержант увидел за спиной охранника складной десантный вариант автомата Калашникова и два дополнительных рожка с патронами в карманах брюк. Не дожидаясь, когда в баню войдет охранник, Евгений разбудил Нестерова и буквально вкратце обрисовал ситуацию.

Дождавшись, когда Ершов младший и его дама зайдут в дом, охранник направился к бане. Он резко дернул дверь на себя. И нащупав правой рукой включатель, по-хозяйски вошел.

-Общий подъем недоросли, - начал было он,- все на улицу. Вас приказано не жалеть...

Сильный удар табуреткой по голове не дал ему договорить.

Удар Евгения в темноте пришелся охраннику в самое темечко. Он, даже не успев, понять что произошло, рухнул ничком. И теперь лежал здесь у входа весь в крови с разбитым черепом. Рядом валялся автомат. Нестеров быстро дотронулся пальцами до шеи – пульс отсутствовал. Тогда он вытащил из карманов убитого два полных запасных магазина и рацию. Поднял с земли автомат и забросил его за плечо.

-Это за что вы его так? – Вдруг спросил проснувшийся Николай Петухов, с ужасом рассматривая лежащего на окровавленном полу охранника.

-Ты, видимо, хотел занять его место? – Услышав вопрос, зло усмехнулся Трещук, и, повернувшись к Нестерову продолжил. – Это была лишь самооборона. Ему, кстати, дали команду, если что, в нас стрелять...

Евгений еще раз тщательно обыскал лежащего охранника. Забрал партмоне, связку ключей и большой охотничий складной нож. На «всякий случай». Теперь же, они должны были, как сказал сержант – «наказать мажора и подчистить за собою».

Аккуратно и тихо, они открыли ключами охранника входную дверь в основной дом. Трещук хорошо ориентировался, запомнив с первого раза, где что располагается. Нестеров заглянул на кухню и взял еще два ножа. Вытащил из холодильника две бутылки водки, кое-какую закуску.

Пили молча прямо на лестнице из горлышка. Резали хлеб и колбасу принесенными ножами. Думали о том, что произошло, как быть дальше.

-Конечно же, - рассуждал про себя Евгений, - следовало бы сейчас, с рассветом, отправить Петухова в милицию, заявить об убийстве в целях самообороны. Приедут, разберутся. Хотя, с другой стороны, автомат мы с собою унесли, так что могут не поверить, что он принадлежал охраннику. Да и этот полковник скажет, что мы сами начали. Да и этот мажор подтвердит. А если сделают запрос на родину, там обязательно в милиции подтвердят всю нашу историю с «Робин Гудом». Так что, видимо, посадят по полной... Блин, как все против нас...

Когда хмель ударил в голову, все втроем поднялись к хозяйской спальне, и остановились у самого входа. Там за дверью, где громко играла музыка, слышался женский смех. В кабинете, где Ершов младший по полной программе наслаждался жизнью.

-Ну что, вольные стрелки? – Зловеще улыбнулся Трещук. – Покажем детяти, что такое «армейские киллеры». Он первый объявил нам войну. Я тут подумал – отступить нам некуда. Где один, там и все...

Одним ударом ноги они выбили дверь в комнату. Девушка лежала в кровати, а младший Ершов, в одних в трусах, возился у камина, пытаясь включить стоящий рядом домашний кинотеатр. Увидев пьяных неизвестных с автоматом и с ножами в руках, он попятился к стенке.

-Кто вы, и что хотите? – Прошептал он побелевшими губами.

-Ты, гнида, - процедил Трещук, - хотел, что бы тебе баньку истопили? Милости просим на обмывание твоего тела. Твой дурак-охранник пошел на растопку...

Все трое пьяненько засмеялись.

-Вы хотите денег? Золота? – пытаясь отвести от себя беду, буквально молил Ершов. – Я все сделаю. Я знаю код сейфа отца. Только меня не трогайте. Прошу...

-А ты меня и не возбуждаешь, - вдруг сказал Нестеров. – Но девка, твоя, сойдет...

-Тогда забирайте ее, - внезапно юноша опустился на колени. – Она – ваша.

-И эта гнида, нам еще будет советовать, что делать, - улыбнулся Нестеров, закинув за спину автомат. – Иди, будем сейфик твоего папика трясти.

-Но, для начала, чтобы ты нас не сдал, - Трещук подошел ближе к молодому человеку, и протянул ему нож, – убери сам свою шалаву. Выбирай – она или ты.

Ершов-младший, взяв из его руки охотничий нож, подошел к дрожащей от страха блондинке, и, абсолютно хладнокровно, ударил в живот, пытавшейся было закричать девушке. Один удар, два, три... Крик, заглушаемой громко музыкой, мгновенно затих. Огромное кровавое пятно на постельном белье увеличивалось с каждой секундой. Девушка лежала поперек кровати на спине и ее мертвые стеклянные глаза смотрели в потолок.

-Брось нож, и пошли к сейфу, - приказал сержант, предлагая Ершову идти в кабинет. – И смотри, без сюрпризов.

Часы на стене показывали пятнадцать минут шестого утра. Судя по всему, до общего пробуждения оставалось всего около часа, и нужно было торопиться.

Все четверо быстро пришли по длинному коридору, и подошли к кабинету отца.

-Надеюсь, найдешь тот, который нужен, - Нестеров достал связку ключей и передал ее сыну.

Они вошли внутрь. Трещук включил свет, и огромная красивая хрустальная лампа, висящая под потолком, ярко осветила огромный просторный кабинет. Младший быстро прошел к большому книжному шкафу, часть которого закрывала дверь сейфа, и, нажав на какую-то кнопку, показал само хранилище, крепко забетонированное в стену.

Когда все внутренности сейфа перекочевали в, невесть откуда взявшуюся в этом доме, большую темно-синюю спортивную сумку с эмблемой Олимпиады-80, Нестеров тихо, но с силой, воткнул нож в спину мажору. Точно под самые ребра... Парень молча осел на пол.

-Вот теперь у нас точно обратной дороги нет, - горько усмехнулся Трещук. – Теперь свидетелей не оставлять. Первыми убираем женщин, потом – братьев.

Дверь в женскую спальню, где спали замученные работой женщины, оказалась незапертой. Их убивали тоже ножом, тихо, предварительно закрыв рот ладонью. А вот с крепкими братьями церемониться не стали – рядовой Петухов двумя короткими очередями из автомата уложил их прямо у кроватей.

-Ну вот, солдатик, - отбирая у него автомат, улыбнулся Трещук. – Теперь собираем все самые дорогие вещи и вперед. Если верить этому мажору, отец здесь не появится еще

два дня. Это отлично. На хозяйском «Мерсе» мы сумеем за это время проскочить куда-нибудь на Украину, а там затеряемся. Тем более, с такими деньжищами.

Быстро переодевшись в одежду из шкафа убитого, и собрав в четыре чемодана все самое дорогое, они быстро все загрузили в машину и уже с рассветом выехали с территории. Но радоваться пришлось недолго.

У поста ГИБДД на повороте в сторону Приозерска, их внезапно остановил инспектор. Еще с ночи, стоящий здесь на посту сержант милиции, которого пьяный младший Ершов послал далеко и не в непечатной форме, просто жаждал реванша. Поэтому, увидев знакомый «Мерседес», он вылез из своих теплых «Жигулей» на улицу, под холодный морозящий противный дождь, в предвкушении хороших денег, и показал жезлом машине остановиться. Его напарник тихо дремал в кресле, причмокивая по-детски губами, и, видимо, досматривая окончания своего сладкого сна.

Отлично понимая, чем эта встреча может закончиться, Трещук быстро вылез из остановившейся машины, и, подойдя к удивленному инспектору, не говоря ни слова, резким движением ударил его ножом в живот. Милиционер сразу обмяк, а убийца сумел стащить с его плеча автомат. Подойдя к патрульной машине, он также тихо открыл дверь и ударил спящего милиционера с силой рукояткой ножа прямо в висок.

Потом, дабы выиграть немного времени, патрульную машину с мертвыми телами инспекторов, столкнули с дороги и пустили с крутого обрыва прямо в реку. Автомобиль ударился о гладь воды, проплыл еще немного по течению, и, набирая воду в открытые окна, полностью скрылся под темной осенней водой.

-Ну, вот и отлично, - Трещук посмотрел на соучастников, - теперь раньше весны их не найдут. А у нас уже три автомата. Так что теперь только вперед!

К розыску приступить

Внезапно приехавшие в штаб бригады мэр города Кирилл Барышников и начальник Приозерского РУВД Сулейман Гусейнов буквально сорвали проходивший там разбор итогов завершившихся учений.

-Товарищи офицеры! - Откашлявшись, начал глава города. - Сегодня, несколько часов назад, неизвестными преступниками ограблена дача нашего директора фарфорового производства Ершова. Сам он, к счастью, не пострадал.

-Причем, видимо, остался жив лишь по чистой случайности, - продолжил Гусейнов. – Он, забыл какие-то бумаги, и приехал туда сегодня утром. Первым и увидел место бойни. Другими словами, это назвать просто невозможно. В доме нашел своего убитого сына, в бане - охранника дачи. Позже, в доме нашли еще пять трупов людей из obsługi, двое из которых – расстреляны из автомата. Кто персонально, пока не установлено. Плюс к этому, час назад прервалась связь с одной из наших патрульных машин госавтоинспекции. По горячим следам совершенно случайно нашли их машину в реке. В ней – еще два тела наших милиционеров.

Сидевший, как на иголках, здесь же на совещании полковник Котов, теперь уже четко понимал, что произошло. В очередной раз необходимо было ...спасать себя.

-Конечно же, видимо, это осужденные из колонии, - вступил он в разговор. – Столько жертв.

-Мы сразу же проверили. Там все в порядке. И главное, - подполковник милиции на секунду замолчал, словно обдумывая дальнейшие слова. - В подвале дома в белье для стирки обнаружены три комплекта солдатской формы. А среди убитых их нет. Подумал, может дезертиры там отметились? Но если это так, то на кой им форму оставлять для стирки. Поэтому сразу к вам, узнать, нет ли среди ваших - пропавших или находящихся в самоволке?

-Мне сегодня утром сообщили, что из казармы пропали три солдата, - полковник Котов решил выбрать, в качестве обороны, нападение. – Я не думал пока поднимать лишний шум, надеялся, что они возвратятся.

-Ну, пока рано говорить, их ли это рук дело, - поднялся со своего места полковник Ковалевский. - Может наши солдаты и не виновны. В любом случае, необходимо срочно провести служебное расследование, если что-то подтвердится, то на их командира взвода и роты – готовить документы на увольнение. Потом всех, вместе с дежурным и дневальным по роте – на гауптвахту, до приезда прокурорских.

-А ваших ребят, товарищ подполковник, - Ковалевский посмотрел на Большакова, - как настоящих профессионалов, я попрошу заблокировать наш район с запада – перекрыв дорогу на Москву, и с запада – блокировав путь отступления на Украину. Надеюсь, милиция нам в этом поможет. Причем следует помнить, преступники вооружены. Так что не рисковать. Огонь на поражение. Слишком много уже жертв.

Когда все покинули кабинет комбрига, Котов вновь подошел к столу командира.

-Ты хотя бы представляешь, что ты натворил? – Полковник Ковалевский схватил со стола стеклянную пепельницу и с силой швырнул ее в соседнюю стенку. – Теперь точно полетят наши головы. Ой, зря я с тобою, тупым и алчным, связался...

-Всю информацию по погибшим засекретить, - Юрий Викторович, после минутной ярости, вновь приходил в себя. -Людам Большакова не делать ни одного шага без нашего контроля. Беглецов уничтожить. Даже если они захотят сдаться. К их поиску подключить все наших «отморозков» Олега Волика. Скажи им, что за каждую пострелянную голову дезертиров – по десять тысяч зеленых. Обо всем докладывать мне каждые полчаса.

-Ну не Приозерск, а какой-то Чикаго, - Ковалевский подошел к шкафу, вынул из него початую бутылку коньяка, и плеснул себе в рюмку. – Кстати, по сбитому Спиридонову есть какие-то последние новости? Или мне всех вас надо разгонять к чертовой матери?

-Я узнаю...я доложу, - сказал Котов и буквально вылетел стрелой из кабинета.

В штабе батальона Большакова собрались все офицеры. Пока майор Юрий Потапов на лежащей на столе карте дорог района наносил возможные пути продвижения преступников и возможные места для засад на них, сам Николай Алексеевич вводил подчиненных в курс дела.

Необходимо было перекрыть не только все выезды на федеральную трассу, но и, по возможности, взять под контроль все другие возможные пути. В помощь спецназовцам дополнительно выделялись сотрудники местной милиции и военнослужащие бригады.

Майору Владимиру Беликову достался пост у деревни Верхние дворики, там, где в глубинке пересекались лишь несколько грунтовых насыпных дорог, да деревянная дорога, проложенная полвека назад по болоту. Выделять туда, на дальнюю окраину милиционеров и солдат было не нужно, так что офицер взял своим напарником лишь одного человека – старшего прапорщика Эльдара Каримова. К слову, самого изъязвившего это желание.

Получив оружие и боеприпасы, сухой паек на несколько дней, все разъехались на указанные ранее посты.

...Утопив в реке милицейскую машину, Трещук с подельниками возвратились в свой «Мерседес», и вытащили из бардачка книгу с атласом автодорог. Судя по карте, дорог было много, но практически они все выводили на федеральную трассу, где, скорее всего, их уже могли ждать.

-Надо уходить тропами, - высказал свою мысль рядовой Нестеров. – Там, где на нас не обратят внимание.

Он повертел карту, прикидывая, как и куда можно добраться.

-Вот есть какая-то грунтовка, - солдат ткнул пальцем в пересечение на схеме нескольких черных линий. – Оттуда, можно по деревянным дровням болота, вот здесь,

через лес добраться до соседнего района, а оттуда, вот по этой сельской дороге, через вот эти поля, выбраться вот к этому поселку. А оттуда, уже на попутках, можем двинуться в сторону «Хохляндии».

-Молодец, братишка, - улыбнулся Трещук. – У тебя светлая голова. Но только от «Мерседеса» нам стоит избавиться, слишком приметная машина, тем более такого привлекающего внимания красного цвета. Думаю, надо сменить «тачку». Взять типа старенького «Москвича». Проходимый и неприметный деревенский автомобиль.

-А еще лучше – взять «пятидверку «Ниву», - поправил командира Нестеров. – И проходимая, и все шмотки уместятся. А на этой, пока доедем до какой-то брошенной деревни, машину уничтожим. А сами там зависнем на несколько дней. Пусть все нас разыскивающие думают, что мы уже далеко отсюда уехали.

-Блестяще! Куда теперь двигаемся? – Переспросил сержант Трещук, садясь за руль «Мерседеса», и положив на пассажирское сиденье автомат. - Серега, бери карту, будешь штурманом.

-Пока едем туда, - махнул рукой в сторону леса Нестеров. - По этой грунтовке лесом, мимо речки, к населенному пункту, который здесь отмечен, как «Верхние дворики». Там и заночуем, и другую машину поищем. А оттуда, как я вам говорил по деревянным дровням болота на свободу...

По раскисшей проселочной дороге они поехали подальше от места трагедии, сами даже не зная, что там вереди их уже ждала засада.

-Как хочется поесть, - внезапно впервые, за минувшие несколько часов езды, подал голос рядовой Петухов. – Может, в сельском магазине что-то купим?

-На, жри! – Устало побормотал Нестеров, доставая из сумки пакет. – Здесь из буржуйского холодильника хлеб и колбаса. А я бы от водочки не отказался. Стресс!

-А я бы сейчас продизенфицировал свой организм армянским коньячком, - поддержал беседу Трещук, аккуратно выводя машину из очередной лесной дорожной ямы. – Вот ведь классное авто делают наши «потенциальные враги», особенно полный привод. Едет по грязи, как мой танк.

Они выехали из мокрого осеннего леса вновь на поле. Дождь уже закончился и, чтобы в машине не потели окна, водитель их чуть приоткрыл. Ни одного человека, ни одной встречной машины. И, самое главное – ни одного указателя. Короткий светлый осенний день заканчивался. Стало быстро темнеть. Хорошо, что чуть вдалеке, за чертой колхозного поля, они увидели несколько светящихся окон стоящих на полянке деревянных домов.

Чтобы не привлекать к себе внимание, и дабы «Мерседес» не могли увидеть с дороги, Трещук прямо по траве подогнал машину к тыльной стороне одного из домов, того, что смотрел в сторону леса.

На стук долго никто не открывал, а потом они услышали шаркающие шаги, потом отодвинули внутри запор, и в полуоткрытой двери появилась невысокая сухонькая седая бабушка в теплом платке на голове.

-Бабушка, мы студенты из Москвы, - жалобно начал свою роль Нестеров, - поехали в поход. Вот заблудились и замерзли. Спасайте. А мы завтра утречком уедем. В накладе не останетесь, у нас и продукты есть, и денежек на пенсию подкинем.

Они быстро прошли в теплый дом, не позабыв вытащить из машины все четыре чемодана и две огромных спортивных сумки: одну - с оружием, и вторую - с едой.

Уставший за этот безумный день и бессонную ночь сержант Трещук, едва добравшись до кровати, сразу уснул. А Нестеров и Петухов, достав из сумки колбасу, сыр, икру и пачку сахара, отправились с хозяйкой на кухню пить чай. И только лишь потом, на сытый желудок, отправились спать.

Электронные часы на комод еда пропикали четыре утра. Трещук внезапно вскочил и, все еще не понимая, где находится, быстро осмотрелся. Его два напарника мирно посапывали рядом. Сержант подошел к окну и посмотрел на черное ночное поле.

Холодный, противный, осенний, морозящий дождь бил в окно, и словно слезой стекал по стеклу.

-Встаем быстро, - Трещук потеревбил за плечо Нестерова. – Пора ехать. В машине доспишь. И давай этого, Петуха, поднимай. Хватит ему тоже спать. Здесь нас могут искать в любой момент.

Оставив бабушке на столе столонларовую купюру, они вышли с вещами из дома и вновь загрузили их в машину. Тихий шум работающего двигателя днем, сейчас, в абсолютной ночной тишине, казалось, оглушил весь спящий рядом лес. В нескольких домах поблизости даже загорелся в окнах свет.

-Едем, - громко приказал сержант. – Иначе они в милицию будут звонить.

Дальний свет фар выхватил из тьмы еще больше раскисшую из-за дождя дорогу, и машина быстро двинулась по ней. Где-то в соседних дворах забрежали проснувшиеся собаки, и два раза прокричал след удаляющимся огням машины хозяйский петух.

Еще, где-то через час, дождь окончился. Ехали тихо, боясь завязнуть в лесной непроходимой грязи. Несколько раз Нестерову и Петухову даже приходилось вытаскивать машину из огромных дорожных ям, стоя по колено в воде. С рассветом дорога стала лучше, а, возможно, просто здесь и не было ночного дождя.

Еще два поворота сельской дороги обогнувшие поля, с «уснувшими» двумя тракторами, и вот уже видна сама деревенька. Судя по карте – это и есть те самые «Верхние дворики». Машина тихо свернула с основной дороги у каменного двухэтажного сарая и медленно вползла в самую деревню.

Теперь солдаты, должны были опять, представившись заблудившимися студентами, тихо снять на пару недель тут жильё. Вдали от тревог и розыска. Трещук, посмотрел на пустые улочки деревни и, улыбнувшись, закрыл глаза. Ну, вот и приехали...

В этот поселок Верхние дворики Беликов с Каримовым прибыли накануне, еще засветло и, получив разрешение местного «мэра», обосновались в небольшом каменном сарае на самом въезде. Удобно расположившись на втором этаже, майор в бинокль стал рассматривать окрестности. Отсюда действительно отлично было видно поле и пересечение дорог. Лучшего места для наблюдения найти было бы невозможно. Чтобы они здесь не замерзли, военным выделили электрическую печку.

Дежурить ночью решили по очереди, разбив все темное время суток на четыре равные части. Оружие и боеприпасы лежали рядом с выключенным фонарем. Отсюда, из темноты, дорога, освещаемая одиноким уличным фонарем, выглядела как на ладони.

-Что мы должны сделать, если они в этой глухомани появятся? – спросил перед самым сном Эльдар. – Задержать или уничтожить?

-Большаков же четко определил – только полное уничтожение, - опустил бинокль Беликов. – Хотя, может появиться возможность взять их без стрельбы. Тогда живыми привезем.

-Тогда действуем по обстоятельствам, напарник, - улыбнулся прапорщик. – Я – спать! Позже сменю тебя. А ты пока можешь кофейку попить.

Каримов разбудил майора Беликова в начале седьмого, тихо дотронувшись до плеча.

-Нам повезло, - тихо прошептал он, - они здесь. Только что проехали мимо. Как будем дальше действовать?

-Оружие примеряем только по необходимости, - кратко проинструктировал офицер, и кинул прапорщику большой пакет. - Бери, быстро переодеваемся в гражданское. И по готовности, приступаем к задержанию.

На улице было мало людей и красный «Мерседес» приезжих сразу же бросался глаза на серой пустынной улице. В машине было видно, что на заднем сидении расположился только один пассажир. Им был Петухов, пока два его компаньона обходили уже второй дом в надежде снять весь «коттедж» на неделю для себя.

Переодетые в гражданское Беликов и Каримов, в такой непрезентабельной одежде были очень похожи на обычных сельских жителей, идущих на повседневную работу. Единственным отличием было то, что в карманах их потертых курток лежали пистолеты.

-Командир, - Беликов постучал в закрытое стекло машины, за которым угадывался дремлющий Петухов. – Ты почему о машине не беспокоишься?

-Ты о чем? – Не понял пассажир и открыл настежь, свою правую заднюю дверь. – И вообще, что тебе нужно?

-Тебя, - улыбнулся Беликов и одним коротким ударом «выключил» своего собеседника. – Потом договорим.

Отработанным действием, он быстро заклеил Петухову рот скотчем, сковал руки наручниками и, вытащив из машины, перекинул тело в соседний огород. А прапорщик Каримов занял его место в машине.

-Да мне, кажется, просто сегодня везет, - улыбнулся Беликов, чуть отойдя в сторону от машины. – Неужели все проблемы сумею решить за один раз.

Трещук с напарником появились внезапно. Они шли к машине, смеясь и обсуждая, как всего за сто долларов они сумели успешно снять на три недели пустующий дом на окраине. Причем с колодцем и просторной баней.

Не обращая внимание на сидящего на заднем сидении, сержант, как обычно бухнулся на водительское место. И тут же получил сильный удар сзади в голову. Трещук ойкнул и, мгновенно выключился. Нестеров же, подойдя к машине и открыв дверь, прежде осмотрелся. Увидев рядом незнакомого мужчину, он сунул руку в карман куртки.

-Эльдар, у него оружие, - крикнул Беликов. – Берегись.

Но первым среагировал Нестеров. Он выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в салон. Туда, где все еще сидел на заднем сидении старший прапорщик Каримов. А затем, быстро направил пистолет на бегущего Беликова.

Но, на этот раз, майор оказался проворнее. Пуля из его «макарова» попала Нестерову в голову и он, рухнул тут же на дверь. На красной краске машины осталось кровавое пятно.

Беликов быстро открыл дверь машины и бросился на заднее сидение, где сидел весь в крови уже мертвый Каримов.

-Товарищ подполковник, - всего через сутки майор Владимир Беликов уже в Приозерске докладывал Большакову о завершении проводимой операции. – В ходе оперативных мероприятий по задержанию вооруженных дезертиров, одним из преступников был убит наш коллега старший прапорщик Каримов. Все три сбежавших солдата, оказали сопротивление, и были уничтожены. Их тела переданы в медсанбат бригады. Тело Эльдара – в городском морге.

-Извини, Николай, - уже совсем неофициально закончил он доклад. – Не уберег. Готов понести любое наказание.

-Не извиняйся, - перебил его Большаков. – Ты сделал все, что мог. Может расскажешь, как там было?

-Любопытство – это грех, - горько усмехнулся Беликов. – И вообще, даже не хочу вспоминать. Буду всегда себя винить в его смерти.

-У него стались родственники? – Поинтересовался Николай.

-Нет, он сирота, - кивнул головой Беликов. – Так что похороним здесь, в Приозерске. Может, ты подготовишь на него представление, посмертное, на государственную награду. Он погиб, как герой, спасая людей от озверевших преступников.

-Ну, ты тоже у нас герой, - Большаков подошел и обнял товарища. – Тоже жизнью рисковал. Но боюсь, полковник Ковалевский не захочет выносить сор из избы. Так что готов любой свой орден тебе отдать.

-Я не гордый, - улыбнулся Беликов, - как там, у Теркина, «нам ордена не надо, я согласен на медаль». Так что я тоже героем себя не чувствую. А хочешь наградить, готов взять твой трофейный старый кинжал. Приеду в Тверь, к себе в коллекцию добавлю, у меня таких уже семь штук.

-Рад бы, - махнул рукой Николай, - но этот бухарский пчак мне отдали как трофей, еще там в Таджикистане. Он мне, как память. Да и даренное, нельзя передарить. Многие уже просили. Так что я тебе обязательно государственную награду выбью. Или найду кинжал старее и круче. Тоже, будет у тебя, как память. И коллекцию пополнишь.

Алиби для иуды

В кабинете командира бригады полковника Ковальского в этот вечер было необычно тихо. Ничто не нарушало висящее здесь молчание. Юрий Викторович сидел в своем кресле, закрыв глаза. И, со стороны, казалось, дремлет. Но, на самом деле, он решал для себя очень серьезную задачу.

Теперь, когда все три тела погибших солдат уже доставили в Приозерск, и они лежали в морге, именно ему и Котову необходимо было за очень короткое время найти внятное объяснение тому, как его солдаты оказались на даче бизнесмена Ешова. Как они стали дезертирами и убили столько человек?

На все у него осталось меньше суток. Потом все произошедшее будут, уже без его участия, оценивать там, в Москве. И обязательно найдутся те, кто воспользуется возможностью «утопить» Ковалевского. Так что сейчас Юрию Викторовичу необходимо было быть первым, перехватить инициативу, представить «правильную» версию ЧП.

-Дорогой Сергей Станиславович, - еще два часа назад Юрий Викторович здесь же в кабинете, разговаривал с убитым горем директором Ершовым. – Конечно же, примите наши соболезнования. Кто мог подумать, что эти нелюди совершат такое подлое убийство вашего очаровательного сына. Ваша беда безгранична, и, конечно же, мы берем на себя все затраты. Плюс моральная компенсация вашей семье. Я понимаю, что сына этим не возвратишь, но вы должны знать - его убийц мы покарали.

-И что вы хотите от меня? - Ершов-старший поднял полные слез глаза на полковника.
- Вы лишили меня смысла жизни....

-Дополнительно, - Ковалевский уперся на стол двумя кулаками и, в упор посмотрев на «убитого горем», перешел с официального на более понятный для коммерсантов язык, - все украденные вещи и деньги будут сегодня же возвращены. Полностью... Конечно, если это поможет Вам вновь «обрести смысл» в дальнейшей жизни, и нашем совместном бизнесе. А Вы нам поспособствуете в «разруливании» сложившейся ситуации...

Так что уже на следующий день, в официальном отчете РУВД Приозерска для Москвы можно было прочитать результат ночного коллективного творчества Ковалевского, Котова и Гусейнова. Согласно составленных ими «материалов следствия», краткая фабула произошедшей трагедии теперь выглядела так:

«План ограбить придумали работавшие этой осенью на даче у бизнесмена Ершова два брата из Казани Руслан и Ментемир Гузевы. Именно они, ослепленные увиденными дорогими вещами в доме, в ту ночь убили охранника и завладели его оружием. Потом они ворвались в кабинет самого Ершова, где безжалостно убили его сына-студента, готовившегося в тот вечер к переводным экзаменам. Затем опустошили сейф. А для того, чтобы не оставлять в живых свидетелей, убили приехавшую с сыном его невесту и трех женщин из obsługi. Потом с вещами и содержимым сейфа угнали машину бизнесмена. По дороге зверски убили двух инспекторов госавтоинспекции.

Поднятые по тревоге военнослужащие гарнизона полковника Ковалевского блокировали вместе с милицией весь район, пытаясь обнаружить преступников. Но убийцы, используя сельские дороги, попытались скрыться. И только в районе населенного пункта «Высокие дворики» они попали в засаду, организованную

военнослужащими гарнизона во главе с майором Беликовым. В ходе боя, проявив личное мужество, сержант Трещук, рядовые Нестеров и Петухов спасая мирных жителей от бандитских пуль погибли смертью храбрых. Старший прапорщик Каримов, будучи уже смертельно раненным вступил с одним из бандитов в рукопашную схватку, и, только убив противника, сам потерял сознание. Ни один преступник не скрылся, все они были ликвидированы.

Поэтому, руководство района ходатайствует перед командованием части о представлении к ордену майора Владимира Беликова, а также всех участников спецоперации по задержанию преступников к государственным наградам (посмертно). А именем героически погибшего старшего прапорщика Эльдара Каримова хотят назвать школу № 3 города Приозерска, расположенную рядом с территорией военного городка».

В кабинет полковника Ковалевского внезапно постучали. От размышлений его оторвал стоящий на пороге заместитель Николай Котов.

-Юрий Викторович, - вошедший полковник был в хорошем настроении, - разрешите доложить о ситуации с дезертирами. Считаю, что Вам больше об этой истории можно не беспокоиться. Все решили миром. Тела трех погибших солдат с воинскими почестями отвезут и похоронят на их Родине. Сейчас таких «цинков» с Кавказа по стране возят сотнями. С бизнесом тоже все утрясли.

-Что касается погибшего прапорщика, - продолжил Котов, протягивая командиру фотографию Каримова из личного дела, - то принято решение похоронить его на местном кладбище. А что касается присвоения школе №3 имени этого героя, то мэр Барышников такое решение уже принял. Вот Большаков даже его фотографию подготовил. Ну, для музея и для газеты. Ответственный секретарь районной газеты Ярослав Гибко пообещал, что о прапорщике сделает очерк их корреспондент Елена Родченкова.

Полковник Ковалевский внимательно посмотрел на фото, и передвинул его на краешек стола. Действительно, сегодня утром из Москвы сообщили, что вроде бы расследование по случаю этого убийства на даче окончено. Более того, вроде бы командующий округом их за задержание вооруженных преступников даже похвалил. Теперь предстояло лишь заручиться «молчанием» Большакова – и все.

-У Вас еще что-то? – Спросил он у топчущегося у двери Котова. – Уж даже не рад, что с вами связался. Получается Вам ничего доверить нельзя. Опять ваши «косяки» прикрываю.

-Да, тут у меня немного есть информации, ну, по погибшему Спиридонову, - начал было зампотыл. – Парни Волика потрудились. Есть словесный портрет того мужика - из «Жигулей», который сбил насмерть журналиста. Тут художника попросили по нему нарисовать что-то похожее. Сделали. Правда никто из блатных его не знает. Не исключаю, что может это человек случайный, залетный? Хотя не понятно, зачем ему столичный журналист.

-Хорошо, я разберусь, - Ковалевский положил карандашный портрет предполагаемого убийцы на стол. – Скажи Волику, что если мужика с этого рисунка найдут живым, все получат хорошую премию.

Юрий Викторович, дождавшись, когда Котов выйдет из кабинета, еще раз посмотрел на карандашный рисунок портрета. Вроде где-то он его видел. До боли примелькавшееся лицо. Но кто этот неизвестный и где он его мог видеть? Почему-то не проходило ощущение, что он видел этого человека совсем недавно. Короткая прическа, восточное лицо, широкие скулы, и спортивная шапочка, надвинутая на самые брови...

Полковник еще раз перебрал всех возможных знакомых. Увы... Может кто-то случайный с местного рынка? Да нет, Волик уже бы его вычислил...

Ковалевский подошел к окну, и нервно закурил. Дым поплыл по комнате, и, ненадолго задумавшийся было Юрий Викторович, быстро среагировав на это, приоткрыл окно. Промозглый холодный осенний ветер, словно удивленный таким приглашением, ворвался в кабинет, и будто озорной мальчуган стал гоняться по нему, разбрасывая лежавшие на столе бумаги.

Внезапно, один из его порывов, сорвал с края стола лежащую там фотографию и швырнул ее прямо под ноги полковника. Ковалевский, быстро закрыл окно, и стал поднимать с пола упавшие листы. Нагнувшись за фотографией, он внезапно понял. Знакомый овал лица, и те самые глаза. Конечно же, как он сразу не понял - на переданной ему Котовым фотографии и на рисунке, который передал Волик - был запечатлен один и тот же человек. Это был погибший в перестрелке при задержании старший прапорщик Эльдар Каримов.

Вот это поворот! Полковник Ковалевский, конечно же, к этому был не готов.

Оставалось непонятным, зачем Большакову вдруг понадобилось устранять этого Спиридонова? Или люди Волика ошиблись с портретом, банально перепутали? Но, в любом случае, сейчас это было ему очень выгодно. Даже, если потом, это и не подтвердится...

Юрий Викторович вышел из здания штаба на улицу, для себя пока еще не решив, как следует грамотно построить разговор с командиром спецназа. В его папке лежали фотография Каримова и карандашный рисунок предполагаемого убийцы. Конечно же, оба портрета во многом похожи, но, увы, нет прямых доказательств. Да и прапорщик, так, некстати, погиб. Хотя для себя решил главное – пока сам Большаков со всем лично не разберется, он будет молчать...

Большаков сидел у себя в кабинете, и заполнял какие-то документы. Но, когда в двери появился Ковалевский, Николай поднялся со своего кресла, поздоровался, и, как гостеприимный хозяин, предложил ему присесть.

-Что вдруг привело сюда лично самого командира бригады? – С интересом спросил хозяин кабинета. – Вы нас своим посещением давно не баловали.

-Прежде всего, - Ковалевский присел на стул, - хочу сказать вам спасибо за задержание преступников. И выразить соболезнование по поводу гибели вашего прапорщика. Так что. Вы сами видите, мне не нужна война, и я пришел сюда с миром.

-На этом, видимо, официальный обмен любезностями окончен, - подошел к нему Большаков. – У нас нет ни мира, ни войны. У нас есть служба. Надеюсь, что военная прокуратура расставит все точки над «i», и Ваше место в бригаде займет на самом деле честный профессионал.

-Спасибо за откровенность, - Ковалевский достал из папки и выложил на стол несколько листов бумаги. – Понимаю, что подписывать итоги нашего расследования ты не будешь?

-Ты все правильно понимаешь, Юрий Викторович, - жестко ответил Николай. – Тебе твои дезертиры еще долго будут аукаться.

-Тогда, значит, пред закрытые очи Фемиды, - командир бригады загадочно улыбнулся и внимательно посмотрел на Большакова, - пойдём с тобою уже вдвоем. Я, как ты правильно сказал - за беглецов. Хотя, это уже никто не сможет доказать. А значит меня ожидает не наказание, а поощрение за ...воспитание героев.

-Ну, а Вы, уважаемый Николай Алексеевич, - продолжил Ковалевский, - за то, что приказали своему подчиненному убить столичного журналиста Спиридонова. Обвинение не голословное, а с доказательствами...

-Но я могу об этом совсем «забыть», - спокойно продолжил он, видя, как удивился собеседник. - Вы подписываете все результаты расследования, а в нашей доблестной

милиции «теряют» обнаруженные документы по поводу убийцы журналиста. И тогда для всех ваш прапорщик Каримов остается и дальше не убийцей, а отважным офицером.

-Как Вы можете говорить о погибшем человеке, - Большаков поднялся из-за стола и, указав гостю рукой на дверь, добавил, - Уходите отсюда, я больше с Вами говорить не собираюсь. Более того, за то, что вы сказали, в порядочном обществе бьют лицо. Но, Вам, судя по всему, что такое офицерская честь не известно.

-Хорошо, - Ковалевский достал из папки рисунок и положил ее на стол рядом с фотографией прапорщика. - Разве они не похожи? Справа – переданная Вами, товарищ подполковник, фотография из личного дела вашего прапорщика Каримова. А слева – рисованный портрет убийцы из машины, который, по словесному писанию, составили сотрудники милиции, опросив всех свидетелей после трагедии со Спиридоновым.

-Поймите, это не шантаж. – Ковалевский усмехнулся. - Мне просто передали из милиции готовые результаты оперативно-розыскных мероприятий. Согласитесь, никто Вам не поверит, что этот прапорщик действовал самостоятельно. Найдутся и те, кто решит, что Вы решили таким образом не допустить публикаций в столичной прессе о ваших художествах.

Николай Большаков сидел и смотрел на разложенные перед ним документы. Верить в услышанное, не хотелось. Хотя, с другой стороны, если взять сказанное за истину, то тогда становилось понятно, как «Хирург» мог контролировать все происходящее в батальоне. Конечно же, прапорщик мог быть его ушами и глазами. И, при этом, Николай ведь сам пригласил его к себе в команду.

Кто же этот человек, которого по документам все называли -«старший прапорщик Каримов»?

Спустя два часа в кабинет Большакова постучал лейтенант Евгений Чернов, и оторвал командира от раздумий.

-Товарищ подполковник, разрешите?- Офицер держал в руке небольшой пакет. – Мне очень срочно. Я тут после обеда решил вскрыть комнату и собрать личные вещи погибшего Эльдара Каримова.

-Ну, осмотрел стол, тумбочку, шкаф. Хотел было уходить, но случайно у окна уронил ключ. Нагнулся поднять, и обратил внимание, что паркетная доска в углу у самого холодильника немного вздыбилась. Чисто интуитивно решил поправить. Короче, снял три доски – под ними небольшая ниша-тайник. И там нашел вот это.

Лейтенант открыл пакет и оттуда выпала небольшая темно-серая сумка. Николай сразу узнал ее – это была та самая пропавшая сумка журналиста Спиридонова, загадочно пропавшая в день его гибели. Николай ее хорошо запомнил.

Большаков быстро открыл сумку и высыпал содержимое на стол. С виду ничего не обычного – две зеленые папки, черный кожаный блокнот, две шариковые ручки, редакционное удостоверение. Папки были пусты – бумаги пропали.

Пролистал блокнот, внимательно просматривая страницу за страницей. И вдруг увидел лежащий там сложенный в шесть раз листок бумаги. Это был бланк телеграммы, заполненный неторопливым красивым подчерком самого погибшего Спиридонова. Телеграммы, которую, он видимо, собирался отправить с почты в тот злополучный вечер.

Небольшой текст телеграммы был прост:

«Главному редактору. Прошу разрешить задержаться Приозерске. Материала больше, чем ожидал. Необходимо прислать фотокорреспондента на круглый стол. Очерк про генерала и прапорщика. Это те самые герои, которых ищем. Надеюсь дождаться, хотя плохо себя чувствую. Подозрение на аппендицит. Но надеюсь, что до хирурга дело не дойдет. Срочно жду решения. Ваш Спиридонов»..

Теперь все было понятно. Спиридонов, видимо, узнал этого человека, который скрывался под фамилией Каримов. Понимая, что за ним идет слежка, рассчитывал, что, в тайне от всех, передаст по почте эту телеграмму. Конечно же, он рисковал, но был

уверен, что те, кто его «пасет», особо не будет вдаваться в текст этого сообщения журналиста, тем более о редакционных буднях.

Конечно же, Спиридонову, необходимо было поставить в известность людей в Москве, что человек «Хирурга», а может и сам главарь здесь в городе. Но он не успел.

Непонятной была здесь и роль этого приезжего генерала Неверовского. Тихий, приветливый. Приехал в Приозерск недавно, ребята сказали, что ни с кем не встречался, только с ветеранами. Почему же его упомянул Юрий? Может быть просто так, для конспирации...

Большаков проложил телеграмму на стол, и внимательно просмотрел блокнот до конца. Больше ничего необычного – рядовые записи о жизни и службе, ветеранах. Ничего особенного.

- Да, еще в нише нашел, - Чернов положил перед командиром на стол два бланка старых замусоленных телеграмм. – Не его. Адресованы нашему Володе Безродному. Правда, не могу понять, чего они в этом тайнике у Эльдара делали.

Теперь Большаков понимал, зачем Каримову потребовались эти использованные бланки. В них же был указан точный адрес будущей тещи Безродного, ее имя и отчество, а также имя невесты. Одним словом – все для создания той самой непонятной телеграммы, бросившей тень на молодого офицера.

- Извини, - Николай поднял глаза на лейтенанта Чернова, и спросил, полагаясь лишь на случай, - а ты в комнате у покойного какой-нибудь печатной машинки случаем не видел?

- Была такая небольшая, красно-белая, югославская, портативная, - улыбнулся Чернов. - А вы об этом знали? Мы-то думали, он на ней пробовал свои стихи набирать...

- Увы, как теперь стало ясно, проза у него лучше получалась, - грустно констатировал Большаков...

Генерал Неверовский появился в городском парке, как и было обговорено ранее, в начале десятого вечера. Он не торопясь прошел по центральной аллее, и, убедившись в том, что за ним никто не наблюдает, резко свернул на неосвещенную дорожку в сторону летней танцплощадки. Туда, где на темной лавочке виднелся силуэт сидящего человека.

- Рад тебя видеть, Ширали, - генерал подошел к сидящему в темноте, и протянул руку. – Уж и не ожидал тебя увидеть, тем более в такой одежде Мне кажется, что мы совсем неоправданно затащили всю нашу операцию.

- Все что мы сделали, - неизвестный обнял генерала и вновь сел на лавочку, - мы сделали верно. Кстати, Очень вовремя погиб «Турист». Он полностью выполнил все возложенные на него задачи, и был уже нам не нужен. Да и засветился он, когда устранял журналиста. Городские бандиты и милиция его вычислили.

- Тогда может быть надо все вообще здесь завершить? - Переспросил Алишер. – Деньги с бизнесменов уже получили. Окружение твоего «друга» Большакова пощипали. Может пора и на покой, пока еще длятся эти «золотые» времена.

- Пойми, брат, - рассмеялся скрытый в темноте собеседник, - мне нужен не сам этот Большаков. Вся эта многолетняя многоходовка только ради того, чтобы забрать у него одну очень дорогую вещь отца. Помнишь отцовский бухарский пчак? А вся вендетта и брошенные скальпели – это так больше, как сейчас говорят, для понтов...

- Мы и так Большакову нервов потрепали достаточно. Зачем тебе эта вещь? Мы еще все удивлялись, видя, как твой отец с ним носит. Да я, тебе такой кинжал подарю, весь в золоте и бриллиантах, из самой старой коллекции Крымского хана, - улыбнулся Неверовский. – Так что ты, брось эту затею. Нам денег хватит.

- Ты не понял, - оборвал генерала собеседник. - Это не просто кинжал. Помнишь, есть такая легенда о священном Граале. Потом оказалась, что это самая обыкновенная жестяная кружка, но творящая чудеса. Вот этот нож и есть, если так сказать, мой личный

Грааль. Это все, что мне от этой жизни нужно. Там на ножнах, лезвии и на рукоятке есть буквы - зашифрованные части номера расчетного счета отца в швейцарском банке. Счет, который обеспечит нас с тобою и наших правнуков. А в ручке со львом – личная печать.

-Так что поступаем, как договаривались, - продолжил он. – Ты через мэра города Барышникова и любителя денег Котова, в подвале под офицерским общежитием, буквально завтра устраиваешь склад. Строго через подставных людей. Потом забираешь трех самых богатых местных бизнесменов, и, якобы, везешь их на встречу с представителями какой-нибудь торгово-промышленной палаты. Ну, а по дороге их «пакуешь», и отвозишь к нам на базу на Кавказ, где у тебя там еще спрятан свой «товар». А я забираю кинжал, «прощаюсь» с Большаковым, и следом за тобою. Все понял?

Запах денег

-Господин Наливайко, - генерал Неверовский поднялся из кресла и гостеприимно предложил присесть на диван, вошедшему к нему в гостиничный номер, - очень рад, что предприниматель такого высокого класса меня посетил здесь в Приозерске.

-Не преувеличивайте, Алишер Юрьевич, - улыбнулся хозяину невысокий лысый мужчина средних лет, - вы же знаете, бизнесу нужны друзья, и чем их больше, тем лучше. Так что я хороший друг. Вот видите, мы с вами уже заключили пять взаимовыгодных контрактов на поставку теплых вещей и спальных принадлежностей для наших военнослужащих на Кавказе. Я обеспечиваю им товары, вы мне - государственный заказ. Мы же должны беспокоиться о наших защитниках страны.

-Хотя до сих пор, пока не понимаю, почему вы сегодня предложили мне прийти к Вам, - вошедший с удивлением посмотрел на генерала, - я был уверен, что мы все обговорили еще там на конференции.

-Просто не хотел всех ставить в известность, чем Вы еще пару лет назад занимались, - парировал Алишер. - Думаю, что в Москве мало кто бы вам потом протянул руку, узнав, что вы, к примеру, во время недавней войны тайно поставляли оружие людям Дудаева. Скупали автоматы и пулеметы у алчных прапорщиков и офицеров из воинских частей, расположенных на территории бывших республик СССР и продавали боевикам. И сколотили, тем самым, на гибели наших солдат огромное состояние.

-Генерал, я не позволю в таком тоне со мною разговаривать, - начал было Наливайко.- У меня все с законом в порядке.

-А Вам не собираюсь читать мораль, - в эту минуту Алишер вдруг вспомнил своего любимого Остапа Бендера, и сразу же его процитировал. - Помните, как у Ильфа и Петрова в «Золотом тельняшке»: **«Интересный вы человек, Александр Иванович! Все у вас в порядке! Удивительно! С таким счастьем - и на свободе!»**

-Еще раз Вам говорю, - с улыбкой продолжил Неверовский, - я убираю из этого всю нравственную и моральную сторону вашего поступка. Бог вам судья. Но здесь, на этой грешной земле, на вас уже заведено большое такое уголовное дело по факту торговли оружием с боевиками. По приезду в столицу Вас сразу же возьмут под стражу.

Наливайко замолчал и уже со страхом смотрел на генерала.

-Мне об этом сообщили два дня назад, - спокойно продолжил Алишер. – Поэтому я предлагаю Вам помощь. Правда, сами понимаете, не безвозмездно. Если Вы мне не верите, я могу прямо сейчас продиктовать суммы и номера счетов, на которые вам перегонялись «чеченские» деньги.

Именно ради этой встречи Алишер и рвался провести конференцию. Еще полгода назад, в Чечне, ему дали данные на этого «толстосума» господина Наливайко, включая настоящие суммы и его счета, и даже фамилии посредников. Предателей не любят нигде. Именно поэтому, найдя Наливайко в Москве, Ширали познакомился с ним «случайно», провел несколько «делок», а потом пригласил его в Приозерск.

Поэтому Алишер мог его сейчас шантажировать, ссылаясь на конкретные реальные документы.

- Можете убедиться, что все честно, - Неверовский положил перед ним на стол листок бумаги с номером счета и данными банка. – С учетом того, что «официально» все боевые действия завершены, Вас, уважаемый господин Наливайко, скорее всего до суда не доведут. Возможно, вы просто повеситесь у себя в камере, «раскайвшись в содеянном». И на вашей могиле потом поставят обычный деревянный крест, без фамилии, и только с одним номером.

- Сколько? – Угрюмо просил пришедший в себя гость. – Какие гарантии?

- Думаю будет достаточно моего генеральского слова, - улыбнулся Алишер, - Ну, все забирать не буду, оставлю на жизнь. Понимаете, это ведь не только мне.

- Итак, Вы мне двадцать пять миллионов долларов, а я, к примеру - Ваше закрытое уголовное дело. Сами понимаете, я лишь посредник. Деньги пойдут выше. Так что завтра, ровно в пятнадцать ноль-ноль вы мне передадите деньги, а я позвоню в Москву со своего портативного передатчика, и, в это же время, там закроют ваше дело «В связи с выявлением факта непричастности человека к преступному деянию». Уверен, оно того стоит. А потом - воруйте еще, но, как говорится, уже с ... чистой совестью!

Завершая свои дела, уже на следующее утро, генерал Неверовский прибыл в приемную мэра Приозерска Барышникова.

- Уважаемый Кирилл Борисович, - Алишер вошел в кабинет руководителя города и, даже не спрашивая разрешения, удобнее расположился в кожаном кресле, - прежде всего спасибо за организацию и помощь в проведении нашего торжественного мероприятия.

- Прошу, это ваш процент, - он ловко достал из внутреннего кармана пиджака пухленький конверт и подвинул его ближе к Барышникову. - Все честно и открыто. Нескольким вашим предпринимателям я помог в организации встречи с представителями Торгово-промышленной палаты. Хотел сам их познакомить, но, увы, пока занят. Так что если будет возможность, то обязательно с ними вновь встречу. Ну, а пока, пришел с вами проститься. Хорошего, если так можно сказать, понемногу.

- Не стоило товарищ генерал, так беспокоиться, - сказал мэр и, одним движением руки, бросил конверт с деньгами в верхний ящик стола. - Мне тоже было приятно с Вами работать. Буду признателен, если сумею пригодиться в будущем.

- Кстати, - улыбнулся генерал, - у меня еще есть к вам одна небольшая просьба. Тут один из прибывших бизнесменов из Карелии прикупил себе домой в Москве кое-какое электронное оборудование. И еще некоторый эксклюзивный строительный материал, да и так, еще кое-что из электроники по мелочам для жены и друзей. А так как он планирует уезжать из Приозерска только через четыре дня, попросил меня оказать ему помощь. Скрыть, как вы сами понимаете, этот очень дорогой товар от лихих людей, и лишних глаз.

- Надеюсь, Вы ему поможете в этой мелочи, - Неверовский достал из кармана очередной конверт, и вновь аккуратно подвинул его Кириллу Борисовичу. – Единственное, что он попросил узнать, есть ли возможность разместить весь товар где-нибудь непосредственно на территории военного городка, где-нибудь в подвале дома. Сами понимаете - закрытое помещение, да еще и на закрытой территории.

- Думаю, что проблем не возникнет, - вновь улыбнулся Барышников. - Правда, не знаю, есть ли там свободные подвалы в гарнизоне. Поинтересуюсь у полковника Котова, он в курсе всего происходящего.

- Ну, помощь военным – дело святое, - вновь заулыбался генерал, и достал из кармана очередной, уже третий по счету, конверт. – Надеюсь, полковник не только найдет для хранения вещей подвал, но и проследит, чтобы туда никто не лез без повода. Кстати, я

тут слышал, что в подвале офицерского общежития сделали недавно капитальный ремонт. Вот он и сгодится. А я, к сожалению, уезжаю завтра. Надеюсь, еще увидимся.

-Я в этом просто уверен, - мэр протянул на прощание руку. – А по поводу склада - распоряжусь сегодня же.

На улице Неверовского уже ждала его служебная машина и джип сопровождения. Он махнул рукой охранникам, и приказал ехать в гостиницу.

Поставив машины чуть в стороне от основного входа, дабы они не бросались в глаза, генерал приказал быстро собрать вещи и через полчаса уже быть готовыми к отъезду. У себя в номере он инструктировал трех из своих людей, тех, кто должен был остаться еще на несколько дней в Приозерске.

-«Сухой», с сегодняшнего дня ты - бизнесмен из Карелии, - ухмыльнулся Алишер, передавая одному из своих людей пакет документов, - хотя, ты на карела явно не похож. Но, сейчас, в период беспредела - возможно все.

-Все для склада заберешь завтра утром вот отсюда, - продолжил Неверовский, ткнув пальцем на точку карты города и окрестностей. – Привезете багаж в военный городок и разгрузите в подвале офицерского общежития. Пропуск будет готов сегодня вечером. Запомни, подвал офицерского общежития №2, там за жилыми домами на самой окраине городка. И не в ином месте. Вам необходим подвал левого жилого крыла этого здания. Разгрузитесь без свидетелей. Если спросят, скажете, что стройматериалы для командования бригадой.

-Да, и самое главное, - он тяжело вздохнул. – Ключ от подвала обязательно в этот же вечер «Сухой» возвратит лично полковнику Котову. Обязательно скажет ему, что видел, как в подвале, перед его приездом, находились какие-то «неизвестные люди в спецовках». Причем, необходимо это все сказать при свидетелях.

-Потом твои люди быстро покинут город. Переберутся в областной центр, и там, в гостинице, уже будут ждать тебя, и дальнейших твоих распоряжений. На отдых им одна неделя. Для «Сухого» есть отдельное поручение. Он в областной центр подъедет позже. Если вдруг «Сухой» не появится, то вы самостоятельно через Грузию перебираетесь в наш полевой лагерь на Кавказ.

- И учти «Сухой», - Алишер достал большую спортивную сумку, - здесь внутри в пакете ваш гонорар, деньги на жизнь и на билеты. Рядом в коробке - взрыватели и часовой механизм. Их не трогать. Ваша задача – только доставить до подвала и выложить. Мешки необходимо подложить под опоры этой части дома, и главное - под основание одной из комнат, там, где в подвале на потолке будет нарисован мелом треугольник.

Как и было обговорено ранее, человек «Сухого» получил пропуск на два грузовика со стройматериалами на территорию военного городка и ключ от подвала. А полковник Котов свой достойный гонорар.

Прощальный сувенир

В тот вечер почти весь личный состав батальона подполковника Николая Большакова заступал в наряд по гарнизону. Из всех его офицеров в общежитии оставался лишь один майор Владимир Беликов, только сменившийся с суточного дежурства.

-Слушай, Володя, - Николай похлопал друга по плечу, - у меня к тебе одна очень деликатная просьба. И очень секретная.

-Конечно, командир, - Владимир улыбнулся, - все сделаю.

Николай достал из планшета фотографию старшего прапорщика Каримова и нарисованный на листочке портрет неизвестного, переданный Ковалевским, и положил их на стол перед Беликовым.

-Как, на твой взгляд, они похожи? – Тихо спросил он.

-Ну, если присмотреться, то есть схожесть, - ушел от четкого ответа Беликов. – Правда, я его в таком виде никогда не встречал. Что за маскарад?

-Понимаешь, я сам еще не разобрался во всей информации, - тоже очень аккуратно продолжил Большаков. – Но существует предположение, что именно он находился за рулем той машины, которая сбила нашего столичного журналиста Спиридонова. Правда, доказательств нет, одни догадки.

-Стоит ли тогда марать память отважного офицера, тем более погибшего в бою? - Беликов поднял глаза на командира. – Тут нужны железные доказательства.

-Думаю, Володя, что доказательства найдутся, - тяжело вздохнул Николай. – Хотел бы тебя спросить, ты не помнишь, что это была за газета, где мы впервые прочитали о подвиге отважного прапорщика милиции Эльдара Каримова.

-Не помню. Надо поднять его личное дела, сделать запросы, - махнул рукой Владимир, - я думал, что это ты его сюда сам забрал.

-Ладно, - подвел тог разговору командир, - хочу тебе, как опытному аналитику, доверить разбор этого непростого дела. Подумай, могли ли мы прохлопать такого врага у нас в центре. Посмотри, подумай, есть ли какие-то зацепки. Времени на раздумья нет, через 10 дней выезд на Кавказ. А мы здесь в гарнизоне еще порядок не навели...

-Не беспокойся, Николай, - Беликов встал по стойке «Смирно», - вот немного выплусь, а потом, если что, подумаю и сразу же сообщу.

В офицерском общежитии уже давно все уснули, а в комнате Беликова продолжал гореть свет. На столе были веером разложены фотография, рисунок, бланки телеграмм. А на большом листе альбома для рисования были отмечены какие-то кружки с буквами посередине. Часть из них были перечеркнуты двумя линиями, рядом с какими-то кружками - стоял вопросительный знак. В пустой стеклянной банке из-под болгарского горошка лежали горой дымящиеся остатки выкуранных сигарет.

В гарнизоне было тихо. В чуть приоткрытое окно, Владимир внезапно услышал чьи-то шаги. Он быстро прислонил ухо к стенке, где в соседней комнате размещался сам Большаков. Нет, было тихо. Значит, показалось, и Николай не заходил.

Потом кто-то пробежал под окном. Это мог быть кто-то из ребятни соседних домов офицерского состава. Они часто бегали здесь, пытаясь сократить расстояние до КПШ.

-Наверное, опять бесятся, - подумал Владимир, и еще раз подойдя к столу, взглянул на свою специально нарисованную схему. – Да, еще пару штрихов и можно свои размышления докладывать Большакову.

Он оторвал взгляд от рисунка и взглянул на часы над дверью – они показывали **десять минут первого ночи**. Не выключая настольную лампу, он подошел к кровати, и, как и был в одежде, буквально свалился в нее. Пару часов сна его организм не просил, а просто требовал.

На первом этаже пристройки офицерского общежития было тихо. В дальнем углу, у самого окна одиноко очень слабенько горела неяркая лампочка, слегка освещая лишь контуры стоящего в коридоре человека. Стараясь идти как можно тише, неизвестный снял обувь и на одних кончиках пальцев проскочил к двери комнаты Большакова. Остановился. Прислушался, приложив голову к двери. Никаких шумов. Неизвестный осмотрелся, и, пользуясь небольшой отмычкой, быстро вошел внутрь.

Также тихо, он прошмыгнул к окну и быстро закрыл окно толстой шторой. И только теперь включил фонарик.

Луч света вырвал из темноты спартанский облик комнаты подполковника Большакова: железную кровать с металлической сеткой и солдатским матрасом, тумбочку, со стоящим на ней магнитофоном «Весна», небольшой письменный стол, маленький телевизор, поставленный на холодильник, и высокий трехстворчатый шкаф в углу.

Неизвестный тихо подошел к аккуратно заправленной кровати, сорвал одеяло и проверил, есть ли под ним и подушкой какие-то вещи. Затем достал нож и распотрошил весь матрас. Осмотрел тумбочку, взял несколько бумажек, и не найдя ничего интересного, бросил их тоже на пол. Заглянул под кровать и шкаф, осветил фонариком заднюю стенку шкафа. Ничего! Тщательно осмотрел сантиметр за сантиметром весь деревянный пол. Достал из шкафа два чемодана – большой с личными вещами и маленький офицерский тревожный. Ни в одном, ни во втором тоже ничего заслуживающего внимания не оказалось.

Не боясь оставить отпечатки, неизвестный вновь подошел к окну, раздвинул шторы, и, капнув маслом на петли, тихо попробовал открыть его створки. А затем также тихо, спрыгнул в траву.

Дверь подвала, заранее тоже смазанная маслом, открылась тихо. Неизвестный быстро вошел внутрь, достал из коробки небольшие взрыватели с циферблатом. Посмотрев на часы, которые показывали ровно **4.00 утра**, он установил таймер на **4.45**. И также спокойно вышел, предварительно закрыв входную дверь в подвал на дубликат ключа.

Майор Владимир Беликов посмотрел на висящие над дверью часы – они показывали **4 часа 10 минут утра**. Он как был, без кителя, вышел из комнаты в темный коридор общежития и, хлопая тапочками по полу, поплелся к дежурной, сидевшей за углом коридора, у самой двери главного входа.

Сегодня на этом посту была гарнизонная активистка и любимица полковника Ковалевского - Нина Петровна. Эта женщина лет сорока, была женой одного из офицеров бригады и глава местного профсоюза. Предутренний сон сразил ее, и она положив голову на стол мирно посапывала во сне, по-детски собрав губы бантиком.

-Нина Петровна, - аккуратно постучал по стеклу комнаты дежурной Владимир, - мне необходимо позвонить срочно моему шефу Большакову.

-Да-да, - внезапно разбуженная женщина, еще не придя в себя, хлопала глазами, - конечно, звоните товарищ майор.

Пока Беликов набирал четырехзначный номер оперативного дежурного, женщина уже пришла в себя, не забыв тайно достать из ящика блокнот и ручку, дабы записать все, о чем будет докладывать майор своему командиру. Ну а утром, естественно, все передать слово в слово самому полковнику Котову, ну, согласно, его приказа.

-Товарищ подполковник, - Беликов был краток, - прошу извинить за такой утренний звонок. Я все посмотрел, додумал, взвесил. Он здесь, судя по всему, был не один. Чувствую это. Мне даже показалось, что за мною вечером тоже следили. Кто-то под окном ходил. А вообще, я тут одну интересную схемку набросал...

-Володя, давай чуть позже. - Большаков был чем-то сильно занят. – У нас тут доставили пьяного лейтенанта из бригады, пытался к какой-то женщине влезть в окно. Вот, разбираюсь.

-Ладно, командир, давайте тогда утром после завтрака сядем и поговорим. – Согласился Беликов. – А пока, лично я - спать. Вот уже половина пятого утра.

Владимир повесил трубку и, поблагодарив, ушел в темноту коридора. Женщина из своего окошка хорошо видела, как он исчез в темноте, и только было слышно, как хлопали в ночной тишине по этажу его пластиковые пляжные тапочки. Когда услышала, как хлопнула его дверь, она записала в блокноте: *«Майор Беликов. Звонил Большакову в 4.30 утра. Сказал, что составил схему, и что за ним следят»*.

Когда все успокоилось, дежурная по общежитию, посмотрела на зеленый циферблат стоящих прямо перед ней электронных настольных часов. Они показывали **4.44 утра**. До общего подъема оставалось еще почти час. Женщина, сладко вздохнув, подвинула стул, вновь попыталась положить голову на руки и закрыть глаза. Но случайно задела локтем,

лежащую тут же шариковую ручку, которая внезапно покатила по столу, и, достигнув края, полетела на пол...

Едва она коснулась земли, все здание общежития мгновенно вздрогнуло и зашаталось. Сразу же отключилось электричество. Раздался грохот разбитого стекла, из коридора пристройки почувствовался запах гари, повалил дым. Нину Павловну какая-то нечеловеческая сила отбросила от разбитого окна дежурки в дальний угол, и с гулким звоном лопнуло окно на улицу. А женщина, внезапно оглохнув и ударившись головой о стенку, сразу же потеряла сознание. При этом, так и не сумев понять для себя, почему от обычной ручки столько шума...

Взрывная волна выбила практически все окна не только в самом общежитии, но и в соседних домах. А сама эта кирпичная трехэтажная пристройка к офицерскому общежитию, была сильно разрушена и просто сложилась, как карточный домик.

Первым к месту трагедии прибыл оперативный дежурный подполковник Большаков, выбежавший сюда из здания штаба, едва услышав взрыв. И тут не нужно было быть экспертом, чтобы понять, что эпицентр взрыва приходился как раз в подвале, под комнатами Беликова и Большакова. Николай это понял, едва подошел к дымящимся остаткам стены. Этот мощный взрыв не оставлял никаких шансов на спасение.

Прибывшие пожарные и саперы лишь констатировали ЧП.

-Нина Павловна, - Николай потербил за рукав дежурную, которую несли в машину «Скорой помощи», - а Володю Беликова вы не видели? Может он вышел из общежития?

-Нет, - тихо ответила она. – Он был здесь, сразу после разговора с вами, отправился к себе в комнату, сказал - спать..

Через некоторое время под завалами обнаружили фрагменты обгоревшего тела, судя по всему, принадлежащие Беликову. Его Большаков смог опознать лишь по небольшому закопченному нательному крестик, найденному среди обгоревших останков.

Хоронили геройски погибшего майора Владимира Беликова на третий день, со всеми воинскими почестями, как и положено старшему офицеру. Его гроб, накрытый государственным триколором, был привезен на окраину городского кладбища, откуда с небольшой горы открывался отличный вид на город и озеро.

-Извини, друг, не уберег, - подполковник Большаков мял в руках фуражку, - это моя вина, не досмотрел. Враг оказался проворнее. Да и без предательства, я думаю, не обошлось. Но ты спи спокойно, я обязательно отыщу твоего убийцу, и отомщу.

-Так получилось, - Николай, чтобы не расплакаться, резко поднял голову вверх, - ты спасал меня не раз. Жаль, что первыми уходят лучшие. Ты любил всегда говорить, что *«любопытство – страшный грех»*. Пусть так. Но я клянусь, что обязательно узнаю того, кто убил тебя и многих моих друзей. И он за все это ответит.

Что говорили другие присутствующие здесь на кладбище, Большаков не слышал, он отлично понимал, что начавшееся следствие по факту этого взрыва в общежитии, обязательно полковник Ковалевский извратит. Ему, как начальнику гарнизона, вовсе не нужно объективное расследование этого взрыва. Как уже намекнул местный дознаватель, полковнику Ковалевскому проще обвинить офицеров батальона Большакова в незаконном хранении взрывчатых веществ, чем доказать, что подвал здания военного общежития сдавался коммерсантам. И на стороне Ковалевского не только военное следствие, но и местная милиция.

Небольшой траурный митинг закончился, и мимо закрытого гроба с телом майора Владимира Беликова в торжественном строю прошли отдавая последние почести герою военнослужащие их батальона и солдаты почетного караула.

Потом, когда прощание завершилось, под оружейный салют, гроб опустили в яму. Николай взял пригоршню земли и бросил на крышку. Холодные мокрые комья глины с грохотом упали на ее красный атлас. Вот и все, друг!...

Никто не мог увидеть в эти минуты, как внимательно из-за тонированных стекол темно-синего «Форда» за церемонией прощания, с шоссе неподалеку, в бинокль наблюдал какой-то человек. Когда прозвучал последний оружейный салют, он только улыбнулся и, постучав перчаткой по плечу водителя дал понять, что надо ехать дальше. Взревев двигателем, машина исчезла за поворотом с установленным на обочине дорожным знаком с перечеркнутым названием города красной полосой. Он означал, что Приозерск уже остался позади...

На окраине кладбища Большакова догнал начальник уголовного розыска Андрей Кривенков.

-Товарищ подполковник, Николай, прими мои соболезнования, - капитан милиции, взял его под локоть, и отвел немного в сторону, пропуская многочисленных присутствовавших. - Вы, наверное, уже знаете, что в гибели майора Владимира Беликова, уже на самом вершине принято решение обвинить самого ...Беликова. Мол, он хранил в комнате привезенную с войны взрывчатку. Ну и, вечером по пьянке, неосторожно взорвал сам себя. Такой вариант тут устраивает всех - и вашего «друга» Ковалевского и моего начальника Сулеймана Гусейнова. Да и Москву, я уверен, тоже устроит. Там у них на вас «большой зуб» имеется.

-Но ведь есть еще свидетель дежурная Нина Павловна, - удивленно вскинул брови Большаков.

-Свидетель, вроде как есть, - Кривенков тяжело вздохнул. - Правда, теперь Нина Павловна сообщила, что первоначальные показания она давала в состоянии сильнейшего шока и сотрясения мозга. Поэтому, и не помнит, что говорила раньше. Но, сейчас отчетливо вспомнила, что ваш майор был ...сильно пьян. Видимо, такие показания распорядился дать сам полковник Котов. Думаю, в обмен, на новую должность ее мужу...

-Но вы же знаете, что это не так, - Николай сильно сжал плечо милиционера. – У меня никто не пьет, тем более ни у кого даже патрона нет, не то, чтобы взрывчатки. Да и вообще, вы представляете, сколько необходимо было сюда притащить динамита для такого взрыва?

-Не динамита, а точнее - гексогена, - поправил его Кривенков, достав из кармана небольшой лист со справкой. – Мне тут об этом наши химики рассказали, проанализировав найденные на месте взрыва остатки. Эта разновидность взрывчатки – «Гексоген» или «Циклотриметилентринитрамин» - очень мощное взрывчатое вещество. И в настоящее время является одним из наиболее распространенных видов взрывчатки. Относится к группе бризантных веществ повышенной мощности.

-К слову, так как чаще всего гексоген применяется для различных военных нужд, - продолжил он, уже по бумажке, - ну, для снаряжения снарядов, мин и других боеприпасов, есть полная уверенность в том, что он принадлежал именно спецназу. Ну, используется такими подразделениями для спецопераций. Поэтому неудивительно, что гексоген является второй по «популярности» взрывчаткой после тротила.

-Но ты же веришь, что он не наш? - Переспросил Николай. – У меня там друг погиб. Разберись.

-Увы, я уверен, что этому делу ход не дадут, - ответил Кривенков. - По моей оперативной информации, завести сюда мешки со «стройматериалами» распорядился сам мэр Барышников. А помещение выделил Котов. Но доказательств этому нет. Все договоренности на словах, никаких бумаг.

-Я начинаю терять веру в нашу доблестную милицию, - совсем без иронии сказал Большаков. – Ты же гений сыска.

-Веру? В нашу пост-советскую милицию? - Андрей рассмеялся. - Я потерял веру в нее и в справедливость еще в 91-м. Но пытался до последних дней из следствия делать не источник заработка, а реально расследовать преступления.

-Именно поэтому подполковник Сулейман Гусейнов, - он пожал плечами, - с завтрашнего дня меня отправляет в служебную командировку на Кавказ. Сказал, чтобы там, под свистом пуль, я еще раз задумался о том, что в жизни более главное. Нужно ли идти безумно на смерть за чье-то уже поделенное в Москве, но пока еще находящееся в распоряжении чеченцев месторождение нефти, или тихо спокойно сидеть в мирном Приозерске, работая в команде с нужными людьми и собирая деньги себе на безбедную старость?

-Мы на Кавказе не нефть охраняем, а вместе с чеченским народом боремся с бандитами, - резко прервал его Большаков. - Вот сам туда приедешь и убедишься, что там умирают не за деньги...

-А вот с этим полностью согласен, - спокойно ответил Кривенков. - Будем умирать там действительно не за деньги..., а за гроши. Нам тут суточные выплатили, из расчета около ...двух стаканов чая в день. Видимо хотят, чтобы мы действительно выжили, ибо на эти деньги даже достойно умереть нельзя...

-Ну, ты мне тогда скажи, - продолжил он, - чем сегодня те новые олигархи, кто мечтает получить прибыль с чеченской нефти, отличаются от наших Приозерских нуворишей? Не поверишь - только лишь масштабом воровства. И те и другие хотят приумножить свои богатства, взять без спроса чужое, им не принадлежащее. При этом, все они, внешне, хотят показать законность. И так по всей стране. Здесь наших охраняют местные полковники Ковалевский и Гусейнов, а тех, повыше - уже генералитет.

Большаков понимал, что, спорить с этим было трудно, конечно же, Кривенков был во всем прав. 1991 год изменил всю страну, где все мгновенно встало с ног на голову. Как в фантастическом фильме, все государство в одно мгновение оказалось, будто в параллельном измерении. Где старую детскую игру в «Партизан», сменила новая – в «Мафию», где выпускницы школ, ранее мечтавшие стать артистками, стали выбирать более денежную специальность «путаны». Где деньги стали главным в жизни, а понятия «честь и совесть» - заняли в этой вертикали сегодня самые последние места.

За минувшую неделю Николай Большаков обратил внимание на внезапно поседевшие на висках волосы. Конечно же, смерть близких людей близко зацепила и его самого. Было обидно, что его подчиненные погибли не на войне, а тут, у себя на Родине, в мирном городе. Тяготило его и отсутствие Елены Родченковой, той самой очень понравившейся ему девушки. Она на неделю уехала с материалами по ветеранам в областную газету.

Хотя, если разобраться, такой ли уж мирный и гостеприимный этот Приозерск? Конечно же, Николай уже сообщил генералу Миловидову о смерти Спиридонова, гибели Курмангалиевой и Беликова, о возможной причастности к банде «Хирурга» прапорщика Эльдара Каримова. Отдельно отметил и то, что при разборе руин общежития в подвале был вновь обнаружен ...хирургический скальпель.

Рокировка

Со своей невестой Еленой Родченковой Николай договорился встретиться в кафе. Девушка буквально впорхнула в зал в красивом длинном белом плаще, красного цвета сапогах и с яркой алой сумкой через плечо. Просто невольно заставляя всех сидящих в кафе мужчин восхититься ее красотой, грацией и, естественно, соответствующим гардеробом. Не обращая ни на кого внимание, она проскользнула вглубь зала и

остановилась у столика, за которым сидел Николай. Замерев, в ожидании, что он подвинет ей стул.

- Ой! – Воскликнула Елена, увидев его поседевшие виски. – Я даже сразу и не обратила внимание. Меня-то всего неделю и не было.

- Ну, без тебя здесь, как на войне, - усмехнулся Николай, помогая девушке снять плащ и сесть на стул, - год за три. Так что могу с полным основанием сказать, что не видел тебя почти месяц. И очень соскучился.

- Мне сообщили, что необходимо написать очерк о вашем прапорщике Каримове, - тихо сказала Елена. - Так что, давай командир, рассказывай о герое. Каким он был, как готовился, ну и, естественно, как погиб. А я еще завтра в школу схожу, узнаю, как они готовят сделать его мемориальный уголок. Ну и пару слов от имени мэра Барышникова в свой очерк вставлю. Может даже в «Красной звезде» опубликуют.

- Милая моя Аленка, - Большаков пододвинулся к ней ближе. – Прошу тебя, до поры до времени, об этом очерке забыть. Не время. Очень много пока там неясного. Давай его отложим на пару месяцев, до нашего возвращения из командировки...

- Вы уже уезжаете? - На глазах девушки выступили слезы. – Я за тебя боюсь, там стреляют... Как я тут одна?

- Знаешь, говорят, что на помолвку надо дарить кольцо с камнем, - поднялся из-за стола Николай, - я, правда, об этом ничего не знаю. До встречи с тобой, у меня была, как бы это не громко звучало, всего одна любовь - к армии и Родине. Но я теперь всегда думал о тебе. И сегодня, очень кстати, мне принесли кое-какие мои вещи из общежития.

- Прошу тебя стать моей женой, - он опустившись на колено взял со стоящего рядом стула заранее приготовленный букет, и раскрыл перед ее лицом сжатую в кулак ладонь с золотым кольцом. - Это обручальное кольцо моей мамы, всегда берег...для тебя. Ты согласна?

- Конечно же, - Елена быстро надела на палец подаренное кольцо, полюбовалась им на свету, и, сделав на секунду вдруг задумчивое лицо, громко рассмеялась. – Но, твое предложение за минувшие два дня будет уже третьим по счету...

- Ну, вот так отпускай тебя одну в областной центр, - быстро принял игру Большаков. – Я желаю знать, кто эти конкуренты? Вызову их на дуэль, ради любимой девушки!

Все сидящие в кафе замолчали и посмотрели на красивую пару.

- Дурачок, мой любимый, - рассмеялась Елена, - конечно же, я им всем отказала. Хотя они мне даже на помолвку машину подарить предлагали. Деньжищ у них огромные пачки. Кстати, они оба говорили, что заработали их здесь в Приозерске, где были в особой командировке. Даже пистолеты показали. А потом в ресторане, смеясь подняли очередной тост: «За то, что тот взрывной осенний день не встретили в сыром подвале Приозерска».

Услышав это, Большаков сразу напрягся, вся веселость мгновенно исчезла.

- Как они выглядели? Во что были одеты? – Быстро спросил он, пытаясь оставаться спокойным, и не испугать свою невесту. – Какая гостиница?

- Какой же ты все же, Отелло, - так и не поняв истинную причину изменения настроения, рассмеялась она. - Решил их вызвать на дуэль? Хорошо. Гостиница «Заря», там, в центре города, неподалеку от администрации. Третий этаж, справа, в самом углу. Вроде номер 302. Зовут Сергей и Петр.

- А ты у меня все же умница, - Большаков буквально сгреб в охапку худенькую девушку и крепко поцеловал ее в губы. – Сокровище! Никому не отдам.

С этими словами, он схватил куртку и выскочил на улицу, оставив растерянную девушку одну за столиком кафе...

Еще где-то через полчаса, майор Юрий Потапов, капитан Руслан Исмаилов и лейтенант Евгений Чернов уже стояли перед командиром батальона у него в кабинете.

-Товарищи офицеры,- начал было Большаков, - друзья. Вы знаете, что на днях произошло страшное преступление. Взорвали общежитие. Погиб наш друг Володя Беликов. Так вот, есть оперативная, но, увы, пока еще не до конца проверенная информация, что возможные люди, причастные к этому ЧП, сейчас находятся в нашем областном центре. Сами понимаете, официально мы ничего пока сделать не можем. Действовать через Москву – тратить драгоценное время. Поэтому будем задерживать самостоятельно. Под мою ответственность.

-Юра, - он посмотрел на майора Потапова, - срочно подготовь, а я подпишу, необходимые документы на учебное занятие по задержанию террористов в районном центре.

-Руслан, - он обратился к Исмаилову. – Оружие будет только у Потапова. Вам необходимо подготовить всю необходимую экипировку, возможно даже альпинистское снаряжение. Работать тихо, без единого выстрела, используя только приемы рукопашного боя. Они оба должны быть обязательно живыми и способными давать показания.

-Женя, - он повернулся к Чернову. – Берете мой УАЗ. Выезд через два часа. В областном центре будете приблизительно в 22.00. Все данные на этих наших «взрывников» в этом листе. На месте примите решение – брать их всех с собою или только одного. Если будете кого-то оставлять, то негласно передать сотрудникам милиции. Главного забираете сюда, грузите и около 4 утра, прошу - не позднее, обратно в гарнизон. Если на посту ГАИ остановят - покажете приказ. Не думаю, что наша госавтоинспекция будет вдаваться в подробности. Скажите, что у нас учения.

-И главное, - он уже говорил теперь всем. – Чтобы ни одного свидетеля. Покажите, что мы профессионалы. Время поджимает. Мы их не похищаем, а просто доставляем сюда, потом передадим милиции. Главного из этих «нелюдей» в наручниках и с кляпом – в подвал нашей казармы. И полнейшая тишина. Дежурному скажете, что едете встречать в областной центр офицера с секретным пакетом. Все ясно? Вперед. Время пошло...

Они подъехали к гостинице «Заря», как и рассчитывали. В расположенном внизу ресторане еще вовсе горел свет, и кто-то пьяным голосом пытался в караоке исполнить песню Игоря Николаева «Мельница». УАЗик загнали в ближайший двор.

-Сидите здесь, - распорядился старший группы майор Юрий Потапов, - я сейчас попытаюсь выяснить они в номере или еще не возвращались. Чернова прошу в это время осмотреть здание и принять решение, как удобнее их будем «пеленать».

Потапов, быстро набросил на плечи темно-синий китайский осенний пуховик, и, застегнув молнию до самого горла, исчез в темноте двора. До гостиницы было не более ста метров. На улице – обычная для этого времени года холодная погода, в дополнении с мелким морозящим дождем. Одним словом та самая, о которой всегда говорят, что «настоящий хозяин, в такое время, даже собаку на улицу не выгонит».

Юрий снял с руки часы, положил их в карман куртки, и, стряхнув с головы капли дождя, вошел в здание гостиницы. Девушка-администратор, читая книжку, даже не подняла глаза на вошедшего. Тишину нарушила раскрывшаяся дверь лифта, откуда навстречу Потапову выпорхнули две «ночных бабочки», и, дежурно улыбнувшись Юрию, пошли к выходу.

-Милая девушка, - офицер подошел к стойке администратора, и достав из кармана часы, положил их на стойку, - Вы не видели, случаем, мои новые знакомые из 302-го еще не приходили? А то они рядом в ресторане сидели. Один из них пошел в умывальник и там забыл свои часы. Если мне не изменяет память, его зовут Петр.

-Есть там такой, - тяжело вздохнула девушка, - он со своим другом Сергеем здесь уже живут дня четыре. Пьют, каждый вечер пропадают в ресторане. Проходу ни одной женщине не дают. Бьют в номере посуду, шумят, ругаются. А сделать с ними ничего

нельзя - администратор с этажа сказала, что они чуть ли не из самого ФСБ. Я видела, что они только что к себе поднялись. А вам с часами стоит лучше утром прийти, а то они когда пьяные такие злые.

-Кстати, - администратор посмотрела на Юрия. - К ним только что на такси третий приехал. Узбек. У него еще такое смешное имя – Сугроб! Для него был предварительно заказан номер рядом с ними - 304. Этот мужчина такой серьезный. Не пьющий. Мне даже показалось, они его боятся. Увидели, сразу присмирели...

-Спасибо, - улыбнулся Юрий. – Завтра, так завтра. Только имя этого их третьего, наверное, не Сугроб, а вероятнее - Сухроб. В переводе «Рубин» значит. Ладно, все понятно. Они, эти герои, в котором часу на завтрак ходят?

-Какой там завтрак, - ответила девушка. – Спят до полудня. Так что Вам лучше приходите к обеду. Тогда разговор получится.

Уже у машины, Юрий обсудил новый план.

-Так как их не двое, а уже трое, план меняется, - распорядился Потапов. - С собой забираем, как сказал командир, только их старшего – сегодня приехавшего узбека. Остальных оставляем здесь. Пусть ими милиция занимается.

-Командир, докладываю, - лейтенант Чернов, показал рукой в сторону гостиницы, - там между этажами старая пожарная лестница. Она как раз в их углу. Я посмотрел - во всех практически номерах балконные двери открыты. Так что «упаковать» одного и пошуметь у других сможем без проблем. Предлагаю начать с узбека, он, в отличие от тех двоих, трезвый, и может среагировать на шум.

-Хорошо, Руслан и Женя – вперед, - распорядился Потапов. – Я вас страхую в коридоре. На этого, их старшего Сухроба, у нас не больше трех минут. Потом – его быстро пакуем, осматриваем комнату. Все найденные там документы - с собой. Потом, Евгений с «Сугробом» уходят к машине, а мы с Русланом – пакуем оставшихся двух.

Как и планировали, Чернов и Исмаилов без единого шума добрались до открытой двери комнаты Сухроба, и быстро «спеленали» еще ничего не понявшего спросонья боевика. Он так и лежал связанный по рукам и ногам, с заклеенным ртом, только лишь хлопая глазами, пока офицеры, уже включив свет, внимательно осматривали вещи и комнату. Потом Евгений, взвалив небольшого, но плотного узбека, себе на плечо, так же тихо вновь вышел на балкон. На веревке быстро опустил «подарок» на газон, и сам быстро спустился по пожарной лестнице на землю. Оставляя возможность товарищам завершить все дела в соседнем номере гостиницы.

Уснувшие, после хорошего алкогольного возлияния, Сергей и его друг Петр, даже не слышали, как офицеры вошли в номер. Даже беглый осмотр их комнаты показал, что у «хозяев» в двух огромных сумках в шкафу лежали три израильских коротких пистолета-пулемета, около килограмма взрывчатки, боеприпасы, а также два фальшивых удостоверения офицеров ФСБ, выписанные на их имена.

Здесь же в номере, приведенные в сознание, они оба сознались, что дезертировали из Советской Армии, когда в конце 80-х, перед самым выводом войск, служили в Афганистане. Изменили присяге, так как попались с наркотиками, и, боясь трибунала, пришли к моджахедам.

Сейчас являются боевиками спецподразделения «Абу». Их готовили в Афганистане для выполнения в России серии террористических операций, с 1994 года воевали на стороне бандитов в Чечне. А Приозерск прибыли по личному указанию своего командира «Сухого», здесь же получили липовые паспорта и документы о том, что они являются торговыми агентами ОАО «Зеленая аптека».

-От нас в Приозерске, - объяснил один из них, - требовалось только разместить в подвале стройматериалы. Мы даже не знали, что там на самом деле. Всем командовал «Сухой», ну тот самый Сухроб, что вчера приехал. Вот и все...

-Ну, хорошо, господа бандиты, - майор Потапов посмотрел на наручные часы, - сейчас два часа утра. Надеюсь, минут через пятнадцать вас найдут. И запомните - Вы нас

никогда не видели. Надеюсь, повторять не придется. Иначе, наша встреча, только в худшем сценарии, может повториться в самое ближайшее время.

-А пока пьем, граждане террористы,- продолжил он, достав из сумки специально привезенные четыре бутылки водки. - Белую, горькую, до чувства полного удовлетворения. Прямо из горлышка.

-Теперь мы, с вашего разрешения, немного пошумим? – Юрий посмотрел на двух пьяных террористов, и повернулся к Исмаилову.- Аккуратно положи автомат из сумки на самое видное место. А когда я уйду, сделай пару выстрелов, и – следом за мною к машине. А то Женя уже заждался. Да и патроны, спрячь подальше.

Шумиха нужна была необходимо в первую очередь, чтобы не оставлять дезертиров, пусть и даже очень пьяных, одних, без контроля. На шум, как правильно предполагали спецназовцы, должна среагировать дежурная по этажу. А зная непростой характер жильцов этого номера, да еще и выстрелы, она сама не сунется, а обязательно вызовет дежурный наряд сотрудников милиции. И уже они, в свою очередь, «обезвредят» преступников и «обнаружат» оружие, и даже удостоверения террористов.

Когда с улицы раздалось легкое покашливание Потапова, Руслан Исмаилов сделал из пистолета одного из бандитов выстрел в стену, и быстро выскочил на балкон.

Как и просчитал Потапов, первой вызвала милицию именно дежурная по этажу. Заявив приехавшим патрульным, что слышала из 302-го номера выстрел. Но правда она не разобралась - выстрел автомата или обычной пробки от шампанского. Открыв дверь комнаты, сотрудники местной милиции обнаружили двух пьяных боевиков, и брошенное оружие, взрывчатку.

Пока этих террористов там, в областном центре в середине ночи оформляли, изымали оружие, и отвозили напрямик в УФСБ, команда майора Юрия Потапова вместе с «упакованным» Сухробом, уже подъезжала по пустынной ночной дороге к Приозерску.

Сам подполковник Николай Большаков встречал подчиненных, как и было заранее обговорено в 4 утра прямо на КПП. По улыбке на лице Потапова было понятно, что задание выполнено успешно. Машина подъехала к самому зданию казармы, и лейтенант Чернов быстро открыл дверь подвала. Гарнизон еще спал. «Сухого» вытащили из машины и внесли в небольшое подвальное помещение без единого окна.

Елена Родченкова возвращалась домой из кафе после встречи с Николаем Большаковым в отличном настроении. Николай сделал предложение ей стать его женой, и, как знак этого, на руке блестело золотое кольцо.

-Ну вот, - улыбнулась девушка, внимательно всматриваясь в свое отражение в витрине магазина, - теперь буду дама замужняя, более серьезная, да и все публикации в газете теперь буду подписывать уже, как Елена Большакова. Вот так, не много, ни мало...

Она вошла домой, повесила пальто и проскочила в кухню. Необходимо было как-то эту помолвку отметить - решила приготовить что-то маме и себе на ужин.

Елена так и не поняла Большакова. Ведь Николай, ничего не сказав, убежал из кафе, даже не сообщив, когда появится. Может, обиделся на ее шутку про женихов? Ну и пусть! Наверное, прибежит вечером сюда сам. Просить прощение у нее и разрешение на руку и сердце у Ирины Григорьевны. А значит необходимо было подготовить не обычный, а праздничный стол.

За окном быстро стемнело. Пока мамы не было, Елена на скорую руку сделала небольшой яблочный пирог, и поставила в печку. Пока он готовился, открыла холодильник, и попыталась из всего, что есть приготовить овощной салат и домашние котлеты. Потом достала из шкафа бутылку дефицитного «Советского шампанского» и сунула в холодильник.

Услышала, как в прихожей открылась дверь и пришла мама.

-Аленушка, ты давно приехала? – Ирина Григорьевна вошла на кухню. - Я без тебя уже совсем за эту неделю просто еле пережила.

-Ой, мамуль, - заговорчески начала дочь, и сразу же показала матери палец с надетым на него золотым кольцом, - тебе столько всего расскажу. И про командировку, и про приезд. Короче, мне Николай Большаков предложение сделал. Сказал, что любит. Думаю, сегодня вечером приедет просить у тебя нас благословить. Вот праздничный ужин готовлю.

-Господи, Коля решил сделать предложение? – Улыбнулась Ирина Григорьевна. - Мне тоже показалось, что хороший парень. Но, очень рисковый. Ты же слышала, что их скоро куда-то переводят.

-Нет, мама, - прижалась к ней Елена, - не переводят, а отправляют в командировку. А через несколько месяцев они возвратятся. И мы отпразднуем свадьбу. Я буду самой счастливой невестой на свете.

-Он мне очень доверяет, - продолжила она, - дал мне на хранение несколько своих личных блокнотов и даже настоящий кинжал. Старинный. С камнями и какими-то буквами. Сказал спрятать и отдать только ему. Какому-то наркобарону раньше принадлежал.

Буквально в эту же минуту в коридоре зазвенел входной звонок.

-Это Николай, - глаза Елены засветились. – Иди, открой, а я пока в зеркало посмотрюсь.

Ирина Григорьевна поспешила открыть дверь. Но на пороге стоял не Николай, а мальчик лет десяти.

-Елена Родченкова здесь живет? – Спросил подросток и, увидев, как кивнула женщина, продолжил. – Там ее на площади в такси ее ждет офицер Николай Большаков. Просил передать, что подготовил сюрприз. И просил обязательно взять с собою его кинжал.

-Конечно, конечно, - сказала Ирина Григорьевна, закрыла дверь, и, возвратившись на кухню, сообщила. – Леночка, к тебе приходили. Какой-то мальчик сказал, что Николай подготовил тебе сюрприз, и ждет вместе с его кинжалом тебя в каком-то такси у самого КПП. Сплошная конспирация...

-Сюрприз? Как интересно! - Елена стала быстро собираться. – Мамулечка, мы на часок. Не забудь вытащить из печки пирог. Обязательно дождись.

Затем девушка прошла в дальнюю комнату, и, открыв дверь шкафа, сразу же увидела небольшой сейф. Раньше им пользовался отец, собирая там кое-какие документы. А сейчас Елена туда положила переданный ей кинжал. Как говорил всегда отец - *«Подальше положишь, поближе возьмешь»*.

Она вытащила этот небольшой, но тяжелый кинжал из глубины этого железного ящика и быстро положила его к себе в небольшую сумочку. И еще спустя несколько минут из окна был только лишь слышен удаляющийся цокот ее каблучков.

Машину Елена увидела сразу. На вечерней пустынной небольшой площади «такси» стояло одиноко с включенными фарами и работающим мотором. Родченкова быстро подошла к задней правой двери и открыла ее. Однако, вместо Николая на заднем сидении сидел неизвестный ей мужчина восточного типа.

-Извините, я, видимо, ошиблась, - девушка попыталась закрыть дверь.

Но не успела. Кто-то тихо подошедший сзади, закрыл ее нос и рот носовым платком с запахом хлороформа. Она попыталась вырваться, но лишь глубже вдохнула и сразу прочувствовала, как отключается. В одно мгновение, все вокруг закрутилось.

-Все «Сухой», теперь мы можем ехать, - последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в глубокий сон. – Она все же принесла бухарский пчак, а «Хирург» не верил. Так, что теперь можно ее отвезить к нему...

Пока офицеры группы майора Юрия Потапова отдыхали после ночной операции, сам Николай Большаков, сразу после завтрака погнал свою машину на местный рынок

купить огромный букет белых роз. Подарить своей невесте, а заодно и извиниться за вчерашнее такое спонтанное исчезновение из кафе. Он купил цветы и уже через пятнадцать минут стоял на пороге квартиры Родченковых. Едва он позвонил, осунувшаяся Ирина Григорьевна вся в слезах появилась в дверях.

-Николай, а Елена где? – Вытирая красные от бессонной ночи глаза спросила женщина, - я вас всю с вечера обоих ждала.

-Извините, - опешил Большаков, - но Аленка вчера еще вечером должна была быть дома. Последний раз видел только в кафе.

-Я знаю, - перебила его женщина. – Но вы же около девяти вечера к нам прислали какого-то мальчика. Просили передать, что ждете ее в такси на площади возле КПП. И просили взять ваш переданный на хранение кинжал. Она его забрала и ушла. Сказала, что вы оба будете через час, но пропала... Я всю ночь глаз не сомкнула.

Раз разговор зашел о кинжале, значит без «Хирурга» дело на этот раз точно не обошлось. Теперь необходимо было оперативно допросить плененного узбека, быть может, он прояснит ситуацию и по возможности объяснит, где сейчас может находиться девушка.

Время поджимало. Во внутреннем кармане кителя уже лежал приказ генерала Миловидова, об их убытии завтра вечером в командировку на Кавказ.

Дальнейшие события менялись, как в калейдоскопе. Уже на территории части, майор Потапов встретил командира возле общежития.

-Товарищ подполковник, - начал Юрий, - наш Сухроб готов давать показания. Без нашего нажима. Говорит, что все осознал, расскажет.

-Давайте, к слову, у специально для такого случая диктофон взял, - Большаков спустился с офицерами в подвал.

«Пленный» узбек сидел на стуле в углу подвала. Серое, одутловатое лицо говорило о его болезненном состоянии. Рядом стояла большая железная тарелка с горячей гречневой кашей с мясом, сверху лежал черный свежий хлеб, стояла кружка горячего чая. Но он отказывался даже попробовать еду, ссылаясь на общую слабость.

Здесь же рядом стоял и лейтенант Чернов. Так как было принято решение ничего не рассказывать даже в батальоне о «госте», охранять его вынуждены были тихо и только те, кто и задерживал - сами офицеры группы Потапова.

-Вы же гарантируете мне жизнь? – Первым делом переспросил Сухроб. – Тогда готов рассказать все что знаю.

-Зачем Вы украли девушку, и по чьему приказу? – Большаков внимательно посмотрел на задержанного. – Где она сейчас?

-«Хирург» приказал ее похитить из Приозерска, - сразу же все честно рассказал узбек, - и доставить к нему на Кавказ. Он сам туда уже давно уехал. А мы ждали эту девушку из командировки. Вчера и выкрали. Она теперь приманка для Вас. Потом меня высадили вечером у гостиницы в областном центре, а сами с ней уехали дальше.

-Ясно, - Большаков старался держаться, как можно более спокойно, - теперь на диктофон по порядку обо всем, что знаешь. Кто ты, откуда, с кем приехал, какие задачи перед тобою стояли? Подробно. Особо про «Хирурга» - опиши его, где его «лежка» на Кавказе, какие пароли? Короче говоря, все, чем можешь душу свою облегчить.

-А вы мне врача позовете? - Сухроб вновь заискивающим взглядом посмотрел на офицера. – А то со вчерашнего вечера какой-то озноб. Может, что-то не свежее съел в гостинице, а может простудился. А может такая реакция организма на прививку от гриппа, что мне вчера сделали.

-Я пообещал, врач будет, - подошел к нему Большаков. – А пока, давай, рассказывай...

-Полевой лагерь на Кавказе у нас чуть севернее Шатоя, - начал было Сухроб, - в лесу, за речкой Аргун, в направлении Хаккоя. Места там дикие, безлюдные. Метрах в двухстах

от лагеря - старые постройки бывшего корпуса местного зверосовхоза. Там – около пятнадцати колодцев, где держат пленных русских для выкупа. Думаю, что там теперь будет и ваша женщина.

Он быстро от руки нарисовал на тетрадном листке схему всего лагеря, посты, способы добраться, переданные ему с напарниками пароли.

-А этого человека, ты встречал? - Подполковник положил перед ним на стол карандашный рисунок портрета старшего прапорщика Каримова. - Кто он?

-Фамилии не знаю, - мельком взглянув на рисунок сразу же ответил задержанный, - но четко могу сказать, что это один из людей «Хирурга». По моему, по кличке «Турист». Он с нами под Грозным воевал. А потом в январе 1995 года куда-то вдруг пропал. Я думал, что погиб. Ходили слухи, что он был пакистанским офицером.

-Только этого нам не хватало, - сказал Большаков. – А кто такой «Хирург»?

-Честно скажу, в Чечне его не видел. – «Сухой» скривил рот, откинулся на спинку стула и правой рукой помассировал себе грудную клетку рядом с сердцем. - А в Приозерске он даже не прятал лица, со всеми общался. Я его даже не раз в городе видел. Хотя он приоделся, вообще изменился...

Узбек не успел договорить, внезапно захрипел, дернулся, на губах появилась пена, и он, глотая открытым ртом воздух и двигая руками, стал медленно сползать со стула.

-Это же ..., - Сухроб дернулся и замолчал, его неподвижные стекленеющие глаза продолжали смотреть на Большакова.

Подбежавший Потапов проверил на шее пульс – бандит умер.

-День обещает огромные сюрпризы, - о чем-то задумавшись, вдруг произнес Николай, и, обращаясь к лейтенанту Чернову, добавил. – Тело погибшего – аккуратно и незаметно к дальнему забору. Очень нежно. В помощь возьмите капитана Безродного. И сразу же вызвать милицию. Скажете, что там и обнаружили. И обязательно выяснить причину его смерти. Доложите мне лично.

-Юра, - Николай повернулся к Потапову, - необходимо все выяснить по поводу всех приезжавших на эту конференцию. Необходимо поднять все документы, узнать кто они, где служили, чем занимались? Трудно поверить что там был кто-то «ряженный»? Хотя, всякое сегодня может быть. В любом случае мы с ними еще познакомимся. Точнее, они меня сами найдут. Так как «Хирург» хочет меня увидеть лично. Для этого и украли Елену. А пока у нас, к сожалению, времени нет. Завтра вылетаем на Кавказ.

-Далее, - Николай достал из кармана небольшую бумажку, - подводим промежуточные итоги. Вот тебе, Юрик, московский телефон генерал-лейтенанта Миловидова Александра Александровича. Скажешь, что от меня, и обо всем ему расскажешь. Проси сюда в Приозерск большую оперативную группу из ФСБ и Главной военной прокуратуры. Работать по коррумпированным мэрии и по командованию гарнизона.

-Скажи, что мы отправляемся в Шатой. Нарботанные нами документы по бригаде – оставляем в квартире Ирины Григорьевны Родченковой. Диктофонная запись с откровениями «Сухого», и данными на всех полевых командиров – также там, вместе с оригиналами уголовного дела капитана милиции Кривенкова по делу «старшего прапорщика Каримова». Кстати, обязательно попроси, чтобы этого капитана, который сейчас где-то в Чечне, обязательно включили в состав нашего Межведомственного антитеррористического центра.

-И еще, скажи, что, есть информация, что «Хирургом» похищены и вывезены тоже на Кавказ несколько бизнесменов, среди похищенных может быть находившийся в Приозерске генерал Неверовский, а также журналистка Елена Родченкова.

Маски сброшены

С самого утра у полковника Ковалевского было отличное настроение. Знакомые из Москвы сообщили, что буквально завтра батальон миротворческих сил подполковника

Большакова покинет Приозерск, отправляясь на Кавказ. Уже есть соответствующий приказ. Ориентировочно на несколько месяцев, но бог даст, то и на большее время.

Юрий Викторович еще раз взглянул на сидящих перед ним на еженедельных «планерках» немногочисленных «руководителей» города. Судя по лицам глав городских предприятий и учреждений, назначение которых он лично рекомендовал мэру Барышникову, все вновь вставало на свои рельсы. С отъездом этих шумных спецназовцев Большакова, жизнь в районном центре, по его мнению, должна была вновь возвратиться в нужное русло.

Тем более, в очередной раз появились слухи, о том, что бригаду вновь планируют разворачивать до полнокровной дивизии. Так что теперь для полковника Юрия Викторовича Ковалевского во главу угла вновь вставал финансовый вопрос. Необходимо было организовать сбор денег на покупку перспективной генеральской должности. Ну, уж теперь-то, он никогда не допустит, чтобы на его земле разместили неподконтрольные ему подразделения.

-Куда девался этот Олег Волик? – Поинтересовался Ковалевский. – Хватит ему уже отдыхать, пусть выходит на работу.

-Юрий Викторович, не беспокойтесь, - поднялся со стула Котов, - он в вынужденном отпуске. Обещает через пару дней возвратиться. Вы же его лично отпустили недавно на «большую рыбалку».

-Полковник Котов, останьтесь. Все остальные – до свидания! – Встав с кресла сказал Ковалевский и, дождавшись пока все покинут кабинет, обратился к своему заместителю, - Завтра батальон Большакова покидает Приозерск. Он обратился к нам с просьбой выделить ему технику для перевозки всего личного состава в Москву на военный аэродром Чкаловский. Понимаешь, Николай, надо найти причину ему отказать. Пусть почувствует, что он зря пытался кусать руку, которая его должна гладить и кормить. Сколько он нам крови попортил.

-Кстати, - комбриг на секунду задумался, - а что там с расследованием взрыва?

-Да, расследование окончено, - четко доложил Котов. – Новый начальник уголовного розыска установил, что взрыв произошел по вине проживавшего там на первом этаже майора Беликова. Есть показания свидетелей, что тот был пьян, а Большаков, прикрывая алкоголика, даже не поставил его в наряд. Ну, видимо, под утро майор проснулся и случайно что-то тяжелое уронил на ящик с гранатами, что лежали у него в комнате общежития. Это и привело к сильному взрыву и разрушениям.

-Пьяного Беликова видела дежурная по гостинице, а закрытый ящик, видимо с теми самыми гранатами, местная уборщица. Все необходимые свидетельские показания и результаты экспертиз, как мне сообщили, переписаны, а старые – уничтожены. Этот принципиальный, а ныне уже бывший начальник угро капитан Кривенков теперь ловит бандитов где-то на Кавказе.

-Молодцы, хоть в этом обрадовали, - улыбнулся Ковалевский. – А кто таков наш новый начальник уголовного розыска города?

-Теперь полностью наш человек, - с гордостью ответил Котов, - это старший лейтенант милиции Гусейнов. Ну, вы должны помнить – он нам летом на День города шашлыки готовил. Такой невысокий, чернявый – тот самый двоюродный племянник начальника нашей милиции Сулеймана Гусейнова.

-Мы уже организовали его перевод сюда из Нижнего Новгорода. Все равно сейчас преступность в городе нулевая, и вот видите, Волик свое слово держит.

-Хорошо, теперь что касается транспорта для Большакова, - продолжил полковник, - ему порекомендуй туристическую фирму. Пусть возьмут себе для поездки экскурсионные автобусы до столицы. Деньги у них есть, да и мы так нашей турфирме поможем...

Полковник Ковалевский посмотрел в окно - дождь барабанил по стеклам, а там высоко в небе холодные стальные осенние тучи ветер гнал в сторону Москвы...

Свинцовое небо нависло над всей столицей. Сильный порывистый холодный ветер, очень нехотя дал возможность охраннику «нефтегазового короля» Алексея Петровича Наливайко приоткрыть дверь из подъезда, не позабыв при этом, бросить несколько капель противного осеннего дождя ему в лицо. Конечно, ноябрьская погода теряла свою силу, сдаваясь уже зимней непогоде. Бизнесмен вышел из дома и только уютно расположился на заднем сидении своего служебного «Мерседеса», когда кто-то постучал ему в окошко.

-Что вам? - Заднее тонированное окно приоткрылось, и Наливайко увидел стоящего у машины и придерживающего от ветра фуражку лейтенанта милиции. – Чем могу быть полезен?

-Алексей Петрович, - быстро начал офицер, - я тут с Вашими бумагами вынужден был разбираться... Есть небольшие грехи... Хотел вот с Вами, так сказать неформально проговорить.. Закрывать их.

-Забудь, лейтенант, - улыбнулся бизнесмен. – С такими, как ты, я вопросов принципиально не решаю. Я уже обо всем договорился с генералом ФСБ Неверовским. Так что знай – у меня теперь нет даже малюсеньких грешков. Все искупил. Точнее выкупил... Спроси у своего начальства.

Еще через час, этот лейтенант докладывал своему непосредственному начальнику – заместителю начальника следственного отдела, что одна из столичных «бизнес-акул» по фамилии Наливайко имеет какие-то серые схемы с нечестными бизнесменами из Чечни.

-Хотел с ним поговорить, предложить покаяться, с нами поделиться, - честно признался молодой офицер, - ведь там, в «серой» Чечне, сейчас не до бизнеса. Но он даже не захотел со мною говорить. Сказал, что невиновен. Короче отщипнуть отказался...

-Но вы же знаете, - хозяин кабинета майор юстиции посмотрел на подчиненного и из пачки лежащих на его столе дел, вытащил только одно - с надписью «Наливайко», и стал внимательно листать, - у нас есть только подозрение, что он нелегально продает оружие бандитам. И нет прямых тому доказательств. Так что поговорить с ним, уверен, еще придется. Никто еще нас не посылал вот так...

Алексей Петрович Наливайко, несмотря на все звонки и открытки, появился в кабинете заместителя начальника Следственного отдела только через полторы недели. Он удобно расположился в кресле у стола, расстегнув плащ.

-Дорогой майор, - улыбнулся бизнесмен, - что Вы от меня хотите?

-Хотел бы, Алексей Петрович, - спокойно ответил майор юстиции, - если так можно сказать, с Вами поговорить по душам. Конкретнее - по поводу вашего бизнеса в Чечне. Давайте обсудим, зачем Вам лишние неприятности, а нам головная боль. Уверен, мы всегда можем договориться.

-Откровенность за откровенность, - вновь улыбнулся Наливайко, - месяц назад я приобрел у одного очень влиятельного генерала за очень большие деньги единую «интульгенцию» за все мои прошлые, да и возможно будущие «грехи». Так что, прошу Вас, мне больше не мешать. А я, не буду тогда, мешать Вам получить следующее звание... Уверен, мы поняли друг друга?

Годы службы в этом отделе научили этого офицера не верить словам. Тем более, в Москве. Действительно, было не очень понятно, почему высокопоставленный генерал, который выдал такой документ о всепрощении этому бизнесмену, не поставил в известность его руководство. Не попросил, даже не приказал...

-Конечно, господин Наливайко, - спокойно ответил майор, - у меня тогда единственный вопрос – кто этот генерал?

-Генерал Внешней разведки Неверовский, ныне работающий в Администрации главы государства, - также спокойно произнес Наливайко. – Надеюсь, у Вас закончились все вопросы? Я могу идти?

-Конечно, Алексей Петрович, - майор юстиции встал и, подписав пропуск, проводил бизнесмена до двери.

На следующее утро, майор зашел уже к начальнику всего Следственного отдела подполковнику юстиции Вадиму Строкову. Офицер, уже получивший приказ о переводе в Центральный аппарат, собирался к переезду у себя в кабинете. Ну, и, заодно, принимал «памятные подарки» от подчиненных.

-Товарищ подполковник юстиции, - заместитель внимательно смотрел на своего руководителя, - хотел вам сделать небольшой памятный сувенир от господина Наливайко. Но мне сказали, что его прикрывает какой-то мне неизвестный генерал Неверовский. Я попытался договориться, но безрезультатно. Может, сможете получить необходимую информацию по этому высшему офицеру? Сказали, что он вроде из Внешней разведки РФ...

-Напиши на бумажке, на всякий пожарный, его данные, - распорядился Вадим. – У меня тоже есть кое-какие связи. Разберемся. Деньги терять сейчас нельзя, я и так потратился с этим назначением...

Через три дня, тесть будущего генерала юстиции Вадима Строкова, сообщил ему, что никакого генерал-майора Алишера Неверовского никогда не существовало ни во Внешней разведке, ни в ФСБ, ни даже в Министерстве обороны. А значит, скорее всего, этот бизнесмен Наливайко просто не хочет платить.

-Так что мы его теперь пошевелим на более высоком уровне, - тихо сказал он. – Тут я по твоей просьбе стал искать на него информацию, а нашел серьезный компромат. С интересом прочитал. Оказалось, что лучше бы он тебе заплатил в свое время... Для него было бы дешевле... Теперь заплатит гораздо больше. Кстати, за своевременную нужную и полезную «для государства» информацию, я обязательно, зятек, твой процент учту...

Своему тестю Вадим Строков верил безоговорочно. Недаром же он женился на дочери одного из высокопоставленных сотрудников нынешней Администрации Президента РФ.

Здесь, в Чечне, на территории брошенного еще в начале 90-х годов зверосовхоза под Шатоем, все было приспособлено для длительного проживания, как самих боевиков, так и плененных. Несколько небольших краснокирпичных зданий, спрятавшиеся в лесу почти в километре от ближайшей дороги. И две бывшие фермы – деревянные, просторные, длинные - ныне перестроенные бандитами в тюрьмы. Все эти здания не были указаны ни на одной карте, и поэтому, вроде как официально не существовали в реальности.

По личному распоряжению Алишера, внутри каждой из этих ферм были выкопаны и забетонированы более 15 камер-колодцев, метра в четыре глубиной. Сверху ямы были закрыты специальной крышкой-сеткой. Туда прятали людей, которых планировалось поменять на деньги.

Сейчас этот бизнес на воюющем Кавказе стал очень модным. Поэтому бандитам надо было беспокоиться о жизни заложников, организовав их кормление и даже немного обогревая их камеры зимой. Разрешали спать не на земле, а на специальных деревянных настилах с матрасами. Все это – конечно не из-за благородства. Дело в том, что каждый из пленников должен был увеличить благосостояние «Хирурга» и его команды не менее чем на 500 000 американских долларов.

С прошлой зимы, пока Алишер легализовался в «настоящего генерала» в Москве, четверых заложников из этих подвалов, за которых отказались платить родственники и их командиры, охранники хладнокровно расстреляли и закопали тут же, неподалеку у леса. А уже ближе к лету, еще пятерых солдат оптом продали какому-то именитому московскому политику и бизнесмену. При этом по взаимной договоренности с этим политиком, и для поднятия его авторитета в Москве, официально столичным журналистам было объявлено, что воевавших солдат поменяли не на доллары, а просто отдали родителям в знак жеста «доброй воли».

Так что к осени в местной тюрьме остались лишь шесть заложников - пленный седой русский подполковник, два специально отобранных для выкупа сержанта срочной службы – из Питера и Екатеринбурга, и три гражданских рабочих восстанавливавших в Гудермесе линии электропередач после войны. Руководству последних письмо с требованиями выкупа тоже было отправлено.

У себя в простом, но уютном кабинете Алишер Неверовский, словно полицейский из американского боевика, спокойно дремал, полулежа в кресле и забросив ноги на стол. Задание было успешно выполнено.

Теперь денег действительно хватало не только на оплату наемников, но и на оставшуюся жизнь. Да и бухарский кинжал, за которым так охотился последние годы «Хирург», лежал уже здесь в сейфе, в ожидании своего хозяина. Отличное время для жизни. Сейчас можно было по-настоящему его отряду легко вздохнуть, пока все боестолкновения с федеральными войсками на неопределенное время были прекращены.

Конечно же, Алишер в будущем не рассчитывал скрываться. Его очень устраивало его нынешнее положение. Завершив дела на Кавказе, «генерал Неверовский» мечтал возвратиться в Москву к жене, новорожденному сыну. Потом, как бы «уйти в отставку» и купить себе нормальную высокую государственную должность. Деньги, а значит - положение в обществе, новый паспорт гражданина России - давали пропуск в этот новый мир.

Боялся ли, что его опознают, что прошлое не отпустит? Нет, не боялся. Практически никого из тех, кто его видел на войне в Таджикистане и Чечне, не остался в живых. Остальные – знали только своих непосредственных командиров, тоже теперь уже погибших. Единственный, кто оставался до недавнего времени в живых, был его давний товарищ Сухроб с позывным - «Сухой». Но о нем Алишер тоже позаботился - тому сделали смертельную инъекцию. И он, сам того не зная, поехал из Приозерска умирать в гостиницу...

Или взять того «хапугу» из Хозяйственного управления Внешней разведки Иванова? Посмеет ли он рассказать о том, что продавал неподконтрольному никому чеченскому полевому командиру во время войны документы и пропуска? Конечно же – нет. Даже если его возьмут за руку, он будет отнекиваться. Иначе же, ведь навсегда останется в дерьме до конца жизни.

Как и тот бизнесмен Наливайко, никогда не докажет, что отдавал кому-то какие-то деньги. И за что? За закрытие его уголовного дела? А при чем здесь он – генерал Неверовский? Увы, никаких документов о передачи ему финансов не существует, кроме слов...

Что касается журналистки Елены Родченковой, которую везли сейчас на Кавказ, то ее похитили исключительно, как приманку для спецназовцев. Так распорядился сам «Хирург». Да и для большей уверенности, во внутреннем кармане умершего «Сухого» сотрудники милиции должны были обнаружить записку на имя подполковника Большакова. Где написано, что девушку должны передать ему лично через пятнадцать дней в определенном месте под Гудермесом. Но только взамен на 100 000 американских долларов.

При этом, ни ее, ни подполковника конечно же, здесь никто не думал оставлять в живых. К тому же, было подозрение, что покойный журналист Спиридонов мог ей кое-что рассказать о Чечне.

Ну, и, наконец, три предпринимателя из Приозерска, которые с генералом Неверовским отправились на переговоры. Здесь тоже все было четко организовано – в тридцати километрах от города их машину блокировали неизвестные. Всех, включая и самого генерала, похитили, надев мешки на голову. Оставленный там специально для алиби шофер, должен был это подтвердить.

А уже потом, всех пленников тайно переправили сюда, под Шатой. Далее, уже на территории зверосовхоза - бизнесменов по одиночке рассовали по ямам, а сам Алишер

перебрался к себе в родные старые командирские апартаменты. И, в этот же день, распорядился сразу же отправить всем родственникам похищенных требования о выкупе.

Всем без исключения, в том числе и своей супруге. Для своего будущего алиби и, главное, для большей убедительности.

Подполковник Николай Большаков возвратился к себе в кабинет после построения. Настроение было не лучшее.

Вчера сообщили, что неизвестными прямо с трассы до Москвы похищены несколько областных бизнесменов, в том числе и сопровождавший их на переговоры - тот самый генерал Неверовский.

А еще из милиции сообщили, что в потайном кармане куртки отравленного «Сухого» случайно обнаружена записка на имя Большакова. Всего несколько слов: *«Обмен под Гудермесом. Сто тысяч долларов. Ширали»*.

-Так кто же ты такой полевой командир Ширали Намиев, по прозвищу «Хирург»? – Задумался про себя Большаков. - Тот, кто преследует меня уже несколько лет, словно тень? Хватит ему уже прятаться. Наступило время нам наедине встретиться. Ты планируешь убить меня в Гудермесе? Значит, пока еще не знаешь, что перед своей смертью «Сухой» успел рассказать о настоящем месте нахождения твоего лагеря. Получается, что теперь последний ход теперь уже остается за мною.

В дополнении ко всему негативному, сегодня утром заместитель командира бригады полковник Котов внезапно отказал ему, причем под надуманным предлогом, в предоставлении грузовиков для проезда в столицу на военный аэродром Чкаловский. Сказал, что военная автомобильная инспекция с завтрашнего дня приступает к тотальной проверке всего их автопарка. Посоветовал взять взамен туристические автобусы местной турфирмы «Рассвет» - шесть стареньких, но еще довольно шустрых львовских автобусов, теперь уже считающимися «иномарками».

Николай посмотрел на часы – три часа дня. Отъезд, как и планировалось, через пять часов. А ближе к утру – они улетят в Моздок. И уже оттуда – к нашим частям. На этом официальная часть будет завершена. Потом – по утвержденному заранее плану.

Ровно в восемь часов вечера колонна туристических автобусов без сопровождения машин военной автоинспекции устремилась по небольшим узким улочкам Приозерска к мосту через речку Чернушку, в объезд озера, по дороге в сторону федеральной трассы в область. Они уезжали в Чечню, где пока официально уже окончилась первая война, но где, вот-вот должна была начаться вторая. Отправлялись в темноте, дабы не пугать жителей Приозерска своей экипировкой.

Уезжали в командировку, отлично понимая, что возвратятся не все. Им предстояло вновь стать невидимым и неофициальным для всех подразделением, в чью компетенцию входил поиск и освобождение находящихся в плену. Всех, не зависимо от профессии, звания, должности и национальности.

...Ехали в полной тишине и темноте. Слабо светила только лишь дежурная темно-синяя лампочка над передней входной дверью в автобус, хорошо освещая лишь одного водителя. Шоссе было почти полностью свободно. Колонна проскочила железнодорожный переезд и, минуя небольшие населенные пункты, у самой бензоколонки выскочила на федеральную трассу. Ехали не торопясь, внимательно наблюдая за тем, чтобы не отстали и не заглохли последние автобусы.

А там, за окнами автобуса кипела жизнь. Чередой вдоль дороги стояли коммерческие палатки, каменные и деревянные одно и двухэтажные домики кафе, везде там играла музыка, смеялась молодежь, стояли появившиеся в последние годы многочисленные иномарки. И вряд ли, кто-то из них мог подумать, что сейчас в этих проезжавших мимо красивых расписных туристических автобусах едут не сытые и утомленные экскурсиями

туристы, а военнослужащие Межведомственного антитеррористического центра, уезжавшие на войну.

Еще через несколько часов пути, уже на Владимирской трассе, в районе всем известного и воспетом Веней Ерофеевым населенного пункта «Петушки», Николай увидел, как их обогнали и перегородили дорогу два светлых автомобиля «Жигули» девятой модели без номерных знаков. Колонна вынуждена была взять правее к обочине и остановиться.

-Ну, вот, мои дорогие туристы, вы доездили, - улыбнулся Олег Волик вылезая из «девятки», и громко распорядился. - Учтите - строго без мордобоя. Культурно, но весьма жестко. Берем только деньги и золото. На все дела у нас около двух минут.

-Прошу открыть! - Он подошел к водителскому окну первого автобуса и, выплюнув жевательную резинку на землю, постучал рукояткой пистолета по открывающейся входной двери. – Вот и отлично!

-Товарищи туристы, прошу сдать мне всю наличность и золотые украшения, - Волик с улыбкой поднялся по чуть освещенной лестнице автобуса. Весь оставшийся салон оставался во мраке, освещая лишь лицо испуганного водителя. - Все прошу положить в этот пакет. И мы с вами быстро расстанемся.

К удивлению Олега, в темноте салона автобуса на этот раз никто не стал паниковать, и даже не вскрикнул. Пока глаза Олега привыкали к темноте, с одного из сидений вдруг поднялся пассажир. Как ошибочно решил Волик, видимо для того, чтобы попытаться взять предложенный пакет.

Спустя мгновение, Волик с удивлением увидел перед собою вместо туриста огромного спецназовца в бронежилете и его огромный кулак, стремительно летящий в лицо грабителя.

Колонна автобусов, с двумя замыкающими светлыми «Жигулями», буквально на минуту остановилась прямо на трассе у поста ГАИ, возле поворота на Орехово-Зуево. Пока малолитражки парковали на обочине, а спецназовцы вытаскивали из автобуса связанных грабителей, подполковник Николай Большаков подбежал к посту и, заглянув в их дежурку, попросил инспекторов принять «грабителей туристов» вместе с их автомобилями. И, оставив свои координаты, быстро возвратился к колонне, которая мигнув фарами, исчезла в темноте. До Москвы оставалось всего 80 километров.

Так что дожидаться из «отпуска» Олега Волика и его подопечных полковникам Ковалевскому и Котову было уже не суждено. Тем более, что где-то в это же время, навстречу, по этой же самой темной осенней дороге, уже в сторону Приозерска из Москвы ехала большая объединенная оперативно-следственная группа. С ордерами на обыски и арест...

Чечня. Шатой. Три дня спустя.

-Все готовы? – В последний раз переспросил подполковник Большаков, и прошелся перед стоящими офицерами оперативной группы. - Пока разведка убирает часовых, а батальон блокирует базу боевиков по периметру, мы проникаем внутрь. Стараемся не проявлять себя, по возможности, до последнего. Главное – внезапность. Сегодня здесь нас не ждут. Попытаемся без стрельбы. По возможности брать всех живыми. Искать заложников.

Месяцы кропотливых тренировок не прошли даром. Воспользовавшись картой, нарисованной еще «Сухим», разведчики и опергруппа прошли на территорию незаметно, минуя минные поля. Вся территория зверосовхоза была быстро и тихо взята под контроль. Часовых, во избежание шума, убирали ножами.

Пока одно отделение проверяло коровники, второе – блокировало штаб. Именно там, в коридоре, увидев спецназовцев, один из боевиков открыл стрельбу. В одно мгновение всю территорию базы оглушили выстрелы и разрывы гранат. Боевики «Хирурга» хотя и

не ожидали гостей, и в столь ранний час, все же были готовы к «достойной» встречи. Но время ими уже было упущено.

Пока группа спецназа зачищала оставшуюся территорию, оперативная группа проверяла все помещения. В этом длинном деревянном коровнике, где содержали пленников, условия их содержания были во много раз хуже, чем для скота. В небольших земляных глубоких ямах у пленников было все рядом – ведро, в качестве туалета, стояло прямо рядом с кроватью, на которой они не только спали, но и ели.

Первым из ямы на поверхность достали почти всего седого мужчину с бородой и усами. Он был в полевой форме с большими двумя звездами подполковника на погонах. Рядом в ямах находились несколько солдат срочной службы, и три недавно привезенных сюда из Приозерска бизнесменов и несколько строителей. Все они были сильно истощены, обезвожены. А увидев освобождавших их спецназовцев, один из предпринимателей потерял сознание. Его спасал уже военный врач.

-Товарищ капитан, - обратился к Владимиру Безродному один из пленников. – Не так давно, в штаб к полковому командиру «Хирургу» отвели трех пленников. Вам надо их спасти. Их расстреляют.

Бой продолжился где-то не вдалеке, уходя к речке. Опергруппа прорвалась к краснокирпичному зданию, судя по всему, где и был штаб.

Пока Безродный помогал эвакуировать пленных, лейтенант Евгений Чернов вместе с Никодем Большаковым ворвались в один из кабинетов здания штаба. В коридоре засели несколько автоматчиков. Едва заскочили внутрь, как сразу же стенку прошила автоматная очередь, пули которой прошли в нескольких сантиметрах слева над головой подполковника. Чернов успел бросить гранату, и после взрыва все стихло.

-Большаков, - вдруг раздался голос из глубины приоткрытой комнаты. – Признаюсь, мы тебя недооценили. Но, ты умный офицер, не будешь стрелять в свою невесту. И дашь возможность нам уйти.

Николай заглянул в открытую дверь кабинета. В середине комнаты на коленях стояли три пленника. Это был какой-то паренек в строительном комбинезоне, его Елена и ...генерал Неверовский, в грязном рваном свитере и джинсах. Видно было, что над ним тоже издевались - разбита губа, руки, видимо, связанные за спиной.

-Нет, разговора у нас не получится, - едва взглянув на заложников, ответил Николай. – Предлагаю отдать нам всех заложников и самому сдаться. Гарантирую, что ты не будешь убит. И скажи своим людям сдать оружие. Не хочу жертв.

-Ты сделал свой выбор. – Ответил голос из-за стенки. И сразу же раздался выстрел. – Ответ, как понимаешь, не верный...

Большаков увидел, как молодого паренька-строителя, словно от сильного толчка в грудь, отбросило к стенке, и он, обливаясь кровью, упал на деревянный пол.

Понимая, что бандиты не остановятся, не теряя ни секунды, лейтенант Евгений Чернов бросился к Родченковой и, схватив ее, закрыл собою. А Николай, в это же время, в прыжке выстрелил скорее на звук, туда, где прятался с автоматом неизвестный. Боевик, попятился назад, уперся о стену, и оставляя на ней кровавый след, рухнул.

Николай быстро поднялся и подбежал к нему – нет, это был не «Хирург», а совсем ему незнакомый молодой таджик.

В тот момент, когда, казалось, беда миновала, Николай краем глаза увидел, как бывший заложник Неверовский вдруг достал из-за спины руки, в которых оказались пистолеты. И не мешкая, генерал сделал выстрел в лейтенанта и, почти одновременно - в Большакова. Подполковник видел, что пуля попала Чернову куда-то в голову, а шею Николая что-то сильно обожгло, и он почувствовал, как кровь заливает китель. Вторая пуля прошла чуть ниже – в бронежилет.

Быстро среагировав, подполковник Большаков выхватил нож и метнул его в противника. Генерал Неверовский ойкнул, попятился, и стал быстро теряя равновесие заваливаться назад, все еще пытаясь вытащить нож из груди.

На улице продолжался бой. А здесь за стенкой, в коридоре штаба было относительно тихо. Внезапно Большаков отчетливо услышал гул шагов, видимо к его группе шла подмога спецназовцев.

-Значит, ты «Немеровский» и есть «Хирург»? – Зажав рану куском бинта, Николай подбежал к умирающему «генералу». – Зачем ты меня преследовал? Зачем убивал моих сослуживцев?

И тут внезапно входная дверь в комнату где-то там за спиной со скрипом открылась.

-**Любопытство – это грех**, - услышал он знакомый голос входящего.

На пороге комнаты в полевом натовском комбинезоне с зеленой повязкой на голове и с автоматом в руке стоял ...его друг Володя Беликов. - Сколько раз тебе об этом говорил. Ну, вот командир, не ожидал меня здесь увидеть? Уже, видимо, и похоронил?

-Коля, - быстро продолжил недавний «погибший зам», направив ствол автомата на Большакова. – Прошу тебя не делать никаких резких движений. Не забывай – сам меня натаскивал по спецподготовке. Теперь, так - ты мне и моим людям даешь уйти, а я тебе, так и быть, оставляю твою Елену. Договорились? Слово «Хирурга»....

-Володя? Ты остался жив? - Все еще не веря в увиденное, произнес офицер. - Никогда бы не подумал, что ты и есть «Хирург». Всегда считал, что Ширали Намиев – этнический таджик. Но ты ведь наш, русский!

-Увы, так иногда бывает, когда в семье мама русская, - широко улыбнулся Намиев. - Поэтому папа меня от всех и прятал, потом отправил подальше за границу. Там никому не было никакого дела – таджик я или русский. А потом я решил воспользоваться тем, что не похож на свое окружение. Особенно тогда, когда я узнал, что ты убил моего отца. Понял, что Аллах дал возможность отомстить. А ты, оказывается, еще и забрал мое наследство - вот этот пчак.

Беликов-Намиев достал из кармана кинжал.

-А ведь это не просто кинжал, - улыбнулся «Хирург», - это мое реальное безбедное наследство. Правда, жаль, что брат Али, или как ты его теперь уже знаешь как «генерала Неверовского», им уже не сумеет воспользоваться. Это не просто буквы, все выгравированные здесь буквы – это шифр, номер отцовского счета в швейцарском банке.

-Я же заранее приобрел документы и незапятнанную непроверяемую биографию некого реального погибшего милиционера Беликова. Организовал спектакль со спасением себя и тебя из той лесной операционной. Потом, воспользовавшись ключами твоего брата побывал у тебя дома. Помог твоему директору детдома смертельно упасть с лестницы. В Подмосковье организовал убийство нашего сверхсрочника с его невестой. Даже организовал тебе «смертельный» перелет из Анапы в Севастополь. Но ты, к моему удивлению, все выживал. А для того, чтобы знал, что это я рядом - везде оставлял тебе свой знак – **скальпель**.

-Все это время был с тобою рядом. Видел и радовался, как ты злишься, ловя воздух, а не меня. Пока ты думал, что я в Твери, я воевал в Чечне. Где и завербовал себе пакистанского офицера по позывному «Турист», того самого, которого, опять же по липовым купленным документам, ты знал, как Каримова. Потом помог ему попасть к тебе в МАЦ. А после того, как он ликвидировал видевших нас Бакиева и Спиридонова, а также твоего милиционера Курмангалиеву, то сделал все для того, чтобы его «случайно» застрелили, так удачно в то время подвернувшиеся, дезертиры.

-Ну и, наконец, «закрыв тему», организовав взрыв общежития. Правда, очень красиво получилось? Я сам даже прослезился, когда ты обо мне очень красиво говорил на кладбище. Выбора у меня не было – ты слишком близко подошел. Еще немного и ты мог выйти на меня сам.

-Но ведь мы на руинах обнаружили твои обгоревшие останки, - перебил его Большаков. – Мы их индентифицировали по нательному крестику.

-Ты прав, бомжей для подобных нужд в России хватает, - улыбнулся «Хирург». – Мы в Чечне зимой 95-го себе даже двойников для этих целей с Али сделали. И Спиридонов

на это купился. А потом ваши спецы в обгоревшей машине опознали «мои останки» лишь по золотой печатке. Причем - липовой. Оригинал остался у меня...

Он вытянул правую руку вперед, где на среднем пальце красовался золотой перстень с бриллиантом и буквой «А».

-А теперь, - «Хирург» показал Большакову на дверь. – Вечер воспоминаний объявляется закрытым. Твою девушку, как и обещал, оставляю, а мы с тобою уходим...

В коридоре Нимиев увидел в окно бегущих к штабу солдат и капитана Безродного. Понял, что вырваться будет сложно. Он повернулся к Большакову и, подняв на него автомат, тихо сказал:

-Увы, планы меняются. Всех увести не удастся. Будем уходить вдвоем только с тобою. В тебя наши орлы стрелять не будут. Но вот теперь твою девушку в живых оставить не смогу. Свидетель. Так, что извини, бывший командир...

Он поднял автомат. И в этот момент раздался глухой удар. «Хирург» удивленно повернулся лицом к двери, и выронил из рук оружие. Сильный удар по голове заставил его рухнуть на пол. В дверях стояла Елена Родченкова. В ее руке была разбитая о голову боевика огромная бутылка виски. Которую она совершенно случайно увидела у стола в кабинете.

-Ну вот, теперь мы квиты, - улыбнулся, переводя дыхание Николай. – Теперь уже, вне зависимости от твоего решения, я просто обязан взять тебя в жены.

-Ты мне в кафе в Приозерске тоже об этом говорил, - Елена поддалась на эту игру, и почувствовала, как ее медленно стал отпускать ранее сковавший страх. – А потом убежал. Вот, только в Чечне тебя и нашла, жених...

Они вышли на улицу. Бой уже закончился. Пленные боевики толпились у коровника, чуть в стороне лежало их брошенное оружие.

-Товарищ подполковник, - доложил старший лейтенант Безродный. – Нескольким боевикам удалось уйти. Я послал группу их догнать. Но, уверен, это не приведет ни к какому результату. Скорее всего, у них был специальный план отхода на такой случай.

-Никуда не денутся, - резко сказал Большаков. – Пусть теперь от нас прячутся, как тараканы. Всех уничтожим.

Мимо в медицинский вертолет пронесли на носилках раненного лейтенанта Чернова. Он был совсем бледный, голова перебинтована. Санинструктор сказал, что состояние тяжелое, нужна операция, но вроде жизни ничего не угрожает. Евгений на секунду открыл глаза, увидел командира и тихо с улыбкой прошептал:

-Не дождутся моей смерти. Морпехи не сдаются! Еще повоюем...

Вместе с заложниками и захваченными в плен боевиками спецназовцев эвакуировали наши армейские вертолетчики. Подполковник Николай Большаков первым же рейсом отправить отсюда свою Елену. А самому же ему нужно было доставить арестованного «Хирурга» в штаб группы в Моздок. И оттуда, уже бортом госбезопасности, должны были доставить именитого полевого командира в Москву. Чтобы судить.

Здесь, у корпуса вертолета, на корточках сидели арестованные боевики. Чуть в стороне от них – небольшой группой прямо на полянке расположились и их бывшие пленники, которых только что освободили из подвалов спецназовцы. Особо из бывших арестантов выделялся высокий и очень худой, с впалыми щеками и черными глазами подполковник в протертом до дыр камуфляже. Но не смотря на все ужасы плена, было видно, что он не утратил чувство собственного достоинства и даже там пытался помочь таким же, как и он, пленникам сохранить веру в то, что их обязательно освободят. Вот и сейчас он, как старший по возрасту и по званию, помогал быстрее загрузить людей в вертолет и отправить всех заложников подальше от этого страшного места.

Елена увидела его случайно. Постаревший, с большой седой бородой, он лишь немного был внешне похож на ее пропавшего без вести отца – подполковника Александра Родченкова.

-Папа! – Буквально завопила она и, все еще не веря своим глазам, бросилась на шею своему родному человеку. – Ты жив! Мама так и говорила! Женское сердце обмануть невозможно!

-А как ты здесь, Аленка? - Не менее поражен увиденным был и офицер. – Как ты, моя дорогая, оказалась так далеко от дома?

-Видимо, сидела в соседней от тебя яме, - вдруг обняла она отца и громко разрыдалась, от переизбытка чувств, прямо у него на груди. – Думала, что больше никогда ни тебя, ни маму не увижу. Сегодня, когда повели на допрос, даже с вами мысленно простилась. Этот «Хирург» притащил меня сюда из Приозерска, хотел использовать, как наживку. Заманить сюда моего жениха, а потом нас всех убить.

-Кстати, вот познакомься, - Елена быстро вытерла глаза и показала рукой на стоявшего рядом высокого молодого подполковника спецназа. – Это мой жених. Зовут Николай. Он и его ребята нас всех и спасли.

-Подполковник Александр Родченков, - бывший пленник протянул руку. – Заместитель командира учебной бригады по воспитательной работе. Ну и, конечно же, отец этого милого создания.

-Подполковник Николай Большаков, - взял под козырек спецназовец, и быстро пожал протянутую руку. – Начальник Межведомственного антитеррористического центра. Ну и, конечно же, Ваш потенциальный зять...

-Вверяю Вам наше сокровище, - Николай погладил по волосам Елену. – Теперь я спокоен. Вас доставят в «Северный», окажут медицинскую помощь, а оттуда уже вылетите в Москву. Так что до скорой встречи.

-А попросить отцовского благословения? – Вдруг с улыбкой подключилась к разговору Елена. – Ведь обещать – вовсе не значит жениться...

-Конечно, - быстро согласился Николай. И взяв Елену за руку быстро опустил ее на колено. – Прошу Вас благословить наше решение!

-Так тому и быть! – Приосанился Родченков. – Согласен!

Его последние слова утонули в аплодисментах его спецназовцев, медиков и летчиков.

«Хирург» пришел в себя. Сильно болела разбитая голова, забинтованная медиками. Он попробовал шевельнуться – бесполезно. Он связан по рукам и ногам. Огляделся - он сидел здесь же в здании собственного штаба, прислонившись спиной к стене.

Ширали был взбешен. Его точно выверенная многомесячная игра окончилась его же полным поражением. Ведь кто мог подумать, что этот его Сухроб, уехавший в областной центр, попадет в руки спецназовцев не после своей смерти, а до нее. Да, Намиев слишком поверил в свой успех, и не рассчитал этой мелочи.

-Ну что, вчерашний мой друг Беликов, сдулся? – Охранявший его капитан Безродный с какой-то брезгливостью посмотрел на своего недавнего сослуживца. – Какая же ты оказывается тварь, Володя!

-Запомни, шакал, - зло посмотрел на спецназовца Намиев. – Я никогда не был вашим другом Беликовым! Я бригадный генерал Ширали Намиев, с позывным «Хирург». И вы для меня навсегда были и останетесь только лишь врагами. Вы убили моего отца. И я до последнего своего вдоха буду с вами драться. Буду вас преследовать. Не будет ног – поползу. Не будет рук – буду вас грызть зубами....

Безродный не стал дослушивать, плюнул на пол, и вышел из комнаты.

Ширали понимал, что это конец. Он отчетливо слышал, как неподалеку сели несколько вертолетов. Видимо, забирать остальных - раненных и заложников.

Конечно, еще оставался вариант, что его доставят к коменданту на аэродром «Северный», для дачи показаний и проверки его слов. Пусть даже на несколько дней. Этого вполне хватит, чтобы передать через «своего» человека весточку в отряд, что он жив. А там опять в оборот пойдут деньги, и он вновь обретет свободу.

Гораздо хуже, если его сегодня оправят на ФСБ-шной вертушке непосредственно в Моздок. Там Ширали уже ничто не поможет. Гарнизон слишком хорошо охраняем, там много войск. Да и оттуда отправить в Москву проще.

Неужели ситуация такая безвыходная? Пока Безродного не было в комнате, у Намиева оставались несколько секунд, чтобы проверить, что есть в его карманах. Конечно же, пока он был в «отключке», все документы, оружие и «бухарский пчак» у него отобрали. Но, видимо, тщательно решили не проверять. Почти занемевшими пальцами он коснулся заднего кармана полевых брюк. Повезло! Он нащупал небольшую тревожную кнопку, которую ему, на всякий случай, порекомендовал вшить в карман брюк еще давно его друг Алишер. Активировав этот небольшой передатчик, у его отряда была реальная возможность отследить в радиусе до метра, где в данный момент находится их командир. Ширали нажал спасительную кнопку.

По негласному правилу, получив такой сигнал, спецподразделение отряда боевиков обязано было сделать все от них зависящее для освобождения командира. Ну, а в случае, если спасти его не удавалось, то командир подлежал ликвидации. При этом Намиев отлично понимал, что погибнуть в этом случае намного почетнее, чем до конца своих дней ходить в наручниках и с высоко поднятой задницей по темным этажам Соликамской тюрьмы. Так что необходимо было тянуть время...

-Послушай, Безродный, - Ширали посмотрел на вошедшего офицера. – Знаю, что живешь с голой попой. Поэтому хочу тебе предложить взамен на мое освобождение – десять миллионов американских долларов. Тебе и твоим внукам хватит. Уедешь отсюда. Новые документы купишь. Ты ведь хочешь жениться. А на своей собачьей службе ты столько никогда не получишь.

-Но ты же обманешь, - с улыбкой посмотрел на пленного Владимир. – Я тебя отпущу, а ты ничего мне не дашь.

-Давай начнем с мелочи, ты просишь у Большакова меня оставить здесь еще на сутки, - продолжил Ширали. – За это время я поищу, как отсюда удобнее выбраться, и все что нужно своим людям. А в Приозерске твоей теще привезут деньги.

-А откуда деньги? – Не понял офицер.

-Отцовское наследство, - парировал Намиев. – И еще миллион добавлю если мне принесешь любимый отцовский кинжал. Ну, который вы у меня отобрали.

-Я думал, что ты будешь более умным, - Безродный окинул взглядом связанного полевого командира. – Ты правильно сказал, что ты – враг! И врага мы уничтожаем!

Буквально следом в комнату зашел и Большаков. Он с отвращением посмотрел на пленного и кратко приказал:

-Володя! Этого «Хирурга» отнеси, как багаж, в вертолет. Летим в Моздок. Ты со мною.

Вертолет шел на высокой скорости очень низко над землей, едва не касаясь верхушек деревьев. Подобное могли себе позволить только лишь военные вертолетчики, люди сумевшие пройти череду «горячих точек», рисковавшие жизнью в Афганистане. И поэтому использующие свои боевые знания здесь, в «мирной» Чечне 1996 года.

Большаков раскрыл свою полевую сумку и посмотрел на лежащий там тот самый бухарский пчак. Если верить «Хирургу» в этих непонятных буквах зашифрован код. Хотя может Ширали это сказал просто так, для поднятия собственного авторитета. Но в любом случае, теперь этот злополучный кинжал он себе не оставит, надо передать военной контрразведке. Пусть сами разбираются с этим наследством «Хирурга», как и с ним самим.

Николай посмотрел в окно иллюминатора – внизу с бешеной скоростью летела земля. Почему то невольно подумал о том, что чем выше летим, тем менее заметна скорость. *Как и в жизни, если в молодости летаем в облаках, не обращая внимание на идущие*

годы, то позже, когда становимся старше, притягиваемся все ближе к земле, и годы уже не бегут, а просто летят.

Подполковник перевел взгляд на пленного Намиева, сидящего напротив. Вот ведь как в жизни получается, всего несколько часов назад этот человек хотел убить его, его Алёну. Конечно же, в ту минуту их просто спасла случайность. Да и Алёна показала свой характер. Помогла обезоружить «Хирурга».

В это время внезапно открылась дверь пилота, и в салон выскочил молоденький летчик.

-Что у вас здесь за передатчик работает? – Быстро спросил он. – Выключите немедленно. А то нас кто-то пытается пеленговать с земли. Вы вашего пленного досматривали? А то они могут нас и...

Летчик не успел договорить, как вертолет резко подбросило вверх, салон заполнил дым, а сквозь рваный корпус фюзеляжа Николай увидел приближающуюся землю. Винтокрылую машину резко закрутило, и она стала быстро падать на лес. Внезапно, что-то мелькнуло рядом и Николая сильно ударило по голове. Теряя сознание, он увидел, как Безродного неведомая сила подняла с лавочки и бросила к середине салона вертолета. «Хирург» как бы растворился в дыму.

Вертолет, сбитый с лесной полянки переносным зенитно-ракетным комплексом, упал в нескольких сотнях метров. Видимо летчики, даже после попадания ракеты, пытались спасти технику и людей, и отвели падающую машину от огромных деревьев, поближе к лугу. Но от удара лопнувший фюзеляж вертолета развалился уже на земле, и людей раскидало вокруг.

Подполковник Большаков попытался открыть глаза. Голова шумела. Он попробовал пошевелить руками и ногами. Вроде все цело. Он провел рукой по затылку и почувствовал липкое тепло крови. Она залила правое ухо, щеку.

Сколько он пролежал здесь Николай не помнил. Посмотрел в сторону – метрах в двадцати у самых деревьев догорал корпус его вертолета. Он попытался подняться, чтобы помочь пилотам, но встать не смог. Острый длинный кусок алюминиевого корпуса вертолета пробил ногу и мешал встать.

Но к Большакову пошатываясь, уже шел капитан Безродный. Его левая рука тоже была вся в крови и висела, как плеть. Но он был жив.

-Володя, - подполковник тихо попросил друга. – Посмотри где там наш пленник. Это видимо его сигнал пытался вновь отправить нас на тот свет.

Большаков осмотрелся. Пропал планшет. Видимо сбросило, во время падения. Очень аккуратно он вытащил железный кусок обшивки из ноги и попытался остановить кровь. Стало намного легче. Теперь Николай мог уже сам встать. Его поддерживал Безродный.

У небольшого оврага они увидели кровь. Рядом с небольшой лужицей лежала открытая полевая сумка Большакова. Кинжала там не было. А чуть в стороне лежали аккуратно перерезанные ножом окровавленные кусочки веревки. Судя по всему той самой, которой был связан «Хирург»...

Прибывшие на место трагедии на вертолетах спецназовцы констатировали только то, что тела Ширали Намиева им нигде в округе обнаружить не удалось. Правда, неподалеку были обнаружены следы протектора автомобиля «Жигули», к которым вели капли крови.

Сам же живой или мертвый «Хирург» бесследно исчез...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. БРАТЯ.

1. Нелегкий выбор.....
2. Он где-то рядом.....
3. Двойной капкан для спецназа.....
4. По кличке «Хирург».....
5. Госпиталь.....
6. Трудное детство.....
7. Младший брат.....
8. Золотая печатка.....
9. Неожиданное предложение.....
10. «Хирург» возвращается.....
11. С неограниченными полномочиями.....
12. Золотой запас России.....
13. Прерванный полет.....
14. «Теплое» место.....

ГЛАВА ВТОРАЯ. ГАРНИЗОН.

15. Баловень судьбы.....
16. Мы наш, мы новый.....
17. Необъявленная война.....
18. Пропавший без вести.....
19. Кто придумал «воров в законе».....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТЕНЬ «ХИРУРГА»

20. Нежданные гости.....
21. ЧП гарнизонного масштаба.....
22. Сила печатного слова.....
23. Ответный ход.....
24. «Я от генерала Миловидова».....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. КАПКАН ДЛЯ ТЕНИ

25. Чужая биография.....
26. Непредвиденная встреча.....
27. Кто вы, Эльдар Каримов?.....
28. В целях самообороны.....
29. К розыску приступить!.....
30. Алиби для Иуды.....
31. Запах денег.....
32. Прощальный сувенир.....
33. Рокировка.....
34. Маски сброшены.....

ОБ АВТОРЕ

Автор **СОЛДАТЕНКО Борис Борисович** – известный журналист, писатель, сценарист. Полковник запаса. Государственный советник юстиции РФ 2 класса. Автор бестселлера «Москва криминальная». Редактор военно-художественной студии писателей ЦДРА.

Этот детектив – попытка писателя рассказать о том, что творилось в нашей стране в середине 90-х. Раньше в моде был лозунг, что «Армия – слепок с государства». А если после распада СССР было очень больно наше общество, то, значит, была больна и наша армия. Как так могло получиться, что преступники вступили практически в открытое противостояние с сотрудниками ФСБ и армейскими офицерами – об этом рассказ в этой книге из серии «Мастера остросюжетного военного детектива».